

ISSN 1999-2629

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

POLITICAL LINGUISTICS

3(41)'2012

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

3(41)'2012

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Включен в каталог Роспечать. Индекс 81955
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 19.02.2010 №6/6

Екатеринбург 2012

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

доктор философии, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор философии, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. А. ВИНОГРАДОВ (Москва, Россия)

доктор философии, профессор Дж. ДАНН (Глазго, Великобритания)

ректор УрГПУ, доктор пед. наук, профессор Б. М. ИГОШЕВ (Екатеринбург, Россия)

доктор философии, профессор И. ИНЬИГО-МОРА (Севилья, Испания)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

доктор философии, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологии, профессор П. ЧЕРВИНЬСКИ (Катовице, Польша)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПОЛЯКОВА

Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ФГБОУ ВПО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2012. – Вып. 3 (41). – 206 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает четыре основных раздела – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура» и «Классика политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш107

Благодарим Министерство образования и науки РФ за материальную поддержку проекта в рамках госзадания № 6.2985.2011 — «Политическая метафорология».

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
ВЫПУСК 3 (41)

Подписано в печать 18.09.2012. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. — 21,4. Тираж 500 экз. Заказ 3954.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВПО «УрГПУ», 2012

© Политическая лингвистика, 2012

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

3(41)'2012

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)
Vladimir N. Bazylev Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Petr Cerwinski Ph.D., Prof. (Katowice, Poland)
John Dunn, Ph.D., Prof. (Glasgow, the UK)
Boris M. Igoshev, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Isabel Iñigo-Mora, Ph.D., Prof. (Seville, Spain)
Vasiliy V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)
Eleonora Lassan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Viktor A. Vinogradov, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)

Ekaterinburg 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	8
------------------	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Антонова Ю. А. Руженцева Н. Б. Екатеринбург, Россия	Межнациональный дискурс: к проблеме описания (российско-китайские дискурсивные практики).....	9
Воркачев С. Г. Краснодар, Россия	«Быдло» как ключевое слово Рунета	16
Иссерс О. С. Омск, Россия	«Кремлевский репортаж»: старый жанр в новой рамке	27
Сковородников А. П. Копнина Г. А. Красноярск, Россия	Способы манипулятивного речевого воздействия в российской прессе	36
Купина Н. А. Екатеринбург, Россия	Идеологема «иностранный агент»: три дня в июле 2012 года.....	43
Наумова И. О. Харьков, Украина	Мировой финансовый кризис и его отражение в лексике и фразеологии русского и английского языков	49
Стексова Т. И. Новосибирск, Россия	«Послание президента» как жанр политической коммуникации	58

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Алексеева А. А. Новосибирск, Россия	Политические портреты В. В. Путина и Д. А. Медведева (на материале современной прессы и ассоциативного эксперимента)	64
Колтышева С. Я. Челябинск, Россия	Метафорическая модель «Шоу-бизнес — мир сказок и мифов» в дискурсе российских СМИ	81
Королева Г. Г. Уфа, Россия	Специфика визуальной семиотической системы в американских политических рекламных роликах	87
Осипов Г. А. Майкоп, Россия	«Конституция», «свобода», «президент»: когнитивно-прагматические особенности политических идеологем в современном американском политическом дискурсе	95
Тагильцева Ю. Н. Екатеринбург, Россия	Экстремистские материалы как инструмент информационно-психологической войны	99
Шатилов А. С. Санкт-Петербург, Россия	Лингвистическая характеристика текстов избирательных кампаний 1998, 2007, 2011 гг. (лексико-стилистический аспект).....	103
Шустрова Е. В. Екатеринбург, Россия	Авторская трактовка образа Бога в афроамериканском литературном дискурсе XVIII—XX вв.....	108

Юзефович Н. Г. Хабаровск, Россия	Интерлингвокультурный подход к исследованию межкультурного политического диалога 123
--	---

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Багдасарян О. Ю. Екатеринбург, Россия	«Не старайся облегчить свою память забвением»: вторичный сюжет как преодоление истории («Забыть Герострата!» Г. Горина)..... 128
Барковская Н. В. Екатеринбург, Россия	«Оторвали мишке лапу...»: игрушки советского детства в постсоветской поэзии 133
Власов С. В. Москва, Россия	Публицистика Распутина: продолжение славянофильской журналистской традиции 138
Гималетдинова Г. К. Казань, Россия	Лингвистические основы интерактивной газетной статьи: к постановке вопроса 143
Логонова Н. В. Екатеринбург, Россия	Добровольчество как социальное явление: опыт презентации концептуального словаря..... 149
Орехова Е. Н. Майкоп, Россия	Прецедентные феномены как средство приращения смысла (стилистический уровень) 157
Перовская Т. И. Первоуральск, Россия	VIP: к истории проникновения аббревиатуры в русский язык..... 166
Сидорова В. В. Волжский, Россия	Прецедентный мир Дж. Р. Р. Толкина в политическом дискурсе американских и российских СМИ 170
Терских М. В. Омск, Россия	Социальная ответственность как ключевая категория современного рекламного и PR-дискурса 178

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Серио П. Лозанна, Швейцария Пер. с фр. О. Г. Путырской	Языкознание ресентимента в Восточной Европе..... 186
---	--

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Ворошилова М. Б. Екатеринбург, Россия	Кризис — ключевое слово текущего периода: история изучения 200
---	--

Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика» 204
--

CONTENTS

EDITORIAL 8

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Antonova Yu. A. Ruzhentseva N. B. Ekaterinburg, Russia	Cross-national discourse: to the problem of description (Russian-Chinese discursive practices) 9
Vorkachev S. G. Krasnodar, Russia	“Bydlo” as Runet key word 16
Issers O. S. Omsk, Russia	«Kremlin reportage»: old genre in a new frame 27
Skovorodnikov A. P. Kopnina G. A. Krasnoyarsk, Russia	Ways of manipulative speech influence in Russian press 36
Kupina N. A. Ekaterinburg, Russia	Ideologem: “Foreign agent”: 3 days in July 2012 43
Naumova I. O. Kharkiv, Ukraine	The global financial crisis and its reflection in Russian and English vocabulary 49
Steksova T. I. Novosibirsk, Russia	«President’s address» as a genre in political communication 58

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Alekseeva A. A. Novosibirsk, Russia	The political portraits of V. Putin and D. Medvedev (on the material of the modern press and the associative experiment) 64
Koltysheva S. Y. Chelyabinsk, Russia	The metaphorical model “Entertainment is the world of tales and myths” in Russian mass-media discourse 81
Koroleva G. G. Ufa, Russia	Specificity of visual semiotic system in American political commercials 87
Osipov G. A. Maikop, Russia	«Constitution», «Freedom», «President»: cognitive pragmatic peculiarities of political ideologems in modern American political discourse 95
Tagiltseva Yu. R. Ekaterinburg, Russia	Extremist materials as a tool of informational and psychological war 99
Shatilov A. S. St. Petersburg, Russia	Linguistic characteristics of electoral campaign texts of 1998, 2007, 2011 (lexical and stylistic aspect) 103
Shustrova E. V. Ekaterinburg, Russia	Representation of God in African American literature of XVIII—XX c. 108

Yuzefovich N. G. Khabarovsk, Russia	Interlingo-cultural approach to the study of cross-cultural political dialogue	123
---	---	-----

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Bagdasaryan O. Yu. Ekaterinburg, Russia	“Do not try to relief your memory falling into oblivion”: “Secondary text” as a breaking of history (“Forget Herostratus!” by G. Gorin)	128
Barkovskaya N. V. Ekaterinburg, Russia	«Otorvali mishke lapu...» («The teddy bear has its leg torn...»): toys of the Soviet childhood in Post-Soviet poetry	133
Vlasov S. V. Moscow, Russia	Social and political essays by Rasputin: continuation of Slavophil journalistic tradition	138
Gimaletdinova G. K. Kazan, Russia	Linguistic fundamentals of participatory news article: the presentation of the problem.....	143
Loginova N. V. Ekaterinburg, Russia	Voluntary work as a social phenomenon: experience of presentation of the conceptual dictionary	149
Orekhova E. N. Maikop, Russia	Precedent phenomena as a means of contextual implication of meaning on a stylistic level.....	157
Perovskaya T. I. Pervouralsk, Russia	VIP: history of penetration of this abbreviation in the Russian language	166
Sidorova V. V. Volzhsky, Russia	J. R. R. Tolkien’s precedent world in the political discourse of the American and Russian mass media.....	170
Terskikh M. V. Omsk, Russia	Social responsibility as a key category of the modern advertising and PR discourse	178

PART 4. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Seriot P. Lausanne, Switzerland <i>Transl. from French by O. G. Putyrskaya</i>	Linguistics of resentment in Eastern Europe	186
---	---	-----

PART 5. REVIEWS. CHRONICLE

Voroshilova M. B. Ekaterinburg, Russia	Crisis — key word of the present period: history of research	200
--	---	-----

Manuscripts requirements	204
--------------------------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уже не новость, что все поступающие в редакции научных журналов УрГПУ статьи с мая 2012 г. тестируются в системе «Антиплагиат». Она быстро подсчитывает, на сколько процентов оригинален текст и откуда именно автор позаимствовал предложения, абзацы или страницы. Например, недавно к нам пришла статья со степенью оригинальности 27 %. Снова удивляемся: неужели невозможно было хотя бы частично изменить фразы? Или это показалось излишне трудоемким? Или некогда было этим заниматься?

Разумеется, подобные «исследования» возвращаем так называемым «авторам» с указанием источника заимствования и добрыми пожеланиями.

Как и в прошлый раз, обнаружались авторы, которые отнюдь не занимаются плагиатом, но посылают в наш журнал СВОИ СОБСТВЕННЫЕ исследования, ранее напечатанные в других изданиях. При этом в лучшем случае несколько редактируют текст, расширяют библиографию, включают дополнительный материал. Другие претенденты на публикацию относятся к собственным публикациям как к Библии, то есть не меняют в них ни слова, сохраняя даже опечатки.

Подобные «исследования» также возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

Мы по-прежнему не решаемся начать публиковать фамилии героев, поскольку предполагаем, что все это происходит случайно...

Во всем остальном мы сохраняем традиции и стремимся следовать основным принципам нашего журнала.

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой конкретной страны.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или

редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а поэтому ответственность за подбор и точность цитат, за возможные опечатки или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Мы не располагаем средствами для оплаты труда профессиональных переводчиков. Вполне возможно, что переводчики-волонтеры не всегда блестяще справляются со своей работой, но мы надеемся, что публикуемые переводы дают достаточно точное представление о содержании оригинальных текстов.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

С содержанием предшествующих выпусков данного журнала можно познакомиться на сайте cognitiv.narod.ru, а также на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета journals.uspu.ru. На сайте cognitiv.narod.ru размещены также другие публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики. Мы готовы удовлетворить заявки на пересылку этого и предшествующих выпусков в печатном варианте.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

С уважением

и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф. Анатолий Прокопьевич Чудинов,

д-р филол. наук, доцент Эдуард Владимирович Будаев,

канд. филол. наук, доцент Мария Борисовна Ворошилова,

канд. филол. наук Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27; 16.41.53

Код ВАК 10.02.20; 10.02.22

Н. Б. Руженцева, Ю. А. Антонова
Екатеринбург, Россия

N. B. Ruzhentseva, Yu. A. Antonova
Ekaterinburg, Russia

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС: К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ

(российско-китайские дискурсивные практики)

Аннотация. Предпринимается попытка описания сложного феномена межнационального дискурса как системы общедискурсивных характеристик и частных дискурсивных практик, обозначены проблемы, связанные с его изучением, намечены некоторые пути решения этих проблем.

Ключевые слова: дискурс; межнациональный дискурс; Россия; Китай; характеристики дискурса; дискурсивные практики; участники дискурса; национально-ментальные особенности; базовые ценности дискурса.

Сведения об авторе: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, n-м Космонавтов, 26, к. 285.
e-mail: verbalis@mail.ru.

Сведения об авторе: Антонова Юлия Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, n-м Космонавтов, 26, к. 285.
e-mail: jonktau@gmail.com.

CROSS-NATIONAL DISCOURSE: TO THE PROBLEM OF DESCRIPTION (Russian-Chinese discursive practices)

Abstract. An attempt is undertaken to describe a complex phenomenon of cross-national discourse as a system of general and special discursive practices. Problems connected with this study are singled out, ways to solve them are outlined.

Key words: discourse; cross-national discourse; Russia; China; characteristics of discourse; discursive practices; participants of discourse; national mental peculiarities; basic values of discourse.

About the author: Ruzhentseva Natalia Borisovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

About the author: Antonova Yuliya Anatolievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

С конца 1990-х — начала 2000-х гг. дискурсивные исследования являются одним из самых приоритетных направлений лингвистики. Существуют разные подходы к описанию феномена дискурса, например исторический, однако на первый план выходят подходы типологический и собственно описательный, предполагающие детальное рассмотрение видов дискурса и основных характеристик каждого из них. Так, В. И. Карасик, положив в основу классификации такой дискурсивный признак, как участники общения, выделяет два основных вида дискурса: персональный и институциональный — и их основные разновидности (художественный, научный, философский диалоги, научный, политический, религиозный, педагогический, медицинский, военный, юридический, дипломатический, деловой, рекламный, спортивный и др.) [Карасик 2000: 5—20].

Однако общая характеристика дискурсивных разновидностей еще только разра-

батывается, в связи с чем распространено узкое понимание дискурса. Например, методический дискурс определяется как «совокупность текстов, в которых репрезентировано специальное знание о методике преподавания иностранных языков» [Ивинских 2012: 8]. Такая трактовка дискурса совершенно не отражает сущность этого феномена — «связного текста в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текста, взятого в событийном аспекте; речи, рассматриваемой как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмов их сознания (когнитивных процессах). Дискурс — это речь, „погруженная в жизнь“» [Арутюнова 1990]. В свете этого текст в дискурсивных исследованиях рассматривается не как хранилище информации, способ «репрезентации специального знания», но как многофункциональный

Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект 12-04-00175а «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность»

© Руженцева Н. Б., Антонова Ю. А., 2012

элемент дискурса: «...это и средство коммуникации, и способ хранения и передачи информации, и отражение психической жизни индивида, и продукт определенной исторической эпохи, и форма существования культуры, и отражение определенных социокультурных традиций» [Прохоров 2006: 12]. Вышеприведенное определение, данное Н. П. Ивинских, применимо не к термину «дискурс», а скорее к понятию «сверхтекст», получившему известное распространение в начале 1990-х гг., а затем полностью вытесненному словом «дискурс». Непонимание сущности дискурса, незнание признаков и характеристик того или иного дискурса ведет, на наш взгляд, к множественным исследовательским недочетам, так как именно дискурсивные характеристики часто являются отправной точкой при изучении языкового, речевого и текстового материала.

Всё сказанное обусловило наше обращение к понятию «межнациональный дискурс», которое требует раскрытия и обоснования в связи с увеличением количества исследований в областях межкультурной коммуникации, контрастивной лингвистики, методики преподавания русского языка как иностранного, а также исследований коммуникативного поведения людей разных национальностей. На российско-китайском материале мы попытаемся обозначить те проблемы, которые, на наш взгляд, необходимо решать при описании любого межнационального дискурса.

Межнациональный дискурс синкретичен и охватывает широкую сферу коммуникативного взаимодействия людей двух разных национальностей. К конкретному межнациональному дискурсу приложимы лишь наименования типа «российско-китайский», «российско-немецкий», «российско-американский» и т. д. Двойная представленность участников такого дискурса отличает его от интернационального дискурса (коммуникативного взаимодействия людей, принадлежащих к множеству национальностей). Понятие «межнациональный дискурс» объединяет частные дискурсивные практики, например: межнациональный педагогический дискурс, межнациональный политический дискурс, межнациональный рекламный дискурс, межнациональный научно-методический дискурс и др. С опорой на дискурсивные исследования В. И. Карасика [Карасик 2000, 2003, 2004] попытаемся представить наше понимание межнационального дискурса, его характеристики и проблемы, связанные с его изучением.

Под межнациональным дискурсом прежде всего мы понимаем речь и ее порождение — текст, взятые в контексте

межнационального взаимодействия. В то же время межнациональный дискурс можно рассматривать как совокупность самых разных дискурсивных практик (частных разновидностей дискурса), включающих развернутые во времени прямые и опосредованные контексты взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам, а часто и к языковым семьям. Взаимодействие понимается нами и как совместное действие людей двух разных национальностей (например, совместная работа по созданию учебника по русскому языку как иностранному или совместная работа иностранного аспиранта и его научного руководителя, направленная на поиск научной истины), и как речевое взаимодействие в рамках двух языков, двух языковых сознаний, двух лингвокультур, двух менталитетов, взятое в ракурсе четырех основных видов речевой деятельности — говорения, слушания, письма и чтения, — в совокупности с экстралингвистическими факторами и ситуативным контекстом. Примером реализации последнего понимания дискурса может служить деятельность китайско-российского телеканала (ССТV), который предлагает российским телезрителям передачи о Китае на русском языке, уроки китайского языка, проводимые российскими преподавателями, и т. д.

Хотелось бы подчеркнуть следующее: не надо смешивать межнациональный дискурс с параллельными дискурсами (российский политический дискурс — китайский политический дискурс; российский педагогический дискурс — китайский педагогический дискурс и др.). Эти дискурсы могут быть описаны **в параллельно-сопоставительном ключе**, например при раскрытии темы «Метафорическое моделирование в российском и китайском политическом дискурсе». Исследование данного вопроса предполагает: 1) выявление закономерностей метафорического моделирования а) в российском политическом дискурсе и б) в китайском политическом дискурсе; 2) сопоставление репертуара и иерархии метафорических моделей в двух видах дискурса. В данном случае речь идет о двух дискурсах, объединенных общей сферой общения — политической. В свою очередь, описание частной разновидности межнационального дискурса проводится **в едином ключе**; формулировка темы может быть такой: «Специфика жанра объявления в российско-китайском рекламном дискурсе». Раскрытие такой темы, на наш взгляд, предполагает, что при текстопорождении рекламного сообщения взаимодействовали две национальные стороны: *китайский автор — российский адресат*

(или: *китайский автор — российский редактор — российский адресат*). Здесь речь идет об одной разновидности дискурса — межнациональном российско-китайском рекламном дискурсе.

Мы считаем, что основных проблем описания межнационального дискурса две: во-первых, неоднородность межнационального дискурса, который, как, впрочем, и любой мононациональный дискурс, является совокупностью частных дискурсивных практик, соотнесенных с той или иной сферой деятельности, во-вторых, высокая сложность требуемого осмысления характеристик межнационального дискурса с точки зрения его конкретной разновидности и корректного приложения этих характеристик к различным дискурсивным практикам.

Приведем наиболее общие характеристики межнационального дискурса (попутно заметим, что учет последних необходим и при исследовании параллельных дискурсов).

1. НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ДИСКУРСА. Чтобы корректно описать национальную специфику любой разновидности межнационального дискурса (российско-китайского экономического дискурса, российско-китайского художественного дискурса и др.), необходимо учесть если не все, то хотя бы некоторые факторы, наиболее часто актуализируемые в дискурсивной практике, к которым относятся:

- **широко трактуемая национальная форма выражения мысли на уровне устного/письменного текста или отдельного высказывания.** Так, при описании межнационального взаимодействия в рамках художественного дискурса, где автор — китаец, а читатель — россиянин, обязательно должны быть учтены различия в формах оценки героев. «Оценка героев может быть дана при помощи терминов родства, которые обычно употребляются в обращениях: „старший брат“, „младший брат“, „дядюшка“, „дедушка“, „кума“. Самые частотные — это слова „гагэ“ (*старший брат*) и „диди“ (*младший брат*), которые употребляются обычно в паре и характеризуют подчиненное положение одного из персонажей», — пишет Н. Н. Репнякова, исследуя картину мира в китайских сказках о животных [Репнякова 2009: 348—349]. При описании межнационального взаимодействия в рамках рекламного китайско-российского дискурса необходимо иметь в виду, что для речи китайца, пишущего на русском языке, характерны следующие особенности: излишняя для рекламного текста длина предложений, избыточная относительно темы и общего объема текста информация, неточное словоупот-

ребление, стилистически некорректные конструкции, неверное представление числительных и некоторые другие, связанные с различием двух неродственных языков на всех уровнях языковой системы. Проиллюстрируем это отрывком из рекламного путеводителя по Шанхаю: *В период исторического развития Шанхая, полного превратностей судьбы, от вынужденного открытия его внешнему миру до учреждения в 30-ых гг. 20 в. иностранных концессий, вплоть до сформирования международного мегаполиса, ул. Донолулу и прилегающая к ней территория наиболее полно отражают этот исторический отпечаток и культурный ракурс;*

- **национальная концептосфера и система концептуальных представлений.** Полученные в ходе ассоциативного эксперимента данные о различиях представлений, связанных с концептом «счастье», свидетельствуют о следующем (слова-реакции представлены в цитируемом фрагменте по степени убывания частотности): «Доминирующими признаками при поиске синонимов русской лексики „счастье“ выявились „любовь“, „радость“, „удача“, „успех“; в ассоциативном синонимическом ряду китайской лексики — „веселье“, „радость“, „здоровье“, „любовь“. Получается, что в основе понимания категории „счастье“ в китайском сознании лежит не чувство (ср. рус. „любовь“), а состояние — кит. „веселье“. Стоит отметить, что веселье, радость воспринимается китайцами как проявление счастья» [Глотова, Клапотовская 2009: 238];

- **национальные нормы, символы и традиции.** Например, розовый цвет в российской культурной традиции ассоциируется с розой (светло-алый), а в китайской это светло-красный цвет, не вызывающий ассоциативных представлений о розе; желтый ассоциируется в российской культурной традиции с цветом яичного желтка, спелых злаков, золота, а в китайской — с золотом, подсолнухом, цветками китайской тыквы и т. д. [Гуз 2009: 1999]. Различия наблюдаются и в символике чисел. Так, число «4» в российской культурной традиции указывает на любовь, а в китайской — на смерть; «666» в России считается «числом дьявола», а в Китае это символ богатства;

- **национальные (вербальные и невербальные) особенности коммуникативного поведения** (принимать их во внимание важно при описании обиходно-бытового и делового дискурсов). Так, «специфической особенностью русского языка является обилие и разнообразие суффиксальных форм имени... Наиболее употреби-

тельные обращения-имена со следующими суффиксами: *-очк-* (*Лена-Леночка*), *-еньк-* (*Катя — Катенька*), *-ушк-* (*Егор — Егорушка*, *Люба — Любушка*)... Что касается китайского языка, то суффиксальные формы обращения по имени в нем не употребительны, так как чиновничество остается в настоящее время, как и прежде, одной из наиболее прочных норм поведения народа» [Елфимова, Тан Сюецзин 2009: 204—205]. Различий в коммуникативном поведении россиян и китайцев множество. Например, в России документы (паспорт, деньги), как правило, подают одной рукой, а в Китае — двумя (в знак уважения). В Китае на улице практически невозможно встретить целующуюся пару, в России это — частое явление. В русских ресторанах благодарят словесно («Спасибо за прекрасный ужин!»), а в китайских гость иногда может вместо слов стучать пальцами по столу, и т. д.;

• **национально-ментальные и собственно культурологические особенности**, находящие отражение как в содержании, так и в форме высказывания. Так, безличные конструкции, очень характерные для русской речи, абсолютно не характерны для китайской речи, и это имеет глубинные национально-ментальные корни. Для россиян «стремление не называть себя в качестве деятеля восходит к языческому периоду. Среди основных причин, вызвавших исчезновение в предложении субъекта/деятеля, исследователи отмечают умалчивание имени тотема и незнание законов природы, вызвавших то или иное явление или состояние. С этой точки зрения бессубъектная (неагентивная) форма предложения может быть отнесена к „конспирированной ранее сакральности“... Но в китайском языковом сознании человек всегда выступает носителем активного начала, что сделало невозможным возникновение аналогичных конструкций в языке» [Владимирова 2009: 23—24].

В качестве примера отсутствия в китайском языке бессубъектных конструкций приведем не совсем корректные, требующие правки переводы с китайского языка на русский:

Китайский вариант	Правильный русский перевод	Неправильный русский перевод
<i>Та хэнь шу фу ди цзо цзай ша фа шан.</i>	<i>Ей было уютно в мягком кресле.</i>	<i>Она сидит в мягком кресле очень уютно.</i>
<i>Та мэнь цзай мэй ю шао нуань ци дэ фан цзьянь ли хэнь лэн.</i>	<i>Им было холодно в нетопленной комнате.</i>	<i>Они сидят в нетопленной комнате холодно.</i>
<i>Шан юань дэ бин цин и цзин мин сянь хао чжуань.</i>	<i>Раненому уже было значительно лучше.</i>	<i>Раненый уже значительно восстановил.</i>

2. ШИРОКИЙ ДИСКУРСИВНЫЙ КОНТЕКСТ, под которым мы понимаем взаимоотношения двух государств в тот или иной исторический период. Например, во время культурной революции, продолжавшейся с мая 1966 г. по октябрь 1976 г., были ограничены межгосударственные контакты России и Китая и межличностные отношения их граждан, что не могло не повлиять на наполняемость межнационального дискурса, репертуар, форму, содержание и тональность текстов, входящих в его состав, и т. д.

3. ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДИСКУРСА. Хронотоп межнационального общения целесообразно рассматривать с учетом вида дискурса. В обиходно-бытовом дискурсе встречаются диалоги, слабо развернутые во времени (дружеские беседы, диалоги-просьбы, диалоги — выяснения положения вещей и др.). Отражение межнационального взаимодействия в газетно-журнальном дискурсе достаточно развернуто во времени. Примером развернутости газетно-журнального дискурса во времени может служить интервью знаменитого китайского актера Мэй Лань-фана в советских газетах 1935 г. и текст выступления Д. Медведева в центре русского языка Даляньского института иностранных языков в сентябре 2010 г.

4. УЧАСТНИКИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА характеризуются в зависимости от вида дискурса: российский преподаватель — китайский студент и наоборот (в педагогическом дискурсе); китайский автор рекламного текста — российский адресат рекламы, например туристической; друзья (россиянин и китаец) в обиходно-бытовом дискурсе; руководители совместных фирм с российской и китайской стороны, а также их подчиненные, поставщики, клиенты, конкуренты — в управленческом дискурсе; научный руководитель с российской стороны и его аспирант, авторы совместного учебника или монографии, участники межнационального форума из России и Китая — в научно-методическом дискурсе; китайские и российские юристы, участвующие в составлении международного договора, — в юридическом дискурсе и т. д.

5. Базовые ценности межнационального дискурса — это терпимость, толерантность, отсутствие проявлений ксенофобии, этнофобии, речевой агрессии, стремление к межнациональному диалогу, взаимопониманию, равенству. Частной формой репрезентации базовых ценностей являются субъектно-адресатные взаимоотношения, которые характеризуются в зависимости от вида дискурса, например отношения равенства/нера-

венства в педагогическом, обиходно-бытовом, газетно-журнальном и управленческом дискурсах. При описании базовых ценностей межнационального дискурса мы считаем абсолютно необходимым обращение к этическим (религиозным) ценностям двух культур, отраженным в христианской и конфуцианской философии и морали, например к понятиям *жэнь* (человеколюбие, человечность, гуманность) и *ли* (принцип, призванный устанавливать гармоничные отношения между людьми). В обиходно-бытовой, педагогической и некоторых других разновидностях межнационального дискурса отражены и более частные этические нормы (правила речевого и неречевого поведения), которые исследователь не может не учитывать, ср.: «Китайцы без стеснения сообщают преподавателю о желании посетить туалет и не видят ничего предосудительного в том, чтобы объяснить свое опоздание на занятие необходимостью отправления естественных потребностей... А вот разговор о человеческих чувствах вызывает смущение: студенты-китайцы избегают публичных проявлений собственных эмоций, разговоров о чужих переживаниях, понять чужое внутреннее состояние тем более не берутся» [Стародубцева 2009: 269].

6. Основная цель межнационального дискурса — продуктивный диалог между представителями различных национальностей и культур. Эту цель надо иметь в виду при описании любого вида межнационального дискурса. Ведущая интенция межнационального дискурса реализуется в такой основной стратегической разновидности, как кооперативная стратегия, которая направлена на организацию успешного общения в соответствии с принципами взаимодействия, взаимопонимания и сотрудничества. При описании основной и частных стратегий межнационального дискурса, например стратегии перехода от этноцентризма к этнорелятивизму, надо обращать особое внимание на негативные факторы, ведущие к реализации оппозитивной (некооперативной) стратегии. Среди них выделяется нарушение правила доброжелательного сотрудничества, которое ведет к разного рода проявлениям агрессии, конфликтам, «ингрупповому фаворитизму», т. е. формированию позитивного образа лишь своей культуры, утверждению ее превосходства над другими.

7. Жанровый корпус межнационального дискурса определяется его видом (рекламный дискурс включает корпус рекламных жанров: слоган, рекламное объявление, рекламную статью и др., а научно-методический — статьи, монографии и т. д.). описа-

ние жанрового корпуса необходимо, на наш взгляд, для любой частной разновидности межнационального дискурса; проблемы для описания представляют различия между жанровым наполнением корпусов, жанрообразующими признаками. Кроме того, сложность представляет выделение специфических признаков тех жанров, которые создаются совместно. Так, учебник, содержащий сведения о Китае, для китайцев, изучающих русский язык, может иметь параллельную структуру: авторский теоретический материал и система вопросов даются на одной странице (параллельно на китайском и русском языках). Так сделано, например, в учебнике по страноведению профессора Сунь Вэньфана (переводчики — Н. Э. Гурбанова, С. В. Цыретарова). В то же время учебник «Интенсивный курс русского языка как второго иностранного. Научный стиль речи», опубликованный в издательстве «Цзянсу» в 1986 г., как показал анализ Т. В. Васильевой, сделан преимущественно по принципу хрестоматии: «Учебник составлен из фрагментов учебных пособий, изданных в 70-е годы в СССР и написанных такими известными авторами, как Г. И. Володина, С. П. Курганова и др. (1977); А. Р. Арутюнов, Н. С. Ожегова, Ю. Е. Прохоров (1979); Л. А. Клокова (1974); В. И. Максимов (1977); В. И. Митрохина, О. Г. Мотовилова (1977) и другими... Пожалуй, единственное, чем данный учебник отличается от подобных советских изданий: в нем много комментариев на китайском языке, подробно объясняющих каждое лексико-грамматическое явление, а также задания на переводы с русского на китайский и с китайского на русский языки» [Васильева 2003: 116]. Приведенные примеры демонстрируют по крайней мере два типа межнационального взаимодействия при создании текста в жанре учебника: «авторский учебник — российские переводчики» и «хрестоматия из произведений русских авторов — комментарии и задания китайских русистов».

8. Прецедентные феномены, которые иногда рассматриваются как дискурсивный признак, должны, на наш взгляд, считаться таковыми не во всех видах межнационального дискурса. Они важны для описания межнационального художественного дискурса, газетно-журнального дискурса, туристического дискурса, учебно-методического дискурса и некоторых иных разновидностей, текстовая составляющая которых свидетельствует о том, что прецедентные феномены можно считать дискурсивнообразующим признаком. Так, для китайского художественного дискурса очень важен прецедент-

ный феномен «врата Истины», восходящий к классическому роману «Путешествие на Запад» и означающий *'порог, отделяющий земной мир от небесного'*. Прецедентные феномены-китаизмы обыгрываются и в российском художественном дискурсе, ср. выражение «благородный муж», восходящее к конфуцианскому учению о цзюньцы («благородном муже»). Прецедентные феномены-китаизмы могут сочетаться с русскими прецедентными феноменами, готовыми и трансформированными выражениями: *Буддистом можешь ты не быть, но благородным мужем быть обязан* (О. Трофимова). Однако прецедентные феномены играют гораздо менее значительную роль в таких дискурсах, как экономический, инженерный, управленческий, юридический, поэтому при изучении данных разновидностей исследователям не обязательно уделять пристальное внимание прецедентным феноменам.

Таким образом, при описании любой разновидности межнационального дискурса исследователь предварительно должен ответить по крайней мере на следующие вопросы:

1. Что именно исследуется: параллельные дискурсы или частная разновидность межнационального дискурса?

2. Что представляют собой взаимодействующие участники общения с той и с другой стороны? Как происходит их взаимодействие? Является ли оно совместной деятельностью или участники взаимодействуют опосредованно: через книги, СМИ, Интернет и т. д.? Например, при описании китайско-русского кино- или теледискурса возможна такая схема: китайский автор источника материала для сериала (например, Ло Гуаньчжун, автор классического китайского романа «Троецарствие») → китайский режиссер и сценарист фильма с одноименным названием → китайские переводчики, составители субтитров на русском языке → российские зрители, для которых предназначен фильм «Троецарствие» с субтитрами на русском языке.

3. Какие формы (жанры) той или иной разновидности межнационального дискурса подлежат описанию? Какова национальная специфика этих форм?

4. Какие характеристики наиболее существенны для анализа той или иной жанровой формы в рамках частной разновидности межнационального дискурса? Так, обиходно-бытовой межнациональный дискурс (в котором преобладают диалоговые жанры) в принципе нельзя исследовать без учета широких расхождений в национальных обычаях и традициях. Например, если кассир в россий-

ском супермаркете спросит у говорящего на русском языке китайца: *«Пакет нужен?»* — то китаец может не понять, о чем идет речь, так как в Китае при покупке продуктов не принято продавать еще и пакеты. В свою очередь, если россиянин, владеющий китайским языком, попросит в китайском магазине селедочки, то китайский продавец даже не поймет, о чем идет речь: в Китае не употребляют селедку, свеклу, творог (кроме соевого) и ряд других привычных нам продуктов питания.

5. Какие различия между участниками общения в той или иной разновидности межнационального дискурса представляются принципиальными для его описания? Какие факты деструкции межнационального дискурса наблюдаются?

В целом описание любой разновидности межнационального дискурса возможно только с учетом лингвокультурологических и национально-ментальных характеристик, которые для российской и китайской культур удачно, на наш взгляд, сформулированы в работе Лань Ся, а именно:

- «парадигмы духовности русской культуры, носительницы просвещения, рационализма и гуманизма, вовлечения человека в круг современных цивилизованных отношений, и парадигмы китайских традиционных конфуцианско-патерналистских ценностей, регламентирующих этику поведения, социально-производственную дисциплинированность...;

- межкультурное взаимодействие эндогенных конфуцианских дальневосточных культур с рациональными, аскетическими, практическими и активными ценностными установками по отношению к внешнему миру, ориентированными на практическое приспособление к миру, сильными традициями трудовой этики, и экзогенных установок русской культуры, выступающей духовной заступницей всех людей независимо от их национальных или религиозных особенностей, но при этом практическую деятельность она не рассматривает самостоятельной духовной ценностью, а считает ее лишь необходимым этапом жизни, подчиненным конечным, высоким духовным ценностям» [Лань Ся].

Ключевое слово в трактовке межнационального дискурса — «взаимодействие». В русском языке это слово означает взаимную связь двух явлений, что вполне соответствует конфуцианским представлениям о *жэнь* и *ли* и о благородстве: *«Благородные люди всегда живут в согласии с другими людьми»*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. С. 136—137.
2. *Васильева Т. В.* Лингвометодический анализ учебников русского языка для студентов негуманитарных вузов, изданных за рубежом до распада СССР // Проблемы преподавания РКИ в вузах инженерного профиля. — М. : Янус-Ки, 2003. С. 111—123.
3. *Владимирова Т. Е.* Межкультурная коммуникация и проблемы развития экзистенциальной лингвистики // Русско-китайские межъязыковые связи и проблемы межкультурной коммуникации в современном мире. — Омск : ОмГПУ, 2009. С. 19—26.
4. *Глотова Е. А., Клапотовская К. Е.* О некоторых национально-культурных особенностях концепта *счастье* (на примере русского и китайского языков) // Русско-китайские межъязыковые связи и проблемы межкультурной коммуникации в современном мире. — Омск : ОмГПУ, 2009. С. 236—239.
5. *Гуз Ю. В.* Межъязыковое сопоставление эталонов цветообозначений по данным толковых словарей русского, английского, немецкого и китайского языков // Русско-китайские межъязыковые связи и проблемы межкультурной коммуникации в современном мире. — Омск : ОмГПУ, 2009. С. 191—197.
6. *Елфимова Т. В., Тан Сюецзин.* Обращение как носитель национально-культурной семантики // Русско-китайские межъязыковые связи и проблемы межкультурной коммуникации в современном мире. — Омск : ОмГПУ, 2009. С. 202—206.
7. *Ивинских Н. П.* Динамика метафоризации в англоязычном и русскоязычном методическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2012.
8. *Карасик В. И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. — Волгоград : Перемена, 2000. С. 5—20.
9. *Карасик В. И.* Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания // Методология современной психолингвистики. — М. ; Барнаул : Изд-во Алтайск. ун-та, 2003. С. 50—57.
10. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М. : Гнозис, 2004.
11. *Лань Ся.* Социальная динамика межкультурных коммуникаций России и Китая : дис. ... канд. культурологии. URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsialnaya-dinamika-mezhkulturnykh-kommunikatsii-rossii-i-kitaya>.
12. *Прохоров Ю. Е.* Действительность. Текст. Дискурс. — М. : Флинта : Наука, 2006.
13. *Репнякова Н. Н.* Китайская картина мира в сказках о животных // Русско-китайские языковые связи и проблемы межкультурной коммуникации в современном мире. — Омск : ОмГПУ, 2009. С. 347—350.
14. *Стародубцева Н. С.* Понятие успеха и пути его достижения в китайском обществе // Русско-китайские языковые связи и проблемы межкультурной коммуникации в современном мире. — Омск : ОмГПУ, 2009. С. 270—275.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

С. Г. Воркачев
Краснодар, Россия

S. G. Vorkachev
Krasnodar, Russia

«БЫДЛО» КАК КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО РУНЕТА

“BYDLO” AS RUNET KEY WORD

Аннотация. Рассматривается эволюция и современное речевое использование лексемы «быдло» на материале текстов Рунета; выясняются причины, вернувшие это слово к активной жизни, и устанавливаются основные функции его употребления.

Abstract. The evolution and present speech usage of the word «bydlo» in Runet are considered; the reasons of activating this word are investigated and its basic speech functions are established.

Ключевые слова: быдло; народ; интеллигент; элита; отрицательный отбор.

Key words: bydlo; people; intellectual; élite; negative selection.

Сведения об авторе: Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры научно-технического перевода.

About the author: Vorkachev Segey Grigorievich, Doctor of Philology, Professor, Professor of Scientific-Technical Translation Department.

Место работы: Кубанский государственный технологический университет (Краснодар).

Place of employment: Kuban State Technological University (Krasnodar).

Контактная информация: 350006, г. Краснодар, ул. Красная, 135, к. 110.
e-mail: svork@mail.ru.

Полузабытое и диалектное слово «быдло», заимствованное в восточнославянские языки из польского в значении «крупный рогатый скот» [См.: Фасмер 2003, т. 1: 258] и зафиксированное в лексикографии прошлого века с пометами «устар.» [БАС 1951, т. 1: 718], «обл.» [МАС 1981, т. 1: 129; БАС 1991, т. 1: 846; Ушаков 2000, т. 1: 212] и обязательно «прост. презр.» [МАС 1981, т. 1: 129; Ожегов, Шведова 1998: 65] и «бран.» [МАС 1981, т. 1: 129; Ушаков 2000, т. 1: 212], «прогибнернировав» в общем фонде русского языка в виде своего рода «дремлющей инфекции» до начала XXI в., внезапно проснулось и взмыло чуть ли не на вершины речевого употребления, воспользовавшись, видимо, ослаблением культурно-языкового иммунитета. Так, если по данным частотного словаря [См.: Шаров], составленного на основе корпуса современного русского языка, включающего тексты, большинство из которых написаны между 1980 и 1995 гг., частотность слова «быдло» относительно невелика — 2.53 ipm (вхождений на миллион слов) при 374.86 ipm для слова «народ» (т. е. соотношение 1:150), то в настоящий момент поисковая система «Яндекс» уже дает для него 5.000.000 упоминаний при 135.000.000 упоминаний для слова «народ» (т. е. соотношение 1:27), а поисковая система «Google» — почти 10.000.000 упоминаний при 260.000.000 упоминаний для слова «народ» (т. е. соотношение 1:26). Можно сказать, что «быдло» становится одним из «ключевых слов» лингвокультуры Рунета.

В то же самое время эта лексема обладает, можно сказать, гиперактивной словообразовательной продуктивностью: от ее основы производны *быдляк*, *быдл-класс*,

быдлятина, *быдливость*, *быдлизм*, *быдловский*, *быдлючий*, *быдлечество*, *быдлеческий*, *быдлофикация*, *быдловедение*, *быдлология*, *быдление*, *быдлизатор*, *быдлизировать*, *быдлократия*, *быдлоид*, *зомбобыдло*, *небыдло*, *быдленок/быдлюк* (студент ПТУ [Левикова 2003: 51]); она даже практически превращается в приставку: *быдлодевайсы*, *быдломюзика*, *быдломобиль*, *быдлодром* (дискотека), *быдложитие* (общезитие), *быдлореклама*, *быдлонаезд*, *быдлоязык*, *быдлощик* (телевизор) и пр.

По большому счету, в общем и целом, «быдло» — это всего лишь пейоратив к одному из значений слова «народ»: «собственно народ» как часть этнического народа/нации, отделенная от элиты, — и стоит это слово в одном синонимическом ряду со словами «плебс», «простонародье» и «чернь» (*Слово „быдло“ в применении к людям — это лишь негативно окрашенный синоним выражению „большинство народа“.* *Быдло называют быдлом, когда акцентируют порочные качества основной массы народа* [Бурьяк]; *Быдло — профаническая ипостась народа, а потому страшнее и недопустимее в произнесении, чем любая матерная брань* [Пелипенко, Яковенко]), хотя в интернет-текстах можно встретить и эпатажное «Я быдло и горжусь этим»: *Вот все говорят, например: „быдло“.* *А что, собственно, плохого в том, что наш, русский народ — является быдлом? Что плохого в том, что все мы, вышедшие из этого русского народа (не думаю, что процент настоящих аристократов в современной России — очень велик...) — как бы быдло и есть? Быдло — это и есть та современная движущая сила истории* [Ода русскому быдлу]. О тесной

ассоциативной связи «быдла» и «народа» говорят данные «Русского ассоциативного словаря», где в число ассоциатов «народа» включено «быдло» вместе с «толпой» и «стадом» и, наоборот, «народ» присутствует в числе реакций на «быдло» вместе с «лохом» и «хамом» [См.: РАС 2002, т. 1: 351; т. 2: 57].

Как свидетельствует история, в частности история французского языка, в свое время (с XIV по XIX в.) в семантике лексемы *peuple* 'народ' доминировали отрицательные оценочные коннотации: это был по преимуществу плебс, который стал этническим народом лишь с окончанием формирования нации [См.: Абрамович, Бартминский 2011: 224, 232]. Кстати, английское *people* 'народ' в русской транскрипции в выражении «Пипл سخاвет» употребляется сейчас в качестве иронического комментария к проявлению убогого, невзыскательного, примитивного вкуса потребителей массовой культуры: *Телеканалы снова и снова делают ставку на проверенные беспроигрышные форматы и жанры, то есть на такие, которые „пипл سخاвет“* (Полуэхтова); *Энциклопедия — это звучит гордо, так что долуй стыд, раз пипл سخавет* (Марголин); *Как говорят в тусовочной среде, „пипл все سخавет“* (Кучерена).

Да, *utilitas expressit nomina rerum*: слова появляются в языке и используются в силу возникающей в них потребности, и слово «быдло», очевидно, здесь не составляет исключения. Востребованность эта в данном случае, как представляется, не столько языковая, сколько социально-историческая, возникшая в результате распада национальной системы ценностей, роста агрессивности в обществе, классового расслоения последнего и «корпоративизации» морали.

Агрессивность у человека, к счастью, проявляется прежде всего как вербальная агрессия, в инструментальный набор которой входит лексема «быдло» — бранное слово.

В начале 90-х гг. прошлого века единая система национальных ценностей, составлявшая ядро морали, распалась на «понятия» [См.: Воркачев 2011]: мораль корпоративную, партикулярную и относительную, мораль «для своих», спокойно допускающую «нравственные исключения» для «чужих», в число которых попадают все «не свои»; в таком случае слово «быдло» приобретает чисто ругательный и сегрегационный смысл: быдло — это все «не-мы» и все те, кто хуже нас. Здесь, кстати, можно отметить хронологическое совпадение появления инвективы «быдло» с другой, не менее социально значимой инвективой «лох».

Нужно сказать, что «обыдливание» общества не в последнюю очередь связано с утратой целей, достижение которых выходит за пределы личного и узкокорыстного бытия — целей, создающих для человека смысл его жизни [См. подробнее: Воркачев 2011а: 363—541].

В то же время речевое использование лексемы «быдло», которая, как уже отмечалось, имеет словарную помету «презр.», представляет собой один из элементов механизма психологической защиты в ситуациях, когда человеку необходимо чувствовать себя сильнее, умнее, лучше того, кого презирают, особенно в том случае, когда человеку нечего больше противопоставить обстоятельствам и лицам, которые сильнее его [См.: Воркачев 2011б: 117]. Действительно, как писал Юрий Трифонов, «если мы откажемся от презрения, мы лишим себя последнего оружия. Пусть это чувство будет внутри нас и абсолютно невидимо со стороны, но оно должно быть». Если когда-то народным девизом был девиз «Мы — не рабы», то ему на смену пришел другой: «Мы не быдло».

Наконец, есть, очевидно, еще одна причина активизации слова «быдло», на этот раз вполне лингвистическая: серьезный «моральный износ» другой лексической единицы — слова «народ», — успешно использовавшейся на протяжении как минимум двух веков в манипулятивных и пропагандистских целях всеми желающими и в современных конструктивистских теориях национализма принявшей статус «мифологемы» — *imagined community*.

В русских толковых словарях у лексемы «быдло» выделяется несколько лексико-семантических вариантов. Первый, с пометой «обл.», — прямое и этимологическое значение: «рабочий (рогатый) скот» [См.: БАС 1951, т. 1: 718; МАС 1981, т. 1: 129; БАС 1991, т. 1: 846; Ефремова 2001, т. 1: 139]: *Крепаки захотели посылать в Питер справедливого человека, который мог бы доступить до царицы и доказать ей или ее великим российским панам, что в селе Перегудах было настоящее казацкое лицарство, а не крепаки, которых можно продавать и покупать, как крымских невольников или как „быдло“* (Лесков). Второе, переносное значение, — «презрительное название крестьян помещиками-(крепостниками)» [БАС 1951, т. 1: 718; БАС 1991, т. 1: 846], «в устах помещиков-крепостников — презрительное обозначение крестьянской массы, как безвольного, бессловесного и покорного стада, опекаемого помещиком» [Ушаков 2000, т. 1: 212]: *Привык пан считать нас за скотину,*

так и зовет — „**быдло**“ (Н. Островский); ...В Польше же этот аристократизм обратил высшие сословия в ясновельможное панство и шляхетство, а низшие — в **быдло** (Данилевский); **Быдло** пахало землю, а знатные господа пили вино и разбойничали по большим дорогам, грабя проезжих купцов (Жаботинский). Третье, также переносное значение: «о людях, которые бессловесно (и покорно) выполняют на кого-л. тяжелую работу» [МАС 1981, т. 1: 129; Ожегов, Шведова 1998: 65], «о людях, которые покорно, безропотно подчиняются чужей воле, позволяя эксплуатировать себя» [БАС 1991, т. 1: 846], «о тупых, безвольных людях, покорных насилию» [Ушаков 2000, т. 1: 212], «о людях, духовно неразвитых, тупых, покорно подчиняющихся чужой воле и проводящих жизнь в тяжелом, изнурительном труде на кого-либо»; «символ покорности, тупости, ограниченности, стадности мышления, поведения» [БТСРЯ 1998: 107].

Таким образом, в словарной статье «быдло» фиксируется одно прямое и уставшее значение этой лексемы и два метафорических: социально-статусное, отправляющее к низшему сословию или классу, и морально-оценочное, связанное с отрицательной оценкой чьих-либо личностных свойств. Если сопоставить переносные значения лексемы «быдло» со значениями другого пейоративного синонима к «народу» — лексемы «чернь», ныне вышедшей или выходящей из употребления, — то можно сразу же увидеть почти полное совпадение семантического состава этих слов; ср.: 1) чернь — «устар. обычно презр. Простой народ, люди, принадлежащие к низшим слоям общества» [МАС 1981, т. 4: 668]; «Устар. Черный люд, простой народ, низы общества (с оттенком пренебрежения) [БАС 1951, т. 17: 932]; 2) «Духовно ограниченная, невежественная среда, толпа» [МАС 1981, т. 4: 668]; «О духовно ограниченной, недалекой среде, о толпе, чуждой высоких помыслов, побуждений» [БАС 1951, т. 17: 932]: **Чернь петербургская глазела / Подобострастно на царя** (Блок); **Люблю меж этих старых плит / Прогуливаться в час вечерний. / Довольно смешанно здесь общество лежит, / Между вельмож есть много черни** (А. К. Толстой); **Пора презреть мне ропот знатной черни / И гибельный обычай уничтожить** (Пушкин); **Он с юных лет очаровывал светскую чернь блистательным салонным разговором** (Чуковский). По большому счету, по принципу «свято место пусто не бывает» на смену «черни» в веке XXI пришло «быдло».

Наблюдения над речевым использованием лексемы «быдло» показывают, что она

зачастую употребляется как обычное ругательное слово, передает чистую оценку: как «подлец», «мерзавец», «негодяй» — любой нехороший человек, а «дурак — всякий инакомыслящий» (Флобер), так и «быдло» в приложении к отдельной личности — любой человек, отличающийся от говорящего в худшую сторону и достойный презрения¹: *Для тех, кто живет на Рублевке, **быдло** — те, кто живет в Томилине. Для владельцев собственных коттеджей — жители квартир. Владельцы иномарок считают, что только **быдлаки** могут покупать отечественные машины. Те, кто научился пить хорошие вина, зачисляются в **быдл-класс** всех „пивняков“ и „водочников“. Богатые называют **быдлом** бедных, бедные — богатых, интеллектуалы — технарей, атеисты — „мракобесов“, православные — безбожников и так до бесконечности* [Соколов-Митрич]; *Элиты считают за **быдло** всю Россию, точнее людей, у которых нет мобилы Vertu, которые „одеваются на рынке“ и которые ни разу не пробовали Chateau Petrus 97-го года. Интеллигенция же считает **быдлом** также весь русский народ с его холопской душой, поклоняющегося „своему тирану Сталину“ и не читавшего Ансельма Кентерберийского в оригинале* [Калашников]. «Быдло» тем самым предстает как конечный, «холический» результат оценочной деятельности субъекта, а сам процесс вынесения оценки и ее логическая формула, обязательным структурным элементом которой выступает обоснование — причины, мотивы и признаки, лежащие в основе оценки, — остаются «за кадром». Поэтому, как представляется, любопытно исследовать контексты, в которых обоснование оценки представлено эксплицитно, выявить признаки, по которым тот или иной субъект квалифицирует другого человека или группу людей как «быдло».

Теоретические рассуждения о «быдлости» и ее экземплификация на сегодняшний день представлены главным образом в Рунете (*Наибольшее применение и использование слова быдло можно найти на страницах сайтов и блогов в сети Интернет. Быдло здесь практически на каждой странице* [Быдло — это кто?]; *А уж если залезть в интернет, то там этого добра столько, что яблоку негде упасть* [Соколов-Митрич]), и там же логичнее всего искать характеристики «быдла». (См.: <http://www.apn.ru> <http://rnns.ru>; <http://lurkmore.ru>; <http://www.analysisclub.ru>; <http://bouriac.narod.ru>;

¹ Интернет-тексты цитируются с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации.

kaschepuzia.kaschenko.ru; <http://orlec.ru>; www.fanbio.ru; <http://www.hegel.ru>; <http://www.izvestia.ru>; <http://slovob.org>; <http://budyon.org>; <http://chitalnya.ru>; <http://ru.wikipedia.org>; <http://www.krugozormagazine.com>; <http://www.facebook.com>; <http://livejournal.com>; <http://www.gidepark.ru>; <http://videopozitiv.ru> и др.)

Считается, что у быдла имеется 9000 (!) определений — видимо, сюда включаются толкования всех уничижительных имен народа, начиная с «охлоса» и «плебса». Тем не менее утверждается, что классического родо-видового точного («конкретного») определения быдла не существует, и предлагаются его «инструментальные» определения («Быдло — это те, кто используют подобную лексику по отношению к другим и себе»; «Быдлом стать достаточно легко. Начните регулярно употреблять в обычной речи слово „быдло“»; «Быдло — это люди, которым нравится жить в дерьме»; «У быдла есть особенность: оно — всегда не ты»), а также предлагается постичь суть «быдла» интуитивно, через различные прецедентные образы (Шарикова из книги Булгакова «Собачье сердце», Белякова из сериала «Наша Раша», который любит разговаривать с телевизором, проводника Андрея из фильма «Вокзал на двоих», Букина из сериала «Счастливы вместе» и пр.), а также через бытовые типажи («чиновника, считающего себя пупом Земли; мелкого клерка, срывающего свою злость на народе; неграмотной, грязной торгашки в палатке на рынке» и пр. [См.: Быдло, тунеядцы и пьяницы; Быдло]). В любом случае, «быдло» — это «некая формула социального высокомерия» [Соколов-Митрич].

Приводится этимология слова «быдло», в основном «народная», можно сказать «самопальная», в духе Михаила Задорного: «Возьмем примеры: мыдло — мыло, шыдло — шило, рыдло — рыло, ядловец — яловец, т. е. трансформация $dl > l$, то есть все основания полагать, что быдло позже стало былом. А „было“ в полесских говорах означает то, чем бьют. Значит „быдло“ имеет отношение к битью. Вот она низость. Например: Было кровати (это трубчатая металлическая перекладина)»; «Быдло: От слова „быт“ и слова „быть“. Может быть слова „бык“. Рабочее население обеспечивающее „бытие“ и „быт“ господ. Точнее „раб“» [Народный словарь современного русского языка]; «Вообще быдло происходит от какого-то тюркского корня „быч“, „быть“, „быдло“, „быче“, „добыча“, имело значение жизни бытия, видимо в старину жизнь была связана со скотом, я это читал в книжке по нумизматике можно докопаться если что» [Имя врага — «быдло»].

Подчеркивается внеклассовый и внесловный характер понятия «быдло» (*Быдло может иметь высшее образование и хорошо оплачиваемую работу, может даже быть неплохим специалистом в какой-то узкой области — и все равно при этом оставаться быдлом* [Нестеренко]; *Быдло нельзя отнести к сословному или классовому понятию. С ним можно встретиться в различных слоях общества* [Соколов-Митрич]; *Быдло ведь может быть разным и часто это понятие не коррелирует с годовым доходом и уровнем интеллекта, поэтому быдло есть даже в телевизоре* [Калашников]; *Уровень быдлчества мало зависит от уровня образования или дохода — такие есть во всех социальных слоях* [О быдле]), утверждается существование катахрезного «элитарного быдла» — «тех, кого в прошлые века было принято называть светской чернью, которая, стоя „жадной толпой у трона“, лизала пятки власти, проигрывала войны, душила свободу, травила гениев, купала шлюх в шампанском, разоряла Россию многомиллионными займами и по-черному ее разворовывала» [Ростовцев]. Признается даже существование быдла в животном мире: *Кто сказал, что быдлом бывают только человеческие особи? Вполне настоящим быдлом может быть и животное* [Кот-быдло].

Что касается представленных эксплицитно в 14 интернет-текстах (использовались следующие тексты: [Быдло₂; Быдло₃; Быдло, тунеядцы и пьяницы...; Быдло — это кто?; Быдло₄; Кот-быдло; Народный словарь современного русского языка; Нестеренко; Быдло₁; Пелипенко, Яковенко; Ростовцев; Русский народ — это быдло; Соколов-Митрич; Что такое быдло]) конкретных признаков, положенных в основу вынесения уничижительной оценки, то они также представлены во множестве — их более полусотни: они касаются интеллектуальных и психологических особенностей быдла, его вкусов, поведенческих стереотипов и жизненных установок.

Из общего числа признаков быдла 24 упоминаются более одного раза, а все прочие — по одному разу. Как несложно предположить, наиболее частотные из них — «управляемость» (9 упоминаний) и «стадность» (7 упоминаний) — выводимы непосредственно из прямого значения слова (рабочий (рогатый) скот); эти же признаки представляются существенными: при их отсутствии человека вряд ли можно назвать «быдлом». Все прочие признаки носят «добавочный» характер, из прямого значения не выводятся и представляются скорее случайными: носи-

тели этих признаков вполне спокойно могут и не быть «быдлом».

Приведем синонимичные варианты номинации наиболее частотного признака быдла в интернет-текстах:

- управляемость: *О, горе нам, кто будет нами править?*;

- авторитарная субмиссивность (сильное желание подчиняться властям, установленным в обществе легитимно): *хорошо иметь строгого авторитарного лидера*;

- подъяремность (даже «субмиссивный/подъяремный энтузиазм»): *„Быдло“ — это те, кому требуется терапия кнута и оглобли, иначе он не способен быть нормальным человеком; Быдло, как и положено хорошему стаду, искренне любит своего пастуха. Причем, чем более жесток пастух (в терминологии быдла — „крут“), тем большую любовь он заслуживает; Рабство, подъяремность, тотальная зависимость от социального абсолюта составляют существо мирозерцания быдла; Для быдла важно, чтоб кто-то сверху им командовал, а быдло полностью и покорно будет выполнять эти команды; Неискоренимое желание быдла — набросить на себя ярмо, выбрать себе царя; Быдло — это тот, кто бездумно поддерживает власть, по традиции, по обычаю, по привычке. Без мотивации.*

Вторым по частоте появления в интернет-текстах идет признак «стадности» («отрицания личности/индивидуальности», «коллективизма»): *Быдло не может признать, что в другом человеке может быть своя индивидуальность; Принадлежность к коллективу является для быдла высшей ценностью. Ценности коллектива принимаются быдлом аксиоматически, а сама идея о том, что их можно подвергнуть сомнению, вызывает либо ярость, либо смех (порой — то и другое разом); Быдло — всегда часть некоторого „мы“, при уничижительном отношении к „я“. Своему и особенно чужому „я“ — фундаментальная черта быдла; Быдло отрицает личность во всех ее проявлениях. И, прежде всего, такие черты как свобода, собственность и достоинство; Основная характеристика быдла — принадлежность к коллективу, к той или иной социальной общности, принимаемая в качестве единственной позитивной ценности; Быдло отрицает личность во всех ее проявлениях.*

Третий по частоте появления (он встречается шесть раз) в интернет-текстах признак — низкий социальный статус быдла: *Пренебрежительное отношение к плебсу, выражаемое в слове „быдло“, есть часть*

предмета исследования быдловедения; В широком смысле — круг значений, связанных с толпой, охлосом, плебсом. Когда-то для выражения сходных сущностей было хорошее слово — чернь; Общий термин для сотрудников ненадначальствующего состава; Быдло, обычно довольно бедный человек (хотя есть довольно много исключений).

«Локус контроля» у быдла вынесен вовне — у него во всем виноваты другие (пять появлений): *Все свои неприятности быдло объясняет происками Врагов; Во всех своих бедах быдло обвиняет судьбу, правительство, жену, но только не себя; Быдло не способно трезво оценивать события и часто ищет виновных в своих бедах на стороне, вместо того, чтобы посмотреть на себя, разобраться и исправлять свои ошибки.*

Пять раз в характеристиках быдла упоминаются национализм и ура-патриотизм: *Быдло патриотично. Чаще всего это национально-государственный патриотизм, но может быть и религиозный, и корпоративный, и т. д. При этом быдло, естественно, не имеет понятия о завете не путать начальство с отечеством; Быдлу нужна идеология или другая форма веры, заменяющая необходимость принятия собственных решений тупым исполнением готовых, спущенных сверху. В большинстве случаев оно придерживается консервативных позиций, патриотизма или национализма; Быдло дико, бешено гордится тем, что родилось в России, и практически всегда является ура-патриотом ввиду самого примативного, но могучего стадного инстинкта.*

Четырежды упоминается склонность быдла к насилию, обожание грубой силы, общая агрессивность: *Быдло агрессивно. Ему просто необходимо кого-то ненавидеть. Быдло считает насилие, вербальное или физическое, не только допустимым, но и самым правильным ответом на аргументы оппонентов; Быдло не уважает интеллигенцию, не интересуется литературой и искусством, и авторитетом для него является грубая сила; Признак быдла — авторитарная агрессия — общая агрессивность, сильно выражающаяся по отношению к различным группам или индивидуумам, и якобы санкционированная властями: „полезно быть жестокими к тем, кто не следует правилам“.*

Четыре раза упоминается бездуховность (физиологичность, «примативность») быдла: *У быдла, как правило, сильно развит культ алкоголя. „Пить — надо, пить — почетно. Не пьют — слабаки и трусы“. Питие укре-*

пляет коллективизм быдла, сближает их и нивелирует различия между ними; Кого можно считать быдлом? Людей, у которых ценности — пое...ться, набухаться, посмотреть телевизор, и всё.

Так же четыре раза отмечается, что представители быдла, считая себя носителями высокой морали, живут «по понятиям»: Быдло считает себя носителем высокой морали. Таковая, в зависимости от культурного уровня и социального статуса быдла, может именоваться понятиями правильных пацанов, моральным кодексом строителя коммунизма, православной духовностью, корпоративной этикой и т. п.; в любом случае, быдло, даже с трудом приходя в себя после недельного запоя, считает себя нравственным эталоном, свысока взирающим на погрязший в пороке остальной мир; Так как быдло не может существовать в одиночестве вместе у них есть некий устав правил поведения, разговора, заменяющего им мораль, культуру, образование. Есть понятия, по которым надо жить, потому что они есть истина; Порядочность заменяется Законопослушанием быдла. Нравственность — установленными властями правилами и моральными принципами (понятиями паханов на зоне).

По три раза упоминаются агрессивность и ненависть к «чужим», «небыдлу» (Ненаших надо ненавидеть и презирать за то, что они Ненаши; Быдло люто, бешено ненавидит всех успешных, образованных, богатых, известных и что-то умеющих. В общем, ненавидит всё небыдло), неспособность к рефлексии и критическому мышлению (Быдло — это те, кто не способен отрефлексировать свои действия с нескольких разных точек зрения; Быдло — это категория людей, толпа, у которых отсутствует способность к самостоятельному критическому мышлению), глупость и тупость (Ну, а главным свойством быдла является, конечно же, глупость, каковой не противоречат даже наличие престижного диплома и профессиональные успехи в какой-нибудь интеллектуальной сфере; Быдло: тупые, легкоуправляемые авторитетом, часто крепкие физически, скотоподобные, агрессивные люди), убожество языка (Разговор между двумя быдлами может повергнуть нормального человека в сон, так как обширный словарный запас в 200 слов будет повторяться уже после третьего предложения; Еще один отличительный признак быдла — словесный понос) и жестокость (Наибольший восторг быдла, конечно, вызывает жестокость по отношению к Ненаши, но и жестокость

по отношению к своим встречает, как минимум, понимание, а часто и одобрение; Быдло, в большинстве своем, всегда выступает за смертную казнь. В особо тяжелых случаях, еще за публичную казнь или пытки).

По два раза упоминаются стандартность и шаблонность мышления (Быдло — это существо, которое не способно к индивидуальному мышлению; В среде быдла цветут различные психические заболевания, которые проявляются в неоригинальном мышлении, прятанием за общими словами, словами без сути, шаблонными фразами и мировоззрением, что является признаком их безынтеллектуальности), хитрость (Как правило, быдлу свойственен тот тип поведения, который в обыденном лексиконе определяется как „хитрож...ость“. Хитрож...ость — кратчайшая дистанция для достижения эгоистических целей с минимальными нарушениями заданных извне правил игры), хамство и наглость (Быдло не может без хамства; Человек, воспринимаемый нами как быдло, как правило, нагл и наплевательски относится к чужим интересам и мнениям), тупое чувство юмора, предпочтение шуток на темы «ниже пояса» (Быдло обожает юмор ниже пояса, что объясняется местечковостью его корней, и лицедейство на подмостках или перед телекамерами. Тут быдло „отрывается“ по полной программе, поря пошлятину со сцены или в эфир; У быдла совершенно тупое чувство юмора. Например, оно смеется над своими шутками, даже если они стремные), воровитость (Быдло хитрож...ое всегда стремится к воровству. Для него все люди, кто лучше живет — это такие же, как и он, только более наглые и удачливые. Старается все украсть и стырить; Быдло — враг собственности. Для него существует свое кровное и ситуационно чужое. Границы между своим и чужим внешни, контекстуальны и сиюминутны), разговор матам (Быдло любит материться, причем не только в гневе, но и в спокойном разговоре; Быдло чрезмерно активно использует мат), слепая вера всему, что говорится в средствах массовой информации (Быдло — люди, слепо верящие всему, что вещают СМИ; Быдло верит всему, что говорится по телевизору, особенно хорошо оно ведется на различные паранормальные темы), деструктивность (Быдло деструктивно (некрофильно — в терминах Э. Фромма). Оно не способно к конструктивной деятельности; Быдло неспособно к созиданию, зато обожает бессмысленно ломать, крушить, уничтожать. Мечта быдла —

устроить погром»), отсутствие совести, заменяемой страхом наказания (Быдло не имеет совести, они живут по своим правилам поэтому обложить матом старушку в автобусе можно ради понта; Быдло не имеет особых нравственных устоев и регулятором его поведения является не совесть, а страх перед наказанием), и малообразованность (Быдло — это в первую очередь мало образованный (читай мало знающий) без каких либо ярких проявлений индивидуальности с воспаленным стадным инстинктом, истеричен; Быдло: малообразованный и глупый человек).

По одному разу упоминаются такие признаки, как отсутствие собственного мнения (Собственного мнения быдло не имеет, принимая за таковое воспринятый им набор готовых штампов, в принципе не подлежащий анализу и пересмотру), неспособность к принятию собственных, самостоятельных решений (Произрастает это всё из неспособности и, соответственно, боязни принятия собственных решений; даже сама мысль о необходимости что-то сделать самому, а не получить в виде указаний (приказов, линии партии и т. п.) от кого-либо вводит в ужас), отсутствие инициативы (Отсутствие, как правило инициативы, в сложной ситуации, требуется поддержка — психологическая), склонность к упрощению, примитивизации (Генеральной для быдла является интенция к упрощению), нетерпимость к чужому мнению (Кого можно считать быдлом? Людей, которые считают свое мнение единственно верным), кумиротворчество (Жестокое попирание заповеди „не сотвори себе кумира“. Кумиры сотворятся на ура из чего угодно — политиков, певцов, журналистов, футбольных игроков, денег, вещей...), любовь к несвободе (Быдлу необходима несвобода. Недаром значительный процент быдла считает, что необходимо побывать в армии и тюрьме, там можно обучиться многому полезному в жизни. Получить те самые готовые модели поведения, особенно в стае таких же, которые потом можно применять всю оставшуюся жизнь, ни на секунду не утруждая голову мыслями), конформизм, стремление следовать традициям (Конвенционализм — высокий уровень приверженности традиционным конвенциям, якобы разделяемым всем обществом и властями), плохое знание истории своей страны и требование уважать ее (Быдло плохо знает свою историю, но убеждено, что ее надо уважать), отрицание человеческого достоинства (Для быдла не существует человеческого достоинства. Оно не

просто не понимает, но активно отрицает дистанцию, *privasy*, всю ту сферу культурного пространства, которая вызрела и укреплялась со становлением человеческой личности. Происходит это потому, что быдло не признает за отдельным человеком самостоятельного смысла существования. Для него человек всегда средство), безграмотность (Универсальный отличительный признак быдла — незнание правил правописания, даже самых примитивных), неспособность к изучению иностранных языков (Иностранные языки для быдла недоступны), стрессоустойчивость к рутине (В связи с безынтеллектуальностью стрессоустойчивы к рутине), подгребание под себя, хватательный инстинкт (Для быдла свежееуворованное воспринимается как свое кровное. Его социальный лейтмотив — подгрести под себя), отсутствие четких жизненных целей, ценностей и принципов (Быдло не имеет четких целей в жизни и четкой системы ценностей и принципов. Трудно представить, что быдло совершает какой-нибудь подвиг ради определенных ценностей), деление мира на «своих» и «чужих» (Быдло делит мир на Наших и Ненаших. Наши всегда правы, потому что они Наши).

У быдла отсутствует вкус (Вне зависимости от классового и материального положения для быдла характерно отсутствие художественного и музыкального вкуса, и даже вкуса к еде — быдло добровольно предпочитает специально разработанный для него корм), какая-либо культура поведения (Быдло есть субъект, лишенный понятия об элементарной этике. Именно быдло мочится на углу и в подъездах, хамит кондуктору и пишет на стенах). Оно выбирает одежду с логотипами и брендами (Быдло выбирает одежду с логотипами брендов и всевозможными надписями), ему нравятся световые и шумовые эффекты (Сверкание и шумовые эффекты неизменно привлекают быдло. Это делает данную породу людей похожей на детей или на некоторых животных), одевается оно спортивно и дешево (Орleckое быдло не сильно отличается от любого другого быдла. Одевается спортивно и дешево, ведет падший образ жизни, при этом считает себя венцом творения эволюции), любит смотреть телевизор (Самое любимое времяпрепровождение быдла — просмотр телевизора. На телевидении об этом знают и поэтому стараются почаще показывать передачи, которые предназначены именно для быдла), ненавидит американцев, хотя обожает их товары (Вообще, быдло демонстрирует бе-

шеную ненависть к американцам, при этом у быдла любимая одежда — американские джинсы, любимый напиток — американская Кока-Кола, любимая забегаловка — американский Макжлобс), эгоистично (Быдлу не свойственен альтруизм).

Быдло — сторонники уравнилельной справедливости (Понятия, с которыми быдло связывает слово „справедливость“, очень часто прямо и неразрывно связаны с мнением о том, что надо кого-то расстрелять, развесить на фонарных столбах, а также с принципом „всё отнять и поделить“), любители массовых мероприятий (Быдло очень любит массовые акции, например митинги, марши, демонстрации, флешмобы и народные гуляния) и хорошо пахнущих жидкостей (Быдло любит „использовать“ всякие хорошо пахнущие жидкости — одеколоны и т. д.).

Если взглянуть на логическую структуру толкований признаков быдла, то можно увидеть своего рода «апофатичность» — почти половина из них (22) передается через лексическое отрицание, когда в характеристике быдла включаются отсутствие (совести, нравственных устоев, собственного мнения, способности к самостоятельному критическому мышлению, инициативы, четких жизненных целей, ценностей, принципов, вкуса), отрицание (личности во всех ее проявлениях, человеческого достоинства), неспособность (резво оценивать события, к рефлексии и критическому мышлению, индивидуальному мышлению, созиданию, принятию собственных решений, изучению иностранных языков), бездуховность, безынтеллектуальность, безграмотность, деструктивность, нетерпимость к чужому мнению, любовь к несвободе, непризнание за отдельным человеком самостоятельного смысла существования.

Естественно, возникает вопрос, какой же позитивный образ будет получен в результате отрицания отрицания этих признаков. И если быдло — результат «негативной селекции», отрицательного нравственно и культурного отбора, то что же является результатом «позитивной селекции» — положительного отбора? Если в аксиологическом плане быдло — это «антиэлита», то какова «элита»?

О персонаже, противостоящем быдлу практически по всем параметрам, смутно догадываются сами авторы интернет-текстов: *Быдло как явление повсеместно оно есть в любой стране, но в разном процентном соотношении с более интеллигентными людьми* [Быдло₁]; *Бедный, но интеллигентный школьный учитель — не*

быдло, потому что он учит наших детей не быть быдлом [Соколов-Митрич]; *Утверждение образа быдла знаменует собой смерть российского интеллигента* [Пелипенко, Яковенко]; *Переполненный троллейбус. Интеллигент трогает соседа за плечо: — Будьте любезны, пожалуйста, не затруднит ли вас передать мой билетик на компостер? — Ты чё, ё... твою мать, интеллигент?! — Что вы! Что вы! Отнюдь! Такое же быдло, как и вы...* [Краснохолмский]. Действительно, интеллигент воплощает отрицание практически всех (за исключением одного, и то с оговоркой) признаков быдла, он предстает «оттиснутым, как точный негатив» последнего: *На месте утверждения — отрицание, / Идеи, чувства — все наоборот* [Волошин 1991: 196]. На месте «субмиссивного энтузиазма» у него стоит оппозиция всякой власти, ущемляющей интересы народа [См.: Савицкий 2007: 193] (*Русская интеллигенция всегда была в оппозиции к власти, ибо идеальной власти для всех не бывает, а наша интеллигенция воплощала в себе ум, честь и совесть нации* [Краснохолмский]); на месте отрицания личности и личного достоинства — уважение к ним (*„Интеллигенция“ — это не столько сословие, сколько духовное состояние. И суть этого состояния очень проста, определяется понятием „уважение к личности“* [Чхартишвили]). К этой «вымирающей породе», по словам Д. С. Лихачева, причисляются люди, «свободные в своем убеждении, не зависящие от экономических, партийных и государственных принуждений и не подчиняющиеся идеологическим обязательствам» [Цит. по: Костиков 2009].

Интеллигентность — это прежде всего нравственное свойство, в основе принадлежности к интеллигенции лежит моральный критерий [См.: Степанов 1997: 627]: *На Руси слово интеллигент означало человека высоко нравственного, обладающего высокой духовной культурой, а не профессиональными навыками* [Шигарева 2005]; *Интеллигентом нельзя стать, получив дюжину дипломов. Для России это — категория нравственная и совершенно не мера образовательного ценза. Она востребована историей для святой цели: выявить личность в человеке, укрепить нравственно, вооружить мужеством индивидуальности* (Борис Васильев).

Семантика «интеллигента» в значительной части своего объема пересекается с семантикой «порядочного человека», с этикой которого, по утверждению Ю. С. Степанова, «ближе всего совпадает основной нравственный закон» [Степанов 1997: 644]. Поря-

дочные и интеллигентные люди соблюдают элементарные моральные нормы, изложенные вкратце в письме А. П. Чехова брату Николаю: уважают чужое и собственное достоинство, добры, не скандалят, не лгут, не воруют, не юродствуют, не суетны... [См.: Чехов 1956, т. 11: 83—85].

Сегодняшние СМИ и Рунет не устают хоронить интеллигенцию как сословие, связывая ее смерть с засилием быдла: *И когда на месте образа великого, беспредельного в своих качествах, объемлющей все и вся субстанции, заключающей в себе все концы и все начала, неизреченного Народа появляется быдло — можно свидетельствовать: интеллигенция кончилась* [Пелипенко, Яковенко]; *Узкий социальный слой интеллигенции почти исчез в России* [Краснохолмский]; *Интеллигенция в России утрачивает свою роль* [Костиков 2009]; *Но что мы точно потеряли с тех пор — это соль нашего народа, его наиболее просвещенную и ответственную часть — интеллигенцию* [Чухрай 2011]; *Сегодня в России преобладает не интеллигентность (то есть, прежде всего, неприятие лжи), а, говоря словами А. Солженицына, „образованщина“* [Костиков 2012].

Как на смену «порядочному человеку» пришло из «фени» словечко «лох» [См.: Воркачев 2011в: 321—322], так оно же пришло на смену «интеллигенту», и тем самым последний не исчез, но претерпел вербальную метаморфозу. Времена, конечно, меняются, но нравы, похоже, нет: полвека назад на деревянном заборе родительского дома автора этих строк углем было нацарапано «Интеллигенты», а сейчас на том же заборе (уже кирпичном) красуется надпись (уже аэрозольной краской) «Лохи».

Можно отметить определенный параллелизм в словарных значениях «быдла» и «интеллигента» — в русской лексикографии у этих лексем выделяются:

1) этимологическое, «прямое» значение — «рабочий скот» для «быдла» и *intelligens* 'умный, понимающий, знающий' для «интеллигента» [См.: БТСРЯ 1998: 395];

2) «сословное», социальное определение: «низшее сословие» для «быдла» и «представитель интеллигенции» для «интеллигента» [См.: Ефремова 2001, т. 1: 600];

3) оценочное значение: «люди, покорно подчиняющиеся чьей-либо воле, позволяющие эксплуатировать себя» [Ефремова 2001, т. 1: 139] для «быдла» и «образованный, воспитанный, культурный человек» (связанное с прилагательным «интеллигентный»), а также «человек, чье социальное поведение отличается безволием, бездей-

ствием, сомнениями» [Ефремова 2001, т. 1: 600] (связанное с прилагательным «интеллигентский») для «интеллигента».

Как уже говорилось, интеллигент представляет собой почти полный антипод быдлу, противопоставит ему по всем выделенным признакам, кроме одного, номинально совпадающего: и быдло, и интеллигент патриотичны, они оба любят Родину. Действительно, в число отличительных признаков интеллигента входит «озабоченность судьбами своего отечества (гражданская ответственность)» [Интеллигенция], а само слово «интеллигент» обозначает группу людей, которые болеют душой за Родину и ставили целью своей жизни борьбу за процветание своей земли и за счастье своего народа [См.: Краснохолмский]. Однако совпадение это, скорее всего, кажущееся, поскольку и любовь, и родина здесь разные. Прежде всего, патриотизм и любовь к родине отличаются друг от друга, о чем свидетельствуют результаты опроса современных русских информантов: любовь к родине ориентирована на природу и культуру родной страны, в то время как патриотизм — на государство [См.: Воркачев 2011а: 134—137]. Кроме того, патриотизм быдла — это, как правило, «урпатриотизм» и «квасной патриотизм»: наше — самое лучшее уже потому, что оно наше; он не предполагает критики и допускает любовь к родине «с закрытыми глазами» (Чаадаев).

Наблюдения над речевым употреблением лексемы «быдло» в Рунете, а также семантический анализ рассуждений на тему быдлости «интернет-быдловедов» позволяют, как представляется, прийти к определенным заключениям.

Практически на наших глазах реанимируется полузабытое и диалектное слово «быдло», его словообразовательная продуктивность становится гиперактивной, а «быдлость» становится чуть ли не «ключевой идеей» лингвокультуры Рунета и СМИ.

Причины, вернувшие это слово к активной жизни, носят преимущественно социально-исторический характер: это и распад национальной системы ценностей, и рост агрессивности в обществе, и классовое расслоение последнего, и «корпоративизация» морали. Однако есть и еще одна причина речевой экспансии слова «быдло», вполне лингвистическая: серьезный «моральный износ» слова «народ», утрачивающего ныне свой традиционный манипулятивный потенциал.

В современной речи «быдло» употребляется в двух основных функциях: 1) чисто инвективной для психологической защиты путем поднятия говорящим собственного социально-культурного статуса и понижения

этого статуса получателя речи или третьего лица и 2) инвективно-квалифицирующей, устанавливающей признаки, по которым номинат — отдельная личность или социальная группа — может быть назван быдлом. Сущностными, определяющими признаками быдла выступают два (оба связаны с этимологией этого слова и выводимы из его прямого значения): *управляемость/покорность* и *коллективизм/стадность*. Все прочие признаки имеют «добавленный» характер, из прямого значения не выводятся и представляются скорее случайными: носители этих признаков на самом деле могут «быдлом» и не быть.

В логической структуре толкований признаков быдла почти половина передается «апофатически» — через отрицание, негативные характеристики. Отрицание отрицания этих признаков дает позитивный образ — русского интеллигента, персонажа, противостоящего быдлу практически по всем параметрам и смыкающегося с образом порядочного человека, получившего сегодня имя «лоха».

Создатель этого термина, П. Д. Боборыкин интеллигенцией называл людей «высшей умственной и этической культуры», результат положительно культурного и нравственного отбора; в число быдла, по данным современного словоупотребления, попадают люди в результате подобного отбора, но с отрицательным знаком — носители низшей умственной и этической культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамович М., Бартминьский Е.* Народ (на материале польской и французской лингвокультуры) // Славянская концептосфера в сопоставительном освещении: лексикон. — Самара, 2011. С. 222—234.
2. *БАС 1951* = Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. — М. ; Л., 1951—1965.
3. *БАС 1991* = Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. — М., 1991—1994.
4. *БТСРЯ* = Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. — СПб., 1998.
5. *Бурьяк А.* Теория быдла — <http://bouriac.narod.ru/Bydlo.htm>.
6. *Быдло₁*. URL: openysheva-sv.livejournal.com/303395.html.
7. *Быдло₂*. URL: <http://orlec.ru/mediawiki/index.php/быдло>.
8. *Быдло₃*. URL: kaschepuzia.kaschenko.ru/index.php/Быдло.
9. *Быдло₄*. URL: <http://lurkmore.to/Быдло>.
10. *Быдло*, туняядцы и пьяницы в кино и жизни. URL: www.fanbio.ru/vidzlodei/311-2011-07-21-12-43-48.html.
11. *Быдло* — это кто? URL: <http://rnns.ru/191712-bydlo-kto-yeto.html>.

12. *Волошин М. А.* Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. — М., 1991.
13. *Воркачев С. Г.* Корпоративная справедливость по-русски: «понятия» и «беспредел» как лексические инновации // Филологические науки. 2011. № 4. С. 85—96.
14. *Воркачев С. Г.* Родина, правда, смысл жизни: опыт русской лингвоидеологии. — Saarbrücken, 2011a.
15. *Воркачев С. Г.* Базовая семантика и лингвоконцептология: на стыке парадигм гуманитарного знания. — Saarbrücken, 2011b.
16. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. — М., 2001.
17. *Имя врага* — «быдло». URL: <http://lj.rossia.org/~tiphareth/835876.htm>.
18. *Интеллигенция*. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.
19. *Калашиников Д.* Про быдло. URL: <http://warrax.net/91-92/bydlo.html>.
20. *Карасик В. И.* Языковая матрица культуры. — Волгоград, 2012.
21. *Костиков В.* Безмозглая Россия // Аргументы и факты. 2012. 25 апр. № 17.
22. *Костиков В.* Интеллигенция в России утрачивает свою роль // Аргументы и факты. 2009. 24 июня. № 26.
23. *Кот-быдло*. URL: <http://videopozitiv.ru/2011/01/24/kot-bydlo>.
24. *Краснохолмский А.* Интеллигенты. URL: <http://www.chitalnya.ru/work/359385>.
25. *Левикова С. И.* Большой словарь молодежного слэнга. — М., 2003.
26. *МАС 1981* = Словарь русского языка : в 4 т. — М., 1981.
27. *Народный словарь современного русского языка*. URL: www.slovoborg.ru/definition/быдло.
28. *Национальный корпус русского языка*. URL: www.ruscorpora.ru.
29. *Нестеренко Ю.* О быdle. URL: <http://www.krugo-zornmagazine.com/show/Bydlo.709>.
30. *О быdle*. URL: gidepark.ru/user/1228016733/content/1353660.
31. *Ода русскому быдлу*. URL: <http://maaddi.livejournal.com/117731.html>.
32. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. — М., 1998.
33. *Пелипенко А. А., Яковенко И. Г.* Быдло. URL: <http://pelipenko.h1.ru/doklad5.htm>.
34. *Ростовцев А.* Быдло. URL: <http://zavtra.ru/denlit/181/11.html>.
35. *РАС 2002* = Русский ассоциативный словарь : в 2 т. — М., 2002.
36. *Русский народ* — это быдло. URL: gidepark.ru/user/2764368688/content/659905.
37. *Савицкий В. М.* Интеллигенция и интеллигентность // Vita in lingua: к юбилею . С. Г. Воркачева. — Краснодар, 2007. С. 191—202.
38. *Соколов-Мунрич Д.* Про быдло. URL: <http://www.izvestia.ru/news/324545>.
39. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М., 1997.
40. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка : в 4 т. — М., 2000.

41. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. — М., 2003.

42. *Чехов А. П.* Собрание сочинений : в 12 т. — М., 1956.

43. *Что* такое быдло. URL: <http://analysisclub.ru/index.php?page=miscell&art=2634>.

44. *Чухрай П.*: «Наше общество начинает дичать» // Аргументы и факты. 2011. 12 окт. № 41.

45. *Чхатишвили Г. Ш.* Писатель и самоубийство : (электронная версия). URL: <http://lib.aldebaran.ru>.

46. *Шаров С. А.* Частотный словарь русского языка / Рос. НИИ искусств. интеллекта. Электронная версия.

47. *Шигарева Ю.* Писатель Б. Васильев: «Мы вечно в поисках врага» // Аргументы и факты. 2005. 16 марта. № 11 (1272).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

О. С. Иссерс O. S. Issers
Омск, Россия Omsk, Russia

**«КРЕМЛЕВСКИЙ РЕПОРТАЖ»:
СТАРЫЙ ЖАНР В НОВОЙ РАМКЕ**

Аннотация. Рассматривается изменение традиционного жанра официального репортажа. Обсуждаются приемы создания иронических смыслов и языковой игры в репортажах о визитах президента и премьер-министра. Демонстрируется трансформация одного из канонических жанров официальной журналистики.

Ключевые слова: репортаж; ирония; жанр; рефрейминг.

Сведения об авторе: Иссерс Оксана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, декан факультета филологии и медиакоммуникаций, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Контактная информация: 644077, г. Омск, пр-т Мира, 55а, 2-й корп. ОмГУ, к. 221.
e-mail: isserso@mail.ru.

**«KREMLIN REPORTAGE»:
OLD GENRE IN A NEW FRAME**

Abstract. Changes in traditional genre of official reportage are researched in the article. Ways of ironic sense creation and language games in the reportages on president's and prime-minister's visits are discussed. The bottom line: one of the canonic journalistic genre is being transformed.

Key words: reportage; irony; genre; reframing.

About the author: Issers Oxana Sergeevna, Doctor of Philology, Professor, Dean of The Department of Philology and Media, Head of Theoretical and Applied Linguistics Chair.

Place of employment: Omsk State University named after F. M. Dostoevsky.

Там, где была ирония, больше света и больше истины.
В. Янкелевич

Важнейшую роль в процессе формирования и трансформации имиджа высших должностных лиц государства играют средства массовой информации. В России освещением деятельности верховного руководства занимается так называемый *кремлевский пул* — аккредитованные журналисты крупных печатных изданий, телеканалов, радиостанций и информационных агентств. Журналисты «кремлевского пула» присутствуют на всех значимых российских событиях, проходящих с участием первого лица государства, сопровождают президента в ходе его визитов. Пул существовал при Б. Н. Ельцине, В. В. Путине, продолжил свою работу при Д. А. Медведеве и вновь избранном в 2012 г. В. В. Путине [См.: Кремлевский пул].

За годы существования кремлевского пула традиционный журналистский репортаж о событиях с участием главы государства трансформировался в новый жанр — «кремлевский репортаж». Впервые это обозначение жанра появилось в предисловии А. Васильева к книге А. Колесникова «Я Путина видел» [Колесников 2005а: 3]. В дальнейшем эта дискурсивная практика нашла продолжение в репортажах А. Колесникова, собранных в книгу «Меня Путин видел» [Колесников 2005б] и «Раздвоение ВВП: Как Путин Медведева выбрал» [Колесников 2008]. Сегодня такого рода материалы разных авто-

ров регулярно публикуются в федеральных СМИ («Коммерсантъ», «Российская газета», «Ведомости» и др.) и региональных изданиях. В связи с этим закономерно поставить вопрос о жанровой специфике «кремлевского репортажа» (или, шире, официального) и степени его трансформации по сравнению с «каноническим» жанром.

В научной литературе изучение особенностей такого информационного жанра, как репортаж, обычно ограничивается кратким описанием истории его становления и перечнем практических рекомендаций по написанию [Тертычный 2005; Мельник, Ким 2006 и др.]. В то же время феномен «кремлевского репортажа», сформировавшегося в последнее десятилетие, еще не был предметом специального лингвистического анализа.

Это определило цель исследования — изучить пути становления и жанровые признаки современного кремлевского репортажа, а также определить его роль в формировании имиджа первого лица государства. Материалом послужили статьи А. Колесникова, опубликованные в изданиях издательского дома «Коммерсантъ» в 2005—2009 гг. и его книге «Раздвоение ВВП: как Путин Медведева выбрал» (М., 2008), а также публикации в других изданиях, отвечающие канонам «нового старого» жанра.

В соответствии с традиционной классификацией журналистских жанров, репортаж — это «публицистический жанр, дающий наглядное представление о событии через непосредственное восприятие автора — очевидца или участника события» [Тертычный 2005: 156]. Задача любого репортажа заключается прежде всего в том, чтобы дать аудитории возможность увидеть описываемое событие глазами очевидца-журналиста, т. е. создать так называемый эффект присутствия [Шибалева: 55].

За годы советской власти в СССР сложился жанр репортажа, освещающего события официальной государственной жизни. По своей идеологической и жанровой сути он близок к ритуалу. Известно, что ритуализация политической коммуникации была наиболее естественной формой замены реальной политики в то время [Купина 1995; Советское прошлое... 2009]. Однако она не удовлетворяла и не могла удовлетворить все потребности социума. Как следствие, в СССР сформировалась особая «культура подтекста»: если чисто ритуальные формы не несли актуальной информации, то дополнительную семантическую нагрузку брали на себя иные составляющие коммуникативного взаимодействия — порядок следования тем в диалоге, отсутствие упоминания или, наоборот, упоминание тех или иных лиц, событий и пр. [Баранов, Казакевич 1991: 10]. Кардинальное изменение политической жизни на постсоветском пространстве поменяло многое и в общественных ритуалах, и в коммуникативных стилях членов социума. Однако среди меняющегося социального и языкового ландшафта долгое время сохранялись заповедные уголки, не затронутые ветрами перемен. К ним можно отнести репортажи о работе первых лиц государства. Большинство официальных информационных сообщений об их деятельности и визитах строились по моделям, освоенным на протяжении предшествующих лет. Однако стремление современных СМИ к расширению диалога с читателем, сокращению дистанции между изданием и его адресатом, активная диффузия жанров и стилей не могли обойти стороной и этот «заповедный жанр».

Сопоставление типических признаков жанра традиционного официального репортажа и кремлевского репортажа начала XXI в. позволило увидеть отличительные особенности последнего и выявить приемы иронического описания событий, характерные для трансформированного жанра. Все эти приемы подчинены главной задаче — «писать о президенте интересно», как несколько лет

назад подчеркнул бывший главный редактор «Коммерсанта» А. Васильев. Изучение фактического материала показывает, что структура репортажа, стилевые особенности, расставленные акценты определяются не только спецификой самого издания, его форматом, целевой аудиторией, но и установкой (стратегией), дискурсивным стилем журналиста. В этом смысле публикации А. Колесникова представляют яркий образец нового «кремлевского репортажа». Определение его жанровых особенностей и стратегий — задача наших дальнейших наблюдений и анализа.

ИЗМЕНЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ.

С точки зрения «глобального намерения» (по Т. ван Дейку) цель репортажа о высших лицах государства носит не только информационный, но и регулятивный характер. Задача журналиста не просто рассказать о событиях, в которых участвует президент или премьер-министр, но **закрепить в модели мира адресата представления о выполняемой ими миссии, вызвать эмоции одобрения государственной политики и сопричастности ей** (выделение наше — О. И.). При этом роль репортера традиционно заключалась в максимальном приближении к объективной картине события и минимизации собственного «присутствия в кадре». Примером подобного официального репортажа может служить фрагмент следующего сообщения:

Накануне юбилейного Дня шахтера Владимир Путин поздравил с праздником свыше 500 горняков и ветеранов отрасли. Президент заверил, что власти не бросят их, если грянет кризис, да и в более спокойные времена будут помогать.

<...> „Шахтеры заслужили такое внимание со стороны государства и наших граждан. Это без преувеличения праздник настоящих тружеников, сильных, смелых людей, которые всегда подставят плечо в трудное время и на которых можно положиться“, — сказал президент. „Вы действительно люди крепкой, проверенной породы“, — добавил он, отметив традиции настоящего братства горняцких династий. „Горняки никогда страну не подводили и в будущем никогда не подведут, будут добиваться максимальных результатов“, — уверен Путин.

„Шахтерский, горняцкий хлеб никогда не доставался легко. Он добывается потом, а порой, к сожалению, и кровью“, — продолжил глава государства. Напомнив о проблемах, с которыми пришлось столкнуться в 90-х годах, когда „кое-кто пытался поставить точку на отрасли, объявив

ее бесперспективной», он констатировал, что сейчас угледобыча и горнорудное дело в России уверенно развиваются благодаря господдержке и в первую очередь шахтерскому труду [Латухина 2012].

В репортажах А. Колесникова задача формирования имиджа сохраняется, но фокус смещается с «объективной» фиксации деятельности главного персонажа в сторону «возбуждения эмоции одобрения». И решается эта задача принципиально иными способами, чем раньше. Стратегию журналиста можно назвать иронико-эмпатической (от психологического термина *эмпатия*, означающего способность к постижению эмоционального состояния другого человека, эмоциональную рефлексивность индивида). С одной стороны, в репортажах очевидна ироническая позиция комментатора событий, с другой — это позиция не оппонента, но человека «из своего лагеря», не «чужого», а готового поставить себя на место главного действующего лица и не скрывающего симпатии к нему.

Остановимся на приемах создания иронической модальности как дискурсивной доминанты нового жанра и журналистского стиля Андрея Колесникова.

В чем обнаруживает себя ироническая интенция автора репортажей? Ответ на этот вопрос тесно связан с природой иронии и ее проявлениями.

В современных концепциях иронии традиционно выделяются эстетический и лингвистический подходы [Масленникова 1999; Походня 1989; Сергиенко 1994; Саниева, Давыдов 2000; Санников 1999; Чернец 2001]. Разнообразие философских, литературоведческих, лингвистических концепций иронии связано с ее мировоззренческой неустойчивостью. «Невозможно мыслить иронию не ироническим способом, а только вводя это понятие внутрь своего собственного принципа; не существует метаязыка, на котором можно определить данный феномен», — уверен Е. А. Найман [Найман 1994: 7]. О недостаточной разработанности методов анализа иронического текста говорит и В. В. Дементьев, отмечая возможность различного определения базовой единицы категории иронии и ее коммуникативного либо когнитивного характера [Дементьев 2000: 184].

Современная лингвистика рассматривает иронию в двух аспектах: как стилистическую фигуру и как явление, возникающее в акте коммуникации. В свете наших задач последний аспект представляет наибольший интерес. Он был обозначен почти два десятилетия назад в работе С. И. Походни: «В силу своей многогранности ирония сопря-

гает семантику языковых единиц с их естественным коммуникативным окружением» [Походня 1989: 8]. По мнению ученого, иронические смыслы указывают «на наличие сложных корреляций семантики слов со всей текстовой ситуацией в целом, <...> утверждая тем самым иронию как элемент мировоззрения, отношение индивидуума к миру» [Там же: 116].

Эту исследовательскую линию продолжает А. А. Масленникова, отмечая, что в сфере коммуникации иронические смыслы включают проявления эмоционально-оценочного отношения говорящего к предмету коммуникации или адресату, начиная от отношения говорящего к смыслу собственных слов до желания или нежелания осуществлять коммуникацию [Масленникова 1999: 24].

В связи с проблемой иронии в современной лингвистике обсуждаются различные фигуры и феномены двусмысленной речи: антифразис и астеизм, диалогия (каламбур), цитация, парадокс, эвфемизация, энантиосемия и др. [Москвин 2002; Санников 1999; Чуич 1994 и др.]. К лингвокогнитивным механизмам создания иронического смысла, на наш взгляд, следует отнести и процедуру рефрейминга [См. об этом: Иссерс 2009: 216—229]. Большинство из перечисленных выше приемов находит применение в иронических репортажах А. Колесникова.

«КТО, ГДЕ, КОГДА»: ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ И РАЗРУШЕНИЯ РАМКИ СИТУАЦИИ. Когнитивные стратегии производства текстов новостей (к которым относится и репортаж) существенно отличаются от стратегий производства других текстов. Основной принцип, которой обуславливает трансформацию события в газетный текст, — это принцип релевантности (значимости) тех или иных тем для читателя и издания [Дейк 1989]. Заголовок, вводка и содержание текста представляют собой сложное единство, которое функционирует по иным законам, нежели, например, учебные или научные тексты. В связи с этим в типологии газетных заголовков выделяются однонаправленные заголовки, отражающие лишь один содержательный элемент текста, и комплексные, отражающие два и более элементов текста; неполноинформативные (пунктирные), в которых присутствует только сигнал о предмете речи или его признаке, и полноинформативные [Лазарева 2004: 28—39].

В статьях А. Колесникова заголовок в большинстве случаев относится к типу однонаправленных неполноинформативных, поскольку отражает не основную событийную информацию, а один эпизод, далеко не самый существенный. Указанная особенность построения текста нередко использу-

ется для повышения выразительности публикации, создания интриги и является типичным приемом в СМИ [Добросклонская 2008; Клушина 2003 и др.].

В публикациях А. Колесникова заголовок, по сути, является провокационным приемом выстраивания диалога с читателем, своего рода «игрой в интерпретацию», предложением догадаться о возможных темах новостного дискурса. Поскольку заголовок обладает функцией усиления вынесенной в заглавие темы, он является обычным механизмом трансформации исходных событий и высказываний в журналистском тексте [Ср.: Гловинская 1998]. В результате у читателя складывается собственная семантическая макроструктура события, в которой наиболее значимые с информационной точки зрения аспекты не всегда оказываются на вершине.

Многие из заголовков публикаций А. Колесникова основаны на трансформации фразеологизмов, прецедентных высказываний и оставляют читателю так называемую «ироническую свободу» (И. Осинская) поиска смысла, не ограниченную рамками официального репортажа: *Владимира Путина вывели на чистую воду* (о строительстве очистных сооружений в Ростове-на-Дону), *Свой среди армян* (о выступлении на учредительном съезде Всемирной армянской организации), *Александр Лукашенко заработал на чай* (о том, что в Кремле после переговоров с президентом Белоруссии Лукашенко ввиду дефицита времени отменили обед и устроили «ритуальное чаепитие»), *Владимир Путин подсластил Ахмаду Кадырову* (о визите А. Кадырова в сочинскую резиденцию; в материале вскользь упоминается, что «господин Кадыров пил чай с сахаром, а Путин — без») и т. п.

Специфически «колесниковское» моделирование рамки официальной ситуации начинается с заголовка и продолжается в первом абзаце новостного текста — в вводке, или лиде (от англ. *lid* 'крышка' — прим. ред.). Сложившаяся на протяжении многих десятилетий практика отечественной печати требует в официальном репортаже четкого и однозначного обозначения места, времени и участников событий. На первый взгляд, у А. Колесникова эта традиция находит продолжение: *29 августа президент России Владимир Путин прилетел в Италию на остров Сардиния*. Однако следующая после канонически хронологического зачина фраза разрушает сложившийся стереотип, ломая рамку серьезной модальности официальной хроники: *Какая же все-таки это неблагодарная работа — освещать визиты прези-*

дента России! Пора, наконец, сказать об этом во весь голос. Часами ждать и надеяться, ждать и надеяться... А он опаздывает, и это неотвратимо, как судьба. А потом он появляется, и это еще хуже, потому что начинается эта безумная гонка наперегонки со временем, и ты понимаешь, что это время уходит как песок сквозь пальцы... [Колесников 2005: 39].

Прием ломки стереотипа классической репортажной вводки заключается в том, что вместо главных действующих лиц репортажа «в первом акте» на авансцену выходит журналист — со своими эмоциями, рефлексией, ассоциациями: *19 августа президент России Владимир Путин, поднявшись в воздух с аэродрома Летно-исследовательского института имени Чкалова в городе Жуковском после посещения авиасалона „МАКС-2003“, прилетел в Курск, чтобы отпраздновать вместе с его жителями 60-летнюю годовщину Курской битвы. Как я убедился, исход этой битвы до сих пор неясен* Там же: 32]; *21 июля президент России Владимир Путин в простом русском городе Петрозаводске сделал то, что до него удалось только одному человеку. Человека этого звали, как известно, Иисус Христос* [Там же: 19].

3 сентября президент России Владимир Путин посетил с рабочим визитом очистные сооружения города Ростова-на-Дону. А до него все это пришлось нюхать мне (там же: 46).

Продолжая апробированную уже в первом абзаце стратегию ломки стереотипов, автор применяет тактику расширения контекста события, включая в него самые неожиданные сюжеты и зарисовки: как ожидали журналисты первых лиц государства, как происходили приветствия, какова «сцена действия», что было «до того» и т. д. Например, репортаж с ежегодной пресс-конференции В. Путина в Кремле начинается так: *Ожидание встречи с прекрасным 1 февраля 2007 года было, как всегда, нервным. В партере не хватало свободных мест. К тому же участники мероприятия, попав в зал, долго не могли согреться* [Колесников 2008: 36].

Репортаж о встрече в 2005 г. президента России с мэром Москвы Юрием Лужковым, которому было поручено стать сопредседателем Совета мудрецов России и Японии, начинается с воспроизведения пространного диалога ее участников, не имеющего, на первый взгляд, информационной насыщенности, а лишь анонсирующего тему. Однако именно через это «замедление» репортажного сюжета журналист легко вычленяет сверхзадачу встречи.

Судя по тому, с каким энтузиазмом оба участника встречи подчеркивали, что господин Лужков нынче в отпуске, встреча носила откровенно предвыборный характер.

— Я знаю, вы в отпуске, — мягко произнес господин Путин.

— Да, — с беззаботной улыбкой отпустил его господин Лужков.

— Тогда мы не будем обсуждать хозяйственные и внутривластные вопросы.

— Нет, не будем, — неторопливо покачал головой господин Лужков.

— А обсудим международные проблемы! — предложил президент.

— Конечно, — со светлой улыбкой согласился мэр.

В самом деле, разве можно предложить отпуски более увлекательную и легкомысленную тему для разговора? [Колесников 2005: 221].

Как не раз было замечено, «контекст сегодня является важнейшим из искусств» (А. Архангельский), и практика «нового репортажа» подтверждает зависимость рассматриваемого жанра от мастерства создания широкого контекста.

ПРАВО НА ИНТЕРПРЕТАЦИЮ. К числу поддерживающих составляющих, которые формируют широкий контекст, можно отнести и активное проявление в журналистских текстах официальной тематики личностного начала, что труднопредставимо в традициях классического кремлевского репортажа. Это отсылки к личному опыту, описание собственных вопросов и их мотивов, иронические оценки и комментарии, метакоммуникационные ремарки, предположения о чувствах и мыслях героев. Можно сказать, автор предлагает читателю своего рода «игру в интерпретацию», оставляя за собой право на субъективизм, вольное истолкование, намеренное отступление от законов жанра и логики репортажного сюжета.

Телеведущий Дм. Киселев поинтересовался, как готовилось президентское послание и на каком этапе появилась эта фраза — „товарищ волк знает, кого кушать“.

В. Путин ответил удивительно подробно. Мне показалось, он вообще-то очень хотел об этом рассказать. Ему нечего было стыдиться того, как готовилось это послание, ибо единственным его автором, как можно было понять из этого увлекательного рассказа, был он сам [Колесников 2008: 23].

«Чтение в сердцах», как называл одну из полемических уловок С. И. Поварнин, здесь применяется с особой целью — создания эмпатии: автору нужно заставить читателя

стать ближе к герою репортажа, испытать его психологическое состояние, понять ход мыслей. Однако по законам иронии автор не сливается со своим героем, а дистанцируется от него, обнажая не только «державные» мысли и чувства главы государства, но и те, которые составляют его личные черты как частного лица, индивида. Заметим, что дистанцирование, ироническое отстранение, по мнению И. А. Осинской, является одним из ярких признаков писателя-ироника [Осинская 2002: 268].

Маркерами иронической интерпретации слов и действий героя выступают показатели субъективной модальности и авторской эмоциональной оценки: *А Владимиру Путину надо было, казалось, что-то делать. Может быть, следовало отказаться от собственного приветственного слова. Его ведь, думал я, на глазах всего мира делают единомышленником в деле освободительной борьбы мусульманского мира против иудейского. <...> Владимир Путин, видимо, считал, что критическое мгновение пока не наступило. <...> Выступление Владимира Путина было очень позитивным, прозрачным и эффективным. Он не сказал ничего такого, что могло бы задеть хоть кого-нибудь не только в этом зале, но и на этом свете. Да и на том тоже* [Колесников 2005: 164].

Недекларированным, но «узаконенным дискурсивной практикой» правом на интерпретацию А. Колесников пользуется постоянно, о чем, в частности, свидетельствует обилие поясняющих конструкций:

Чрезвычайно интересным был рассказ о том, как готовилось послание.

— Для начала я просто сформулировал то, что хотел бы сам увидеть, руководству администрации, — сказал президент. — Получил, так сказать, предварительный макет этого послания. Коллеги на меня обидятся... Я посчитал, что он не соответствует тому, о чем я хотел бы сказать.

То есть президент прямо сказал, что его администрация с задачей не справилась, хотя задача на первый взгляд не отличалась особенной сложностью. Надо было всего-навсего обработать мысль президента [Колесников 2008: 25].

Заметим, что президент высказал свою мысль отнюдь не прямо, однако журналист-интерпретатор придал ей форму категоричного утверждения, усилив негативную оценку исполнителей.

К интерпретационным приемам иронического письма Андрея Колесникова можно отнести и контекстуальный рефрейминг, на-

правленный на переосмысление события за счет смещения фокуса читательского внимания и изменения рамки ситуации [См. об этом подробнее: Иссерс 2009]. В результате официальные события обретают совсем иное, вплоть до эротического, содержание.

Российский президент и итальянский премьер-министр встали возле красной ленточки, которую предстояло перерезать двумя ножницами, лежащими на серебряном подносе. Поднос держала в руках девушка по имени Оксана.

Оксану отобрала для этой церемонии фирма Merloni из нескольких десятков девушек, работающих в модельных агентствах. Почти все и без того немногочисленные пуговицы на одежде Оксаны были расстегнуты, и от этого ей было холодно. А многим рядом с ней, конечно, жарко — от этого же [Колесников 2010: 113].

Близким по сути иронической трансформации приемом является обыгрывание метафоры, не просто разрушающее серьезную тональность официальной хроники (встреча со спортсменами-олимпийцами), а переводящее событие в весьма фривольную плоскость:

Двухкратная олимпийская чемпионка по синхронному плаванию Анастасия Давыдова, стоя рядом с Владимиром Путиным и приманивая его четырьмя блестящими мормышками на языке (чей-то извращенный ум когда-то назвал то, что она с собой сделала, красивым словом „пирсинг“), произнесла ответное слово от имени спортсменов. Мормышки во рту не помешали сказать ей, что в великой стране с таким великим президентом, как Владимир Путин, должны быть только великие победы.

Владимир Путин, кажется, клюнул [Там же: 115].

Негласные правила «интерпретационной игры», предлагаемой А. Колесниковым читателю, допускают не только вольную, но и ошибочную интерпретацию, в которой автор не стесняется признаться: *Я решил было, что мы (российские журналисты — О. И.), значит, вредны, но выяснилось, что президент не закончил [Там же: 35].*

Особенностью трансформированного жанра является авторская рефлексия, которая регулярно фокусируется не только на содержании речей главного лица официального репортажа, но и на невербальных характеристиках (интонационных, ритмических, паралингвистических и др.), актуальных для создания его имиджа. Так, в репортаже о встрече президента В. Путина с сотрудниками ВГТРК, где задавалось немало

острых вопросов, вкрапление «метакоммуникационных ремарок» является регулярным: *Владимир Путин сделал небольшую паузу — кажется, только для того, чтобы набрать в легкие побольше воздуха [Там же: 32]; Владимир Путин, кажется, наконец-то выдохнул. Но нет, показалось [Там же: 33]; Ключевой в ответе была, разумеется, последняя фраза [Там же: 28]; Президент, видимо, хотел сказать, что они (западные журналисты — О. И.) на порядок компетентнее российских, но, как и в послании, говоря про волка, сдержался [Там же: 35].*

При этом журналист нередко полемизирует с нежелательными для образа героя интерпретациями потенциальных недоброжелателей (известный в искусстве спора прием создания оппонента-чучела), однако и полемика эта обретает ироническую окраску, провоцируя читателя на необходимый автору вывод:

В этот момент в цех наладки вошел президент Российской Федерации Владимир Путин. Воды на полу в некоторых местах было уже по щиколотку, и она постоянно продолжала прибывать. Путь к отступлению мгновенно оказался отрезан. Но Владимир Путин и не собирался отступать. <...>Что должен был сделать президент страны, претендующей на то, чтобы снова стать великой? То же, что и сделал Владимир Путин: пойти по воде. И он пошел.

Злые языки скажут, что если бы не близкий старт предвыборной кампании, то, может, Владимир Путин повел бы себя по-другому. Может, он пожелал бы, оставшись на парапете, выслушать подробный рассказ о принципах действия бумагоделательной машины. Может, придумал бы что-нибудь еще. Но мне все-таки кажется, что в тот драматичный для всей истории нашей страны момент, когда все могло остановиться на парапете или даже повернуть вспять, президент меньше всего думал о своем рейтинге. В лучшем случае он думал о том, удастся ли потом спасти ботинки [Колесников 2005: 19—22].

Поскольку заголовок содержит аллюзию на известный библейский сюжет (*Владимир Путин попал в аварийную ситуацию. И пошел по воде аки по сушу*), включение в репортаж интерпретации замысла главного героя в контексте его якобы судьбоносного для страны решения обретает почти комический смысл.

В числе излюбленных интерпретационных приемов А. Колесникова, эксплуатаци-

рующих жанр пересказа, — редукция смысла, заложенного в словах героя репортажа: *...Таким образом, подтвердилось подозрение, в которое очень не хотелось верить: мы живем во враждебном окружении, в мире, состоящем из угроз и вызовов, производством которых занимается противник. Его и вероятным назвать уже неправильно. Нет, это просто невероятный противник. Самая главная угроза исходит, как всегда, от нас самих* [Колесников 2008: 23]; *Во время пресс-конференции Владимир Путин еще несколько раз возвращался к деятельности правительства, и было очевидно, что эта деятельность — то не многое, что не впечатляет его в современной российской действительности* [Там же: 25].

Скажи, чтоб я тебя увидел. В сферу иронических смыслов вовлекаются и речевые характеристики героев. Автор, как легко предположить, намеренно включает в текст дословные цитаты, ярко маркирующие героя его репортажа: *Только сейчас сотрудника ЦРУ, как у нас говорят, упаковали* [Колесников 2008: 27].

Наибольший эффект в создании полноценного имиджа главы государства дают прецедентные слова и высказывания, представленные, с одной стороны, яркими, образными выражениями, а с другой — штампами и канцеляритом: *Зачем распахивать по районным больницам дорогостоящее оборудование? — спросил он. — Чтобы деньги смылить?* [Колесников 2005: 19]; *Президент, таким образом, предупредил, что до марта 2008 года его не надо считать „хромой уткой“* [Колесников 2008: 30]; *Президент похвалил действия Центробанка и заметил, что за правительством есть еще „должок по судостроению“* [Там же: 34]; *Господин Путин поздравил собравшихся с юбилеем и сказал, что „продукт, который ВГТРК предоставляет в наше распоряжение“, является очень важным для страны, „которая находится на переломном пути своего развития, и здесь каждое слово имеет значение для миллионов людей“* [Там же: 22]; *Я буду ответственно относиться к исполнению своего долга до последней минуты исполнения обязанностей президента страны* [Там же: 29].

В аспекте анализа приемов создания иронических контекстов интересно вспомнить об «ироническом умолчании» и «ироническом бездействии» [Осиновская 2002: 255—262]. В рассматриваемых текстах репортажей многие выразительные в плане имиджевых характеристик высказывания остаются без авторского комментария, тем

самым читателю предоставляется возможность самостоятельно обнаружить имплицитные смыслы (о функциях цитаты в медиатексте см. подробнее см.: [Варченко 2012: 104—110]).

Яркой приметой дискурсивного стиля А. Колесникова является рефлексия по поводу лексического и — шире — языкового выбора героев репортажей: *Впервые он назвал события в Чечне не просто войной, а гражданской войной. Очевидно, президент мог позволить себе это, ибо считал, что в этой войне уже есть победитель* [Колесников 2008: 24]; *Первый вопрос был о судьбе директора сельской школы А. Поносова, которого судят за то, что он закупил для своих учеников компьютеры с нелегальным программным обеспечением. Президент, заявив, что он не в курсе этой истории (во что, впрочем, верится с трудом, ибо тогда это означает, что он вообще не смотрит телевизионные новости и не читает газет), при этом с готовностью прокомментировал эту ситуацию: „Чушь собачья!“ В наших условиях это равносильно приговору за отсутствием состава преступления. С этой точки зрения, я считаю, сразу окупилась все расходы на проведение этого затратного мероприятия* [Там же: 31]; *Владимиру Путину так не нравилось слово „преемник“, что начинало казаться, будто саму идею насчет преемника и, может, даже само слово „преемник“ придумали журналисты* [Там же: 35].

Шутливо о серьезном: выбор слова и приемы языковой игры. Журналист Колесников не только прицельно работает с чужим словом, но и весьма раскованно осуществляет выбор своего, авторского: обозначения главных действующих лиц его репортажей и их действий, атрибутов и деталей ситуативного контекста находятся на грани дозволенного негласными правилами официальной хроники.

После этого господину Путину дали ненадолго передохнуть. Журналистка бальзаковского возраста в матроске юнги назвала господина Путина „несравненным“ и тут же получила то, что хотела: он признался, что она его смущает. Они ворковали друг с другом еще некоторое время [Колесников 2008: 41].

О появлении президента на пресс-конференции: **Ожидание встречи с прекрасным 1 февраля 2007 года было, как всегда, нервным** [Там же: 36].

1 марта состоялась церемония объявления лауреата одной из главных национальных премий — должности премьер-министра страны [Колесников 2005: 357].

Войдя, президент, как обычно, поздоровался за руку со всеми участниками заседания. **Первым за его руку поддержался депутат „Яблока“ Владимир Лукин. Как только президент отошел, господин Лукин, до этого довольно бодро бежавший вокруг стола (совет все-таки по физкультуре), как подкошенный рухнул в кресло, в то время как остальные дожидались, пока президент не обойдет весь стол. <...> Я даже, например, встревожился, не отнялись ли после этого рукопожатия у господина Лукина ноги** [Там же: 127].

Одним из действенных способов создания иронии является переосмысление узального значения лексемы через придание слову каламбурной многозначности (см. об этом: [Санников1999: 506]). Развернутые «псевдоэтимологические» толкования слов являются еще одним ресурсом иронического репортажа. Так, в сообщении из Таиланда журналист размышляет о тайцах, вынужденных стоять в дорожных пробках: **Терпимость, заложенная Буддой в этих людях, все время дает о себе знать. Так, они с легкостью терпят присутствие на улицах антиглобалистов. Антиглобалисты — тоже почти все тайцы. Их мало, и сами они очень терпеливые люди. Ведь для того, чтобы сидеть маленькими кружочками целый день под палящим тридцатипятиградусным солнцем и ревущими монорельсами в каменных джунглях, которые представляет собой этот далекий город Бангкок, и никого ни о чем не просить и вообще ни на чем не настаивать, нужно очень много терпения. И вот они терпят — по сути, самих себя** [Колесников 2005: 167].

К числу традиционных способов создания иронического смысла, описанных в основном в исследованиях разговорной речи и языковой игры, относится «эксплуатация» системных отношений в лексике. Новый кремлевский репортаж открыт для игр со словом, использующих ресурсы полисемии, омонимии, антонимии, многозначности, стилистического контраста, а также нарушения лексической сочетаемости: *...мы живем во враждебном окружении, в мире, состоящем из угроз и вызовов, производством которых занимается противник. Его и вероятным назвать уже неправильно. Нет, это просто невероятный противник* [Колесников 2008: 23]; о саммите, на который не смогли прилететь российские бизнесмены: *Наши люди могли, конечно, переждать бурю в какой-нибудь комфортабельной пустыне по соседству с Таиландом, а потом смерти вопреки все же долететь до де-*

лового саммита. Но оказалось, что у олигархов есть гордость. Они улетели в Москву. В душах их теперь мерцает огонь мщениия. Похоже, черные дни настают для тайского бизнеса. Не придут в него российские инвестиции [Колесников 2005: 169].

Языковая игра обнаруживается и в использовании грамматически контрастных форм (прием, детально описанный Е. Н. Ремчуковой [Ремчукова 2005]): *Я тем временем поглядел на руководство парламентского большинства. Эти люди сидели, сгрудившись за столом с видом заговорщиков, чей заговор зрел медленно и печально и вот созрел* [Колесников 2005: 354].

Завершая краткий обзор приемов работы со словом в репортаже об официальных событиях с участием высших должностных лиц государства, уместно вспомнить меткое замечание В. З. Санникова по поводу относительной самостоятельности языковых шуток: «...в отличие от юмора и, в какой-то степени, от иронии и сатиры, которые в ряде случаев читаются между строк, как бы разлиты по всему тексту, <...> словесная шутка сохраняет автономию в структуре произведения и может быть извлечена из него» [Санников 1999: 23]. Однако наши наблюдения за иронической стратегией репортажей А. Колесникова свидетельствуют об обратном: будучи извлеченными из контекста ситуации и жанра, многие примеры языковой игры теряют свой комический потенциал.

Обобщая наши наблюдения за стратегией переосмысления традиционного журналистского жанра в его «кремлевской» разновидности, попробуем сделать некоторые выводы.

Публикации А. Колесникова, написанные им в период пребывания в «кремлевском пуле», явились мощным толчком, разрушающим стереотипы одного из канонических жанров отечественной журналистики. Это не значит, что все современные репортажи о российской политической жизни обрели ироническую тональность, — отнюдь нет. Однако элементы «иронической свободы» стали все чаще обнаруживаться и в такой строго регламентированной области, как официальный кремлевский репортаж.

В контексте наших размышлений об особенностях новой дискурсивной практики, апробированной А. Колесниковым и подхваченной другими журналистами, нельзя не вспомнить идею американского исследователя Р. Рорти о «конечном словаре личности». Под ним подразумевается словарный запас человека, которым он способен выразить всю свою систему представлений. Ироник же «всегда и беспрестанно сомневается

в конечном словаре, которым он пользуется в настоящее время, потому что на него уже произвели впечатление другие словари. <...> Противоположность иронии — здравый смысл. Ибо это пароль тех, кто бессознательно описывает важное в терминах конечного словаря, к которому они <...> привыкли» [Рорти 1996: 103—104]. Разрушение (или расширение?) «конечного словаря», будто бы окончательно приспособленного для описания отдельных фрагментов картины мира (в нашем случае — официальной жизни высших должностных лиц государства), происходит в дискурсивных практиках.

Наблюдение за особенностями современных кремлевских репортажей позволяет говорить о том, что изменение установки журналистов «описывать важное в терминах конечного словаря» активно влияет и на процесс формирования, укрепления или трансформации имиджа первых лиц государства.

Изучение функционирования «нового старого» жанра официального репортажа актуально как в свете технологий создания имиджа президента, премьер-министра, членов правительства, так и в аспекте формирования новых практик современного политического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык. — М., 1991.
2. Варченко В. В. Цитатная речь в медиатексте. — М.: Либроком, 2012.
3. Гловинская М. Я. Типовые механизмы искажения смысла при передаче чужой речи // Лики языка. — М., 1998. С. 14—30.
4. Дейк ван Т. Структура новостей в прессе // Язык, познание, коммуникация. — М., 1989. С. 228—267.
5. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. — Саратов, 2000.
6. Добросклонская Т. Г. Язык средств массовой информации: учеб. пособие. — М.: КДУ, 2008.
7. Иссерс О. С. Стратегия рефрейминга в аспекте лингвокреативной деятельности // Лингвистика креатива: коллект. моногр. / отв. ред. Т. А. Гридина; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009. С. 216—229.
8. Клушина Н. И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. — М., 2003. С. 195—210.
9. Кремлевский пул. Жизнь президентского оборта. URL: <http://www.compromat.ru> (дата обращения: 12.07.2010).

10. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реализации. — Екатеринбург; Пермь: ЗУУНЦ, 1995.

11. Лазарева Э. А. Заголовок в газете. — Екатеринбург, 2004. С. 28—39.

12. Масленникова А. А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 1999.

13. Мельник Г. С., Ким М. Н. Методы журналистики: учеб. пособие. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2006.

14. Москвин В. П. Фигуры двусмысленной речи // Русский язык в школе. 2002. № 2. С. 86—90.

15. Найман Е. А. Онтологизм иронии // Проблемы исследования знания и культуры. — Томск, 1994. Рукоп. деп. В ИНИОН РАН. Деп. № 49627. С. 72—76.

16. Осинская И. А. Поэтика иронии // Труды членов Рос. филос. о-ва. — М., 2002. Вып. 2. С. 254—290.

17. Походня С. И. Языковые виды и средства реализации иронии. — Киев, 1989.

18. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики. — М.: Изд-во РУДН, 2005.

19. Рорти Р. Случайность, Ирония и Солидарность. — М., 1996.

20. Саниева И., Давыдов В. Ирония. История вопроса // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. науч. тр. — М., 2000. Вып. 12. С. 54—69.

21. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. — М., 1999.

22. Сергиенко А. В. О природе иронии как проявлении импликации (на материале прозы Г. Гейне) // Семантические процессы на разных уровнях языковой системы. — Саратов, 1994. С. 157—163.

23. Советское прошлое и культура настоящего: моногр. : в 2 т. / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 2.

24. Тертычный А. А. Жанры периодической печати. — М., 2005.

25. Чернец Л. В. Ирония как стилистический прием // Русская словесность. 2001. № 5. С. 69—72.

26. Чуич Н. Н. Парадоксы интерпретации «иронического текста» // Понимание и интерпретация текста. — Тверь, 1994. С. 123—129.

27. Шibaева Л. В. Жанры в теории и практике журналистики. URL: <http://www.library.cjes.ru> (дата обращения: 19.08.2011).

ИСТОЧНИКИ

28. Колесников А. Раздвоение ВВП: как Путин Медведева выбирал. — М.: «Коммерсант»: Эксмо, 2008.
29. Колесников А. Меня Путин видел. — М., 2005б.
30. Колесников А. Я Путина видел. — М., 2005а.
31. Колесников А. Фарс-мажор-2. — М., 2010.
32. Латухина К. Под острым углом // Российская газета. 2012. 20 авг. № 5864. URL: <http://www.rg.ru/2012/08/20/shahtery-site.html>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

А. П. Сквородников, Г. А. Копнина
Красноярск, Россия

A. P. Skovorodnikov, G. A. Kopnina
Krasnoyarsk, Russia

**СПОСОБЫ МАНИПУЛЯТИВНОГО
РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ**

**WAYS OF MANIPULATIVE
SPEECH INFLUENCE
IN RUSSIAN PRESS**

Аннотация. Рассматриваются способы (тактики) манипулятивного воздействия в российской прессе в контексте проблемы информационной безопасности общества и личности. Особое внимание обращается на разоблачение этих тактик самими журналистами.

Abstract. This article deals with the ways (tactics) of manipulative influence in Russian press in the context of informational security problem of society and personality. Special attention is paid to the exposure of tactics by journalists themselves.

Ключевые слова: речевое воздействие; манипулятивная тактика; информационная безопасность.

Key words: speech manipulation; manipulative tactics; information security.

Сведения об авторе: Сквородников Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, профессор-консультант кафедры русского языка и речевой коммуникации.

About the author: Alexander Petrovich Skovorodnikov, Doctor of Philology, Professor-Consultant of Russian and Speech Communication Department.

Место работы: Сибирский федеральный университет.

Place of employment: Siberian Federal University.

Контактная информация: 660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а, оф. 2-42.
e-mail: skapnat@mail.ru.

Сведения об авторе: Копнина Галина Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и речевой коммуникации.

About the author: Kopnina Galina Anatolievna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Russian and Speech Communication Chair.

Место работы: Сибирский федеральный университет.

Place of employment: Siberian Federal University.

Контактная информация: 660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а, оф. 2-42.
e-mail: gkopnina@mail.ru.

Как отметил Д. А. Медведев, угрозой национальной безопасности являются «засилие продукции массовой культуры, ориентированной на духовные потребности маргинальных слоев, а также противоправные посяательства на объекты культуры», «попытки пересмотра взглядов на историю России, ее роль и место в мировой истории, пропаганда образа жизни, в основе которого — вседозволенность и насилие, расовая, национальная и религиозная нетерпимость» [Президент... 2009]. В связи с этим разработка проблемы речевой манипуляции приобретает особое значение в аспекте информационной безопасности общества, понимаемой нами как высокая степень его защищенности от перечисленных выше информационных угроз. Элитарный уровень коммуникативной культуры предполагает знание технологий речевой манипуляции, умение видеть манипулятивные тактики и соответствующие приемы их языкового оформления, а также способность им противостоять. Необходимость таких знаний начинает осознаваться нашим обществом, о чем свидетельствуют многочисленные публикации по проблемам манипулятивного ре-

чечевого воздействия (см. библиографический указатель [Копчева 2007], а также статьи в журнале «Политическая лингвистика», напр.: [Геворгян 2011; Окунева 2011; Сергеева 2012] и др.).

Под речевой манипуляцией (манипулированием) мы понимаем вид речевого воздействия, который осуществляется путем использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата в интересах манипулятора. Среди многочисленных тактик, реализующих манипулятивную стратегию, можно выделить тактики, которые относительно легко узнаются более или менее подготовленным адресатом, и тактики трудноопознаваемые, требующие для вычленения значительных фоновых знаний в области гуманитарных дисциплин, в частности лингвистики. Основную задачу статьи видим в показе этих тактик как в ходе анализа отдельных примеров манипуляции в российской прессе, так и с помощью приведения разоблачающих наблюдений журналистов. Отметим, что рекламные тексты, а также тексты изовербальные нами для анализа не привлекались, в силу того что

первые из них уже достаточно хорошо изучены, вторые же могут составить предмет отдельного исследования.

Сравнительно легко узнаваемыми являются следующие тактики.

- Тактика фамильярного именования лица или уничижительного обращения к нему, например обращение журналиста к президенту Российской Федерации Дмитрию Анатольевичу Медведеву: *У вас, Дмитрий* (здесь и далее жирный курсив в иллюстрациях принадлежит нам. — А. С., Г. К.), *в запасе еще два года. Успеете. Но медлить нельзя. Успехов, малыши!* (Завтра. 2010. № 33).

- Тактика сопоставления кого/чего-либо с заведомо негативно оцениваемыми лицами, фактами и т. д., например сопоставление Лукашенко с такими деятелями, как Фидель Кастро и Ким Чен Ир: *...Вот только обращаться к России с просьбой заставить Лукашенко соблюдать права человека — тут польские чиновники явно погорячились. С таким же успехом можно было просить повлиять на Лукашенко Фиделя Кастро или Ким Чен Ира* (Литературная газета. 2005. № 25).

- Тактика намека, направленная на то, чтобы вызвать у адресата ментальное состояние подозрения: *Или вот возьмем канал Russia Today. 30 млн долларов — это только начало. А потом? Потом можно ходить по олигархам и собирать деньги на освещение светлого образа Кремля. <...> Организаторы сами рассказывают — деньги на мероприятие собирали с бизнесменов. Те были рады помочь. А теперь скажите: вы знаете, сколько денег собрали с бизнесменов? А сколько потратили?* (Новая газета. 2005. № 53).

- Тактика снижения образа какого-либо деятеля при помощи создания иронического, сатирического или саркастического контекста, в который погружается объект дискредитации, например: *На днях мэр Москвы г-н Лужков смущенно продемонстрировал свою голову, на которой красовался огромный синячище. Сам, без всякой французской полиции и прессы, честно признал, что долбанулся о лыжню при спуске. Обратите внимание. Обычно на горных лыжах ноги-руки ломают-вывихивают. А тут человек именно головой пострадал. А почему? Потому что голова тяжелая, заботами переполненная, перевешивает* (Советская Россия. 2007. № 18).

- Тактика генерализации (неоправданного обобщения): *Российская Федерация перед лицом мирового сообщества отчетливо, вслух призналась в том, что гуманное лечение животных у нас считается*

преступлением. Вчера Замоскворецкий районный суд вынес обвинительное заключение по делу ветеринара Александра Дуки, который применял анестезию при операциях своим пациентам (Новая газета. 2004. № 68).

- Тактика ухода от ответа на вопрос (ниже приведен фрагмент из интервью корреспондента «Аргументов и фактов» с Э. Шеварнадзе):

Э. Шеварнадзе. *<...> Вы спрашиваете, за что полюбили Америку? Когда нам было тяжело и мы в буквальном смысле умирали с голоду, <...> США нам прислали несколько сот тысяч тонн зерна. <...>*

— *В то время России самой было не просто выживать. Но до сих пор Грузия сидит на дешевом российском газе и электроэнергии. Почему здесь это не ценят?*

— *Россия не могла помочь, а что нам было делать? Да у нас не было бы даже своей армии, если бы не американцы! Они десятки миллионов тратят на подготовку нашей армии и специалистов присылают* (Аргументы и факты. 2005. № 26).

- Тактика сведения какой-либо информации к абсурду: *„...Есть у тебя кусок земли — под садом-огородом, приусадебным участком, дачей — это все твое. Распоряжайся, продавай. Что касается сельхозугодий, договорились — на земле все формы хозяйствования: колхоз, совхоз, ферма, крестьянское подворье. И право взять в АРЕНДУ столько земли, сколько нужно. С правом передать по наследству. Но продавать сельхозугодья нельзя! Завтра соседи богатые приедут и скупят через подставных лиц вашу землю. И вся страна будет в батраках у богатых соседей. Это очевидно почти каждому. Просто потеряем страну...“.*

В числе земельных „наделов“, перечисленных выше Зюгановым, недостает еще одного. Того, который гарантирован каждому россиянину при любом президенте. Размер этого участка невелик, всего 2,20 на полтора метра: под могилу. Зато он твой. Можешь оставить в наследство или продать. Потому как другой земли коммунисты не обещают (Очевидец. 1996. № 61). Сопоставление несопоставимого (включение земли под могилу в категорию сельскохозяйственной земли) является основой тактики доведения до абсурда.

- Тактика отрицательной характеристики человека через перечисление позитивных дел, которые он не совершал и в принципе не обязан был совершать, например (речь в отрывке идет о Г. А. Зюганове): *Биографию*

его почему-то не публикуют, наверное, нечем похвастаться. **Комбайн не водил, прорабом на стройке не работал. Как хозяйственник — ноль. Даже зрение никому не возвращал и армией не командовал...** (Очевидец. 1996. № 61).

- Тактика отрицательной характеристики человека путем указания на его внешность. Известный кинорежиссер Станислав Говорухин такого рода тактики подвергает критике: *Пробовали покопаться в биографии (Зюганова — А. С., Г. К.) — может, жену бросил, может, „на сторону ходил“, может, учился плохо, может, болезнь какая, хоть самая заваливающая, имеется, может, пьет горькую после работы — нет, ничего не нашлось, не за что зацепиться.*

Что придумали? <...> Сколько я слышал, особенно от творческой публики, самого податливого в руках гипнотизера материала, примерно одни и те же слова: „Ну нет, с такой мордой...“. <...> „Не могу себе представить нашего президента с таким лицом...“ (Завтра. 1996. № 47).

- Тактика лести, о чем свидетельствует такое описание: *Эти люди (манипуляторы — А. С., Г. К.) сегодня обращаются к вполне определенной возрастной и социальной аудитории: воспитанным в офисах детям столичных семей в районе 22—25 лет. Эти люди объясняют юношеству, что они — креативный класс, впервые отважившийся взять на себя ответственность за судьбу страны. И что этот взрослый креативный класс молодых специалистов, конечно же, не поверит ни в какие „руки Госдепа“. Ведь он же взрослый и креативный, так? А взрослые креативные люди в детские сказки про шпионов не верят. Шпионы бывают только русские (Литературная газета. 2012. № 3).*

- Тактика оперирования «идеологическими фантомами», т. е. словами и словосочетаниями с размытым значением и стереотипной позитивной или негативной коннотацией: *цивилизованные страны, политика реформ, свобода слова, демократия, гласность, независимые СМИ, общечеловеческие ценности, новое мышление, международная общественность, ускорение, права человека, стабильность, модернизация* и т. д. Как пишет Игорь Шафаревич в статье «Социализм или капитализм?», «...самая благодатная почва для обмана и махинаций, когда используются расплывчатые понятия и положения, в которые по желанию можно вкладывать разный смысл» (Литературная Россия. 1994. № 24).

О манипулятивной сущности такого рода идеологических стереотипов пишут многие авторы. Приведем пример оценок некоторых

стереотипов: *Начатая Горбачевым „перестройка“ была преподнесена населению страны в броской пропагандистской упаковке. Излюбленными лозунгами стали такие, как „возвращение на путь общечеловеческой цивилизации“, „новое мышление“, „общечеловеческие ценности“ и им подобное. Время быстро показало, что все эти словосочетания были лишены какого-либо практического смысла и представляли вульгарную пропагандистскую трескотню (Красноярская газета. 1994. № 53—54); При этом в качестве „общечеловеческих“ предлагаются вовсе не те ценности, которые действительно одинаково дороги для всех цивилизаций — <...> для мусульманина, конфуцианца, православного, католика, иудея и буддиста (Литературная Россия. 1995. № 28); Когда Путин попытается вернуть в Россию нефть и доллары „ЮКОСа“, американцы и англичане начнут кричать, что это нарушение прав человека и частного бизнеса (Аргументы и факты. 2008. № 4).*

«Идеологические фантомы» выполняют роль словесного прикрытия некоторых неблагоприятных обстоятельств (и этим напоминают эвфемизмы). Об использовании «слов-прикрытий» пишут и сами журналисты, отмечая употребление на страницах газет следующих замен: вместо «геноцида» — «проявление межнациональной розни», вместо «расистов» — «хулиганствующие молодчики» (Литературная газета. 1990. 8 авг.); вместо «штаба помощи беженцам» — «штаб по оказанию помощи вынужденно покинувшим места постоянного проживания» (Литературная газета. 1990. 28 февр.); вместо «должностных привилегий» — «условия работы» (Красноярская газета. 1994. 8 окт.); вместо «развала государства» — «дезинтеграция» (Известия. 1995. 14 янв.); вместо «секты» — «движение», «церковь», «единение», «проповедники Принципа» (Известия. 1995. 17 мая).

Наряду с идеологемами-«прикрытиями», используются идеологема с отрицательной коннотацией: *маргинальный, сталинизм, русская мафия, международный терроризм, империя, тюрьма народов* и др. Их разнообразием являются так называемые словесные ярлыки — слова или словосочетания с ослабленным денотативным значением и гипертрофированной отрицательной коннотацией, используемые для характеристики того или иного социально значимого объекта (политической партии, движения, страны, общественного деятеля и т. д.): *До сих пор еще стоит русскому человеку о себе во всеуслышание заявить, что он русский, что он любит свою родину Россию, свою*

культуру, как тотчас на него наклеивается ярлык: *националист, шовинист, черносотенец, фашист* (Наш современник. 1997. № 7); *Залуплена в ход чудовищная провокация глобального масштаба, перед которой отступает на задний план даже поджог рейхстага. Я имею в виду столь одержимо раздуваемый миф о русском фашизме* (Литературная Россия. 1990. № 12). Ярлыки используются для дискредитации и демонизации кого- или чего-либо, например: **Ксенофобия высшего пилотажа, которая распространяется вообще на все, что шевелится, — я думаю, это и есть наша национальная идея** (Новая газета. 2007. № 26).

Близки по функции к ярлыкам стандартные инвективы, которые отмечены в современной публицистике: *...Если по-прежнему по отношению к тем участникам событий, которые, жертвуя жизнью (а погибло много молодых людей), пытались отстаивать свое понимание справедливости и чести страны, употребляются и сегодня те же самые определения („стадо“, „городское дно“, „толпа“), то это тревожный сигнал всему российскому обществу* (Литературная газета. 2003. № 41).

Сложными для распознавания тактиками являются такие, для осмысления которых необходим анализ более широкого контекста (политического, исторического, философского, литературного и т. д.): тактика сокрытия манипулятором истинной цели под завесой декларируемых благовидных намерений или какой-либо иной информации; тактика искажения тех или иных значимых фактов, а также цитат; тактика ложного доказательства, состоящая в частности в искажении причинно-следственных отношений, «выдвижении» ложной информации в сильные позиции текста; тактика подмены понятий и некоторые другие, представленные, например, в статье «Встреча со свинксом» (Новая газета. 2005. № 53). Приводим эту статью целиком без указания автора, потому что для нас важен текст, а не личность журналиста, стоящая за ним.

ВСТРЕЧА СО СВИНКСОМ

«Я — русская.

Она — Россия, и это

Это не индугенция»

ничего не объясняет

Месяца два назад в редакцию пришло письмо, обвиняющее меня в разжигании национальной розни. Поводом явилась заметка в спецвыпуске, посвященном делу «ЮКОСа», где я неосторожно рубанула правду, как мне казалось, матку о «балагановской страсти к воровству, заложенной в русской природе». Нападки группы авторов показались мне, честно говоря, настолько смехотворными, что я не среагировала на угрозы и не подумала извиняться перед русским

народом, каковое условие группа патриотов ставила мне, угрожая судом и прокуратурой.

Надо отдать должное последовательности товарищей. И в прокуратуру заявили, и в Интернете развернули такой базар вокруг моей персоны, мама не горюй!

Люди, у(ис)пражняющиеся в Сети, щеголяя своей цеховой орфографией, уж как только меня там не носили. Особенно позабавила «фашыстка-пидараска». Впрочем, не о них речь.

Речь, конечно, как всегда, о национальной идее, над которой я, «фашыстка-пидараска», надглумилась.

«По факту национальной идеи и национальной же розни (как пишут в протоколах следствия) хочу довести до читателя» вот такой дивный эпизод. Не о Ходорковском, ни боже мой!

Гражданка смутной национальности (да хоть та же я) пришла на оптовый рынок, где чего только нет и собран форменный фонтан «Дружба народов», если кто помнит. Стоит, рассматривает по женской дурной привычке тряпки без очевидной цели купить. Торговец, кубанская казачка, вырывает вдруг у нее очередные корейские штаны из слабых рук и орет: «А ну хватит тут мацать товар, вали отсюда, жидовская морда!». Из-за соседнего прилавка выскакивает другой продавец с разъяренным лицом молдавской национальности и прыгает на товарку, как рысь. «Ах ты фашистка, — кричит, — чем тебе ее морда плоха, язык твой поганый, а хоть бы и жидовочка, извиняйся, сука, ешь землю!». Случившийся рядом татарин урезонирует женщин: «Гражданки, вы ж не на зоне, в том плане, при чем тут нация, все мы на данный момент россияне!». А моему другу Киселеву, русскому, как борзая, покупающему после вчерашнего десять бутылок воды, соплеменница из очереди, потеряв терпение (видимо, тоже от жажды), крикнула: «Понаехало этих узбеков, русскому человеку глотка кваса скоро не достанется!».

Допустим, многие русские с похмелья похожи на узбеков. При том, что узбеки — очень красивая нация, с глубоким чувством прекрасного. Но главное: почему у нас, россиян, чуть что — начинаются национальные разборки? Почему именно на базарно-трамвайном уровне ведутся семинары, как я пыталась разъяснить следователю в прокуратуре, по вопросу, может быть, самому тонкому и сложному? И уж точно — требующему широкого контекста.

Конечно, именно потому, что Россия, как лоскутное одеяло, сшита из сотен разных этносов и, соответственно, национальных самосознаний. До некоторых пор наиболее размытое национальное самосознание было у русских как у «большого брата», самого крупного этноса, не имеющего нужды защищаться. Одна моя приятельница, затесавшаяся невесть с какого бодуна в дворяне и дикие русофилы, порицала меня за дружбу с евреями и отсутствие национального самосознания: «У тебя же мама русская!». У меня, что интересно, и папа русский. У фамилии своя история, сейчас не об этом. Но что такое национальное самосознание русского человека, которым так озабочены мои обвинители и грамотеи из Сети, я понимаю очень приблизительно.

Ограждать себя от нападков по кровному признаку часто (сейчас уже реже) вынуждены евреи. Понятно. Малые народы, пострадавшие от депортации. Тоже понятно. Татары (и вообще мусульмане), цыгане, азербайджанцы, армяне собираются на территории России в землячества также по понятной причине: сохранять автономию в ином культурном, этическом, конфессиональном, языковом контексте.

Чего так трясутся над своими метафизическими ценностями русские в России — режьте меня — не понимаю.

Почему это, пытаются грозно, уставя в меня частокол пальцев (хорошо, не ствол), страсть к воровству заложена в русской природе? Привлекаю как самый простой аргумент Карамзина, хрестоматийный портрет России: «Воруют...». Так то в России, говорят мне, а не в русской душе!

Прощай, немая Россия... Угадал меня Бог с умом и талантом родиться в России. В Россию можно только верить... Эх, Русь-тройка, куда, мол, скачешь, и так далее... *Не дает ответа Русь*. И не даст. Сама по себе Россия не объяснит нам ничего. Объяснит человек. Живущий на этой земле, говорящий на русском языке и по этой причине являющийся в любом общественном сознании русским. Эфиоп Пушкин, шотландец Лермонтов, немец Чаадаев, украинец Гоголь и еврей Мандельштам.

Тютчев 22 года прожил за границей и был, конечно, европейцем, иностранцем, хоть и русским, без сомнения. И неслучайно он, а не, скажем, Пушкин, никогда не покидавший Россию, придумал знаменитый парадокс о том, что умом не понять и аршином не измерить.

А если не понять, то как верить? Это же не бесконечность, не Вселенная, не Господь Бог и не частицы тахионы, движущиеся быстрее света, причем всячь времени. Это просто страна. Государство. Общность народов. Правда, страна очень большая, государство очень несправедливое, общность очень пестрая. Но отчего же не понять? Оттого, что речь идет, как и во всех хрестоматийных текстах, не о территории, а о «человеческом факторе». О так называемой загадочной русской душе.

Так вот об этой знаменитой загадке. Среди текстов, на эту тему популярных, есть один малоизвестный, впервые напечатанный в «Огоньке» на гребне перестройки. Это статья Горького о русском народе. О его глубокой безнадежности, *заложенной в природе*. О неискоренимом пьянстве, воровстве, жестокости, нищете духа.

Вероятно, сочетание этих национальных качеств с пресловутой духовностью, щедростью, жертвенностью и другими прекрасными свойствами русского же человека и составляет главную загадку «русского свинкса», которого оппоненты мне тоже шили как могли: кто да что, да почему я пишу через «в». Вот потому и пишу.

Нет такой национальности — «россиянин». И слова такого нет. Его Ельцин придумал. «Поддай, батюшка, Христа ради...». — «Как же я тебе подам, россиянка, у меня ни мяча, ни ракетки!». Блок утвер-

ждал, что мы скифы. У Гумилева-сына теория еще интереснее. Но как ни крути, а мы русские. И когда из-под нашего лоскутного одеяла выбирается и едет куда-нибудь на ПМЖ любой из нас — грузин, еврей, даже немец из Казахстана, даже татарин оттуда же — для туземцев он всегда русский.

Меня в свое время буквально взбесила книга Петра Вайля «Карта родины», написанная брезгливо и декларативно со стороны. Попутешествовав по России, давно покинувший ее Вайль не нашел на всем своем в хлам изгаженном пути ничего путного, светлого, заслуживающего уважения. Дикий пассаж о следах вырождения на лицах семьи Ульяновых (с какими-то там надбровными дугами) объясняет многое. У писателя была задача показать миру умирающую, *вырождающуюся* Россию. Моя подруга-эмигрантка сказала мне шутку похлеще: русский язык скоро отомрет за ненадобностью. Ну так она и поглупее Вайля.

Я живу здесь. Говорю и пишу по-русски. И моя задача — русского журналиста, российского подданного, человека русского по крови и воспитанию — понять. И русский бунт, бессмысленный и беспощадный, и русскую интеллигенцию, непоследовательную и слабую, и русскую противоречивую душу, и многие другие идиомы. И если я все пойму, я поверю в Россию, где, как и в русском человеке, конечно, много дряни. Значит, надо копаться и в ней. Полагаю, я имею на это право, потому что я не просто сочувствующая. Я — русская. Это не индульгенция (как модно думать и писать с нарочитыми ошибками на отвязном анонимном сайте). Но это действительно многое объясняет.

Манипулятивная стратегия этого текста прослеживается начиная с эпиграфа «Я — русская. Это не индульгенция», который перекликается с концовкой текста: и там, и здесь утверждается принадлежность автора к русскому этносу, что якобы дает ему право высказывать любые негативные оценки русского народа. Общая квалификация русских людей дана в заголовке, в котором использован оценочный окказионализм «свинкс», образованный контаминацией двух слов: «сфинкс» и «свинья». Первое из этих слов отсылает нас к миниатюре И. С. Тургенева «Сфинкс», пафосом которой является загадочная душа русского народа (тем самым снижается позитивный пафос тургеневского текста). Уже в первом абзаце говорится без должных оснований о «страсти к воровству, заложенной в русском народе», причем данное утверждение усиливается приемом графического выделения и двукратным повтором этой мысли в последующем тексте. Тактика подчеркивания низкой культуры оппонентов автора текста осуществляется путем намеренного воспроизведения характерных элементов чужой речи: „*фашистка-пидараска*“, *надглумилась*.

Конфликт на национальной почве, который якобы наблюдала автор на одном из московских базаров, будучи частным случаем, возводится в ранг общенационального явления: *Но главное: почему у нас, россиян, чуть что — начинаются национальные разборки?* — и т. д., причем попутно дискредитируется понятие национального самосознания: *Но что такое национальное самосознание русского человека, которым так озабочены мои обвинители и грамотеи из Сети, я понимаю очень приблизительно. <...> Что так трясутся над своими метафизическими ценностями русские в России — режьте меня — не понимаю.* В данном случае используется тактика «надевания маски непонимающего», при этом категорические утверждения с негативными оценками (*озабочены мои обвинители и грамотеи; чего так трясутся*) создают определенную установку: признать проблему банальностью, не стоящей внимания. В свете этого интересной представляется мысль Д. И. Блохинцева из статьи «Рождение и смерть идей»: «Есть два способа бороться с ИДЕЯМИ: первый способ — это преследовать их. Способ, который обычно увеличивает число приверженцев. Второй способ — это признать их банальностью. Этот способ — убийственный для идей» (Литературная Россия. 1992. № 50).

К тактике неправомерной генерализации относится ссылка на слова М. Горького: «Эта статья Горького о русском народе. О его глубокой безнадежности, *заложенной в природе* (курсив автора анализируемой статьи). О неискоренимом пьянстве, воровстве, жестокости, нищете духа». Заметим, что эта мысль М. Горького выбивается не только из творчества писателя, но и из всего контекста русской классической литературы XVIII — начала XX в.

В тексте реализуется также тактика создания неприглядного физического облика русского человека: «...многие русские с похмелья похожи на узбеков». Используется и тактика подачи мифа — в данном случае исторического анекдота, приписываемого разным авторам, — как реального факта: «Привлекаю как самый простой аргумент Карамзина, хрестоматийный портрет России: „Воруют...“». Близкой к этой тактике является ссылка на известных писателей и ученых без пояснения логики аргументации и привлечения соответствующего контекста: «Блок утверждал, что мы скифы. У Гумилева-сына теория еще интереснее». Бездоказательным является также пассаж по поводу «русского свинкса» («...которого оппоненты мне тоже шили как могли: кто да что, да по-

чему я пишу его через „в“. Вот потому и пишу»). Не соответствует действительности и утверждение о том, что слово «россиянин» придумал Ельцин. Это слово активно употреблялось уже в XVIII в.

Наиболее сложной для разоблачения является тактика манипулятивного использования цитат в качестве аргументов: «Прощай, немытая Россия... Угадал меня бог с умом и талантом родиться в России. В Россию можно только верить... Эх, Русь-тройка, куда, мол, скачешь, и так далее... *Не дает ответа Русь*».

Первая фраза — «Прощай, немытая Россия...», — взятая из стихотворения М. Ю. Лермонтова, написанного в период его ссылки на Кавказ, свидетельствует не об отношении поэта к русскому народу, а о его обиде на правящий режим, о чем говорят такие строки: *Быть может, за стеной Кавказа / Сокроюсь от твоих пашей, / От их всевидящего глаза, / От их всеслышащих ушей.*

Фраза «Угадал меня Бог с умом и талантом родиться в России...» представляет собой искаженное место из письма А. С. Пушкина к жене от 18 мая 1836 г. В этом письме поэт высказывает недовольство тем, что в России цензура не оставляет своим вниманием журналистов (а Пушкин был не только поэт, но и журналист). Он недоволен тем, что если не будет критиковать правительство (что было модно в литературных кругах того времени), то либералы будут считать его журналистом, выражающим официальную точку зрения, как Фаддей Булгарин или Николай Полевой. Цитируем фрагмент письма: «Брюлов сей час от меня. Едет в Петербург скрепя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утешить и ободрить; а между тем у меня у самого душа в пятки уходит, как вспомню, что я журналист. Будучи еще порядочным человеком, я получил уж полицейские выговоры и мне говорили: „Vous avez trompé“ (Вы обманываетесь. — А. П., Г. К.) и тому подобное. Что же теперь со мною будет. Мордвинов будет на меня смотреть, как на Фаддея Булгарина и Николая Полевого, как на шпиона; чорт догадал меня родиться в России с душою и с талантом! Весело, нечего сказать. Прощай, будьте здоровы. Цалую тебя» [Пушкин 1997: 117—118]. К национальному самосознанию Пушкина, его действительному патриотическому чувству этот факт не имеет никакого отношения. На протяжении всей своей жизни Пушкин был последовательным патриотом, что прослеживается, например, в таких стихотворениях, как «Воспоминания в Царском селе» (1814), «На возвращение государя императора из Парижа» (1815), «Перед

гробницу святой» (1831), «Бородинская годовщина» (1831), «Клеветникам России» (1831) и др.

«В Россию можно только верить...» — фраза из четверостишия Ф. И. Тютчева: *Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить: / У ней особенная стать — / В Россию можно только верить* (28 ноября 1866 г.). Не только это стихотворение, но и контекст всего творчества Тютчева свидетельствуют о том, что в данном случае речь идет об уникальности, самобытности России и русского народа («У ней особенная стать»), которую нельзя измерить общим аршином (европейскими мерками).

Фраза «Эх, Русь-тройка, куда, мол, скачешь, и так далее... Не дает ответа Русь» — отсылка (аллюзия) к одному из лирических отступлений в тексте «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, которое является гимном России и русскому народу и заканчивается такими словами: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. <...> И мчится вся вдохновенная богом!... Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства» [Гоголь 1968: 245—246].

Как видим, журналист искажает до противоположности идеологию цитируемых произведений и их творцов. По мнению журналиста, объяснить суть России и русского национального характера могут «эфиоп Пушкин, шотландец Лермонтов, немец Чаадаев, украинец Гоголь и еврей Мандельштам». Таким образом, в тексте происходит подмена национального этническим, поскольку в определении национальной принадлежности главную роль играет не этническое происхождение, а отнесенность к определенной языковой общности, культуре, а также менталитет (национальное самосознание). Множественность взаимодействующих

сих манипулятивных тактик делает затруднительным их узнавание массовым адресатом, а следовательно, и понимание им истинных целеустановок автора текста.

Таким образом, современная российская пресса является не только сферой широкого использования манипулятивных тактик, но и полем для их разоблачения. Свободно ориентироваться в этой сфере может только тот, кто владеет контрманипулятивной компетенцией, т. е. обладает знанием манипулятивных технологий, умением их анализировать и интерпретировать в конкретном тексте. Пренебрежение такими знаниями и умениями представляет угрозу для информационной безопасности как отдельной личности, так и общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геворгян М. В. Актуализация тактики манипуляции лексикой в массмедийном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 76—78.
2. Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 4 т. — М. : Правда, 1968. Т. 3 : Мертвые души.
3. Копчева В. В. Политическая коммуникативистика: проблемы теории политической коммуникации, политической семиотики и лингвистики: библиографический указатель. — Барнаул : Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2007.
4. Костылев Ю. С. Языковые средства создания образа врага советской отраслевой кинематографической печати 1930-х гг. // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 88—92.
5. Окунева И. О. Приемы речевого воздействия в печатных СМИ России, Великобритании, США и Канады // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 104—116.
6. Президент Российской Федерации Д. Медведев. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. URL: <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html> (дата обращения: 28.08.2012).
7. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 17 т. — М. : Воскресенье, 1997. Т. 16.
8. Сергеева Е. В. К вопросу о некоторых манипулятивных приемах в текстах предвыборной агитации (на материале кампании 2011 г.) // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 46—52.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

УДК 81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.47

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19

Н. А. Купина N. A. Kupina

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ИДЕОЛОГЕМА «ИНОСТРАННЫЙ АГЕНТ»:
ТРИ ДНЯ В ИЮЛЕ 2012 ГОДА**

Аннотация. На материале газетных публикаций трех июльских дней 2012 г. рассматривается функционирование идеологемы «иностранный агент». В проекции на политический язык советской эпохи де-монстрируются процессы идеологической субституции и языкового сопротивления.

Ключевые слова: законопроект; идеологема; идеологическая память; идеологическая подозрительность; идеологическая субституция; языковое сопротивление.

Сведения об авторе: Купина Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка.

Место работы: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Бориса Николаевича Ельцина.

Контактная информация: 620000, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, каб. 312.
e-mail: natalia_kupina@mail.ru.

**IDEOLOGEM: "FOREIGN AGENT":
3 DAYS IN JULY 2012**

Abstract. The article investigates the functioning of ideologem "foreign agent" on the basis of the newspaper materials of the three days of July 2012. The investigation compares the current usage of the ideologem with political language of the Soviet era and demonstrates the process of ideological substitution and language opposition.

Key words: legislation bill; ideologema, ideological memory; ideological suspiciousness; ideological substitution; language opposition.

About the author: Kupina Natalia Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Rhetoric and Stylistics of the Russian Language.

Place of employment: Ural Federal University named after Boris Yeltsin.

В языке советской эпохи существительное *агент* [См.: ТСУ 1935: 11; СО 1986: 19 и др.] функционировало в широком значении «лицо, уполномоченное кем-чем-н. (учреждением, предприятием) для выполнения служебных, деловых поручений» в сочетаниях типа *страховой агент, агент по снабжению*. Сегодня в том же значении параллельно употребляется слово *менеджер*, чаще с предлогом *по*. Словарями отмечаются также нормативные сочетания *агент уголовного розыска* [ТСУ], *дипломатический агент* [СО]. Зависимые члены в подобных синтагмах конкретизируют вид служебных поручений.

Второе системно-языковое значение («лицо, являющееся ставленником кого-л., служащее чьим-л. интересам» [МАС 1981, т. 1: 24]) получает идеологическое наполнение, обнаруживающее себя в сочетаниях *иностранный агент* (далее — а.), а. *буржуазии*, а. *империализма*.

Третье значение толкуется лексикографами с помощью идентификатора *шпион* без уточнения [СО] или с помощью идентификатора *секретный сотрудник* и конкретизатора «какого-л. государства». При этом сочетание *агент СССР* не употребляется: этому препятствует имплицитный смысл «**враждебное** государство или его разведывательная служба».

Идеологически правильными становятся следующие высокочастотные синтагмы: *американский агент, британский а., германский а.; а. Абвера, а. ЦРУ*. Устойчивое сочетание *вражеский а.* используется в политической речи как обобщающий идеологический классификатор.

Второму и третьему значениям соответствует собирательное существительное *агентура* и относительное прилагательное *агентурный*. *Агентура* — «разведывательная служба, организуемая с целью сбора секретных сведений и проведения подрывной работы» [МАС].

В текстах воздействующих стилей тенденциозная идеологическая семантика формировалась в границах дихотомии «свой—чужой»: *Нет контрразведки сильнее и активнее нашей, однако мы твердо знаем, что их агентура к нам просачивается и работает на них* (А. Герман). Политически значимым стало сочетание *агентурная сеть*, передающее представление об организованности и распространенности секретной шпионской деятельности агентов вражеских иностранных государств. Знаменательно, что значение «секретная организация, осуществляющая разведывательную, шпионскую, сыскную работу» отмечается новейшими толко-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки России (проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России»).

© Купина Н. А., 2012

выми словарями [ТСРЯ 2008: 5]. В идеологической памяти дублиеты *агент*, *шпион* сохраняются в зоне «чужого», враждебного.

Отождествление семантики номинаций *агент* и *шпион* подтверждается данными словарей синонимов, которые дифференцируют эти единицы стилистически. В ряду существительных лица *разведчик*, *агент*, *шпион*, *лазутчик*, *резидент* окрашенными оказываются лексемы *агент* (офиц.), *шпион* (неодобр.), *лазутчик* (устар). При интерпретации слова *агент* выделяются две особенности: это «**официальное** название»; это название «секретного сотрудника **иностранный разведки**» [Словарь синонимов... 1971, т. 2: 331]. Существительное *шпион*, и это специально подчеркивается словарем, выражает «резко отрицательное отношение к лицу, работающему **на иностранную разведку**». Таким образом, в значениях синонимов *агент*, *шпион* выделяется общая семантическая доля «лицо, работающее на иностранную разведку».

Справочная литература советского периода нередко акцентирует фактическое тождество нравственного облика агента и шпиона: *В качестве агентов (шпионов) капиталистические разведки вербуют людей морально разложившихся, предателей своего народа* [БСЭ 1969, т. 1: 291]. Подобные контексты внедряют равнооценочное (негативное) отношение к деятельности агентов и шпионов, усиливают тождественность восприятия соответствующих взаимозаменяемых понятий.

В постсоветской России слово *агент* активно употребляется в официально-деловой экономической сфере, а именно в текстах документов, отвечающих жанру гражданско-правового договора, в соответствии с которым «одна сторона (**агент**) обязуется за вознаграждение совершать по поручению другой стороны (**принципала**) юридические и иные действия **от своего имени**, но **за счет принципала**, либо **от имени и за счет принципала**» [ЮЭС 2004: 6]. Здесь важной является финансовая составляющая значения (агент совершает действия «за счет принципала»), а также целевая установка действия (агент действует по распоряжению принципала и в его интересах). Как видим, в текущей официальной финансово-экономической деятельности агент — это зависимое лицо, нанятое заказчиком, обязанное действовать по особой программе заказчика и получающее финансовое вознаграждение от этого заказчика. Агентом, как следует из юридического понимания смыслового наполнения лексемы, может быть и физическое лицо, и организация.

В обыденном языковом сознании со словом *агент* до настоящего времени прочно связан идеологически насыщенный смысл «шпион, секретный наемный сотрудник, ставленник иностранного государства, из корысти действующий в интересах врага». Этот смысл сопровождает презрительная эмоционально-оценочная окраска [Козинец, Санджи-Гаряева 2009: 10; Мокиенко, Никитина 1998: 27].

Многочисленные политические кампании по разоблачению вражеских агентов оставили след в коллективной идеологической памяти. Агент неизменно оказывался «чужим», надевающим маску «своего». Целевая установка показательных процессов — сорвать маску с агента, показать его истинное лицо. В подсистеме находившихся в политическом обороте устойчивых сочетаний центральное место занимала обобщающая номинация *иностраннный агент*, ставшая в наши дни логоэпистемой [Бурвикова, Костомаров 2005: 422] — пропущенной через лингвокультурный опыт народа эмблемой советских политических текстов обличительного и разоблачительного характера, «воронкой, втягивающей в себя слои из фонда культурной памяти» [Гаспаров 1994: 275]. Потенциальное воздействие сочетания *иностраннный агент* определяется встроенными в коллективный опыт культурно-фоновыми предикатами: 'не наш', замаскированный, корыстолюбивый 'враг'.

Идеологический взрыв «текущего момента» (Т. В. Шмелева) обусловлен информационным сообщением: Госдума по представлению фракции «Единая Россия» (ЕР) в первом чтении будет рассматривать законопроект об НКО (некоммерческих общественных организациях).

База данных «Интегрум», которой мы воспользовались, позволяет проследить реакцию российской прессы на возможное утверждение закона об НКО. В статье анализируется газетный языковой материал. Далее курсивом будут представлены извлечения из следующих изданий: «Ведомости», «Известия», «Коммерсантъ», «Московская правда», «Московские новости», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Российская газета» (5.07.2012—7.07.2012).

Из СМИ стало известно, что *единороссы предлагают, по сути, выделить особую категорию общественных объединений: те из них, которые получают финансирование из иностранных источников и одновременно участвуют в политической деятельности, должны войти в специальный реестр НКО, выполняющих функции **иностранного агента***. Так в речевой оборот

была заброшена новая старая идеологема *иностранный агент*. Отсылка к предстоящему утверждению в первом чтении текста закона способствовала осознанию базового словосочетания как официального понятия и одновременно идеологического ярлыка, вызывающего сильные эмоции. Возвращаются синтагмы *наешивать/приклеивать ярлык*, например: *К получающим финансирование из-за рубежа НКО применяется термин „иностранный агент“ — официальное понятие; ср.: Общественным организациям приклеивается ярлык, который нас (т. е. россиян) отсылает к стереотипам генетической памяти — „иностранный агент“ — идеологическая оценка.*

Политологи, поддерживающие законодательную инициативу, разъясняют, что разработанный проект закона об НКО соответствует мировому опыту: *В мировой практике существует целое направление неправительственных организаций, которые занимаются внешнеполитической деятельностью и, в частности, влияют на политические режимы в других странах с целью их смены.* Особо подчеркивается тот факт, что законопроект фактически является калькой с американского закона FARA — акта о регистрации иностранных агентов. Последний трактуется как соответствующий нормам демократии, принятый в практике демократического государства. Наблюдается одна из тенденций, определяющих российскую политическую коммуникацию: «Америка все чаще стала выступать как пример всеобщего благоденствия и ориентир для нашей страны» [Будаев, Чудинов 2009: 45]. В данном случае налицо пересечение не забытого современниками советского и актуального американского политических языков.

Официальная трактовка предусматривает статус иностранного агента для НКО, которые, во-первых, осуществляют политическую деятельность, во-вторых, финансируются зарубежными структурами: *Новый законопроект предусматривает наделение российских некоммерческих организаций, которые занимаются политической деятельностью и имеют зарубежные источники финансирования, статусом НКО, выполняющих функции иностранного агента.*

Развернувшаяся дискуссия выявила рациональный, собственно идеологический, эмоциональный подходы к проблеме, имеющие лингвистические основания.

Рациональный подход сосредоточен на уточнении официальной терминологии: *Камнем преткновения стал термин „иностранный агент“; Критике подвергли также определение „политическая дея-*

тельность“; Больше всего нареканий у экспертов вызвала сама формулировка „иностранный агент“; Общественная палата признала термин „иностранный агент“ не соответствующим отечественному законодательству; Наиболее существенной частью информационной картины вчерашнего дня, безусловно, следует признать ... заключение на законопроект об иностранных агентах Общественной палаты РФ. Там напроочь отвергается один из главных постулатов законодательной инициативы ЕР — те самые пресловутые „иностранцы агенты“. Как видим, эмоциональная оценка проникает даже в терминологические интерпретации. Нельзя не заметить потенциально оценочного утверждения о наличии в стране разветвленной агентуры: *Очевидно, что в России действует целая сеть неправительственных организаций, оплачиваемая деятельность которых вызывает подозрения относительно целей заказчика.*

Еще один рациональный довод — необходимый контроль оборота финансовых средств внутри страны: *В целом администрация Президента придерживается достаточно жесткой позиции в отношении объемов нелегального оборота средств внутри российского „третьего“ сектора и выступает за жесткий контроль в отношении реестровых НКО; В пример единокороссы ставили ассоциацию „Голос“, которая в прошлом году ... получила \$2 млн, хотя в прошлые годы эти цифры были гораздо скромнее.*

Размытость терминологического содержания ключевой синтагмы стимулирует идеологическую подозрительность, активизируется ставший формульным смысл «НКО — это иностранный агент», например: *...<законопроект> предлагает присваивать всем организациям, получающим финансирование из-за границы, статус „иностранного агента“; Термин „политическая деятельность“ в законе определен недостаточно конкретно, поэтому „иностранным агентом“ могут признать практически любую организацию.*

Противники законодательной инициативы используют впечатляющие эмоционально-оценочные аналогии, отвергающие правомочность законопроекта: *...действительно будут сбиты и пострадают аполитичные НКО, либо если и политические, то в первую очередь честно-исследовательские типа „Мемориала“; Как оказалось, под статус иностранного агента сегодня попадают и Владимир Жириновский, и один из авторов закона — едино-*

росс Вячеслав **Никонов**. Другими словами, — „**все там будем**“. Контраргумент укладывается в границы угадываемого просторечного стереотипа «и козе понятно»: — *Вот, например, охрана кошек — это не политическая деятельность, — заметил Никонов.*

Громкие споры вокруг новой законодательной инициативы, вызванной необходимостью регулирования деятельности НКО, сопровождаются многократным цитированием ставшего прецедентным высказывания В. В. Путина: *Предыдущее ужесточение законодательства об НКО пришлось на 2005—2006 годы и основывалось, по сути, на сходной идее: создать максимально узкие рамки для тех, кто, «шакалит у иностранных посольств».* Сама законодательная инициатива объясняется политической стратегией, направленной на изменение общественного мнения: *Сторонники исправлений и дополнений (в текст законопроекта), похоже, исходят из того, что сейчас простосердечные люди всему верят и воспринимают извне профинансированных общественников как кристалльных старцев и высоких авторитетов, а вот когда эти общественники будут вынуждены зарегистрироваться в качестве иностранных агентов, у людей откроются глаза.* Акротеиза «общественники не кристалльные старцы и не высокие авторитеты, а оплачиваемые иностранные агенты» переводит юридический спор в нравственный: цель закона об НКО — принародно сорвать маску с общественных деятелей, вывести их на чистую воду.

Еще одна типовая акротеиза, связанная с официальной трактовкой термина, фактически подменяет логическую идентификацию финансовой процедурой: *Иностранный агент — это вовсе не шпион, но его (агента или шпиона?) финансирование должно быть прозрачным.* Тождество «иностранный агент = шпион = враг» находится в центре внимания диспутантов. Например: *Большинство членов Комитета Госдумы по делам общественных объединений и религиозных организаций рекомендовали принять 6 июля в первом чтении законопроект, который причисляет российские НКО, занимающиеся политической деятельностью на деньги зарубежных спонсоров, к иностранным агентам. В самом термине „иностранный агент“ нет ничего предвзятого — это вовсе не шпион; Общественная Палата Российской Федерации осуществила экспертизу проекта федерального закона 102766-6 „О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской*

Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента“ ... Посмотрев в словарь Ожегова (напомним, что одно из значений слова «агент» толкуется в этом словаре через идентификатор «шпион» без уточнения), эксперты ОП назвали термин „иностранный агент“ клеймом и призвали депутатов конкретизировать формулировки, позволяющие широкую трактовку, — например, понятие „формирование общественного мнения“, за которое НКО, получающее деньги из-за рубежа, могут получить „лейбл“ „иностранный агент“. Ср. также открытую идеологическую трактовку: *Еще с советских времен иностранный агент и враг государства для наших соотечественников — одно и то же.* Таким образом, в процессе «движения к истине» осуществляется «акт лексической трансценденции», которая понимается как «упорядочивающая работа, опирающаяся на упорядоченный характер самого языка» [Барт 2001: 77; 94]. Системно-парадигматически обусловленная связь синонимических номинаций *агент, шпион* определяет объективную предсказуемость герменевтической процедуры, которой управляет «невидимая рука языка».

Общее место дискуссионных высказываний — лингвоидеологический довод: нецелесообразность употребления оценочной лексики в юридических документах (*Сами слова „иностранные агенты“ вызывают негативные ассоциации у всех, кто знает русский язык*).

Приведенные контексты обнаруживают неискорененность советских идеологических стандартов, потенциальную возможность их актуализации в новой ситуации, допускающей свободную политическую дискуссию.

Опирающийся на коллективную память стереотип «агент — это шпион, а значит враг» усиливает идеологическую подозрительность: законопроект, по мнению правозащитников, активистов гражданского общества, *апеллирует к архетипам сталинской эпохи.* Все это объясняет возникшую волну сопротивления, непосредственно связанного с обозначенной в тексте законопроекта процедурой, которая может трактоваться как саморазоблачение: *НКО, получающие иностранные деньги и занимающиеся политической, должны провозгласить себя иностранными агентами и представлять усложненную финансовую отчетность; Такие организации должны в явочном порядке обратиться в Минюст с просьбой включить их в реестр НКО, „выпол-*

няющих функции иностранного агента“, а потом сопроводить все свои материалы соответствующей подписью; Проект закона требует, чтобы материалы, издаваемые некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, и (или) распространяемые ею, в том числе в средствах массовой информации и (или) с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, должны сопровождаться указанием на то, что эти материалы изданы (распространены) некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента.

Активизируется языковое сопротивление [Купина 1997]. Одна из его форм — отрицательные высказывания: *Надо сказать, что почти всем выступающим не нравилось введение термина „иностраный агент“ (для общественной организации, которая получает финансирование из-за рубежа), а также формулировка, согласно которой особому порядку регистрации в Минюсте НКО подвергается, если занимается „политической деятельностью“; Ни один активист гражданского общества не согласится называть себя иностранным агентом; „Мемориал“ не будет регистрироваться как иностранный агент; — Мы не иностранные агенты! 36 лет работает наша организация, защищая российских граждан, — возмущалась глава Московской Хельсинской группы Людмила Алексеева. Заметно повышение частотности глагола отказываться/отказаться в высказываниях, содержащих указание на субъект сопротивления: *Руководители попадающих под действие новых правил структур отказываются признавать сами себя иностранными агентами и заявляют о намерении бойкотировать этот закон; Она (Людмила Алексеева) призналась „НГ“: ее также смущает термин „иностраный агент“, и если законопроект будет принят, МХГ откажется от иностранных грантов.* Органически присущая тексту законодательного документа императивность (модальность долженствования) воспринимается как идеологическая предписательность, обуславливающая нравственный выбор: *Лучше остаться нищими, чем получить клеймо „иностраный агент“.**

В традициях отечественной культуры используются такие формы языкового сопротивления, как шутливо-иронические заголовки (*Агенты вышли на связь; Этим всё по*

закону; Вы чьи, агенты, будете?) и анекдоты на злобу дня: Я вот анекдот недавно слышал: „Выходит депутат Сидякин (член фракции „Единая Россия“) на трибуну и говорит: „Митинги мы ограничили, иностранных агентов выгнали, пора вводить крепостное право: на селе работать некому“.

Как свидетельствует языковой материал, несмотря на объективность официальной отмеченности слова *агент* в одном из его значений, сам факт использования в тексте законопроекта сочетания *иностранный агент* воспринимается как недопустимый. Идеологическая маркированность оказывается сильнее функционально-стилистической и поглощает последнюю. Актуализация в речи идеологемы *иностранный агент* оживляет языковые парадигматические связи, а сама идеологема попадает в зону родового понятия «враг». Идеологическая субституция и сопутствующая ей идеологическая подозрительность воскрешают в коллективной культурной памяти сценарии разоблачения врага с их устрашающими финалами. Как и в советское время, предписательность с неизбежностью порождает языковое сопротивление, которое, в отличие от советского периода, стало позволительным, открытым.

И сторонники, и противники новой законодательной инициативы признавали неполное соответствие текста законопроекта основным герменевтическим требованиям, соблюдение которых необходимо для документа: «...информация в нем должна обладать предметной отнесенностью, а изложение — фактологичностью и конкретностью»; обязательна также «однозначность толкования» [Романенко 2008: 15—16]. Развернувшийся публичный спор захлестнули эмоции. В процессе обсуждения терминологической некорректности официально-делового текста не выдвигались лингвистически и юридически адекватные нейтральные варианты обладающего суггестивностью ключевого словосочетания *иностранный агент*. Идеологические и эмоциональные аспекты интерпретации проблемы вытеснили аспект рациональный.

P. S. Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал 21 июля 2012 г. закон об изменении статуса некоммерческих организаций, получающих финансирование, полностью или частично, из-за рубежа. В соответствии с новой нормой, НКО этого рода будут именоваться «иностранными агентами».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р. S/Z.* — М. : Эдиториал УРСС, 2001.
2. *Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Лингвистическая советология / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009.
3. *Бурвикова Н. Д., Костомаров В. Г.* Единицы лингвокультурного пространства (в аспекте проблемы толерантности) // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантностим* : коллектив. моногр. / отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. — М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 419—433.
4. *Гаспаров Б. М.* Литературные лейтмотивы: очерки русской литературы XX века. — М. : Наука : Восточная литература, 1994.
5. *Купина Н. А.* Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997.
6. *Романенко А. П.* Советская герменевтика. — Саратов : Наука, 2008.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

7. *БСЭ* = Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. — М. : Сов. энцикл., 1969. Т. 1.
8. *Козинец С. Б., Санджи-Гаряева З. С.* Словарь советизмов (наименования лиц): пробный выпуск. — Саратов : Наука, 2009.
9. *МАС* = Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. — М. : Русский язык, 1981. Т. 1.
10. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Толковый словарь языка Совдепии. — СПб. : Фолио-пресс, 1998.
11. *Словарь синонимов* русского языка : в 2 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. — Л. : Наука, 1971. Т. 2.
12. *СО* = Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М. : Русский язык, 1986.
13. *ТСРЯ* = Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М. : Азбуковник, 2008.
14. *ТСУ* — Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. — М. : Сов. энцикл., 1935. Т. 1.
15. *ЮЭС* — Юридический энциклопедический словарь / под общ. ред. В. Е. Крутских. — М. : ИН-ФРА-М, 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 81'373
ББК Ш103

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.47

Код ВАК 10.02.04; 10.02.19

И. О. Наумова I. O. Naumova
Харьков, Украина Kharkiv, Ukraine

**МИРОВОЙ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС
И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ
В ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ
РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ**

**THE GLOBAL FINANCIAL CRISIS
AND ITS REFLECTION
IN RUSSIAN AND ENGLISH
VOCABULARY**

Аннотация. Рассматриваются слова и фразеологизмы русского и английского языков, отражающие мировой финансовый кризис. Особое внимание уделяется истории возникновения этих слов и выражений. Прослеживаются их истоки, исторические пути и своеобразие деривации в двух языках.

Abstract. The paper treats words and phraseological units reflecting the global financial crisis. Focus is on the origin of the words and phrases in question. The aim is to trace their etymons, historical trajectories and derivation peculiarities in Russian and English.

Ключевые слова: кризис; этимология; деривация; русский язык; английский язык.

Key words: crisis; etymology; derivation; Russian; English.

Сведения об авторе: Наумова Ирина Олеговна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков.

About the author: Naumova Irina Olegovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Chair of the Foreign Languages.

Место работы: Харьковская национальная академия городского хозяйства.

Place of employment: Kharkiv National Academy of Municipal Economy.

Контактная информация: 61002, Украина, г. Харьков, ул. Революции, 12.

e-mail: Naumova1010@gmail.com; irina@bi.com.ua.

П. А. Вяземский в своей статье «О злоупотреблении слов» цитирует Талейрана: «la parole est l'art de deguiser la pensee, то есть, слово есть искусство переодевать мысль» [Вяземский 1827]. Современный язык политики демонстрирует высоты, которых достигло это лживое искусство.

Если в начале XIX в. слово *злоупотребление* передавало прямое номинативное значение, — *употреблять во зло*, — то в наше время в эту лексему облачилась и иная семантика: *слишком часто использовать то или иное слово*. Компонент *зло* утратил злободневное значение в этом сложном понятии.

Искусство переодевать мысль ярко иллюстрирует язык фразеологической мозаики, отражающей современные явления в мировой политике и экономике. Данное словесное полотно соткано из складывающихся на наших глазах различных языковых сот, относящихся к разным историческим пластам.

С одной стороны, русский язык, как и все мировые языки, с конца 2008 г. извлекает из своих исторических запасов выражения, внесенные в язык мировым финансовым кризисом 1929 г., периодом *Великой депрессии* (от англ. *Great depression*). Ср.: *В СМИ мелькают упоминания о „Великой Депрессии“, случившейся в 30-е годы прошлого столетия. Причем не только поминуют всуе, но примеривают ту ситуацию к нынешним реалиям* [Дальский].

С другой стороны, на наших глазах возникают новые фразы, которые становятся визитной карточкой современного экономического явления. Медиасредства молниеносно приносят этим выражениям популярность.

Если в начале осени 2008 г. такие словосочетания, как *мировой финансовый кризис*, *кредитный кризис*, *ипотечный кризис*, были малоупотребимыми выражениями в русском языке, то в наше время вышеупомянутые выражения приобрели всеобщую известность, несмотря даже на тот факт, что в ряде случаев правительство устанавливало вето на использование в русской речи слова *кризис*.

Данная точка зрения подтверждается и редактором известного английского лексикографического издания «Collins Dictionary» Робертом Гроувзом (Robert Groves) в статье «Verbal Economic Meltdown», появившейся на страницах интернет-издания «Collins Labguage» 12 мая 2009 г. [ЛС]. Автор подчеркивает стремительное вхождение указанных выше выражений (*subprime*, *mortgage*, *economic crunch*, etc.) в общеупотребительную речь английского языка вследствие их частого использования на страницах медийных изданий.

Р. Гроувз, вспоминая мысль американского философа Р. В. Эмерсона о том, что история слов, как «окаменелая поэзия» (*fossil poetry*), может сохранить воспроизведение давно исчезнувшей эпохи, считает,

что слова современного экономического кризиса вследствие частоты употребления в языке также могут служить временной характеристикой рассматриваемого исторического явления.

В данной статье предпринимается попытка выявить с помощью лингвистического инструментария «истинное» значение слов и выражений, внесенных в русский язык мировым финансовым кризисом, приобретших в наши дни широкую известность, и показать их употребление во зло, основанное на непонятности широкому кругу читателей семантического стержня данных единиц.

Однако анализ современной фразеологии экономического кризиса, начавшегося в 2008 г., на наш взгляд, необходимо начать с рассмотрения базовых понятий, проникших в языки мира намного раньше, чем их производные вербальные побегии. К ним относятся такие термины, как *кризис*, *инфляция*, *стагнация*, *стагфляция*, *саб-прайм* и др.

Ключевым словом данной статьи является слово *кризис*. В последнее время появилось много работ, посвященных происхождению этого слова, его семантическому наполнению в разных языках мира. Особый интерес представляет статья Л. И. Скворцова [Скворцов 2009], в которой автор раскрывает многогранное содержание данного понятия. В отличие от многих исследователей, Л. И. Скворцов переносит акцент при разговоре о содержательном объеме с пессимистического оттенка значения на оптимистический, состоящий в обещании перелома, изменения к лучшему.

Подтверждением этой точки зрения могут служить следующие примеры использования данного слова в русском языке: *Не только он не умер, но теперь очевидно было, что кризис совершился и что он выздоровел* (Л. Н. Толстой. Война и мир. Т. 2. (1867-1869)) [НКРЯ]; — *Слава богу! — твердил он, — наступил кризис... прошел кризис. — Эка, подумаешь! — промолвил Базаров, — слово-то что значит! Нашел его, сказал: „кризис“ — и утешен. Удивительное дело, как человек еще верит в слова* (И. С. Тургенев. Отцы и дети (1862)) [НКРЯ]; — *Вы злое принимаете за доброе: это минутный кризис, в этом ваша прежняя болезнь, может быть, виновата* (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)) [НКРЯ] и др.

Сравните расхождение при установлении исходного значения данного слова в двух авторитетнейших лексикографических источниках русского языка.

В «Очерках по исторической лексикологии русского языка XVIII века» приводятся

следующие сведения о появлении данного слова в русском языке: «[Кризис, 1759], кризес 1731 и Криз 1726. гр. κρίσις — решит. поворот, перелом [через лат. crisis и фр. crise (мед.)] [ОИРЛЯ 1972: 373]. В 1793 г. Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» сравнивает чувство любви с медицинским состоянием, именуемым кризисом: «Любовь есть кризис, решительная минута жизни, с трепетом ожидаемая сердцем».

По данным словаря языка XVIII в. Ю. С. Сорокина, слово *кризис* впервые фиксируется в русском языке в 1756 г. Его медицинское значение уступает первое место дипломатической терминологической семантике: *Кризис 1756 (-зес 1731), а, м. и (един.) неизм., ж. и < Криза 1728, ы, ж. лат. Crisis, фр. Crise. 1. Дипл. Тяжелое положение, состояние, требующее решительного поворота, перелома... Жестокий кризис и отчаянная злоключенная заставили Гостомысла учинить такое странное предложение <призвать варягов>. Блтн I 57. ◊ В кризисе (кризе) быть, находиться...; в кризу прийти...» [Сорокин 2000]. Таким образом, в процитированном словаре приводятся и устойчивые словосочетания с данным словом: *в кризисе (кризе) быть, находиться...; в кризу прийти*.*

Л. И. Скворцов так пишет о трансформации семантики рассматриваемого слова в XIX в.: «С 50—60-х годов XIX века в русской публицистике становятся вполне обычными такие сочетания, как *общий* (или *социальный*) *кризис*, *политический кризис*, *экономический*, *промышленный* и т. п. *кризисы*. Смысловое развитие слова *кризис* на русской почве шло вслед за его эволюцией в других европейских языках, прежде всего во французском. Но вот что характерно: понимание *кризиса* применительно к общественной или интеллектуальной жизни долгое время сохраняло смысловые (и образные) связи с медицинским осмыслением этого слова» [Скворцов 2009].

В русском языке середины XIX в. можно найти примеры, иллюстрирующие прочное укоренение рассматриваемого слова, в том числе и с использованием таких его определений, как *финансовый*, *торговый*, *денежный*, *коммерческий* и т. п. Так, П. В. Анненков в своих письмах 1848 г. использует все перечисленные выше характеристики экономического кризиса: *Как водится, биржевой и коммерческий кризис отразился на улице; Будучи провинциалом, Вы также не знаете, что такое финансовый и банковый кризис, а мы знаем; Многие говорят, что кризис произошел от начитанности и образованности Ламанского, который, усмотрев признаки денежного кризиса в Ев-*

ропе, не мог себе представить и Россию без такового же; Здесь много русских, но замечается релятивное отсутствие англичан и почти полное американцев — неужто **финансовый кризис** имел на них влияние (П. В. Анненков. Февраль и март в Париже 1848 года (1859—1862) [НКРЯ].

Во второй половине XIX в. расширяется и деривационная амплитуда заимствованного слова *кризис* в результате появления дополнительных семантических оттенков, конкретизирующих в каждом отдельном случае его смысловые истоки: Это был не только чувствительный, но и финансовый кризис [А. И. Герцен. Былое и думы. Часть пятая. Париж-Италия-Париж (1862—1866)] [НКРЯ]; Дикости в проявлениях жизни общественной, разногласия во всех сферах общества, фанфаронство общим и народным делом, вопросительный знак значительной части дворянства пред новым экономическим бытом, финансовый кризис— вот обшая картина того положения, в котором застал Россию 1862 год (В. В. Крестовский. Панургово стадо. Ч. 3—4 (1869)) [НКРЯ]; События дня. Финансовый кризис в Америке усиливается. Прекратили платежи два банка с вкладами по 12 миллионов долларов, приостановили платежи четыре банка с вкладами свыше 30 миллионов; несколько банков закрылось (Вести (1907.10.27) // «Новое время», 1907) (НКРЯ) и др.

Рассматриваемое выражение часто использовалось в русском языке в начале XX в. вплоть до разразившегося в 1929 г. экономического кризиса, ср.: Здесь между ним и Треуховым вспыхивали перебранки. ...Наступил и **финансовый кризис**. Госбанк урезал ссуду на 40 % (Илья Ильф, Евгений Петров. Двенадцать стульев (1927)) [НКРЯ].

По данным английской лексикографии, в английском языке это слово стало известно на три века раньше, чем в русском — с 1425 г. Этимомом данного слова является греческое *κρίση*, означавшее «поворотную точку в болезни» (использовалось в таком значении Гиппократом и Галеном). В 1627 г. произошла детерминологизация медицинского значения указанного понятия [OED].

В выражениях *финансовый кризис* и *мировой финансовый кризис* прослеживается семантическая нить, ведущая к обороту **кредитный кризис**. Ср., напр.: С легкой руки журналистов и неквалифицированных специалистов в наш обиход прочно входят выражения „денежный рынок“, „финансовая помощь“, „финансовый кризис“. Часто они используются совершенно неграмотно, так как при переводе с англоязычных текстов на русский упускается понятийная

разница этих терминов. Дело в том, что глагол *to finance* в современном английском языке означает одновременно все то, что на русском называется финансировать и кредитовать. Напомню, что финансирование подразумевает отсутствие возвратности денежного потока, а кредит не только наличие возвратности, но и определенного вознаграждения за пользование. Финансовым рынком может называться только первичный рынок акций и облигаций. Остальное попадает под понятия рынок ссудных капиталов, кредитный рынок. Абсурдно употреблять выражение „финансовый кризис 1998 года“, и уж тем более бред выражение „финансовая помощь МВФ“ (хорошенькая помощь под 13 %). Частью это делается умышленно, чтобы отвлечь от глубинных причин кризисов, в основе которых обычно лежит кредитный кризис... [Мировая валютно-кредитная система].

Последние строки приведенного отрывка подтверждают тенденцию к «злоупотреблению» данными выражениями в целях сокрытия истинного смысла используемого понятия и описываемого явления.

Так, в действительности *fine* является основой слова *finance*, которое ошибочно ассоциируется в русском языке со значением ‘финансы’. Базовое значение этого слова содержится в греческом корне *финиш* — ‘конец срока оплаты долга, кредита’ (ср. гр. *Τελος*, означающее *конец*, мн. ч. *теле* — *плата за услуги, взимаемая государством, финансовые средства*). Значение ‘управление деньгами’ возникло значительно позже, в 1770 г. [OED].

Выражение *кризис доверия* встречается в русском языке с 1929 г. и как фразеологическая калька с английского, отражающая финансовый кризис 1929—1930-х гг., и как самостоятельная, независимая единица русского языка. Так, в 1933 г. В. Н. Устрялов использует указанное выражение, раскрывая его смысл, в статье «Германский национал-социализм»: Это кризис организации, кризис власти, кризис доверия (НКРЯ). Через год это выражение вновь появляется на страницах его работы «Хлеб и вера»: Это кризис организации, кризис власти, кризис доверия (НКРЯ).

В этимологическом словаре английского языка (Online Etymon Dictionary [OED]) указывается, что первоисточником данного выражения является американский английский язык. По мнению авторов названного лексикографического издания, выражение возникло намного позже, в 1966 г., в связи с официальными заявлениями, касающимися войны во Вьетнаме: *Credibility gap* is 1966, Amer. Eng., in

reference to official statements about the Vietnam War [OED]. Ср.: **Кризис доверия < credibility gap** (с 1965 г.) *Шестнадцать лет назад газета „Геральд трибюн“ пустила в оборот выражение „кризис доверия“. Им обозначили глубокую пропасть, отдалившую американских избирателей от сановных плутов в Вашингтоне. „Грязная война“ в Индокитае, Уотергейт, хронические скандалы на Капитолии сделали фразу крылатой* (Комс. правда. 1981. 24 июня).

У этого выражения впоследствии расширяется изначальный смысл, происходит генерализация значения как в языке-источнике, так и в перенявшем его русском языке.

Однако параллельно это сочетание может употребляться как омонимичный оборот русского языка, возникший самостоятельно, без какого-либо воздействия иноязычного прототипа. В 1989 г. А. Д. Сахаров в своей статье «Степень свободы» писал: *Все это приводит к чрезвычайно мощным подспудным процессам, одним из которых является Кризис доверия* (выделение наше — И. Н.) *народа к руководству страны, о чем я говорил на Съезде* (А. Д. Сахаров. Степень свободы (1989)) [НКРЯ].

С 2008 г. в русском языке вновь становятся актуальными такие словосочетания, как *мировой финансовый кризис, глобальный финансовый кризис, кредитный кризис* (соответственно от англ. *financial crisis, Global financial crisis, credit crisis*). Ср.: *Глобальный финансовый кризис — лишь наиболее емкое выражение целого ряда многоуровневых кризисов, накладывающихся друг на друга* [Делягин 2008]; *Мировой финансовый кризис. Мнение россиян. 04 октября 2008 г. ...Согласно опросу, проведенному Фондом „Общественное мнение“ (ФОМ), только 7 % россиян считают сегодняшнее состояние экономики хорошим. 57 % опрошенных считают состояние экономики страны удовлетворительным, а 22 % — плохим. 25 % граждан России ни разу не слышала о мировом финансовом кризисе, 73 % уверяют, что им знакомо выражение „мировой финансовый кризис“: 30 % утверждают, что знают это выражение, а 43 % слышали его* [<http://altaypressa.ru/n8913.html>]; *ООН предупредили о новом финансовом кризисе в мире. Мир должен готовиться к новому большому экономическому спаду в 2012—2013 годах, говорится в распространенном докладе ООН* [ООН предупредили... 2012].

Выражение **кредитный кризис** становится одним из самых распространенных оборотов после событий 2008 г. Этот оборот пришел из американского английского, языка

страны, вызвавшей к жизни соответствующее экономическое явление.

Слово **кризис** в русско- и англоязычных новостных сообщениях соседствует со словом **инфляция**: в медицинском смысле кризис означает переломный момент в ходе развития болезни, а он нередко зависит от того, как поведет себя воспаление — *вздутие*, обозначающееся словом *инфляция*.

По данным «Online Etymology Dictionary» [OED], слово *инфляция* в монетарном значении ‘увеличение цен’ (первоначально в результате увеличения количества (объема) денег в обороте) было впервые зарегистрировано в американском английском языке в 1838 г. Ср.: *inflation 1340, from L. inflationem (nom. Inflatio), noun of action from inflare “blow into, puff up,” from in- “into” + flare “to blow” (see blow (v.1)). Monetary sense of “enlargement of prices” (originally by an increase in the amount of money in circulation) first recorded 1838 in Amer.Eng. Inflate (v.) is 1533, from L. inflatus, pp. of inflar* [OED].

Сравните использование данного термина в художественной и публицистической литературе XX в.: *Затем было два года литературного затишья: болезнь и смерть жены, инфляция, тысяча дел* (В. В. Набоков. Уста к уставам (1929)) [НКРЯ]; *Инфляция, разруха, рурские подвиги Пуанкаре — питали Гитлера, как и немецких коммунистов* (Н. В. Устрялов. Германский национал-социализм (1933)) [НКРЯ]; *Инфляция была уже ликвидирована, но твердая марка стала только орудием измерения всеобщего худосочия* (Л. Д. Троцкий. Моя жизнь (1929—1933)) [НКРЯ]; *Если этого не будет сделано, — заявил он, — то долларовой дефицит Англии, инфляция во Франции, безработица в Италии и колебания мировых цен на сырье, которые трудно предвидеть, могут привести к серьезнейшему финансовому кризису в западном мире* (С. Иванов. Международный обзор (1951)) [НКРЯ]; *Да еще — преступность. Да еще — инфляция. Да еще эти нескончаемые биллы, инвойсы, счета, платежи...* (С. Довлатов. Марш одиноких (1982)) [НКРЯ].

Современный экономический термин в русском языке часто поясняется определениями: *контролируемая, галопирующая, устойчиво галопирующая инфляция*. Рассмотрим данные словосочетания.

1. Контролируемая инфляция: *Для России, по мнению Н. Подлевских, более предпочтительным является вариант большой, но контролируемой инфляции... Контролируемая инфляция Кейнса. Приведенное теоретическое рассуждение трансформировалось в экономическую политику,*

получившую название „контролируемая инфляция“ [economics.wideworld.ru/.../pricing/3/1]; В свою очередь, школа Дж. М. Кейнса, начиная с 1930-х годов, доказывает, что контролируемая инфляция может стимулировать экономику... [www.skuns.info/stats/1201/]; **(Не)контролируемая инфляция:** Одно время меня очень веселила фраза „контролируемая инфляция“. Значит, бывает и неконтролируемая? Это как? Закрыв глаза, печатают... [inadia.livejournal.com/20995.html]. Сравните использование данного выражения в политическом дискурсе английского языка: *The plans of the Administration for controlled inflation all seem to ... to get out of control* [Kemmerer 1934]; *Sustained pressure-controlled inflation or intermittent mandatory ventilation in preterm infants in the delivery room? A randomized, controlled trial...* [Lindner, Högel, Pohlandt 2005].

2. Галопирующая инфляция (определение галопирующая подчеркивает стремительный темп развития инфляции в современных условиях): *Что такое галопирующая инфляция?* — *Словарь бизнеса* [Smart Money]; **Галопирующая инфляция. Инфляция, нарастающая высокими темпами.** — *Энциклопедический словарь экономики и права* [Smart Money].

Сравните данное определение с приведенной в газете «Financial Times» дефиницией: **Galloping inflation. Very high inflation that is out of control** [Financial Times Lexicon] / *Очень высокий уровень инфляции, стремительно выходящий из-под контроля* (перевод наш. — И. Н.).

В 1965 г. в Соединенном Королевстве появился термин *стагфляция*. Его предполагаемым создателем является министр от Консервативной партии Иан Маклеод (Iain Macleod). Слово представляет собой аббревиатуру из сочетания начальной части одного слова с конечной частью другого: *стаг(нация) + (ин)фляция* [OED].

Под стагфляцией экономисты обычно подразумевают сочетание замедленного экономического роста с инфляцией: А. Гринспен: *В экономике США появились признаки стагфляции* (Комс. правда. 2007.12.17) [НКРЯ]; *Тем более в России, где повышенная инфляция, стагфляция, безденежье, бартер, клубок прочих экономических инфекций, а главное, нестабильность* (Борис Ключников. Либеральная эпидемия и здоровый протекционизм (2004) // Наш современник. 2004.10.15) [НКРЯ].

В основе этого слова лежит термин *стагнация*, который возник в языке намного раньше, в 1665 г., в значении «стоячая вода» (от лат. глагола *капать, протекать,*

истекать) [OED]. Приведем примеры употребления данной лексемы: *На мой взгляд, отсутствие плюрализма в искусстве, в научном или политическом направлении — это стагнация, это смерть* (Д. Бирюков. Чувство отвоёванной свободы // Библиотека «Огонек», 1990) [НКРЯ]; *По мнению Немцова, экономический спад в России прекращается, и дальше возможны два пути: либо стагнация, либо оживление экономики* (Коммерсантъ-Daily. 1996.01.27) [НКРЯ].

Современный кризис, по мнению специалистов, является следствием так называемого *ипотечного кризиса* (выражение восходит к таким синонимичным английским терминам, как *subprime mortgage crisis, mortgage crisis, subprime crisis*). Ср.: *Путин, отвечая по прямой линии гражданам России: „Само слово ‘ипотека’ — большая загадка для граждан“* (Ипотека. Хроника застойного процесса (2004) // Мир & Дом. City. 2004.07.15) [НКРЯ]; *Последние два года об ипотеке не говорил только ленивый* (Ипотека. Хроника застойного процесса (2004) // Мир & Дом. City. 2004.07.15) [НКРЯ]; *Кроме того, свою негативную роль в динамике рынков сыграл ипотечный кризис в США, который снизил уровень ликвидности американских банков и привел к рекордным убыткам, отмечает Александр Кузнецов из ИК „Проспект“* [Цырлина 2008].

Слово *mortgage* ‘закладная’ возникло в 1390 г., буквально оно значит ‘мертвый залог (закладная, обещание)’. Метафоричность термина обусловлена его номинативным значением: долг «умирает», когда он выплачен или выплата не состоялась [См.: OED].

Если слово *mortgage* появилось в XIV в., то возникновение слова *subprime* датируется 1920 г. Появилось оно в Америке в значении ‘что-либо (главным образом еда) низкого качества’. К 1970 г. лексема стала использоваться в терминологии финансов, первоначально в значении ‘давать в долг по более низкой процентной ставке и только избранным клиентам’. В то время получение ипотеки было признаком финансовой стабильности и платежеспособности. В начале 1990-х гг. термин стал приобретать противоположное оригинальному смыслу пейоративное значение, вскоре прочно укрепившееся в современном языке: ‘выдавать ипотеку на невыгодных условиях (тем, у кого плохая кредитная история, кто беден, имел судимость и т. д.)’. Однако в английском языке возникли эвфемизмы, скрывающие истинное значение этого слова: *sub-standard, impaired credit, B-paper, non-conforming, near-prime* и *second chance*. Как известно, неспособность выплаты ссуд данного типа и привела к возникно-

вению финансового кризиса 2008 г. [World Wide Words].

В известном лексикографическом издании «Macmillan Dictionary» отмечается, что, несмотря на свою распространенность в общеупотребительной речи (оно было признано «Словом 2007 г.» Американским диалектологическим обществом), слово *subprime* не зафиксировано в нетерминологических словарях: *The adjective subprime is of course formed by affixation of the prefix sub-, meaning 'below, at a lower level or rank' (с. f. substandard), and adjective prime meaning 'best'. Though used in financial contexts for some time, subprime is still not widely recorded in non-specialist dictionaries. The recent financial crisis has catapulted it into the limelight however, and it is beginning to pop up as a more general euphemism for dodgy/risky [Subprime].*

Слово *кризис* в современных условиях обросло не только определениями *финансовый, кредитный, ипотечный*, — к нему присоединилось и слово *ликвидность*; ср. выражение *кризис ликвидности: 2 дек. 2009. Осенью прошлого года российские банки столкнулись с острым кризисом ликвидности...* [Рябова 2009].

Существительное *ликвидность* восходит к англ. слову *liquid* 'жидкий, текущий', фиксирующемуся с конца XIV в. и образованному от лат. *liqui* 'таять, течь' ('to melt, flow'). Значение 'способный быть переведенным в наличные деньги' у этого прилагательного впервые было зарегистрировано в английском языке в 1818 г. [OED]. Существительное *ликвидность* в финансовом смысле ('способность быть переведенным в наличные деньги') известно в английском языке с 1897 г. и образовано от вышеупомянутого прилагательного *liquid*.

Интересно отметить, что, по мнению составителей «Online Etymon Dictionary», глагол *ликвидировать* в значении *снести, убить* в английском языке, возможно, возник под влиянием русского (от русского глагола *ликвидировать*) в 1924 г.: *The meaning "wipe out, kill" is from 1924, possibly from Rus. Likvidirovat* [OED].

Кризис 2008 г. описывается также с помощью метафорического выражения русского языка *мыльные пузыри*, являющегося семантической калькой английского слова *bubble*. В английской лексикографии первое употребление этого слова для обозначения финансовой схемы фиксируется в 1590-е гг. в выражении *South Sea Bubble* со значением «хрупкое, непрочное»: *bubble* late 14c., Of financial schemes originally in *South Sea Bubble* (1590s), on notion of "fragile and

insubstantial" [OED]. Приведем примеры употребления русской кальки: *Перегрев одного из сегментов внутреннего финансового рынка: сейчас 40—50 % роста финансового рынка РФ имеет спекулятивный характер, возможно возникновение „мыльных пузырей“ (возникновение кризиса прогнозируется в 2009—2011 гг.) [Финансовый кризис в России 2008 г.]; 29 июня 2008 ... Взрыв „мыльного пузыря“ принес стране потери активов в размере 1000 трлн иен (1 доллар = 120 иен) [www.russia-today.ru/2002/no_24/24_links_1.htm-31k].*

События 1929 г. закрепились в русском и английском языках в следующих выражениях, которые применяются для описания современных событий:

1. Депрессия 1929 года — Великая депрессия (*the 1929 depression — the Great Depression*).

Значение 'понижение или редукция экономической активности' появилось у слова *депрессия* в 1826 г. Для обозначения особого события (с прописной буквы D) существительное применялось с 1934 г. наряду с оборотом, получившим распространение в 1929 г. [OED].

Получает широкое распространение и новое выражение *депрессивные районы* (*depressive districts*), ср.: *Согласно общепринятому пониманию, „депрессивные районы“ — это индустриальные районы с устаревшими отраслями промышленного производства [www.molod.mephi.ru/.../362.htm]; Появление отсталых и депрессивных районов можно объяснить многими причинами [Ircel.lviv.ua/?Turizm_kak.]; Создать не менее 20 тысяч новых рабочих мест, причем особое внимание должно быть уделено созданию рабочих мест в депрессивных территориях [Николаев 2007].*

2. Рецессия. Это слово, возникшее в 1929 г., также принесла в язык Великая депрессия. Впервые оно было употреблено 2 ноября 1929 г. в газете «Economist»: *Recession temporary decline in economic activity, 1929, from recess* (q. v.): *"The material prosperity of the United States is too firmly based, in our opinion, for a revival in industrial activity — even if we have to face an immediate recession of some magnitude — to be long delayed". Ayto notes, "There was more than a hint of euphemism in the coining of this term."* ("Economist," Nov. 2, 1929) [OED]. / *Рецессия. Временный упадок экономической активности, 1929 г., от recess.* „Материальное благосостояние Соединенных Штатов тесно связано, с нашей точки зрения, с возрождением промышленной активности — даже если нам придется столкнуться лицом к лицу с

мгновенной рецессией определенного масштаба — будет надолго отодвинуто“. Ауто замечает: „В нем (в этом слове) было больше, чем намек на эвфемизм в создании данного термина“ (перевод наш. — И. Н.). Ср. с приведенными выше словами П. Вяземского.

3. Черная пятница 29-го года (*Black Friday, 1929* ← *Black Friday (October, 1929)*). Приведем примеры употребления: Грядет очередная годовщина „черной пятницы“ 29 октября 1929 года, когда на Нью-Йоркской бирже случился обвал акций. События того дня стали ударно-спусковым механизмом беспрецедентного кризиса в США, пошатнувшего фундаментальные основы государства [НКРЯ]; 1929 В США началась „черная пятница“. Катастрофическое падение курса акций... „Черная пятница“ означала конец финансового и экономического бума 1920-х гг. [his.1september.ru/view_article.php?...200901901]; „Черная пятница“ — „Судный день“ американской розничной торговли [www1.voanews.com/.../Black-Friday-2009-11-26-75078632.html].

Данный фразеологизм перешагивает границы публицистического стиля и широко используется в художественной литературе: *Затем — Париж (начало трилогии „Хождение по мукам“ и повесть „Детство Никиты“), 1921-ый год — в Берлине („Черная пятница“, „Рукопись, найденная под кроватью“, „Аэлита“...)* (Ю. П. Анненков. Дневник моих встреч (1966)) [НКРЯ]; *Действительность прозаичнее: туманы над заливом — это „простой“, черная пятница в списке календарных дней съемок* (С. М. Эйзенштейн. Двенадцать апостолов (1945)) [НКРЯ].

4. Бегство капитала (от *capital flight*): В связи с объемной зависимостью внутреннего финансового рынка России от инвестиций нерезидентов, такое **бегство капитала** может стать спусковым механизмом для цепной реакции кредитных, процентных и рыночных рисков, относящихся к деятельности резидентов. Таким образом, будет создан потенциал для масштабного финансового кризиса [Финансовый кризис в России 2008 г.]; В. Потанин: „Для того чтобы бегство капитала остановилось, надо разрешить вывоз капитала“ (С. Репов. 100 граммов для спикера // Аргументы и факты. 2001.06.06) [НКРЯ].

Интересно отметить, что такие распространенные в русском языке выражения, как *затянуть пояса, заморозить заработную плату*, ассоциирующиеся у нас с трудными временами, также обязаны своим появлением именно английскому языку.

5. Заморозить зарплату — замораживание зарплат — замороженная зарплата — соответственно от англ. *to freeze wages — wage-freezing — pay freezing — frozen wages*.

Определение *замороженный* в переносном смысле известно в английском языке с 1750 г. Применительно ко вкладам, банковским счетам оно стало использоваться с 1922 г.: **Frozen mid-14c.**, *pp. adj. from freeze. Figurative use is from 1570s. Of assets, bank accounts, etc., from 1922* [OED].

Фразеологическая калька английского происхождения *замораживать заработную плату* возникла в сфере финансовой терминологии и определяется в английских лексикографических источниках как ‘метод стабилизации цен, лечения инфляции’ (Hornby 1974: 344).

Лингвострановедческий словарь «Великобритания» дает следующее определение данному выражению: **Замораживание заработной платы рабочих и служащих** — политика, проводимая правительством и предпринимателями под предлогом сокращения издержек производства; в условиях инфляции ведет к снижению жизненного уровня населения [ЛС 1978: 444].

Следует отметить, что, укоренившись в русской языковой системе, фразеологическая калька нередко расширяет радиус своего действия, переходит из одной терминологической сферы языка в другую. Происходит также увеличение сочетательных возможностей одного из ее компонентов, который, выделившись из состава анализируемого устойчивого словесного блока, вступает в связи с новым рядом слов [См.: Наумова 2012: 90].

Так, в современном русском языке широко используются слова *заморозить, замораживание* как в отдельных терминологических сферах, так и в общеупотребительной речи: *Однако с середины 70-х годов в советско-японских отношениях обозначились признаки спада. А на рубеже 80-х годов замораживание этих отношений обрело характер официального курса Токио* (Правда. 1981. 15 окт.); *По мнению генерала Бастиана, замораживание количества ракет средней дальности на нынешнем уровне не приведет к установлению советского превосходства* (За рубежом. 1981. № 16. С. 3); *...более 160 сенаторов и членов палаты представителей считают, что настало время „заморозить ядерные вооружения“* (Правда, 1982, 20 апреля).

6. Затянуть пояса — затягивание поясов. Эти выражения восходят к английскому обороту *to tighten a (one's) belt* ‘затянуть пояс → затянуть пояса’.

Ассимилируясь на русской почве, фразеологические кальки приобретают новые грамматические категории, не свойственные им в исходной форме; например, у многих калек появляется категория множественного числа. Примером может служить использование фразеологизма *затянуть пояса* (*затягивание поясов — политика затягивания поясов*) в современной публицистике: Владимир Путин призвал *затянуть пояса* [www.finansmag.ru/news/5319 — 49k]; 20 ноября 2008. Это настолько серьезно коснется всего профессионального сообщества, что, наверное, многим придется *затянуть пояса* [www.kvadroom.ru/journal/smi_4716.htm].

7. Долговая яма (от *debt pitch*): Белорусский лидер Александр Лукашенко выразил надежду, что ему удастся договориться с Россией о ценах на газ, и Москва не посадит Минск в „долговую яму“ [Лукашенко грозит долговая яма]; 3 дек 2008 года Долговая яма. „Нафтогаз“ не может рассчитаться за газ своими силами [Гривач 2008].

Рассуждая о слове «долг», П. А. Вяземский в вышеупомянутой работе пишет: «Фонвизин в своей Грамматике на вопрос — какой глагол спрягается чаще всех и в каком времени? отвечает: „Глагол быть должным и более всего в настоящем времени, в прошедшем весьма редко, ибо никто долгов своих не платит, а в будущем спряжение глагола не употребительно, ибо само собой разумеется, что всякий в долгу будет, коли не есть“. <...> Долги — почетная грамота на знать и богатство, говорят во всей Европе» [Вяземский]. Об этом же свидетельствуют следующие высказывания известных людей Европы: *Тот, кто умирает, выплачивает все долги / He that dies pays all debts* (В. Шекспир); *Тот, кто выплачивает счета вовремя, вскоре предается забвению / A man who pays his bills on time is soon forgotten* (О. Уайльд); *Долги подобны детям: рождаются в удовольствии, вырастают в боли / Debts are nowadays like children brought with pleasure, but brought forth in pain* (Мольер) и т. д.

Сентенции и максимы выражают различное отношение к понятию долга. Неизменной остается библейская истина: «Должник — слуга заимодавца» (Притчи 22:7) / *The borrower is servant to the lender*.

Общий для всех языков мира фонд слов и выражений пополняется словами и фразеологизмами, являющимися наименованиями злободневных явлений настоящего времени. В отдельных случаях из анналов истории вновь поднимаются некогда забытые словесные наименования, порой полно-

стью изменяющие свое первоначальное значение (ср. рассмотренные в статье истории слов *ипотека*, *рецессия* и др).

Кризисы в экономике сменяются подъемами в развитии государств и народов, в результате чего появляются новые смысловые нюансы в уже знакомых словах и фразах, заимствованных из английского языка. Однако основные политические концепты восходят к греческим словам. Происходящее из греческого языка слово *кризис* возвратилось в XXI в. в Грецию в новом облике, приобретает мировой статус и расширив диапазон своего основного значения. По мнению профессора Гарвардского университета Дани Родрика, в результате нынешнего кризиса «в следующие несколько лет начинается период, который историки будущего назовут *Второй Великой Депрессией*» [О чем не пишут в Европе]. Так знакомые слова и выражения политической терминологии получают второе рождение во всех языках мира в соответствии с трактовкой в современном политическом лексиконе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вяземский П. А. О злоупотреблении слов. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_1827_o_zloupotreblenii_slov.shtml (дата обращения: 19.04.2012).
2. Гривач А. Долговая яма // Время. 2008. 3 дек. № 224. URL: <http://www.vremya.ru/2008/224/8/218338.html>.
3. Дальский А. Великая Депрессия: воспоминание о скором будущем // Новости Украины : сайт. URL: <http://www.from-ua.com/eco/bef7ec4f1664e.html>.
4. Делягин М. Финансовый кризис будет долгим // Бюро экономических исследований. 2008. 7 окт. URL: <http://www.ej.ru/?a=note&id=8463%20%97%2066k>.
5. ЛС = Великобритания : лингвострановедческий слов. / под ред. Е. Ф. Рогова. — М. : Русский язык, 1978.
6. Лукашенко грозит долговая яма // Дни.ру. 2008. 18 дек. URL: <http://www.dni.ru/economy/2008/12/18/155790.html>.
7. Мировая валютно-кредитная система : реф. URL: <http://www.referatbar.ru/referats/461FA-1.html>.
8. НКРЯ = Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.
9. Наумова И. О. Фразеологические кальки английского происхождения в современном русском языке (на материале публицистики). — Харьков : ХНАГХ, 2012.
10. Николаев И. Депрессивные районы успешно «лечат» иностранные инвесторы // Chelyabinsk.ru : агентство новостей. 2007. 25 дек. URL: <http://chelyabinsk.ru/text/social/13103.html>.
11. О чем не пишут в Европе // Forbes. 2012. 15 авг. URL: <http://m.forbes.ru/article.php?id=83140> (дата обращения: 15.08.2012).
12. ОИРЛЯ = Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии

русского языка XVIII в.: языковые контакты и заимствования. — Л. : Наука, 1972.

13. *ООН* предупредили о новом финансовом кризисе в мире // Пульс Киева. 2012. 21 янв. URL: <http://economics.puls.kiev.ua/forecasts/79450.html>.

14. *Рябова И.* Назад к докризису // Lenta.ru. Финансы. 2009. 2 дек. URL: <http://www.lenta.ru/articles/2009/12/02/sber/>.

15. *Скворцов Л. И.* Язык требует заботы. Но какой? (Культура речи) // Литературная учеба. 2009. № 3. URL: <http://www.lych.ru/online/0ainmenu-65/40--s32009/336> (дата обращения: 15.03.2011).

16. *Сорокин =* Словарь русского языка XVIII века / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Ю. С. Сорокин. — СПб. : Наука, 2000. Вып. 11. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (дата обращения: 30.06.2012).

17. *Финансовый* кризис в России 2008 г. // Финансы онлайн : финансовые новости. URL: <http://www.financialblog.ru/2008/03/19/finansovyj-krisis-v-rossii-2008-goda.html>.

18. *Цырлина Е.* Привлекательный ТЭК // РБК Daily. 2008. 2 апр. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2008/02/04/tek/318364.shtml>.

19. *Financial Times* Lexicon. URL: <http://lexicon.ft.com>.

20. *Groves R.* Verbal Economic Meltdown // Collins Language. URL: <http://collinslanguage.blogspot.com/2009/05/verbal-economic-meltdown.html> (дата обращения: 15.09.2011).

21. *Hornby A.S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 1974.

22. *Kemmerer E. W.* Session on banking and monetary legislation controlled inflation // The American Economic Review. 1934. Vol. 24, № 1. P. 90—100. URL: www.jstor.org/stable/1805892.

23. *Lindner W, Högel J, Pohlandt F.* Sustained pressure-controlled inflation... // NCBI. 2005. Mar. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/16028648>.

24. *OED = Online Etymon Dictionary.* URL: <http://www.etymonline.com/index.php?search=etymon>.

25. *Smart Money* : аналит. деловой еженед. URL: <http://www.smoney.ru/>.

26. *Subprime* // Macmillian Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/buzzword//entries/subprime.html>.

27. *World Wide Words.* URL: <http://www.worldwidewords.org/>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

Т. И. Стеклова Т. I. Steksova
Новосибирск, Россия Novosibirsk, Russia

«ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА»
КАК ЖАНР

ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Анализируется институциональный речевой жанр «послание президента» на примере сопоставления коммуникативных особенностей посланий двух президентов (Н. Назарбаева и Д. Медведева).

Ключевые слова: политическая коммуникация; речевой жанр; жанрообразующие признаки; послание президента.

Сведения об авторе: Стеклова Татьяна Ивановна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Институт филологии, массовой информации и психологии.

Место работы: Новосибирский государственный педагогический университет.

Контактная информация: Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28.
e-mail: steksova@inbox.ru.

«PRESIDENT'S ADDRESS»
AS A GENRE

IN POLITICAL COMMUNICATION

Abstract. Institutional speech genre «president's address» is analyzed on the basis of comparison of communicative peculiarities of the addresses pronounced by two presidents (N. Nazarbaev and D. Medvedev).

Key words: political communication; speech genre; genre-creating signs; president's address.

About the author: Steksova Tatiana Ivanovna, Professor, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Modern Russian Language, Institute of Philology, Mass Information and Psychology.

Place of employment: Novosibirsk State Pedagogical University.

Статья основана на докладе, прочитанном на Международной научной конференции «Коммуникация как предмет междисциплинарных исследований: научные теории и социальная практика» (Калининград, 17—19 мая 2012 г.)

Как отмечают современные исследователи, изучение политического дискурса — как его тематики, так и особенностей политического языка и используемых дискурсивных практик — относится к наиболее актуальным задачам политологии и политической лингвистики [Баранов, Михайлова, Сатаров, Шипова 2004]. Как известно, предметом изучения политической лингвистики является речевая деятельность, направленная на пропаганду, эмоциональное воздействие на граждан страны, пробуждение политической активности. Разработка новых методов анализа политических текстов и их применение позволяют получать адекватные данные о состоянии общественного сознания, о доминирующих политических установках на актуальные общественно-политические проблемы. В политической коммуникации язык становится инструментом влияния и манипулирования, важнейшим средством категоризации, а тем самым и понимания политических феноменов. Можно предположить, что в политической коммуникации нейтральное использование языка в принципе невозможно. Именно поэтому, как справедливо отмечает Е. И. Шейгал, власть как в абстрактном смысле, так и в значении «конкретные представители власти» нередко высту-

пает в качестве объекта осмысления, интерпретации и критики [Шейгал]. Поскольку всякая власть создает свою речевую практику, играет в свою «языковую игру», для изучения политического дискурса важен анализ «языка власти», или «дискурса власти».

Р. Блакар подчеркивает, что люди с разными позициями во власти имеют разные возможности по овладению более продвинутыми лингвистическими механизмами, и тот, кому принадлежит наибольшая власть, может в любой момент решить, какой лингвистический механизм наиболее полезен. Следовательно, тот, кто обладает властью (положением), в значительной степени определяет употребление и значение слов и выражений (инструментов власти). Говоря о языке как инструменте социальной власти, Р. Блакар имеет в виду присущую языку способность к структурированию и воздействию (выбор выражений, осуществляемый отправителем сообщения, воздействуемый на понимание получателя). Исследователь выделяет шесть «инструментов власти», имеющих в распоряжении отправителя: 1) выбор слов и выражений; 2) создание (новых) слов и выражений; 3) выбор грамматической формы; 4) выбор последовательности; 5) использование суперсегментных признаков;

б) выбор имплицитных предпосылок [Блакар 1987]. К этому перечню можно добавить и выбор речевого жанра.

Как известно, в некоторых видах дискурса существуют определенные жанры, доступные только для «профессионалов», субъектом которых не может быть «клиент»: проповедь — для священника, лекция — для преподавателя, приговор — для судьи и т. д. К ним относится большинство жанров политического дискурса (публичная речь политика, парламентские дебаты, партийная программа, все жанры президентской риторики и др.).

Одним из жанров политической коммуникации является послание президента. Под посланием словари понимают «письменное обращение государственного деятеля (или общественной организации) к другому (или к другой организации) по какому-нибудь важному государственному, политическому вопросу». Жанр послания президента получил распространение в новейшей истории России. Этот жанр носит институциональный характер, т. е. говорящий «выступает как представитель определенного социального института и как носитель определенного социального статуса, что предопределяет соблюдение установленных статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных норм» [Чудинов 2012: 54].

Для анализа мы взяли послания президентов Казахстана (2011 г.) и России (2010 г.). Такой выбор не случаен. Сравнение посланий президентов России и, скажем, главы США, Великобритании или Франции позволило бы выявить национальную специфику политического текста, разграничить «свое» и «чужое». Кроме того, перевод иноязычных текстов так или иначе отражает политические и языковые пристрастия переводчиков. Послание президента Казахстана написано на русском языке, Казахстан и Россия принадлежат к одному постсоветскому пространству, близки по многим параметрам, включая общие проблемы. Тем интереснее сравнивать не столь культурно отдаленные тексты.

Воспользовавшись моделью Т. В. Шмелевой [Шмелева 1997], выявим жанрообразующие признаки и сопоставим их реализацию в двух посланиях.

Как показал анализ языкового материала, жанр послания является сложным, включает в себя другие, первичные речевые жанры и потому полиинтенционален, т. е. совмещает в себе информативный и императивный компоненты. Однако соотношение этих компонентов в анализируемых посланиях различается. Так, **послание президен-**

та Казахстана прежде всего носит информативный характер, причем информация касается трех временных планов — сообщается, что сделано, что делается и что планируется: *Мы ввели в эксплуатацию 152 предприятия, обеспечили постоянной работой около 24-х тысяч казахстанцев. Всего по стране создано порядка восьмиста различных производств. Мы начали процесс активного восстановления и развития химической и легкой промышленности, совершили рывок в переработке сельхозпродукции. До 2014 года планируется реализовать 294 инвестиционных проекта на сумму 8,1 триллиона тенге. Будет создано 161 тысяча постоянных рабочих мест и 207 тысяч — на период строительства. К 2015 году будет построено 350 врачебных амбулаторий, фельдшерско-акушерских пунктов и поликлиник.*

Императивная составляющая послания проявляется через речевой жанр поручения. Президент дает поручения правительству: *В целях развития несырьевых секторов поручаю Правительству разработать и утвердить Комплексный план энергоэффективности. Поручаю Правительству вместе с акимами до 1 мая этого года разработать и принять принципиально новые программы. Поручаю Правительству совместно с акимами областей, городов Астаны и Алматы до 1 мая 2011 года разработать принципиально новую программу по обеспечению занятости населения. Поручаю Правительству перейти со следующего года к мотивационным денежным выплатам.*

Характерно, что президент Казахстана в своем послании использует модальность необходимости, а не долженствования. Это приводит к осознанию поставленных задач как задач, решение которых объективно нужно всем жителям страны: *В рамках „Дорожной карты“ в 2009 и 2010 годах мы провели большую работу по ремонту объектов ЖКХ. Эту работу **нужно** продолжить. **Необходимо** провести масштабную модернизацию систем водо-, тепло-, электро- и газоснабжения, а также обеспечить создание оптимальной модели жилищных отношений. Теперь всё зависит от того, как Правительство и местные органы власти исполняют эти задачи, как будет организована эта работа. Это минимум того, что **нужно сделать** в ближайшее десятилетие.*

Послание президента России также выполняет информативную функцию, причем чаще всего информация касается настоящего, которое, правда, сравнивается с прошлым: *Численность безработных сей-*

час составляет около 5 миллионов человек, то есть она сократилась на 2 миллиона по сравнению с пиком кризиса. Это существенное достижение. Размер суверенного долга минимален. Сегодняшний уровень международных резервов России (а это около полутриллиона долларов) существенно выше, чем этот показатель в конце 2008 года.

В целом в данном послании доминирует императивная функция, которая проявляется в использовании модальности необходимости: **Необходимо** провести технологическую модернизацию детских поликлиник и больниц, повысить квалификацию их сотрудников. Особое внимание **нужно** уделить вакцинопрофилактике, доступности для детей и подростков качественных лекарственных препаратов и ранней диагностике у них туберкулеза, онкологических и иных опасных заболеваний. На эти цели также **нужно** направлять необходимые средства. Для семей с тремя и более несовершеннолетними детьми **надо** ввести дополнительные налоговые преференции. В-третьих, для детей, которые не посещают детские сады, **необходимо** создать дошкольные группы в общеобразовательных школах.

Однако более частотной для данного послания является модальность долженствования: *И местные администрации, и органы надзора **должны** заранее, то есть практически сейчас, позаботиться о подготовке к следующему летнему сезону. Этими вопросами **должны** заниматься и Уполномоченные по правам ребенка, которые есть уже в 58 регионах нашей страны. Однако свою финансовую поддержку **должны** также оказать и региональные, и муниципальные органы.* В приведенных примерах долженствующий субъект назван. В других случаях не оговаривается, кто должен выполнить названное: *налоговые льготы и государственное финансирование исследовательской деятельности **должны** быть доступны всем, у кого есть идеи и кто несет ответственность установленным критериям. В результате таких мер **должна** повыситься роль регионов и муниципалитетов в решении ключевых социально-экономических задач.*

В подобных случаях, как и в примерах с модальностью необходимости, за счет использования пассивных конструкций с устранением субъекта высказывание приобретает статус декларации, а не конкретной постановки задачи. Более того, некоторые высказывания президента нацелены явно не на того адресата: *В течение 2011 года для ка-*

*ждой школы **надо** создать проект школы будущего — видение того, как может развиваться школа. Разработка таких проектов — это, конечно, дело прежде всего учителей, нынешних и бывших учеников, родителей.* Членам Федерального собрания сообщается, что разработкой проекта школы будущего должны заниматься учителя, ученики и их родители, следовательно, федеральная власть в этом деле может самоустраниться, снять с себя всякую ответственность за проблемы образования.

Кроме того, в послании встречается жанр поручения: *Поручаю Правительству не менее половины экономии запланированных расходов, а также часть дополнительных доходов федерального бюджета направлять на поддержку приоритетов модернизации... Я поручаю начиная с 2011 года проводить их (детей — Т. С.) углубленную диспансеризацию... Поручаю Правительству учесть эту рекомендацию... Я поручаю Правительству подготовить предложения на эту тему. Я поручаю главам субъектов Федерации ежегодно представлять доклады об экологии в их регионе.* В отличие от поручений Н. Назарбаева, поручения Д. Медведева носят более абстрактный характер, не имеют четко сформулированную задачу и сроков исполнения.

Жанр обещания не очень популярен в тексте послания президента. Встречается один пример: *Исполнение этих поручений я продолжу контролировать лично,* — который можно интерпретировать как обещание.

Сравниваемые тексты являются посланиями президентов республик, т. е. говорящие равны по статусу. Как известно, тексты посланий, как и других политических документов, пишутся не самими президентами, а по их заданию целой группой специалистов. Тем не менее следует согласиться с мнением А. П. Чудинова, утверждающему, что, озвучивая или подписывая политический документ, президент берет на себя ответственность за его содержание. Такие тексты исследователь предлагает называть текстами со смещенным авторством [Чудинов 2012: 74—75]. Для адресатов политической коммуникации более значима, актуальна точка зрения президента, а не его помощников, поэтому текст воспринимается как принадлежащий именно президенту. Соответственно оба анализируемых текста одинаковы с точки зрения фактора автора: в обоих автор смещенный.

Однако адресаты разбираемых посланий различаются: президент Казахстана обращается к «народу Казахстана», а президент России — к «Федеральному собранию».

И если в первом случае используются обращения «уважаемые казахстанцы», «дорогие казахстанцы», то во втором только один раз встретилось обращение «уважаемые граждане России!», в остальных случаях — «уважаемые депутаты и члены Совета Федерации», «уважаемые коллеги», «дорогие друзья». В связи с этим разное наполнение получает местоимение «мы» в устах президентов. Н. Назарбаев, используя это местоимение, включает себя в сообщество казахстанцев, *мы* — это жители республики. Знаменателен в этом отношении подзаголовок послания: *Построим будущее вместе!* Поэтому при постановке задач Н. Назарбаев, используя местоимение *мы*, объединяет себя, властные структуры и весь народ Казахстана: *Если мы хотим жить лучше и богаче, мы обязаны выполнить эту работу.* Этим и определяется, в частности, выбор модальности необходимости: *нам надо что-либо сделать всем вместе!*

Для Д. Медведева *мы* — это представители федеральной власти: ***Мы все вместе, здесь присутствующие, провели широкое обсуждение закона „О полиции“...*** Жанр благодарности в его послании адресован только представителям власти: *Еще раз хотел бы поблагодарить всех, кто участвовал в обсуждении этих инициатив, всех депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации.* Не случайно появляется местоимение *они*, которое объединяет народ России и представителей местной власти и противопоставляет их федеральной власти. Ср.: *Именно поэтому наряду с развитием законодательства о судебной системе, что мы делали и продолжаем делать, мы начали проведение реформы МВД. / ...региональные и муниципальные руководители обязаны готовиться к эффективной реализации этих новых актов. В них действительно много нового. При этом не прятаться по кабинетам и наблюдать за тем, как на их территории растет и нагнет криминал. Они должны делать всё, чтобы люди не боялись за свою жизнь и жизнь своих близких, не опасались потерять свое здоровье, имущество и человеческое достоинство.* Не случайна модальность долженствования: *они должны!* Противопоставление *мы* — *они* представляется закономерным, отражающим реальное отношение власти России к народу. О том, что местоимение *мы*, с его богатыми возможностями в сфере концептуализации и оценочной интерпретации действительности, имеет давние традиции использования в разных видах так называемой манипулятивной коммуникации, писала И. Ю. Гранева. В своей

работе она иллюстрирует употребление *мы* для языковой манипуляции осознанным обыгрыванием в следующем старом анекдоте: *Генеральный Секретарь ЦК КПСС выступает с речью: / — Через двадцать лет мы будем жить при коммунизме! / Реплика из зала: / — А мы?* [Гранева 2010].

С точки зрения диктумного содержания послания президентов Казахстана и России также имеют различия. Текст Н. Назарбаева четко структурирован, делится на две основные части: 1) ускоренная экономическая модернизация; 2) социальная модернизация — новая социальная политика. Во второй части выделяются следующие подразделы:

- 2.1) образование;
- 2.2) здравоохранение;
- 2.3) развитие языков;
- 2.4) новая стратегия занятости;
- 2.5) модернизация ЖКХ;
- 2.6) качественная питьевая вода;
- 2.7) повышение доходов — новое качество жизни.

Как видим, темы, затронутые в послании, — это актуальные конкретные вопросы, волнующие народ страны. Это понятно, ведь послание Н. Назарбаева, напомним, адресовано всем казахстанцам.

Послание Д. Медведева представляет собой сплошной текст, структурно не расчлененный на какие-либо части. Конечно, в нем также можно выделить определенные темы, а именно:

- итоги 2010 года;
- демография;
- качество и доступность здравоохранения, здоровье детей;
- поддержка молодых и многодетных семей;
- защита детей;
- развитие системы образования;
- защита окружающей среды;
- модернизация политической системы, качество работы органов власти;
- безопасность и уголовное законодательство;
- борьба с коррупцией и система госзакупок;
- модернизация Вооруженных Сил;
- внешняя политика;
- отдельные поручения Правительству, Администрации президента и руководителям регионов.

Как видим, тематика этого послания широка, оно дополнительно затрагивает вопросы внешней политики и работы органов власти всех уровней. Это обусловлено тем, что президент обращается к представителям власти, в ведении которых находятся данные вопросы. Однако неструктурированность

текста заставляет президента использовать следующие конструкции: *Отмечу также и то, что... Еще одна тема. Прежде всего о мерах... Серьезной проблемой... Поистине страшная проблема... Не могу не сказать еще об одной проблеме. Особо отмечу значение... Завершая тему, подчеркну, — и под.*

В плане языкового воплощения также можно найти ряд различий.

Послание Н. Назарбаева выдержано в официально-деловом стиле, соответствует всем нормам литературного русского языка. Автор использует достаточно короткие предложения, которые легко воспринимаются на слух: *Поручаю Правительству перейти со следующего года к мотивационным денежным выплатам. Главный вопрос — преодолеть иждивенчество. Безработный будет получать грант на приобретение профессии, а не за то, что он безработный. Проблемы бедности надо решать, а не смягчать за счет государственных пособий. Государство будет помогать только объективно нетрудоспособным и малообеспеченным.* В тексте используются отглагольные существительные, что обеспечивает именную характер текста: *работа, доступ, изношенность сетей, реализация программы.* Лексика — либо официально-деловая, либо нейтральная. В тексте много цифровых данных, призванных свидетельствовать об объективности изложения. Кроме того, автор очень часто в подтверждение выдвинутых тезисов ссылается на мнение независимых экспертов: *В настоящее время по оценкам международных экспертов антикоррупционное законодательство Казахстана признано одним из самых эффективных. В докладе Всемирного банка в 2010 году Казахстан признан лидером по проведению реформ в интересах бизнеса. В мировом рейтинге стран с наиболее благоприятным бизнес-климатом Казахстан занимает 59-е место среди 183-х стран мира.* Автор минимально обозначает свою личность в тексте. Местоимение *я* и глаголы в форме 1 л. ед. ч. весьма редки.

Послание Д. Медведева носит более личностный характер. Президент России активно пользуется местоимением *я*. В его тексте комбинируются черты разговорно-бытового и официально-делового стилей. С одной стороны, употребляются осложненные синтаксические конструкции, характерные для официально-делового стиля: *Год назад в этом зале я представил свою политическую стратегию: опираясь на ценности демократии, модернизировать экономику и создать стимулы для прогресса во всех областях; воспитать поколение*

свободных, образованных, творчески мыслящих граждан; поднять стандарты жизни людей на качественно новый уровень; утвердить статус России как современной мировой державы, достигшей успехов на инновационной основе. Частотны пассивные конструкции: *До конца года будет полностью сформирована спутниковая группировка ГЛОНАСС, а в ближайшие два года завершится создание основных цифровых навигационных карт и начнется применение спутниковых навигаторов системы.* Так же, как и Н. Назарбаев, Д. Медведев активно использует отглагольные существительные. С другой стороны, президент России обращается не только к официально-деловой и нейтральной лексике, но и к разговорной и даже просторечной: *Мерзавцев, которые этим занимаются, нужно наказывать самым суровым образом. Таких людей на пушечный выстрел нельзя подпускать к детям.* В результате послание президента России более эмоционально окрашено, чем послание президента Казахстана.

В отличие от Н. Назарбаева, который в основном приводит факты, оперирует цифровыми данными, Д. Медведев позволяет себе использовать банальные фразы, сообщать общеизвестное, — другими словами, подменяет информативность декларативностью: *Современные дети не такие, как были мы. Всякое поколение отличается от предыдущего. Больше внимания нужно уделять патриотическому воспитанию молодежи. Детство и юность — это тот период в жизни человека, когда определяется его будущее.*

Подведем итоги. Каждый носитель языка (в нашем случае — президент) в речевом сообщении осуществляет структурирование, воздействие и передачу своей точки зрения через используемые языковые формы. В связи с этим возникает вопрос о том, насколько сознательно авторы текстов избрали способы их языкового воплощения. Трудно заподозрить Д. Медведева и его помощников в неумении структурировать текст, в незнании конкретных цифровых данных и в целом в более низкой языковой компетентности по сравнению с Н. Назарбаевым и его помощниками. Интерпретация послания президента России позволяет предположить намеренность предложенного построения текста. По мнению Е. А. Кожемякина, «механизм политической интерпретации может быть раскрыт на основе идей Доналда Дэвидсона, утверждавшего, что интерпретация речевого акта подразумевает понимание „нереализованных диспозиций говорящего“, включающих в себя убеждения, намерения,

желания адресанта». [Кожемякин 2011: 55]. Представляется, что намерения адресанта сводились к желанию минимизировать свою ответственность за счет использования общих фраз, приведения неопределенных данных, отсутствия структурированности текста. Кстати, это позволяет и адресатам (представителям федеральной власти) уйти от ответственности: если не названы конкретные исполнители, сроки, то и спрашивать не с кого. Если под интерпретацией понимать «перевод формальных символов и понятий на язык содержательного знания» [Микешина 2007: 137], то более широкий адресат (все граждане России) не получает исчерпывающего содержательного представления о положении дел в стране и конкретных перспективах. Напомню, что в ходе политической коммуникации эффект языкового воздействия проявляется на достаточно высоком уровне. В результате политическая коммуникация, представленная таким жанром, как *послание президента*, оказывает огромное влияние на общественное сознание и формирование политических позиций граждан. И если послание Н. Назарбаева достигает своей коммуникативной цели, служит идее объединения общества, то

послание Д. Медведева не столь единодушно воспринимается россиянами и вызывает, по крайней мере у части из них, критическое отношение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М. : Прогресс, 1987. С. 88—120.
2. Баранов А. Н., Михайлова О. В., Сатаров Г. А., Шипова Е. А. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. — М., 2004.
3. Гранева И. Ю. Местоимение «мы» как средство идеологических манипуляций в русской языковой картине мира // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 494—496.
4. Кожемякин Е. А. Производство знания в политическом дискурсе: социально-эпистемологический взгляд // Политическая лингвистика. 2011. № 4.
5. Микешина Л. Эпистемология ценностей. — М. : Росспэн, 2007.
6. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М., 2012.
7. Шейгал Е. И. Власть как концепт и категория дискурса. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Index_Polit.php.
8. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. — Саратов, 1997.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'23:81'27
ББК Ш100.4

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.20

А. А. Алексеева А. А. Alekseeva
Новосибирск, Россия Novosibirsk, Russia

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ В. В. ПУТИНА И Д. А. МЕДВЕДЕВА (на материале современной прессы и ассоциативного эксперимента)

THE POLITICAL PORTRAITS OF V. PUTIN AND D. MEDVEDEV (on the material of the modern press and the associative experiment)

Аннотация. Исследуются образы В. В. Путина и Д. А. Медведева, вербализованные в современной российской и зарубежной прессе, а также представления об этих политиках в обыденном сознании носителей русского, французского и английского языков, выявленные с помощью ассоциативного психолингвистического эксперимента.

Abstract. The article concerns V. Putin and D. Medvedev's images verbalized in the modern Russian and foreign press, as well as the notions about these politicians in the worldview of Russian, French and English native speakers found out with the help of the associative experiment.

Ключевые слова: образ; представление; пресса; обыденная картина мира; ассоциативный эксперимент; ассоциат; метафоры; антонимы.

Key words: image; notion; press; naive worldview; associative experiment; association; metaphors; antonyms.

Сведения об авторе: Алексеева Алина Алексеевна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры истории культуры.

About the author: Alekseeva Alina Alekseevna, Candidate of Philology, Assistant in Cultural history department.

Место работы: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.

Place of employment: Novosibirsk National Research State University.

Контактная информация: 630090, Новосибирск, ул. Пурогова, 2, к. 422.
e-mail: alina.alexeeva@gmail.com.

В данной статье предпринят анализ лексических и фразеологических средств репрезентации образов В. В. Путина и Д. А. Медведева в современной отечественной и зарубежной прессе, а также в обыденной картине мира носителей разных языков и культур. Исследование имиджей политических лидеров представляется нам важной частью более общих исследований, посвященных образам различных стран, в частности России, поскольку образ любой страны складывается из представлений не только о ее географии и климате, культуре, экономике, национальном характере, но и, безусловно, политике, лицом которой является глава государства.

Исследование охватывает материал за период 2008—2011 гг., когда Д. А. Медведев занимал пост президента РФ, а В. В. Путин — председателя правительства. Материалом для анализа послужили 1) тексты российских, французских, британских и американских газет, журналов и веб-сайтов и 2) результаты ассоциативного эксперимента, проведенного с носителями русского, французского и английского языков.

1. ОБРАЗЫ В. В. ПУТИНА И Д. А. МЕДВЕДЕВА В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЕ. В. В. Путин и Д. А. Медведев составляют, по мнению социологов, полити-

логов, журналистов и других исследователей, неофициальный дуумвират. Так, в статье, озаглавленной *Качели власти: Путин / Медведев* дается следующая трактовка происходящего: *В России возникло два центра власти. Путин и Медведев разделили полномочия: за Путиным остались силовики, экономика, парламент, регионы, партия. За Медведевым — формальные исполнения конституционных обязанностей плюс суды, борьба с коррупцией, выраживание кадрового резерва* (Независимая газета. 2009). Используемые метафорические словосочетания *разделили полномочия, два центра власти, качели власти* создают образ двуполярности российской власти, противоположные полюса которой занимают Д. А. Медведев и В. В. Путин.

Взаимосвязь В. В. Путина и Д. А. Медведева описывается с помощью метафоры *tandem* 'тандем' (в прессе разных стран), а также других метафор, выражающих идею взаимодействия двух человек или элементов одной структуры: фр. и англ. *duo* 'дуэт', фр. *duettistes* 'участники дуэта', фр. *pouvoir bicéphale* 'двуглавая власть', англ. *double-headed Russia* 'двуголовая Россия' и др. В одних статьях это взаимодействие показано как равноправное сотрудничество, выражающееся в партнерских отношениях, что

вербализуется с помощью слов *team* 'команда', *close-knit team* 'сплоченная команда', *political division of labor* 'политическое разделение труда' и т. д., а в других статьях метафорически описывается подчиненное положение Д. А. Медведева по отношению к В. В. Путину: *his master's servant* (Crickey. 2011) 'слуга своего хозяина', *Kremlin ruler or Putin's puppet: Who is Medvedev?* (Reuters. 2008) 'Кремлевский лидер или **марионетка** Путина: Медведев, кто же он?'

Для характеристики подчиненного положения Д. А. Медведева нередко используется метафора *тень*. Она употребляется в разных по смыслу контекстах:

а) в составе фразеологизмов *быть, находиться в тени, уходить в тень* для характеристики зависимого политического положения Д. А. Медведева по отношению к В. В. Путину: *Медведев в тени Путина* (Novostoria. 2010); *Медведев добровольно уходит в тень Путина* (Свободная пресса. 2011); *Властный рейтинг Медведева вырос, но он все еще в тени премьера* (URA.ru. 2011) и др.;

б) в составе противоположного по значению фразеологизма — *выйти из тени*, — отражающего процесс обретения Д. А. Медведевым большей политической самостоятельности: *Как Дмитрий Медведев выходит из тени Путина* (Newsland. 2009); *Медведев пытается выйти из тени Путина* (Газета.ru. 2009) и др.;

в) в словосочетании *тень Путина*, образно характеризующем ужесточение политического стиля Д. А. Медведева: *В Давос должен был ехать Дмитрий Медведев. А поехала тень Путина. Может, теракт тому виной. Стилистика Путина побеждала в официальном русскоязычном сегменте* (Газета.ru. 2011). В одном из фрагментов статьи из газеты «Совершенно секретно» под заголовком *Тень Путина* приводится синонимичная метафора — *голос предшественника (Путина): Расслабившаяся было Меркель заметно вздрогнула, когда без всякого перехода и отвечая на вопрос, заданный в общем-то не ему, а ей, собеседник <Медведев> неожиданно заговорил голосом своего предшественника. Чеканя слог, он заявил, что законопроект о расширении полномочий ФСБ внесен по его прямому поручению и что вообще это наше внутреннее законодательство, а не международные акты. Иначе говоря: не суйтесь! В общем, сплошное крушение иллюзий у тех, кто наивно воспринял гамбургеры и новый гаджет как первичные либеральные признаки у нашего президента* (Совершенно секретно. 2010). Метафора *голос предшественника* затем развивается с по-

мощью другой метафоры, *чеканить слог*, которая широко используется для характеристики речевого поведения В. В. Путина; далее следует еще одна ироничная метафора — *первичные либеральные признаки*, — наличие которых у Д. А. Медведева отрицается.

В ряде статей метафорически описывается схожесть В. В. Путина и Д. А. Медведева, а также повторение Д. А. Медведевым действий бывшего президента: *The Kremlin's strategy is to turn Mr Medvedev into a carbon copy of President Putin* (The Daily Telegraph. 2008) 'стратегия Кремля — превратить Медведева в **копию** президента Путина'; *He walks like Putin, talks like Putin and buys the same suits as Putin. Dmitry Medvedev has undergone an image transplant* (The Observer. 2008) 'Он ходит, как Путин, говорит, как Путин, и покупает такие же костюмы, что и Путин. Дмитрию Медведеву сделали **трансплантацию имиджа**'; *echo of Mr Putin* (The Economist. 2011) '**эхо** господина Путина' и др.

Однако в других статьях Д. А. Медведев и В. В. Путин описываются как политикант-антиподы. Их противопоставление формируется с помощью узуальных и окказиональных антонимов, причем последние в основном являются метафорами.

В. В. Путин описывается как властный, жесткий, бескомпромиссный политик, а Д. А. Медведев представляется мягким и либеральным: *В то время как президент Медведев ослабил свою активность в управлении экономикой, премьер Путин приобрел дополнительные рычаги влияния* (Независимая газета. 2009); *И на обложках The Economist и Der Spiegel в компании русских танков красуется тот самый зверский Путин — никак не мягкий Медведев. Потому что Путин всем нужен как универсальная страшилка-пугалка шестого поколения, оправдывающая и перевооружение США, и расширение НАТО, и даже отсутствие давноожданной оттепели в самой РФ. Медведевым же детей не попугаешь* — образ, видите ли, не совсем тот (Агентство политических новостей. 2008); *Le gentil et le méchant* (Le Figaro. 2008) '**Добрый и злой**'; *Poutine, le méchant, <...> Medvedev, le gentil* (Le Nouvel Observateur. 2011) 'Путин, **злодей**, Медведев, **добрый человек**'; *Ces manœuvres auraient pour but de renforcer l'image populaire de Vladimir Poutine. Par comparaison, Dmitri Medvedev se fait bien discret sur la scène médiatique* (La Croix. 2011) '**Эти маневры имеют своей целью укрепить имидж Владимира Путина как по-**

пулярного политика. По сравнению с ним Медведев остается **скромным на медийной сцене**; *Dima, qui aura 43 ans au mois de septembre prochain, a gardé son physique de premier de la classe, fort en thème et en droit romain. Volodia, 56 ans, sous ses dehors de givre, est une boule de nerfs. Pelucheux, le chef de l'État est un modèle de courtoisie, lorsqu'il n'est pas saisi par un caprice d'enfant gâté. <...> le chef du gouvernement sait séduire mais il peut aussi se montrer d'une rare violence verbale (Le Figaro. 2008) 'Дима, которому исполнится 43 года в следующем сентябре, сохранил свой облик отличника, зубрилы, который хорошо разбирается в римском праве. Володя, 56 лет от роду, снаружи покрыт инеем, а внутри у него клубок нервов. Мягкий глава государства — образец вежливости, пока он не закапризничает, как испорченный ребенок. Глава правительства умеет обольщать, но он также может проявить невиданную словесную жесткость'; *If Medvedev was more democratic and liberal, Putin was autocratic and illiberal* (LexisNexis News. 2011) 'Если Медведев был более демократичным и либеральным, то Путин — властным и нелиберальным'; *The "liberal" president vs. The secret policeman* (Forbes. 2009) '„Либеральный президент vs. Тайный полицейский“'; *Mr Medvedev as a modernizer who could lead Russia away from Mr Putin's autocratic "power vertical"* (Time. 2009) 'Медведев как модернизатор, который мог бы увести Россию от путинской „вертикали власти“'.*

Оппозиция «жесткость В. В. Путина — мягкость Д. А. Медведева» демонстрирует не только «исконные», «онтологические» различия, вытекающие из черт их характера, но и определенный политический прием. Так, в статье о том, что Д. А. Медведев прибыл в Лондон с целью укрепления международных связей, после того как В. В. Путину это сделать не удалось, говорится: *В этой связи можно только еще раз порадоваться современному устройству власти в нашей стране. Тем и хорош тандем, что один его участник может работать на внешний облик власти, а другой — на внутренний, то есть предназначенный для нас с вами. Есть и иной вариант применения тандема: если один соратник случайно где-то недожмет либо, наоборот, пережмет, то другой его всегда может откорректировать. Медведев, например, намерен исправить недостаточную общительность Путина с зарубежными друзьями России. А сам Путин приводит в равновесие слегка разболтанную „тандемократией“*

правоохранительную систему (Независимая газета. 2009).

Этот политический прием описывается в статьях французской прессы с помощью метафоры *rôle* 'роль'. Если в 2008—2009 гг. в прессе использовались образные выражения *distribuer les rôles* 'распределять роли', *distribution des rôles* 'распределение ролей', например: *Comment Medvedev et Poutine se distribuent les rôles* (L'Express. 2009) 'Как Медведев и Путин **распределяют роли** между собой'; *savante distribution des rôles* (L'Express. 2009) 'мудрое **распределение ролей**' и др., — то в 2010—2011 гг. в свете предстоящих выборов на смену пришла метафора *échanger les rôles* 'обмениваться ролями': *Medvedev et Poutine échangeraient bien leurs rôles en 2012* (France 24. 2011) 'Медведев и Путин **поменяются ролями** в 2012 г.'; *en 2012 Poutine et Medvedev se proposent d'échanger leurs rôles* (Le Monde. 2011) 'в 2012 г. Путин и Медведев собираются **поменяться ролями**' и др.

Идея обмена постами выражается в англоязычной прессе такими словами, как *swap* и *trade*, которые означают не просто обмен, а меновую торговлю, сделку, а также театральными метафорами *switch roles*, *swap roles* 'меняться ролями': *the prime minister and president could swap roles* (The Guardian. 2011) 'премьер-министр и президент, возможно, **поменяются ролями**'; *Putin and Medvedev, trading places* (CNN. 2011) 'Путин и Медведев, совершающие **обмен** местами'; *The Kremlin's proposed game of musical chairs is the kind of change whose only purpose is to keep things as they are* (CNN. 2011) 'Предложенная Кремлем **игра „скучно так сидеть“** — это такое изменение, единственная цель которого — оставить все как есть' и др.

Идея смены ролей, политических позиций выражается и в других метафорах. Так, в статье под заголовком *Valse politique pour Medvedev et Poutine* 'Политический **вальс** для Медведева и Путина' говорится: *Dmitri Medvedev et <...> Vladimir Poutine ont échangé des "pas de danse politique"* 'Дмитрий Медведев и Владимир Путин **поменялись „шагами в политическом танце“**' (Le Monde. 2011). Вальс предполагает кружение, т. е. постоянную смену положения обоих партнеров, и образ этого танца был использован для характеристики смены политических позиций Д. А. Медведева и В. В. Путина.

Показательна статья из газеты «Труд» с метафорическим названием *Медведев и Путин начали игру в превращения*, в которой описывается, как за год до президентских выборов лидеры России **поменя-**

лись ролями: Президент (Медведев — А. А.) начал работу по корректировке своего образа как **недостаточно жесткого** политика. Он стал использовать **традиционно путинские методы** управления: после теракта в Домодедово 24 января перешел к **ручному управлению страной** — способу, введенному в период кризиса Путиным. <...> Еще более Медведев **усилил** свой образ как **решительного** политика в вопросе о национальных конфликтах <...> Владимир Путин, в отличие от президента, всегда позиционировал себя как **очень жесткого** государственного деятеля. Теперь он решил **смягчить краски**. <...> Новая **социально-глянцевая линия** Путина началась с его интервью накануне Нового года британской топ-модели Наоми Кэмпбелл для журнала GQ. Это **смягчило** образ Путина как человека, который руководит экономикой, сделало его **более понятным и близким**. <...> Премьер сейчас явно находится в **поисках недостающего элемента** в своем образе — „социальной **теплоты**“ (Труд. 2011). Здесь наблюдается тройное противопоставление: а) В. В. Путин — Д. А. Медведев, б) В. В. Путин несколько лет назад — В. В. Путин сейчас, в) Д. А. Медведев несколько лет назад — Д. А. Медведев сейчас. Для характеристики изменения Д. А. Медведева используются антонимические выражения **недостаточно жесткий — решительный**; выражение **традиционно путинские методы управления** и метафора **ручное управление страной** также содержат имплицитное значение жесткости политических методов. Смягчение, либерализация политических методов **очень жесткого государственного деятеля** В. В. Путина обозначены в статье целым рядом метафор: **решил смягчить краски, смягчить образ, более понятный и близкий образ, новая социально-глянцевая линия, социальная теплота**.

Отношения между В. В. Путиным и Д. А. Медведевым претерпели значительные изменения за период с 2008 по 2011 гг., и это отразилось в прессе. Если в текстах 2008—2009 гг. одной из самых распространенных метафор для обозначения политической взаимосвязи Д. А. Медведева и В. В. Путина была **тандем**, то в 2010—2011 гг. она осложнилась новым элементом, выраженным словами со значением разъединения, разрушения, крушения: **Лесные пожары могут „сжечь“ тандем Путин — Медведев** (Newsland. 2010); **„Крестовый поход“ на Ливию расколол тандем Путина и Медведева** (Деловой Петербург. 2011); **В тандеме Путин — Медведев раскол стал реальностью** (LR news. 2011); **Тандем сделал свое**

дело, тандем может расходиться (Независимая газета. 2011) и др.

Противостояние двух политических лидеров характеризуется с помощью метафор понятийной сферы «битва, сражение»: *Medvedev et Poutine, la bataille s'est ouverte* (Le Monde. 2011) ‘Медведев и Путин: **битва** началась’; *C’était la première fois que le Président et son prédécesseur et Premier ministre croisaient directement le fer* (Le Monde. 2011) ‘это был первый раз, когда президент и его предшественник и премьер-министр **скрестили шпагу**’; *Le président russe Dmitri Medvedev s’est livré jeudi à une critique virulente de son pays, le jugeant “arriéré et corrompu” et déplorant des manquements ces dernières années. Une attaque directe à Vladimir Poutine* (Le Figaro. 2009) ‘В четверг российский президент Д. Медведев подверг резкой критике свою страну, назвав ее „отсталой и коррумпированной“, и выразил сожаление об оплошностях, допущенных в последние годы. Это прямое **нападение** на В. Путина’; *Medvedev and Putin clash over Libya* (Financial Times. 2011) ‘**стычка** Медведева и Путина по ливийскому вопросу’; *In the article, Medvedev attacked Russia’s “humiliating dependence on raw materials” and called for more investment in high-tech industries and increased energy efficiency* (Google news. 2009) ‘В своей статье Медведев **раскритиковал** „унизительную зависимость России от сырья“ и потребовал большего количества инвестиций в высокотехнологичную промышленность и увеличения энергетической эффективности’ (*attack* ‘нападать, критиковать’).

Таким образом, в отечественной и зарубежной прессе В. В. Путин и Д. А. Медведев описываются как «единство противоположностей». С одной стороны, они противопоставляются, и эта оппозиция выражается использованием узуальных и окказиональных антонимов с явным преобладанием последних. С другой стороны, В. В. Путин и Д. А. Медведев образно описываются как единое целое, как человек и его тень или тандем, который в прессе 2008—2009 гг. характеризовался как прочное соединение, а в более поздний период — как нечто неустойчивое, давшее трещину.

2. Представления о В. В. Путине и Д. А. Медведеве в обыденной картине мира носителей разных языков. Данные о том, какими представляются В. В. Путин и Д. А. Медведев обычным носителям разных языков и культур, были получены в ходе ассоциативного эксперимента на основе анкетного опроса. В эксперименте приняли участие 148 носителей русского, 151 носитель французского и 142 носителя английского языка обоих полов,

различных возрастных и профессиональных групп, с разным уровнем образованности. Респондентам предлагалось привести любые возникающие у них ассоциации с именами собственными **В. В. Путин** и **Д. А. Медведев**.

2.1. Результаты эксперимента с носителями русского языка

В ходе эксперимента с носителями русского языка на слово-стимул **В. В. Путин** было получено 495 ассоциатов — слов, словосочетаний, предложений и прецедентных текстов, которые мы объединили в несколько тематических групп (ТГ).

ТГ 1 «Внутренние качества» (118): человек с характером, жесткий, волевой, деятельный, интересный собеседник, уверенный в себе, обаяние, ясность сознания и др. Ассоциаты данной ТГ называют различные внутренние качества В. В. Путина; среди них можно выделить следующие черты характера:

- **сила духа и воли, мужество** (25): сильный (4), сила духа, сильная личность, сильный характер, волевой, воля (3), мужество и др.;
- **твердость и жесткость** (9): человек «железной руки», жесткий (2), жесткость (2), твердый, стойкий, твердое слово, крепкая рука;
- **уверенность** (6): уверенность (4), уверенный, уверенный в себе;
- **лидерские качества** (6): лидер (6);
- **целеустремленность** (6): амбициозный, целеустремленный человек (2), целеустремленность, цель; знает, чего хочет и как этого добиться;
- **ум, разум** (6): ум, умный (2), умный человек, разум, ясность сознания;
- **честь и достоинство** (6): достоинство (2), честь (3), честность;
- **активность, трудолюбие** (6): активный, деятельный, деловой, человек дела; человек, отвечающий за свои слова; труженник;
- **надежность** (5): надежность (4), надежный;
- **ответственность** (4): ответственность (2), ответственный, ответственный руководитель;
- **решительность, смелость** (4): решительность, решимость, смелость (2);
- **образованность, грамотность** (4): образованность, грамотность (2), грамотный (2);
- **серьезность** (3): серьезный (3);
- **патриотизм** (3): патриот, любовь к своей стране, гордость за страну и за людей;
- **спокойствие** (2): спокойный, спокойствие;
- **обаяние** (2): обаяние, харизма.

В целом на основе этих ассоциаций вырисовывается следующий психологический портрет В. В. Путина, который можно обобщить понятием «нордический характер»: это сильный, волевой, жесткий и твердый, ответственный и серьезный, надежный, уверенный в себе и спокойный, целеустремленный, умный и грамотный человек. Практически все ассоциаты данной ТГ передают положительные качества В. В. Путина; лишь небольшое количество ассоциатов называет неоднозначные качества, которые можно интерпретировать либо как положительные, либо как отрицательные, например жесткость.

ТГ 2 «Должность» (59): президент (38), первый человек в государстве, бывший президент (13), премьер-министр (4), председатель правительства РФ, вице-президент, глава правительства (2). Показательно, что даже в конце 2008 — начале 2009 г. многие россияне по-прежнему воспринимали В. В. Путина как президента России: так, слово *президент* встретилось в ответах 38 раз, при этом ассоциат *бывший президент* — 13 раз, *экс-президент* — 1 раз. Должность, которую занимал В. В. Путин на момент проведения эксперимента, упоминается еще реже: *премьер-министр* — 4 раза, *председатель правительства РФ*, *глава правительства*, *вице-президент* — по одному разу.

ТГ 3 «Карьера» (31): юрист, военный, КГБ (10), кэбэшник (3), подполковник, подполковники КГБ бывшими не становятся, ФСБ (6), разведка (2), ставленник и др. В сознании респондентов образ В. В. Путина связан с его отдаленным прошлым, т. е. с юридическим образованием и работой в спецслужбах.

ТГ 4 «Политика» (22): политика, Госдума, Единая Россия, правительство, коррупция (2) и др.

ТГ 5 «Результаты деятельности Путина и их оценка» (59): ВВП в 2 раза, борьба с коррупцией, защита интересов, многое сделал, возрождение (2), милитаризация, полицейское государство (2), ничего хорошего, порядок (3), государственный капитализм, национальные проекты и др. В. В. Путин ассоциируется с теми переменами в лучшую сторону, которые наступили в России с его приходом к власти, например с экономическим подъемом страны: *возрождение* (2), *подъем* (2), *экономический подъем*, *рост экономики*; человек, поднявший Россию; *вверх*; *прогресс* и др. Ассоциации также отражают наступившую после тяжелых постперестроечных лет и кризиса 1998 г. стабильность: *некоторая стабильность*, *стабиль-*

ность (8), стабильность конца 90-х — нач. 21 века, стабилизация экономики. Негативные оценки деятельности В. В. Путина содержат всего три ассоциата данной ТГ: *ничего хорошего и полицейское государство* (2).

ТГ 6 «Отношение респондентов к В. Путину» (35): *авторитет, высокий рейтинг, все к нему привыкли, доверие населения, впервые приятно видеть и слышать, уважаемый человек* (2), *обожаемый, приятный, популярный, лично мне он по душе, очень нравится, молодец, хороший; лучший из тех, кто был; достойный президент; руководитель, которого долго ждала наша страна; раздражение* и др. Ассоциаты данной ТГ выражают отношение респондентов к В. В. Путину, личную симпатию/антипатию. Подавляющее большинство ассоциатов (32) передают положительную оценку.

ТГ 7 «Спорт» (27): *спорт* (4), *спортсмен* (2), *дзюдо* (9), *каратист, карате, черный пояс, кимоно, лыжи* (2), *горные лыжи* (5), *в здоровом теле здоровый дух*. Частотность таких ассоциаций доказывает тот факт, что имидж президента сформировался на основе представлений о нем не только как о должностном лице и политике, но и как о человеке с определенными чертами характера, увлечениями, хобби. Ассоциаты данной ТГ перекликаются с ассоциатами, называемыми такие внутренние качества В. В. Путина, как сила духа, воля.

ТГ 8 «Речевое поведение» (30): *грамотная речь, интересный собеседник, смелые выражения, «крепкие» выражения, «мочить террористов», «буду краток»* (3), *«она утонула»* и др. Часть ассоциатов содержит общую характеристику речевого поведения В. Путина: *умеющий читать без бумажки, грамотная речь, смелые выражения, «крепкие» выражения*. Другие представляют собой прецедентные высказывания — более или менее известные фразы В. В. Путина, произнесенные им с телеэкрана, в частности 1) знаменитые приветствия: «Добрый вечер», «Буду краток», «Буду краток. Буду», «Добрый-вечер-буду-краток», 2) нашумевшее заявление о расправе с террористами (в разных вариациях): «Мочить террористов в сортире», «Мочить в сортире» (3), «Мочить террористов», «сортир» (3), а также 3) другие, менее известные высказывания: «Не надо суетиться», «Она утонула» (о подлодке «Курск»), «От мертвого осла уши» и т. д.

Очевидно, что речевое поведение президента является очень важным компонентом его имиджа как главы государства, причем имидж складывается на основе либо характерных для лидера фраз, либо запо-

нившихся своей резкостью. Именно такие фразы становятся своеобразной «визитной карточкой» В. В. Путина.

ТГ 9 «Внешность» (14): *лысина, лысый* (2), *маленький* (3), *невысок, головастик, нахмуренные брови, опрятен, неважная походка, куртка с опушкой, рубашки с запонками, серый пиджак*.

ТГ 10 «Россия и ее города» (13): *Россия, лицо России, государство, Санкт-Петербург, Питер, Москва*.

ТГ 11 «Особенности Путина как политика» (13): *серый кардинал, дипломатия, очередной грубый «втык» всему Правительству РФ, прогрессивный политик, продуктивный, осторожность, организатор, стратег, с тузом в рукаве, лояльность, непримиримость, жесткая политика*.

ТГ 12 «Власть» (12): *власть* (6), *вертикаль власти, величие, царь* (3), *император*. В. В. Путин представляется россиянам олицетворением сильной власти в стране; некоторые ассоциаты данной ТГ также выражают представления о президенте как о носителе власти, причем безграничной.

ТГ 13 «Трагические события» (5): *Курск, Норд-Ост, чеченский конфликт, война* (2). Образ В. В. Путина ассоциируется с трагическими событиями в стране, происшедшими во время его пребывания на посту президента.

ТГ 14 «Пародии, анекдоты, шутки» (5): *Владимир Владимирович (tm) — истории с одноименного сайта, анекдоты про Вовочку теперь политические, КВН-пародии; пародии, которые делают на него в КВН, ВВП* (обыгрывается совпадение аббревиатуры ВВП — валовой внутренний продукт — с инициалами В. В. Путина). В. В. Путин, как и любой политический деятель, является объектом многочисленных пародий и шуток, в части из которых обыгрывается его фамилия.

ТГ 15 «Животные» (5): *змея, мышь, рыба, тигренок, утка*.

Как видно, основные составляющие образа В. В. Путина в обыденных представлениях россиян можно условно разделить на 2 группы: Путин-человек и Путин-политик (см. табл. 1).

В целом образ В. В. Путина, во-первых, довольно многогранен, поскольку он оценивается не только как политический деятель с определенным «стилем» руководства страной, но и как обычный человек со своими чертами характера, внешности и увлечениями; во-вторых, не является отрицательным, так как большая часть ассоциатов отражает либо нейтральное, либо положительное отношение респондентов к В. В. Путину.

Таблица 1

Образ В. В. Путина в обыденной картине мира носителей русского языка (по данным ассоциативного эксперимента)

Человек (159 ассоциатов)	Политик (236 ассоциатов)
– обладающий определенными внутренними качествами: силой духа и воли, мужеством, уверенностью в себе, надежностью, лидерскими качествами, умом, харизмой; – обладающий характерными чертами внешности и стиля одежды; – серьезно занимающийся спортом (дзюдо, карате, горными лыжами)	– долгое время работавший в спецслужбах, а затем занимавший пост президента РФ; – многое сделавший для России на посту президента; – занимающий должность премьер-министра (на момент проведения эксперимента); – обладающий большой властью; – имеющий особый «политический стиль» руководства страной и манеру речи; – во время его правления случился ряд трагических событий в стране

На слово-стимул **Д. А. Медведев** всего было зафиксировано 309 ассоциатов, т. е. более чем в полтора раза меньше, чем на имя **В. В. Путин**. Они классифицированы по следующим ТГ:

ТГ 1 «Связь с В. В. Путиным» (70): *Путин* (9), *в команде В. В. Путина, преемник Путина* (4), *последователь Путина, путинская марионетка, передача власти, тандем* и др. В данной ТГ можно выделить оценочно нейтральные и оценочно маркированные ассоциаты. Оценочно нейтральные ассоциаты только констатируют факт преемственности политики Д. А. Медведева: *продолжатель, последователь, преемник Путина, продолжает политику Путина, последователь Путина, последователь политики Путина*. Ассоциаты, которые отражают несамостоятельность Д. А. Медведева в принятии политических решений, его зависимость от В. В. Путина и подражание ему, являются оценочно маркированными, причем содержат негативную оценку и в большинстве своем являются метафорами: *всегда будет правой рукой Путина, вечно ведомый, новая аватарка Путина, подражание в речевой манере ВВП, путинская марионетка, марионетка* (2), *«жизнь моя марионетка», пешка, раб, теневой, человек, карауляющий место Путина; мальчик, которым управляет Путин* и др.

ТГ 2 «Должность» (26): *президент* (15), *президент России, Президент РФ на настоящий момент, президент (нынешний), нынешний президент* (2), *действующий президент, новый президент* (4).

ТГ 3 «Образование и карьера» (18): *СПбГУ, юрист* (10), *юридически подкован, адвокат, администрация президента, руководитель администрации президента, грамотная стратегия продвижения, доцент, президент «Газпрома»*.

ТГ 4 «Политика» (9): *политика, «Единая Россия», Собчак, Кремль, выборы* и др. В данной ТГ мы объединили ассоциаты, называющие политические реалии и персоналии, которые каким-либо образом связаны с Д. А. Медведевым, но при этом не характеризуют его как политика.

ТГ 5 «Внутренние качества и манера поведения» (41): *вежлив, решительный* (2), *энергичность, хитрый, слабак, старательность, мягкость, напыщенность, вроде с амбициями, трудолюбивый, пунктуальность* и др. Ассоциаты данной ТГ довольно противоречивы. Так, с одной стороны, Д. А. Медведев характеризуется как мягкий, застенчивый, нерешительный человек (*застенчивый, неуверенный, мягкость, слабак*), с другой — как человек смелый, твердый и решительный (*жесткость, твердость, решительность, решительный, смелость, настойчивость*); среди других ассоциативных пар слов с противоположными значениями можно назвать следующие: *хитрый — честный, порядочность; умный, образованность — тупой; не умеющий говорить, только читает — ясность выражения мысли*.

ТГ 6 «Результаты политики Д. Медведева и их оценка» (35): *реформатор* (2), *стабильность, развитие* (2), *много делает для нашего будущего, национальные проекты* (2), *6 лет президенту, поправки к Конституции, «атмосфера нетерпимости к коррупции», поживем-увидим; посмотрим, что получится; надежда на будущее* и др.

ТГ 7 «Оценка Медведева и отношение к нему» (16): *очень неплохой президент, перспективный* (2), *подающий надежды, достойный президент, интересный, не тянет на президента, человек не на своем месте, неопределенное отношение, этот человек мне слегка неприятен* и др. Часть ассоциатов данной ТГ содержит положительную оценку (9), часть — отрицательную (7). Это показывает неоднозначное отношение россиян к Д. А. Медведеву.

ТГ 8 «Внешность» (21): *неказистый, маленький рост, невысок, 154 см, большие глаза, очаровательная улыбка, узкие плечи, узкоплечий карлик, симпатичный, головастик, галстук* и др.

ТГ 9 «Молодость, неопытность» (13): *молодой* (3), *молодой президент, молодость, ребенок, мальчик, неопытный, несформировавшийся, начинающий, новый* (2).

Все ассоциаты данной ТГ демонстрируют не физиологическую, а скорее политическую молодость и некоторую неопытность, незрелость Д. А. Медведева, особенно по сравнению с В. В. Путиным.

ТГ 10 «Животные, мультипликационные персонажи и игрушки» (16): *медведь (4), медвежонок (плюшевый), плюшевый мишка, мишка (2), плюшевая игрушка, не новая, но одна из любимых; Винни-Пух (2), грустный бедный Винни-Пух, коала, рыба, гусыня, пупсик.* Такие ассоциации очень субъективны, часть из них может быть навеяна фамилией, внешностью или характером президента.

ТГ 11 «Шутки» (8): *«Превед, Медвед!» (2), медвед (2), превед (2), тост за ДАМ, КВН-пародии.* Почти все ассоциаты данной ТГ основаны на комплексе фраз и образов: они связаны, во-первых, с фамилией президента, во-вторых, с аббревиатурой названия проправительственного движения «Межрегиональное движение „Единство“», в-третьих, с известным персонажем Интернета — антропоморфным медведем, произносящим слово «Превед!», которое стало эрративной формой русского дружеского приветствия.

ТГ 12 «События» (7): *кризис, экономический кризис (2), финансовый кризис (3), Грузия.*

Представим полученные данные в таблице (см. табл. 2).

Таблица 2

Образ Д. А. Медведева в обыденной картине мира носителей русского языка (по данным ассоциативного эксперимента)

Человек (62 ассоциата)	Политик (179 ассоциатов)
<ul style="list-style-type: none"> – обладающий определенными внутренними качествами, часто противоречивыми: мягкостью и решительностью, несамостоятельностью и независимостью, честностью и хитростью; – обладающий характерными чертами внешности — приятным лицом, небольшим ростом 	<ul style="list-style-type: none"> – занимавший должность президента РФ (на момент проведения эксперимента); – прошедший определенные этапы в своей профессиональной деятельности, прежде чем стать президентом РФ; – не имеющий собственного стиля руководства страной, остающийся в зависимом положении от В. В. Путина; – являющийся молодым, неопытным руководителем; – его политическая деятельность имеет определенные результаты; – во время его пребывания на посту президента случился ряд политических и экономических событий в стране

Итак, образ Д. А. Медведева в сознании носителей русского языка:

1) базируется на сопоставлении с образом В. В. Путина: некоторые ассоциаты представляют собой простую отсылку к фамилии бывшего президента, другие содержат имплицитное или эксплицитное сравнение с ним, третьи показывают распределение ролей в создавшемся тандеме, в котором В. В. Путин, несмотря на формально зависимое положение, является лидером, а Д. А. Медведев — исполнителем воли правителя;

2) формируется во многом на основании формальных признаков, лежащих на поверхности и поэтому наиболее доступных восприятию, таких как занимаемая должность, образование и карьера, внешний вид и фамилия;

3) отражает результаты политики Д. А. Медведева и события, произошедшие во время его пребывания на посту президента.

Разнородность и противоречивость ассоциатов, отражающих внутренние качества Д. А. Медведева, результаты его политики, а также личное отношение к президенту, доказывают тот факт, что пока у носителей русского языка не сложилось однозначное мнение о качествах Д. А. Медведева как о человеке и политике.

2.2. Результаты эксперимента с носителями французского языка

Рассмотрим теперь, каков образ российских политических лидеров в представлениях французов. Общее количество ассоциатов, полученных на слово-стимул **В. В. Путин**, — 300. Мы объединили их в следующие ТГ:

ТГ 1 «Должность» (63): *chef d'état* 'глава государства', *président* 'президент' (20), *président de la Fédération de Russie* 'президент Российской Федерации', *ex-président russe* 'бывший российский президент', *premier ministre* 'премьер-министр' (15), *ancien président de la Russie mais personnage russe toujours aussi influent dans son pays et à l'international* 'бывший президент России, но при этом до сих пор достаточно влиятельный в своей стране и в мире', *président officieux* 'неофициальный президент', *homme politique* 'политический деятель' и др.

Треть данной ТГ (23) составляют ассоциаты *président* 'президент' (20), словосочетания *président russe* 'российский президент' (2) и *chef d'état* 'глава государства', иначе говоря, каждый третий француз на момент эксперимента видел В. В. Путина в роли президента России, хотя тогда он занимал должность премьер-министра.

ТГ 2 «Внутренние качества В. В. Путина как политика, его особенности» (44): *autoritaire* 'авторитарный' (7), *intolérant* 'не-терпимый', *avide de pouvoir* 'жадный до власти', *calculateur* 'расчетливый', *dictateur* 'диктатор' (6), *tyran* 'тиран', *pas démocrate* 'недемократичный', *corrompu* 'коррупцированный' (2), *manipulateur* 'манипулятор' (2), *acteur* 'актер', *homme à caractère belliqueux (qui aime la guerre: Tchétchénie... Géorgie...)* 'воинственный человек (который любит войну: Чечня... Грузия...)', *colonialiste de ses pays limitrophes* 'колонизатор приграничных стран', *il trompe son peuple et croit plus à la force qu'au dialogue* 'он обманывает свой народ и больше доверяет силе, чем диалогу' и др. Очевидно, что данная ТГ очень тесно связана с ТГ «Внутренние качества В. В. Путина» и «Особенности политики и политические стратегии В. В. Путина», поскольку часть ассоциатов можно интерпретировать и как черты характера В. В. Путина, и как особенности В. В. Путина как политика, и как определение его политических стратегий.

Основная черта В. В. Путина — политика, которую отмечают французы, — это его жажда власти и авторитарный стиль управления страной (21): *tyran* 'тиран', *autoritaire* 'авторитарный' (7), *avide de pouvoir* 'жадный до власти', *président despote* 'деспотичный президент', *main de fer* 'властная рука', *main de fer dans un gant de velours* 'властная рука в бархатной перчатке'. В некоторых ассоциатах зафиксированы представления о нечестных и обманых политических методах В. В. Путина (6): *corrompu* 'коррупцированный' (2), *manipulateur* 'манипулятор' (2), *acteur* 'актер', *il trompe son peuple et croit plus à la force qu'au dialogue* 'он обманывает свой народ и больше доверяет силе, чем диалогу'.

В целом на основании ассоциатов данной ТГ складывается отрицательный образ В. В. Путина — политика: 39 ассоциатов из 44 выражают отрицательную оценку; остальные 5 ассоциатов обладают неоднозначной оценкой, например *pragmatisme* 'прагматизм', *pragmatique* 'прагматичный', и положительной: *stratège* 'стратег' (2), *figure politique très charismatique* 'очень харизматичная политическая фигура'.

ТГ 3 «Внутренние качества Путина» (41): *sang-froid* 'хладнокровие', *volonté* 'сила воли', *sérieux* 'серьезный', *insensible* 'бесчувственный', *intelligent* 'умный' (2), *responsable* 'ответственный', *sévère* 'суровый', *robuste* 'сильный, крепкий, непоколебимый', *roublard* 'хитрый', *rudesse* 'грубость, жестокость', *tête dure* 'тупица, упрямец' и др. Среди черт характера В. В. Путина, которые называли французы, преобладали следующие:

- строгость, суровость, грубость, твердость (16): *rigueur* 'суровость, строгость' (3), *dureté* 'твердость, суровость, жестокость', *sévère* 'суровый', *sévérité* 'строгость, суровость' (3), *rudesse* 'грубость, жестокость', *strict* 'строгий' (2), *homme de fer* 'железный характер', *robuste* 'сильный, крепкий, непоколебимый', *détermination* 'решительность', *ferme* 'твердый, непоколебимый' (2);

- спокойствие, хладнокровие, бесчувственность, закрытость (12): *calme* 'спокойный', *serein* 'безмятежный, спокойный', *sang-froid* 'хладнокровие', *homme de sang froid* 'хладнокровный человек', *froid* 'холодный' (3), *quelqu'un de froid* 'некто холодный', *distant* 'закрытый, холодный', *insensible* 'бесчувственный', *sans pitié* 'не способный на сочувствие' (2).

В. В. Путин представляется носителям французского языка человеком с железным характером, незэмоциональным, хладнокровным, а потому твердым, жестким и грубым.

ТГ 4 «Особенности политики и политические стратегии В. В. Путина» (14): *élection truquée* 'сфэбрикованные выборы', *jeu de pouvoir* 'политические игры', *contrôle* 'контроль', *police politique* 'политическая полиция', *meurtres* 'убийства', *propagande* 'пропаганда', *violence* 'насилие', *mise au pas des médias* 'обуздание (приведение к повиновению)', *quelqu'un qui entend restaurer la place de la Russie dans le concert international* 'некто, хочет отреставрировать место России на международной арене'. Все ассоциаты данной ТГ содержат негативную оценку политики В. В. Путина.

ТГ 5 «Карьера» (24): *KGB* (18), *ex-KGB* 'бывший агент КГБ', *ex agent KGB* 'бывший агент КГБ', *ancien dirigeant du KGB* 'бывший руководитель КГБ', *mis au pouvoir par Boris Eltsine* 'приставленный к власти Б. Ельциным', *service secret* 'секретная служба' (2). Прошлое В. В. Путина, его работа в органах госбезопасности составляет значительную часть его имиджа в глазах французов.

ТГ 6 «Отношение к В. В. Путину» (16): *fierté nationale* 'национальная гордость', *apprécié des russes* 'любим (уважаем) русскими', *bon président* 'хороший президент', *un grand homme politique* 'важный политический деятель', *antipathique* 'неприятный', *crapule* 'негодяй', *ridicule* 'смешной (нелепый)', *une personne qui fait peur en France* 'человек, который наводит страх на Францию', *dangereux* 'опасный', *homme très dangereux* 'очень опасный человек'.

Часть приведенных ассоциатов (6) репрезентирует общественную оценку, например *fierté nationale* 'национальная гордость',

apprécié des russes 'любим (уважаем) русскими', *populaire* 'популярный' и др.; другие ассоциаты (10) выражают личные отношения респондента к В. В. Путину, хотя оно, возможно, сложилось тоже под влиянием общественного мнения: *bon président* 'хороший президент', *antipathique* 'неприятный', *crapule* 'негодяй', *malin* 'ловкач (хитрец)' и др. Ассоциаты с отрицательной оценкой преобладают (их 12).

ТГ 7 «Власть, сила» (19): *pouvoir* 'власть' (8), *le vrai pouvoir* 'настоящая власть', *autorité* 'власть' (5), *une personne qui a beaucoup d'autorité* 'человек, у которого много власти', *force* 'сила', *homme puissant* 'могущественный (влиятельный) человек', *autocrate* 'автократ, самодержец', *nouveau tsar* 'новый царь'. В. В. Путин воспринимается французами как носитель неограниченной власти, фактически как монарх в современных условиях.

ТГ 8 «Политика» (11): *politique* 'политика' (6), *politique russe* 'российская политика', *Russie Unie* 'Единая Россия', *gouvernement* 'правительство', *gouvernement russe* 'российское правительство', *Bush* 'Буш'.

ТГ 9 «Результаты деятельности Путина и их оценка» (10): *renaissance du prestige russe* 'возрождения престижа России', *puissance russe retrouvée* 'вновь обретенная мощь России', *changement, étant venu en Russie en 1996 j'ai vu une grosse difference en 2010 à mon retour* 'изменения: после пребывания в России в 1996 г. я увидел большую разницу в 2010 г., когда снова приехал туда', *redressement économique* 'экономический подъем', *développement* 'развитие', *réformes* 'реформы', *homme de fer (très strict) qui a réussi à transformer la Russie en une très très grande nation au détriment de la liberté d'expression* 'человек с железным характером (очень строгий), которому удалось превратить Россию в очень-очень большую нацию в ущерб свободе слова', *renouveau mélange au mensonge* 'обновление, смешанное с ложью' и др. Деятельность В. В. Путина оценивается, таким образом, в основном положительно: французские респонденты отмечают экономический подъем России, укрепление ее позиций на мировой арене, улучшение международного имиджа, хотя отдельные негативные изменения, произошедшие во время пребывания В. В. Путина на посту президента, также отмечаются.

ТГ 10 «Россия» (10): *état* 'государство', *Russie* 'Россия' (5), *Moscou* 'Москва', *Kremlin* 'Кремль', *Place Rouge* 'Красная площадь', *Sochi* 'Сочи'.

ТГ 11 «Войны» (8): *guerre* 'война' (2), *guerre contre l'Ukraine* 'война против Украины', *guerre contre les Tchétchènes* 'война про-

тив чеченцев', *guerre en Tchétchénie* 'война в Чечне', *violence en Tchétchénie* 'насильственные меры в Чечне', *Tchétchénie* 'Чечня' (2). В данной ТГ преобладают ассоциаты, называющие военные действия в Чечне.

ТГ 12 «Экономика» (8): *économie* 'экономика', *industrie* 'промышленность', *gaz* 'газ', *Gazprom* '«Газпром»', *oligarchie* 'олигархия', *oligarques* 'олигархи' (2), *Khodorkovski* 'Ходорковский'.

Представим в следующей таблице основные составляющие образа В. В. Путина, выделенные по результатам ассоциативного эксперимента с участием носителей французского языка.

Таблица 3

Образ В. В. Путина в обыденной картине мира носителей французского языка (по данным ассоциативного эксперимента)

Человек (41 ассоциат)	Политик (213 ассоциатов)
– обладающий определенными внутренними качествами: хладнокровием, спокойствием, твердостью, решительностью, жесткостью, непримиримостью	– долгое время работавший в спецслужбах, а затем занимавший пост президента РФ; – возродивший экономику России и ее престиж в мире; – занимающий должность премьер-министра (на момент проведения эксперимента); – обладающий неограниченной властью; – имеющий авторитарный «политический стиль» руководства страной; – во время его пребывания на посту президента велись различные войны

Из таблицы видно, что в образе В. В. Путина в обыденном сознании французов наблюдается значительный «перекосяк» в сторону представлений о нем как о политике. Для французов В. В. Путин скорее носитель определенных государственных функций, чем обыкновенный человек со своими особенностями характера, внешности, увлечениями. В представлениях французов В. В. Путин — деспотичный политик, обладающим фактически неограниченной властью, даже несмотря на то что во время проведения эксперимента он не был президентом. К другим чертам характера, определяющим политический портрет В. В. Путина в глазах носителей французского языка, относятся его жестокость, грубость, непримиримость; кроме того, французы отмечают, что В. В. Путин, по их мнению, использует различные стратегии обмана, манипуляции, политических игр для реализации собственных планов.

Ассоциаций с именем Д. А. Медведева было дано в полтора раза меньше, чем ассоциаций с именем В. В. Путина. Общее количество ассоциатов — 201, на основе которых мы выделили следующие ТГ:

ТГ 1 «Связь с Путиным» (56): *Poutine* 'Путин' (4), *président actuel mais influencé par Poutine* 'нынешний президент, но находящийся под влиянием Путина', *remplaçant Poutine* 'заменяющий Путина', *pion de Poutine* 'пешка Путина', *marionnette de Poutine* 'марионетка Путина' и др.

Некоторые ассоциаты данной ТГ формальны, так как представляют собой имя или фамилию В. В. Путина (5): *Poutine* 'Путин' (4), *Vladimir P* 'Владимир П.'. Остальные ассоциаты — это словосочетания или предложения, которые выражают зависимость Д. А. Медведева от В. В. Путина, его подверженность влиянию бывшего президента. Ряд ассоциатов (19) эксплицитно формулирует идею подконтрольности Д. А. Медведева, его тесного политического взаимодействия с В. В. Путиным, а также содержит сравнение двух президентов: *président actuel mais influencé par Poutine* 'нынешний президент, но находящийся под влиянием Путина', *sous influence de Poutine* 'под влиянием Путина', *mis au pouvoir par Vladimir Poutine* 'приставлен к власти В. Путиным', *contrôlé par Poutine* 'контролируется Путиным', *remplaçant Poutine* 'заменяющий Путина', *figure politique disciple de Poutine qui s'évertue à acquérir du charisme et de l'autorité à l'image de Poutine* 'политический деятель — ученик Путина, который прилагает все усилия, чтобы приобрести такую же харизму и влияние, как и Путин', *premier ministre (je sais que c'est le contraire mais Medvedev est perçu plus comme un exécutant qu'un président en poste)* 'премьер-министр (я знаю, что на самом деле всё наоборот, но Медведев воспринимается скорее как исполнитель, чем как действующий президент)', *homme plus ferme que V. Poutine dans ses prises de décisions politiques* 'человек, более твердый в принятии политических решений, чем В. Путин', *on n'entend que très peu parler de lui en France, Poutine est beaucoup plus connu* 'о Медведеве очень мало говорят во Франции, Путин известен намного больше' и др.

Другую часть ассоциатов представляют метафоры, которые также отражают подчиненность Д. А. Медведева В. В. Путину, его политическую несамостоятельность (18). В основном это метафоры с общим значением куклы, игрушки, такие как *marionette*, *pantin*, *fantoché* 'марионетка', *jouet* 'игрушка', *poupée russe* 'кукла, матрешка', *pion* 'пешка': *marionnette de Poutine* 'марионетка Путина', *pantin*

de Poutine 'марионетка Путина', *président fantoché* 'президент-марионетка', *pion de Poutine* 'пешка Путина', *poupée russe de Poutine malgré son rang supérieur* 'матрешка Путина, несмотря на более высокий статус', *poupée russe de Poutine malgré son rang supérieur* 'матрешка Путина, несмотря на более высокий статус' и др. Однако есть также и другие метафоры, выражающие схожую идею зависимости, подчиненности, беспрекословного исполнения приказов: *bras droit de Poutine* 'правая рука Путина', *"toutou" (un peu comme une marionnette qu'utilise Poutine pour accéder de nouveau à la présidence)* '„щенок" (слегка напоминает марионетку, которую использует Путин, чтобы снова получить доступ к президентской должности)', *valet de Poutine* 'слуга Путина', *petit "frère" de Poutine* 'младший „брат" Путина', *bon chien chien* 'хорошая собачонка' и др.

ТГ 2 «Должность» (44): *président* 'президент' (27), *3ème président russe* 'третий российский президент', *président de la Russie* 'президент России' (3), *président russe* 'российский президент' (3), *nouveau président* 'новый президент' (2), *président officiel* 'официальный президент', *président actuel* 'нынешний президент', *actuel président russe* 'нынешний российский президент', *chef d'Etat* 'глава государства' и др.

ТГ 3 «Политический портрет» (18): *dirigeant sombre et secret* 'мрачный и скрытный руководитель', *potiche* 'свадебный генерал', *diplomat* 'дипломат', *compromis* 'компромисс', *libéral* 'либеральный', *opportuniste* 'оппортунист', *corrompu* 'коррупированный' (2), *plus proche de l'idée que l'on se fait en occident d'un chef d'état* 'больше соответствующий западным представлениям о главе государства' и др.

ТГ 4 «Внутренние качества Д. А. Медведева» (13): *fatuité* 'чванство, самодовольство', *timide* 'застенчивый, робкий' (2), *lavette* 'рохля, тряпка', *mannequin* 'безвольный человек, тряпка', *bonne volonté* 'усердие, желание', *manque de charisme* 'отсутствие харизмы', *pas charismatique* 'не харизматичный', *droiture et fermeté* 'прямота и решительность', *discret* 'сдержанный, тихий', *passif* 'пассивный', *dynamisme* 'энергичность', *énergétique* 'энергичный'. Ассоциаты данной ТГ довольно противоречивы: с одной стороны, Д. А. Медведеву приписываются такие качества, как робость, скромность, сдержанность, нерешительность, безволие, пассивность, с другой — самодовольство, усердие, энергичность, решительность.

ТГ 5 «Власть» (8): *pouvoir* 'власть' (3), *homme de pouvoir* 'человек при власти', *président sans pouvoir* 'президент без власти'

(2), *pas de pouvoir* 'нет власти', *impuissance* 'бессилие'. Ассоциаты данной ТГ также противоречивы: с одной стороны, Д. А. Медведев характеризуется как носитель власти, с другой — называется президентом без власти.

ТГ 6 «Политика» (8): *politique* (5), *politique russe* 'российская политика', *même famille politique* 'та же политическая семья', *gouvernement russe* 'российское правительство'.

ТГ 7 «Результаты деятельности Д. А. Медведева» (7): *évolution* 'эволюция, развитие', *réformes* 'реформы', *changement* 'изменение', *transition* 'переходный период', *expansion économique* 'экономический рост', *stabilité* 'стабильность', *ordre* 'порядок'. Носители французского языка указывают на изменения, произошедшие в России с приходом Д. А. Медведева к власти.

ТГ 8 «Россия» (7): *Russie* 'Россия', *état* 'государство', *Moscou* 'Москва', *Place Rouge* 'Красная площадь', *Kremlin* 'Кремль'.

Таблица 4

Образ Д. А. Медведева в обыденной картине мира носителей французского языка (по данным ассоциативного эксперимента)

Человек (13 ассоциатов)	Политик (146 ассоциатов)
– обладающий противоречивыми внутренними качествами: с одной стороны, робостью, нерешительностью, вялостью, с другой — энергичностью, решительностью	– находящийся в определенной политической зависимости от В. В. Путина, выполняющий его указания, политически несамостоятельный; – занимающий должность президента РФ (на момент проведения эксперимента); – за время его правления с Россией произошли некоторые изменения

Д. А. Медведев, как и В. В. Путин, для носителей французского языка скорее не человек, а политик, но при этом он не как президент с определенным стилем управления страной и принятия политических решений, а помощник, марионетка «настоящего» президента — В. В. Путина, который умело использует помощника в своих целях. Несмотря на это, некоторые респонденты все же отмечают определенные отличия Д. А. Медведева от В. В. Путина, в частности большую либеральность первого, соответствие его стиля управления страной западным стандартам ведения политики.

2.3. Результаты эксперимента с носителями английского языка

В ходе эксперимента с носителями английского языка на слово-стимул **V. Putin** было получено 287 ассоциатов, которые мы разделили на 10 ТГ.

ТГ 1 «Особенности Путина как политика и его политических стратегий» (65): *strong nationalist* 'ярый националист', *progressive* 'прогрессивный', *control* 'контроль', *craves power* 'жаждет власти', *puppet master* 'кукловод' и др. В данной ТГ мы выделили несколько подгрупп:

а) ассоциаты, которые характеризуют В. В. Путина как властного, авторитарного политика, диктатора, который постоянно стремится захватить еще больше власти (38): *autocratic* 'властный, деспотичный', *autocrat* 'автократ, деспот', *authoritarian* 'авторитарный' (2), *anti-democrat (positive)* 'антидемократичный (в хорошем смысле)', *heavy-handed tactics* 'деспотичная тактика' (2), *power* 'власть' (4), *powerful* 'влиятельный' (5), *powerful no-nonsense leader* 'влиятельный, серьезный правитель', *very powerful man. Seems to have more power than president Medvedev* 'очень влиятельный человек. Кажется, что у него больше власти, чем у президента Медведева', *craves power* 'жаждет власти', *czar* 'царь', *not unlike American politicians, he seems to be addicted to the draw of power and leadership* 'как и у американских политиков, у него, кажется, болезненная тяга к власти и лидерству', *still the power of Russia* 'все еще имеет власть в России', *in power* 'имеет власть', *a politician, who started well but has become enchanted with holding onto power* 'политик, который начал хорошо, но которого захватила жажда власти', *manipulative* 'манипулятор', *Russians are his real life game pieces* 'россияне — живые шахматные фигурки в его игре' и др.;

б) ассоциаты, которые характеризуют В. В. Путина как политика, стремящегося к тотальному контролю (5): *control* 'контроль' (2), *controlling* 'контролирующий', *very controlling* 'чрезмерно контролирующий', *behind-the-scene control* 'скрытый контроль';

в) ассоциаты, в которых В. В. Путин охарактеризован как националист, политик, агрессивно настроенный по отношению к другим государствам и не желающий состоять с ними в открытом диалоге (4): *strong nationalist* 'ярый националист', *anti-Western* 'антизападный', *anti-American* 'антиамериканский', *stubborn and isolationist when dealing with internal problems when there could have been a solution brought in from co-operation with other countries (thinking of the submarine disaster a few years ago)* 'упрямый изоляционист, когда пытается решать внутренние проблемы страны и когда можно было бы воспользоваться помощью других стран (вспоминая катастрофу подлодки несколько лет назад)'.

Большинство ассоциатов данной ТГ (46) выражают негативную оценку В. В. Путина и

его политических методов, тактик и стратегий. Респонденты отмечают деспотизм, жажду власти и контроля, национализм В. В. Путина и оценивают эти черты отрицательно.

ТГ 2 «Внутренние качества Путина» (56): *candid* 'беспристрастный, объективный, откровенный', *shrewd* 'прозорливый, умный', *strong personality* 'сильный характер', *cold blooded* 'хладнокровный', *callous* 'черствый', *greed* 'жадность', *very charismatic person* 'очень харизматичный человек', *patriot* 'патриот' и др. Респонденты отмечают следующие черты характера В. В. Путина:

- **выдающиеся лидерские качества** (13): *leader* (6), *strong leader* 'сильный лидер' (5), *a strong and respected leader* 'сильный и уважаемый лидер', *skilled leader* 'опытный лидер';

- **силу духа** (7): *strong* 'сильный' (3), *strong man* 'сильный мужчина' (2), *very strong* 'очень сильный', *strong personality* 'сильный характер', *strength* 'сила';

- **твердость, решительность, смелость** (5): *stern* 'решительный, твердый, суровый', *brave man* 'смелый мужчина', *courageous* 'смелый', *determined* 'решительный', *decisive* 'решительный';

- **хладнокровие, бесчувственность** (5): *cold* 'холодный' (2) *cold-blooded* 'хладнокровный', *callous* 'черствый', *ruthlessness* 'бесчувственность';

- **уверенность в себе** (4): *very confident* 'очень самоуверенный, самонадеянный', *perhaps a little arrogant* 'возможно, немного высокомерный', *full of himself* 'самодовольный' (2);

- **ум, разум** (4): *intelligent* 'умный' (2), *shrewd* 'прозорливый, умный', *strong minded* 'умный'.

Среди ассоциатов данной ТГ есть антонимы: *candid* 'беспристрастный, объективный, откровенный'; *single-minded* 'искренний, прямой, честный', откровенный' / *cunning* 'хитрый', *dodgy* 'хитрый, изворотливый'; *cautious* 'уклончивый в ответах, осторожный'.

Таким образом, В. В. Путин представляется носителям английского языка как сильный, решительный, твердый, уверенный в себе, умный лидер, которому присущи такие черты, как хладнокровие, хитрость, уклончивость и в то же время честность.

ТГ 3 «Должность» (38): *president* (7), *ex-president* 'бывший президент', *Prime Minister* 'премьер-министр' (6), *current Prime Minister* 'нынешний премьер-министр', *Chief Executive of Russia* 'глава исполнительной власти в России', *leader of the Единая Россия political party — the majority party in the Duma* 'лидер партии „Единая Россия“ — партии большинства в Думе' и др.

ТГ 4 «Результаты деятельности Путина и их оценка» (26): *political and economical stability* 'политическая и экономическая стабильность', *Russia's economic improvement since the 90's* 'улучшение российской экономики с 90-х гг.', *has made Russia strong again in the world* 'снова укрепил позиции России в мире', *the man who gave Russia big power again* 'человек, который снова дал России большую власть', *nationalist cure for the turmoil of the 1990's in Russia* 'ликвидация последствий беспорядка 1990-х гг. в России националистскими методами', *overthrew democratic reform back into communist format of one man controlling the country forever* 'уничтожил демократические реформы и вернулся к коммунистическому формату, при котором один человек постоянно контролирует страну' и др.

Ассоциаты данной ТГ в большинстве своем выражают положительную оценку деятельности В. В. Путина (18). Респонденты отмечают, что В. В. Путин заботится о своей стране, пытается сделать всё возможное для ее экономического процветания, улучшения жизни населения, обретения веса на международной арене, модернизации: *the man who is largely responsible for rebuilding up Russia economically into the country we see today* 'во многом благодаря этому человеку Россия восстановила свою экономику, и результаты этого мы видим сейчас', *man who cares deeply about his country and the people who populate it* 'человек, который очень заботится о своей стране и ее населении', *political and economical stability* 'политическая и экономическая стабильность', *strong leader in bringing in economic reform to Russia and developing the current Russian economy* 'сильный лидер, который реформирует и развивает экономику современной России', *has opened Russia up to the world much more and has shown that Russia is more ready to engage the world in positive ways than the post Soviet Russia of 20 years ago* 'в гораздо большей степени открыл Россию для остального мира и показал, что Россия готова сотрудничать с другими странами больше, чем постсоветская Россия 20 лет назад', *Russia's economic improvement since the 90's* 'улучшение российской экономики с 90-х гг.', *seemed to modernize Russia* 'кажется, он модернизирует Россию', *he has added to Russia's progression as a democratic, free market country* 'он внес вклад в развитие России как демократической страны со свободным рынком', *has made Russia strong again in the world* 'снова укрепил позиции России в мире', *the man who gave Russia big power again* 'человек, который снова дал России большую власть',

new modern image for Russia 'новый, современный имидж России', *he has created stability for Russia* 'он создал стабильность для России' и др.

ТГ 5 «Отношение к Путину, оценка» (25): *great man* 'великий человек', *admired* 'им восторгаются', *I generally like Putin* 'в целом Путин мне нравится', *good politician* 'хороший политик', *overall a good leader* 'в целом хороший лидер', *sneaky* 'низкий, подлый', *shady* 'подозрительный, нечистый', *enemy* 'враг', *Antichrist* 'антихрист', *evil* 'зло', *very dangerous* 'очень опасный', *potentially very dangerous for Russians or/and for the world* 'потенциально очень опасный для России и/или всего мира', *someone I don't trust* 'тот, кому я не доверяю', *his KGB history mangles any positive image we could have of him, unfortunately* 'к сожалению, его история с КГБ портит положительное впечатление, которое могло бы у нас сложиться' и др. Как видим, мнения респондентов диаметрально противоположны. Большинство ассоциатов данной ТГ (15) передают негативное отношение респондентов к В. В. Путину, 10 ассоциатов выражают положительную оценку В. В. Путина и его деятельности.

ТГ 6 «Карьера» (17): *KGB* 'КГБ' (10), *Ex-KGB* 'бывший сотрудник КГБ' (2), *former KGB agent* 'бывший агент КГБ', *KGB agent* 'агент КГБ', *KGB spy* 'шпион КГБ', *KGB Opportunist* 'кэзбэшник-оппортунист', *FSB/KGB* 'ФСБ/КГБ'. Работа В. В. Путина в органах госбезопасности является неотъемлемой составляющей его политического имиджа.

ТГ 7 «Политика» (12): *politics* 'политика', *government* 'правительство' (2), *politician* 'политик', *politician (negative)* 'политикан', *leader of the Russian people* 'лидер русских', *political leader* 'политический лидер', *very much part of the Russian political system* 'значительная часть российской политической системы', *corruption* 'коррупция', *Yeltsin* 'Ельцин', *Hitler* 'Гитлер', *propaganda* 'пропаганда'.

ТГ 8 «Спорт» (5): *judo* 'дзюдо' (2), *karate* 'карате', *sandan* 'сандан' (термин из области карате), *outdoorsman* 'человек, который проводит много времени на свежем воздухе'.

ТГ 9 «Трагические события» (4): *Second Chechen War* 'Вторая чеченская война', *Chechnya* 'Чечня', *Kursk submarine* 'подлодка „Курск“', *Beslan hostage* 'заложники в Беслане'.

ТГ 10 «Внешность» (4): *he looks like my uncle* 'он выглядит, как мой дядя', *Dobby from Harry Potter* 'Добби из „Гарри Поттера“', *the long* 'длинный, высокий', *blonde hair* 'светлые волосы'.

Представим в таблице основные составляющие образа В. В. Путина (см. табл. 5).

Таблица 5

Образ В. В. Путина в обыденной картине мира носителей английского языка (по данным ассоциативного эксперимента)

Человек 65 ассоциатов	Политик 187 ассоциатов
– обладающий определенными внутренними качествами: лидерством, силой духа, твердостью, решительностью, интеллектом, бесчувственностью, хитростью и в то же время честностью; – имеющий определенные черты внешности; – имеющий хобби (спорт)	– начавший свою карьеру в спецслужбах, затем ставший президентом РФ; – много сделавший для экономического процветания России и укрепления ее престижа на мировой арене; – занимающий должность премьер-министра (на момент проведения эксперимента), но при этом обладающий огромными полномочиями и властью; – имеющий жесткий, авторитарный, недемократичный стиль управления страной; – производящий неоднозначное, противоречивое впечатление на жителей других государств; – во время его пребывания в статусе президента произошел ряд трагических событий

Итак, образ В. В. Путина в представлениях носителей английского языка неоднозначен: респонденты указывают различные, нередко противоречивые черты его характера, их личные оценки В. В. Путина также диаметрально противоположны. Отмечая жесткий, авторитарный стиль руководства страной, присущий В. В. Путину, носители английского языка в то же время ассоциируют его с изменениями к лучшему, которые произошли в России во время его пребывания на посту президента.

Рассмотрим теперь ассоциации с Д. А. Медведевым, которые возникли у британских и американских респондентов. Общее число ассоциатов — 190, мы разделили их на 9 ТГ.

ТГ 1 «Связь с Путиным» (60): *Putin* 'Путин', *puppet* 'марионетка' (13), *friend of Putin* 'друг Путина', *less influential than Putin* 'менее влиятельный, чем Путин', *not as strong as Putin* 'не такой сильный, как Путин', *Putin's pupil* 'ученик Путина', *not having the political savvy and charisma of Mr. Putin* 'не имеющий политической смекалки и харизмы, которые есть у Путина', *works for Putin* 'работает на Путина', *the "Good Cop"* '„хороший полицейский“' и др. Ряд ассоциатов данной ТГ мы разделили на две основные подгруппы:

- ассоциаты, обозначающие политическую несамостоятельность Медведева, его зави-

симось от Путина (37). Чуть больше половины из них (21) составляют ассоциаты-метафоры, такие как *puppet* 'марионетка'(13), *Putin's puppet* 'марионетка Путина' (2), *puppet of V Putin* 'марионетка В. Путина', *puppet to Putin* 'марионетка для Путина', *a puppet, wishes he was the real thing* 'марионетка, а ему бы хотелось быть настоящим', *pawn* 'пешка', *a tool for Putin to exercise power* 'для Путина он инструмент осуществления власти'. Остальные ассоциаты описывают зависимость Д. А. Медведева от В. В. Путина неметафорически или с помощью стертых метафор: *works for Putin* 'работает на Путина', *ally and subservient of Putin* 'союзник Путина, который от него зависит', *Medvedev is following Putin's plan of development for the country* 'Медведев следует плану развития страны, который выработал Путин', *not sure if he is independent or if he follows Putin* 'я не знаю точно, является ли Медведев не зависящим от Путина человеком или следует его указаниям', *he is controlled by Putin and the cadre of businessmen and politicians that rule the country* 'его контролирует Путин, а также бизнесмены и политики, которые управляют страной', и др.;

- ассоциаты, содержащие в себе сравнение с В. В. Путиным, выраженное эксплицитно или имплицитно (11). Часть таких ассоциатов (6) указывает на отсутствие или наличие у Д. А. Медведева определенных черт, присущих В. В. Путину или отсутствующих у него: *not as strong as Putin* 'не такой сильный, как Путин', *not having the political savvy and charisma of Mr. Putin* 'не имеющий политической смекалки и харизмы, которые есть у Путина', *less influential than Putin* 'менее влиятельный, чем Путин', *seems to have less power than Putin* 'кажется, что у него меньше власти, чем у Путина', *more amiable than his predecessor* 'более приятный, чем его предшественник', *a much more open and responsible leader* 'намного более открытый и ответственный лидер'. В некоторых случаях (5) ассоциаты представляют собой фразы, не содержащие имя Путина, но при этом включающие в свой состав, например, прилагательное в сравнительной или превосходной степени, которое указывает на сравнение с ним: *more reform-minded* 'большой приверженец реформ', *more political and diplomatic* 'большой политик и дипломат', *he is probably kinder and gentler* 'возможно, он более добрый и мягкий', *second best* 'второй лучший', *the "Good Cop"* '„хороший полицейский“'.

ТГ 2 «Качества Медведева как политика» (37): *president without the power* 'президент без власти', *liberalism* 'либерализм', *pro-*

western 'прозападный', *a man who seems to care deeply about his country and his people* 'человек, который, кажется, очень заботится о своей стране и своем народе', *wise leader* 'мудрый правитель', *pseudo-president* 'псевдопрезидент', *figurehead* 'подставное лицо, номинальный глава' и др. Данные ассоциаты мы разделили, в свою очередь, на несколько подгрупп:

- ассоциаты, указывающие на отсутствие у Д. А. Медведева настоящей власти, номинальный характер его президентской должности (8): *pseudo-president* 'псевдопрезидент', *figurehead* 'подставное лицо, номинальный глава' (2), *fake president* 'ненастоящий президент', *president without the power* 'президент без власти', *controllable and replaceable* 'контролируемый и легко заменимый', *he is a temporary solution* 'он временное решение', *just a pretty face to Russian politics* 'всего лишь миловидное лицо российской политики';

- ассоциаты, характеризующие президента как несамостоятельного или, наоборот, самостоятельного в принятии политических решений (8): *political pawn being controlled by other people behind the scenes* 'политическая пешка, которую контролируют другие люди за кулисами', *follows the party line* 'следует партийной линии', *he often seems to echo the ideas of others, rather than speak his own mind* 'кажется, что он часто повторяет идеи других, а не выражает свою точку зрения', *Medvedev is probably held back to an extent from the level of reforms and change he would like to make by the 'old guard'* '„Старая гвардия“, возможно, в известной мере сдерживает Медведева от принятия реформ и изменений, которые он бы хотел внести', *poor Medvedev. independent* 'независимый', *a young man who wants people to respect him and see him as the real leader in Russia* 'молодой человек, который хочет, чтобы люди уважали его и воспринимали его как настоящего российского лидера' и др.;

- ассоциаты, отражающие либерально-демократическую и прозападную позицию Д. А. Медведева (9): *liberal* 'либеральный' (3), *liberalism* 'либерализм', *he is on the liberal side of things* 'он на либеральной стороне', *pro-democracy* 'сторонник демократии', *pro-west* 'прозападный', *pro-western* 'прозападный', *democratic* 'демократичный';

- ассоциаты, характеризующие Д. А. Медведева как дипломатичного, открытого к диалогу политика (5): *diplomatic* 'дипломатичный' (3), *open to communication and partnerships on the international arena* 'открытый к диалогу и партнерству на международной арене', *welcoming* 'гостеприимный, доброжелательный'.

ТГ 3 «Должность» (26): *president* 'президент' (7), *president of Russia* 'президент России' (5), *current president* 'действующий президент' (3), *current president of Russia* 'действующий президент России' (3), *current President of the Russian Federation* 'действующий президент Российской Федерации', *president of the Russian Federation* 'президент Российской Федерации', *third and current President of Russia* 'третий президент России, который занимает этот пост в настоящее время', *the President as of 2008* 'президент с 2008 г.', *politician* 'политик' (2), *public official* 'должностное лицо'.

ТГ 4 «Внутренние качества Д. А. Медведева» (16): *intelligent* 'умный', *smart but not always wise* 'умный, но не всегда мудрый', *competent* 'компетентный', *awareness* 'компетентность, осведомленность', *open-minded* 'человек широких взглядов', *kind* 'добрый', *calm* 'спокойный', *flat* 'вялый', *soft* 'мягкий', *weak* 'слабый' (2), *vibrant* 'энергичный', *assertive* 'настойчивый', *consistent* 'последовательный, стойкий', *careful* 'заботливый, аккуратный, внимательный', *articulate* 'четко выражающий свои мысли'. Ряд ассоциатов данной ТГ (5) называет такие интеллектуальные качества Д. А. Медведева, как ум, компетентность, широта взглядов. Некоторые ассоциаты данной ТГ являются антонимами: *flat* 'вялый', *soft* 'мягкий', *weak* 'слабый' (2) / *vibrant* 'энергичный', *assertive* 'настойчивый', *consistent* 'последовательный, стойкий'. Сравнительная немногочисленность ассоциатов данной ТГ свидетельствует о том, что носители английского языка мало знают о Д. А. Медведеве как о личности с определенными чертами характера, для них он в большей степени «человек-функция».

ТГ 5 «Отношение к Медведеву» (11): *charming* 'очаровательный' (2), *good* 'хороший', *good president* 'хороший президент', *boring* 'скучный', *cretin* 'кретин', *at first I liked Medvedev because I thought he would really be Putin's puppet* 'сначала мне нравился Медведев, потому что я думал, что он действительно будет марионеткой Путина', *I don't expect too much from him, after all, as long as the members of the Russian government are also the members as the Russian oligarchs, nothing will change for the better* 'я не жду от него слишком многого, в конце концов, до тех пор пока олигархи будут членами российского правительства, ничего не изменится к лучшему' и т. д. Ассоциаты данной ТГ выражают как положительную, так и отрицательную оценку Д. А. Медведева.

ТГ 6 «Политика» (11): *a major influence in Russian politics* 'основное влияние в российской политике', *United Russia* 'Единая Рос-

сия', *pro-terrorism by supporting Iran* 'сторонник терроризма, поскольку поддерживает Иран', *Georgia* 'Грузия' (2), *he severed diplomatic ties with Georgia* 'он разорвал дипломатические связи с Грузией', *old political games* 'старые политические игры', *George W. Bush* 'Джордж В. Буш', *USA* 'США', *friend of the USA* 'друг США', *peace with neighboring states* 'мир с соседними государствами'.

ТГ 7 «Внешность» (8): *short* 'низкий' (2), *the short* 'коротышка', *small body height* 'маленький рост', *handsome* 'симпатичный', *Hobbit* 'Хоббит', *looks like student* 'выглядит, как студент', *he looks like James Bond!* 'он выглядит, как Джеймс Бонд!'.

ТГ 8 «Результаты и оценка деятельности Медведева» (6): *modernization* 'модернизация', *innovation commission* 'инновационная комиссия', *privatization* 'приватизация', *will do the best he can* 'будет делать все, что в его силах', *wants to move Russia forward* 'хочет продвигать Россию вперед', *the way forward* 'дорога вперед'.

ТГ 9 «Фамилия» (5): *bear* 'медведь' (2), *bears* 'медведи', *medved means "bear"* 'медведь означает „медведь“', *medieval* 'средневековый'. Некоторые респонденты знают, от какого слова происходит фамилия Медведев, и ассоциируют ее с соответствующим животным; ассоциация *medieval* возникла, по утверждению респондента, по аналогии звучания.

Представим основные составляющие образа Д. А. Медведева в таблице (см. табл. 6).

Таблица 6

Образ Д. А. Медведева в обыденной картине мира носителей английского языка (по данным ассоциативного эксперимента)

Человек (24 ассоциата)	Политик (140 ассоциатов)
<ul style="list-style-type: none"> – обладающий противоречивыми внутренними качествами: мягкостью, слабостью и в то же время энергичностью и настойчивостью; – имеющий определенные черты внешности, главная из которых — небольшой рост 	<ul style="list-style-type: none"> – находящийся в зависимости от Путина в принятии политических решений, выполняющий его указания; – занимающий должность президента (на момент проведения эксперимента); – стиль его управления страной — либеральный, демократический; он открыт к диалогу с Западом; – пытающийся модернизировать и реформировать Россию; – производящий неоднозначное впечатление на жителей других государств

Образ Д. А. Медведева в представлениях носителей английского языка складывается из различных, иногда противоречащих друг

другу составляющих. Респонденты отмечают диаметрально противоположные черты его характера и особенности как политика; отношение носителей английского языка к Д. А. Медведеву тоже совершенно разное.

Итак, представления о В. В. Путине и Д. А. Медведеве в картине мира носителей русского, французского и английского языков имеют как сходства, так и различия. Общность представлений проявляется прежде всего в том, что В. В. Путин воспринимается как «настоящий» президент страны, а Д. А. Медведева — как номинальный президент, подставное лицо, которое лишь исполняет приказы своего негласного начальника. Именно поэтому такие метафоры, как *марионетка, пешка, игрушка, слуга, раб*, используются носителями всех трех языков для характеристики несамостоятельности Д. А. Медведева. Образы двух президентов противопоставлены в сознании носителей трех языков. Можно выделить такие оппозиции, как зрелость и опытность / молодость и неопытность, твердость / мягкость, стиля управления страной, авторитарность, стремление к власти / либерализм, демократизм. Носители французского и английского языков отмечают также различное отношение к другим государствам: враждебность, непримиримость со стороны В. В. Путина / открытость к диалогу со стороны Д. А. Медведева.

Сильно влияют на восприятие двух политических лидеров черты их характера. В. В. Путин считается многими сильным духом, волевым, решительным, жестким, амбициозным, умным человеком, а Д. А. Медведев вызывает противоречивые ассоциации: одни респонденты указывают на такие его черты, как нерешительность, безвольность, мягкость, пассивность, другие, напротив, отмечают его решительность, активность, энергичность. По нашему мнению, представления о Д. А. Медведеве еще не до конца сформировались в сознании людей, что обусловило, в частности, противоречивые ассоциации с этим именем.

Образы В. В. Путина и Д. А. Медведева связаны также с результатами их политической деятельности. В. В. Путин и его деятельность оцениваются носителями русского языка скорее положительно, хотя отрицательные оценки тоже встечаются. Носители французского и английского языков выражают скорее негативное отношение к нему из-за жесткого, авторитарного стиля управ-

ления страной. Однако многие носители французского и английского языков признают, что В. В. Путин сделал многое для экономического развития России и приобретения ею веса на мировой арене. Д. А. Медведев вызывает противоположные эмоции у носителей всех трех языков: негодование и пренебрежение из-за его несамостоятельности, зависимого положения и при этом уважение к его энергичности, активности, проявляющейся в принятии различных реформ.

Подводя итоги, отметим, что образы В. В. Путина и Д. А. Медведева в прессе и обыденном сознании носителей разных языков имеют очень много общего. С нашей точки зрения, это сходство обусловлено тем, что обычные граждане нашей страны и других государств получают информацию о В. В. Путине и Д. А. Медведеве в основном из СМИ, в которых формируются и которыми в некотором роде навязываются определенные модели восприятия этих лиц, особенно в ситуации, когда у людей нет другого источника информации об указанных политиках. Как следствие, те метафоры, образные определения, которые используются в масс-медиа, «отпечатываются» в сознании людей и становятся частью их представлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В. Медиа-образ современной России: инновации в метафорической картине мира // Восточнославянская филология. Вып. 14: Литературоведение. — Горловка, 2009. С. 53—58.
2. Желтухина М. П. Тропологическая суггестивность масс-медиа дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ : моногр. — М. : ИЯ РАН ; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003.
3. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование : моногр. — Воронеж, 1990.
4. Леонтьев А. А. Психолингвистика : моногр. — Л. : Наука, 1967.
5. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / УрГПУ. — Екатеринбург, 2001.
6. Шаова О. А. Метафорическая модель «Президент России — это Монарх» во французском дискурсе масс-медиа: источники и причины метафорической экспансии // Известия УрГПУ. Лингвистика / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2006. Вып. 18. С. 134—146.
7. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : моногр. — Волгоград : Перемена, 2000.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

УДК 811.161.1'37
ББК Ш141.2-7

ГСНТИ 16.21.51; 16.21.27

Код ВАК 10.02.20

С. Я. Колтышева S. Y. Koltysheva
Челябинск, Россия Chelyabinsk, Russia

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
«ШОУ-БИЗНЕС —
МИР СКАЗОК И МИФОВ»**

В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКИХ СМИ

Аннотация. Анализируется формирующая метафорический образ современного российского шоу-бизнеса модель «Шоу-бизнес — мир сказок и мифов» на основе теории концептуальной метафоры и метафорического моделирования. Концептуальный образ шоу-бизнеса многогранен и сложен, изобилует стереотипами и ассоциациями.

Ключевые слова: фольклор; концепт; концептуальная метафора; метафорическая модель; шоу-бизнес; интертекстуальность; прецедентные феномены; глобализация; национальная специфика.

Сведения об авторе: Колтышева Светлана Яковлевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка.

Место работы: Южно-Уральский государственный университет (Челябинск).

Контактная информация: 454000, г. Челябинск, n-т Ленина, 76.
e-mail: legend74@mail.ru.

**THE METAPHORICAL MODEL
“ENTERTAINMENT IS THE WORLD
OF TALES AND MYTHS”**

IN RUSSIAN MASS-MEDIA DISCOURSE

Abstract. The article deals with the analyses of the model “Entertainment is the world of tales and myths” forming the metaphorical image of modern Russian Entertainment. The study is based on the conceptual metaphor theory and metaphorical modeling. The conceptual image of entertainment is many-sided and complicated. It is full of stereotypes and different associations.

Key words: folklore; concept; conceptual metaphor; metaphorical model; entertainment; intertextuality; precedent phenomena.

About the author: Koltysheva Svetlana Yakovlevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Business Foreign Language.

Place of employment: South-Urals State University, Chelyabinsk.

Центральным объектом исследования в когнитивной лингвистике является концепт. Концепты — ментальные сущности, которые отражают культурно-национальное представление человека о мире [Маслова 2005: 4]. В когнитивистике постулируется, что человеческому сознанию свойственно рубрицировать, каталогизировать окружающую действительность. Подобная ментальная рубрикация мира происходит с помощью концептуальных метафор [Чудинов 2003: 1]. Метафору нередко образно представляют как зеркало, в котором, вне зависимости от чьих-либо симпатий и антипатий, отражается национальное сознание [Там же: 6].

Основоположниками когнитивного подхода к изучению метафоры являются Джордж Лакофф и Марк Джонсон, утверждавшие: «...метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны», «наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер, <...> наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой». Ученые видят сущность метафоры «в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода». Примером может служить представ-

ление спора в терминах войны: «Argument is war» [Lakoff, Johnson 1980: 3—6].

В последние десятилетия метафорология оформилась в самостоятельную научную область, объектом исследования в которой выступает метафорика, включающая в себя как результаты метафорогенной деятельности человека, так и все механизмы этой деятельности (нейрологический, синестетический, когнитивный, коммуникативный) [См.: Будаев 2010: 54]. Теория концептуальной метафоры была подхвачена отечественной лингвистикой и эволюционировала в теорию метафорического моделирования, успешно развиваемую российскими учеными с учетом достижений отечественной теории регулярной многозначности (Ю. Д. Апресян, Э. В. Будаев, И. А. Стернин, А. П. Чудинов, Д. Н. Шмелев и др.).

По мнению Э. В. Будаева, «сопоставительное исследование метафорической модели по вектору (или методу) начинается с исследования вербализованных компонентов индивидуальных концептосфер независимо от того, присутствует ли в индивидуальном концепте оценочный компонент, является ли это содержание культурно специфичным (что не всегда известно в начале исследования, иначе в анализе нет смысла), но по результату исследования делаются

выводы об универсальном и культурно-специфичном в национальных концептосферах. Таким образом, при исследовании метафор корреляции индивидуального и культурно-специфичного концептуального содержания носят неразрывный, диалектический характер» [Будаев 2010: 169].

Личность — это продукт языка и культуры. Национальный характер влияет на развитие культурно-специфичного контента метафорической модели. С. Г. Тер-Минасова определяет национальный характер как психологический склад нации, своеобразный колорит чувств и эмоций, набор стереотипов, образ мыслей и действий. Национальный характер формируется под влиянием истории развития данной нации, специфики национальной культуры. Одним из источников его формирования является фольклор [Тер-Минасова 2008: 168—169].

Охарактеризуем основных персонажей русского фольклора. В центре русских народных сказок стоит настоящий герой — богатырь, защитник народа от злых героев, нечисти (Бабы-яги, Кощея Бессмертного, Змея Горыныча). Противоречив образ Ивана-дурака: с одной стороны, он глуп, не обладает силой и красотой, но с другой — удачлив в делах и любви. Женский русский народный образ репрезентирован в сказках мудрыми, скромными, красивыми героинями, такими, как Василиса Прекрасная, Царевна-лягушка, Марья-краса.

Попытаемся проследить, сохраняется ли национальная специфика при разворачивании модели «Шоу-бизнес — это мир сказок и мифов», или процессы интеграции и глобализации серьезно влияют на вектор развития российского шоу-дискурса.

Сферой-мишенью метафорического заимствования в данном случае выступает шоу-бизнес. Развлекательная сфера — одна из древнейших сфер жизни с богатой историей, своими законами функционирования, направленная на получение прибыли. Шоу-бизнес является неотъемлемой частью массовой культуры, которая представляет собой «культуру массового общества, сложившуюся в эпоху индустриализма и доминирующую в период информационных технологий» [Акопян 2004: 19].

Концептуальные сферы «миф» и «сказка» в процессе метафорического заимствования выполняют роль сфер-доноров. Важно отметить, что, являясь частью эпоса, оба жанра находятся в дихотомических отношениях. Миф, потеряв свои функции, стал сказкой. Первоначально сказка, выделившаяся из мифа, противостояла ему по следующим параметрам:

1. Профанное — сакральное. Миф связан с ритуалом, поэтому миф в определенное время и в определенном месте раскрывает посвященным тайные знания. Это сказание о героях, спасающих отдельных людей или человечество.

2. Нестрогая достоверность — строгая достоверность. Уход сказки от этнографичности мифа привел к тому, что в сказке на первый план вышла художественная сторона [См.: Мелетинский].

Сказка «заинтересовалась» увлекательностью сюжета. Историчность (квазиисторичность) мифа стала неактуальной для сказки. События сказки происходят вне географической приуроченности, в рамках сказочной географии.

У сказки выделяется два основных поджанра: сказка фольклорная и литературная. **Сказка фольклорная** — эпический жанр письменного и устного народного творчества, прозаический устный рассказ о вымышленных событиях. Целью сказки является передача опыта, знаний от поколения к поколению. Для фольклорной сказки характерна импровизация рассказчика. **Сказка литературная** — эпический жанр, ориентированное на вымысел произведение, тесно связанное с народной сказкой, но, в отличие от нее, принадлежащее конкретному автору, не бытовавшее до публикации в устной форме и не имевшее вариантов [Словарь литературоведческих терминов].

Метафорическая модель «Шоу-бизнес — мир сказок и мифов» не входит в число доминантных и продуктивных. С точки зрения дискурсивной характеристики данной модели важно отметить, что она относительно статична и находится на периферии комплекса метафорических моделей, характеризующих отечественный шоу-бизнес. Однако она используется для моделирования метафорического образа российской индустрии развлечений. Исследуемая модель занимает 9 место по частотности (378 метафор, т. е. 10,4 % проанализированного материала) в дискурсе российских СМИ. В структуре данной модели выделяются следующие фреймы: «Мир сказочных и мифологических героев», «Сказочные и мифологические артефакты» и «География сказок и мифов». Так же, как ментальная каталогизация действительности, вербальная ее рубрикация не осуществляется по жестким правилам. В связи с этим структурное наполнение модели, состав фреймов и слотов являются результатом индивидуально-авторского творчества.

Представим подробный анализ указанной модели.

1. Фрейм «Мир сказочных и мифологических героев»

Метафорически в российском шоу-бизнесе присутствуют, как в сказке, разные герои. Они бывают положительными или отрицательными, заимствованными из фольклорных или литературных сказок, мифов. Данный фрейм — самый частотный в анализируемой модели (195 метафор; 51,6%). Структуру первого фрейма составляют следующие слоты: «Положительные герои сказок и мифов», «Отрицательные герои сказок и мифов», «Внешность сказочных и мифологических героев», «Поступки героев сказок и мифов» и «Союз добрых и злых героев».

Слот 1.1. Положительные герои сказок и мифов. Положительное отношение и ассоциации, любовь зрителя, СМИ, коллег по цеху к отечественным звездам выражается через упоминание положительных сказочных и мифологических героев.

Долго все ждали, что же скажет первая леди этой тусовки — Алла Борисовна? Но ничего не сказала золотая рыбка, и попповый бомонд понял: значит, можно молчать [Мельман 2012]. Автор высказывая апеллирует к прецедентной ситуации и прецедентному имени (сказка А. С. Пушкина «Золотая рыбка»), вызывая знакомые ассоциации у читателя. Молчание, безучастность А. Пугачевой к сложившейся ситуации (скандал с участием Ф. Киркорова и М. Яблочковой) является основанием для метафорической проекции.

Она (А. Пугачева) любит им и гордится. Я очень рад, потому что он продлевает ей жизнь. Он (М. Галкин) как доктор Айболит [Гаспарян 2009б]. Влияние М. Галкина на А. Пугачеву отождествляется с лечением доктора Айболита. Наблюдается адресация к стихотворной сказке К. Чуковского «Айболит».

Зал вопил: „Мо-ло-дец! Мо-ло-дец!“ — и это была высшая форма признания, которой в гей-клубах подчас не удостаиваются даже „профильные“ артисты. На прощание г-жа Королева выдохнула в сердцах, что такой благодарной публики отродясь не видала, и обещала, как Карлсон, обязательно вернуться [Гаспарян 2010]. Возвращение Н. Королевой определенная прослойка зрителей ждет, как малыш Карлсона. Автор высказывания обращается к сказке А. Линдгрена «Карлсон, который живет на крыше».

Тогда же артист устроил предпремьерный показ новой программы для прессы, и все только цокали языками: „Какой же Боря молодец и оловянный солдатик!“ [Гаспарян 2011а]. Стойкость, работоспособность и преданность своему делу

Б. Моисеева ассоциируется со стойкостью героя сказки Г. Х. Андерсена «Стойкий оловянный солдатик».

Любовь Ирины и Александра Пороховщиковых напоминает миф о Галатее и Пигмалионе [НТВ. 17.03.2012]. Взаимоотношения Ирины и Александра Пороховщических метафорически изображаются представителями СМИ сквозь призму греческого мифа о Галатее и Пигмалионе.

„Богатырь русского кино“ Николай Крючков [«Богатырь русского кино...»] Звезда советского кино Н. Крючков благодаря своим ролям, стойкому и мужественному характеру отождествляется с былинным героем — богатырем.

Метафорические высказывания, составляющие данный слот, обладают коннотацией с положительным вектором в сочетании с иронией. В большинстве примеров наблюдается гиперболизация (преувеличение) качеств и внешности героев шоу-бизнеса.

Слот 1.2. Отрицательные герои сказок и мифов. Поведение, внешность, творчество представителей шоу-бизнеса, отношение к ним публики, СМИ, коллег по цеху ассоциируется с отрицательными эпическими героями, антиподами.

О нем (Бари Алибасове) говорят как о настоящем Карабасе-Барабасе, который всегда владеет ситуацией, держит под контролем весь российский шоу-бизнес... [Телесемь. 2006. № 37 (231) от 4 сент.] Б. Алибасов за счет деспотичного характера, отношения к подчиненным, авторитету изображается Карабасом-Барабасом — героем сказки А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино».

Любимый всеми „Кощей“ Александр Филиппенко последнее время целыми днями пропадает на съемочной площадке сериала „Бедная Настя“ [Московский комсомолец. 2003. 3 дек.]. А. Филиппенко изображается автором высказывания как Кощей Бессмертный, герой русских народных сказок. Основанием для метафорического переноса служит сыгранная актером несколько раз роль Кощея.

Снежная королева ромansa [Гаспарян 2011в]. Называя певицу Валерию снежной королевой, автор эксплицирует такие ее качества, как холодность, неприступность, закрытость. В данном примере наблюдается адресация к известному тексту (сказке Г. Х. Андерсена «Снежная королева») и прецедентному имени (главная отрицательная героиня сказки).

Главный же „Троль“ (И. Лагутенко) в Юрмале ходил под парусом, посещал вечеринки и не переставал широко улыбаться [Московский комсомолец. 2003. 8 авг.].

Метафорически рок-музыкант Илья Лагутенко изображается в роли тролля. Метафорическая проекция основана на названии рок-группы музыканта (Мумий Тролль), его необычном внешнем виде и эксцентричной манере выступления.

Метафорические единицы, составляющие данный слот, обладают разнополярной коннотацией в сочетании с иронией. Авторы активно используют прием гиперболизации, характеризуя представителей шоу-бизнеса.

Слот 1.3. ВНЕШНОСТЬ СКАЗОЧНЫХ ГЕРОЕВ.

Внешность представителей шоу-бизнеса часто ассоциируется с необычной внешностью сказочных героев. Сами артисты намеренно прибегают к использованию сказочного, псевдореального облика, чтобы эпатировать публику, привлечь к себе ее внимание.

Костюмы девушкам подобрали в соответствии с модными „русалочьими“ тенденциями осени-2010: многослойные, в нежных пастельно-бежевых тонах. Правда, вместо чешуи у деревенских русалок были легкие шифоновые платья и дубленки, а вместо русалочьих хвостов — туфли на каблучке и высокие гольфы [Калашникова 2010]. Реквизит участниц группы «Фабрика» на съемках нового клипа вызывает в памяти фольклорные представления о русалках — загадочных и опасных существах.

Все изменилось, когда музыкальное пространство взорвал хит «Прованс», и Елка по образу и подобию Золушки, скинув „аренбишные“ лохмотья, в одночасье стала главной героиней музыкального бала местного поп-королевства [Гаспарян 2012]. Резкая и удачная перемена в творческой карьере певицы Елки представлена в виде превращения Золушки в героиню музыкального бала. При этом смена жанров сравнивается со сменой изношенной одежды на новую.

Сегодня ее (А. Пугачевой) рыжая копна волос напоминала змеи-кудри медузы Горгоны [Московский комсомолец. 2010. 18 февр.]. Раздражение, усталость хозяйки проекта «Фактор-А» А. Пугачевой метафорически переносится на ее облик (прическу). Грозный нрав и вид ведущей связывается с образом антигероини греческого мифа, горгоны Медузы, способной жестоко карать.

Герои развлекательной индустрии так же колоритны и необычны, как сказочные и мифологические, и вызывают аналогичные ассоциации.

Слот 1.4. Поступки ГЕРОЕВ СКАЗОК И МИФОВ. Поведение представителей шоу-индустрии напоминает поступки и поведение героев сказок и мифов. Стратегия поведения звезд

часто разыгрывается не по случайному, а по намеченному PR-сценарию с целью привлечения внимания и увеличения рейтинга.

Дмитрий Кузнецов продюсерским глазом присматривается к Джастину Биберу. Еще бы, ведь это он первым открыл ящик Пандоры, когда написал слезливые „Белые розы“ и показал стране Юрия Шатунова [НТВ. 05.06.2011]. Диско-музыка метафорически представлена как мировое зло и беды, спрятанные до определенного момента в ящике Пандоры. Продюсер Д. Кузнецов выступает Пандорой, выпустившей зло на свободу.

Атмосферное возмущение, впрочем, быстро успокоилось, и вновь заулыбалось солнце. В этом „знаке свыше“ возродившаяся птицей Феникс Муза конкурса Алла Пугачева, принимавшая „парад“, нашла доброе предзнаменование [Гаспарян 2011б]. Возвращение А. Пугачевой к роли музы и почетной гостьи конкурса «Новая Волна — 2011» ассоциируется с мифом о возрождении из пепла птицы Феникс.

На сцену ГЦКЗ „Россия“ в Лужниках, где по случаю премьеры собрался полный восьмитысячный аншлаги, 2-н Басков выпорхнул весь в белом и покатился колом по сцене, возбуждая зал актуальным хитом „Натуральный блондин, я на всю страну такой один!“ [Гаспарян 2009а]. Внешний вид и перемещение певца Николая Баскова по сцене стало основанием для метафорического заимствования в сферу мишень «Шоу-бизнес» из русской народной сказки «Колобок».

Филипп Киркоров против Николая Баскова: Битва титанов [НТВ. 01.04.2012]. Конкуренция Ф. Киркорова и Н. Баскова — масштабных фигур отечественного шоу-бизнеса — изображается как битва титанов.

Слот 1.5. Союз добрых и злых ГЕРОЕВ.

Приведем заголовок: *Красавица и чудовище!* [Московский комсомолец. 2003. № 268. 5 дек.]. Данный пример демонстрирует концептуальную оппозицию в виде союза двух противоположных героев. Судя по тексту материала, в основе метафоры лежат внешние черты героев статьи (И. Пригожина и Валерии) и их творческий союз. Автор ассоциативно связывает продюсера И. Пригожина с чудовищем, певицу Валерию — с красавицей, героями сказки Жанны-Мари Лепренс де Бомон «Красавица и Чудовище».

Е. Орлов (продюсер): „Я немного жесткий в работе, а Филипп с моими артистами играл в воплощение доброты. Хотя свой персонал держит в строгости. Получилось, что я для своих — злой Бармалей, а рядом — добрая Мальвина“ [Гаспарян

1999]. Автор контекстуально, с одной стороны, соединяет, с другой — противопоставляет себя и Ф. Киркорова, обращаясь к прецедентной ситуации и именам из сказки А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино». Цель высказывания — вызвать у читателя яркие и знакомые с детства ассоциации.

Анализируемая модель в целом и данный фрейм в частности демонстрируют диалог текстов современных СМИ с текстами сказок и мифов, т. е. явление интертекстуальности, эксплуатации комплекса прецедентных феноменов.

2. Фрейм «Сказочные и мифологические артефакты»

Исследуемый фрейм в описываемой модели по количеству метафорических единиц занимает второе место (108 метафор; 28,6 %). В рамках данного фрейма выделяются две группы артефактов: утилитарные и сакральные. Артефактами репрезентированы события, окружающие предметы, творчество и артисты (в чем проявляется деперсонализация).

Слот 2.1. УТИЛИТАРНЫЕ АРТЕФАКТЫ. В шоу-бизнесе, как в сказке или мифе, присутствуют определенные предметы, помогающие героям достичь цели.

И по мановению волшебной палочки все закружилось, завертелось в водовороте конкурса (Новая Волна—2011) ... [Московский комсомолец. 2011. 28 июля]. В контексте ход конкурса подчиняется некой магической силе — волшебной палочке.

Непросто поймать эту золотую рыбку (А. Пугачеву) в свою сеть... [Московский комсомолец. 2011. 30 дек.]. В статье телевизионные каналы их проектами метафорически представлены рыболовецкой сетью; примадонна российской эстрады, А. Пугачева, изображается неуловимой золотой рыбкой.

Слот 2.2. САКРАЛЬНЫЕ АРТЕФАКТЫ. Окружающие звезд отечественного шоу-бизнеса предметы и обстановка имеют сакральный, ритуальный смысл.

Пока же хваленая раздвижная платформа, возвышающаяся Руваса в финале, смотрится как открывающийся хрустальный гроб, в котором вместо прекрасной царевны зачем-то покоится флаг Греции [Жидкова 2009]. Декорация на конкурсе «Евровидение-2009» для номера греческого исполнителя репрезентирована хрустальным гробом, в котором вместо спящей красавицы покоится флаг Греции. Похоронные атрибуты свидетельствуют о бесперспективности участия Греции в конкурсе.

Не перед каждым молодым дарованием открывается этот Сим-сим... [Москов-

ский комсомолец. 2012. 6 апр.]. Конкурс «Евровидение» за счет жесткой конкуренции, отбору участников изображается как сказочная пещера, которую можно открыть, только зная сакральные слова.

Концертно-гастрольная атрибутика имеет утилитарное, а также сакральное значение для артистов, как артефакты — для героев сказок и мифов. Высказывания, наполняющие данный фрейм, имеют разновекторный коннотационный фон в сочетании с иронией.

3. Фрейм «География сказок и мифов»

Окружающая обстановка, география гастролей звезд отечественной эстрады метафорически изображается как ареал сказочных героев. Данный фрейм не является продуктивным и высокочастотным в анализируемой модели (75 метафор; 19,8 %).

Слот 3.1. АРЕАЛ СКАЗОЧНЫХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ГЕРОЕВ. Шоу-проекты, места проживания, гастролей, само творчество, эстрадные жанры вписываются в сказочную и мифологическую географию.

Петросян создал собственное королевство кривых зеркал [Московский комсомолец. 2011. 28 дек.]. Основанием для метафорического заимствования из сказки «Королевство кривых зеркал» В. Губарева стали название авторского шоу Е. Петросяна, закулисные интриги, отношения внутри коллектива, конкуренция с коллегами по цеху.

Сказочный дворец Максима Галкина [Минаев 2010]. Роскошь и размеры особняка М. Галкина приравниваются к богатству и роскоши сказочного дворца.

Эксплуатируя известные мифы и сказки при характеристике шоу-бизнеса и его представителей, авторы СМИ привлекают читателя яркими ассоциациями, вызывающими эмоциональный отклик. Исследуемая метафорическая модель основана на интертекстуальности: взаимодействие текстов современных СМИ и текстов мифов и сказок обуславливает использование прецедентных феноменов. Формирование метафорического образа российского шоу-бизнеса демонстрирует процесс глобализации: все реже авторы заимствуют образы из русских народных сказок или литературных сказок русских писателей, все чаще обращаются к европейским сказкам и античным мифам.

В дискурсе российских СМИ сказочные и мифологические образы акцентируют следующие элементы сферы-мишени:

– представители шоу-бизнеса — положительные и отрицательные герои сказок и мифов, сказочные артефакты;

– продюсеры — отрицательные герои сказок и мифов, враги;

– стиль поведения звезд шоу-бизнеса на сцене и вне сцены — сценарий сказок и мифов;

– шоу-проекты, места проживания, гастролей, творчество, эстрадные жанры описываются в терминах сказочной и мифологической географии.

Во всех представленных примерах присутствует разнополярная коннотация в сочетании с иронией. Авторы активно используют гиперболизацию при характеристике шоу-бизнеса в целом и отдельных его представителей. Во многих примерах авторы обращаются к анималистическим сказочным и мифологическим образам.

Несмотря на свою относительную статичность, слабую динамику развития, модель «Шоу-бизнес — мир сказок и мифов» всегда актуальна, так как шоу-бизнес, сказка и миф относятся к сфере псевдореальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопян К. З., Захаров А. В., Кагарлицкая С. Я. Массовая культура : учеб. пособие. — М. : Альфа-М : ИНФРА-М, 2004.

2. «Богатырь русского кино» Николай Крючков // РИА Новости. 2011. 9 янв. URL: <http://ria.ru/photolents/20110106/311970701.html>.

3. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : дис. ... д-ра. филол. наук. — Екатеринбург, 2010.

4. Гаспарян А. «Синие лебеди» в голубом маринаде // Московский комсомолец. 2010. 9 дек. № 25520. URL: <http://www.mk.ru/culture/article/2010/12/08/550698-quot-sinie-lebedi-quot-v-golubom-marinade.html>.

5. Гаспарян А. Smash!! Спящие вместе // Московский комсомолец. 1999. 8 дек. № 435. URL: <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2003/07/18/132936-smash-spyaschie-vmeste.html>.

6. Гаспарян А. Борис Моисеев: «Я как на выданье...» // Московский комсомолец. 2011а. 21 окт. № 25777. URL: <http://www.mk.ru/culture/interview/2011/10/20/634959-boris-moiseev-ya-kak-na-vyidane.html>.

7. Гаспарян А. Возвращение блудной Музы // Московский комсомолец. 2011б. 28 июля. № 25704. URL: <http://www.mk.ru/culture/article/2011/07/27/609487-vozvrashchenie-bludnoy-muzyi.html?3c2c52a0>.

8. Гаспарян А. Елка расставила точки // Московский комсомолец. 2012. 23 марта. № 25898. URL: <http://www.mk.ru/culture/article/2012/03/22/684625-elka-rasstavila-tochki.html>.

9. Гаспарян А. Король и солнце // Московский комсомолец. 2009а. 2 июля. № 25093. URL: <http://www.mk.ru/social/highlife/article/2009/07/01/311651-korol-i-solntse.html>.

10. Гаспарян А. Снежная королева ромansa // Московский комсомолец. 2011в. 5 дек. № 25814. URL: <http://www.mk.ru/culture/article/2011/12/04/649570-snezhnaya-koroleva-romansa.html>.

11. Гаспарян А. Хроники верной женщины // Московский комсомолец. 2009б. 6 апр. № 25024. URL: <http://www.mk.ru/culture/music/interview/2009/04/06/250670-hroniki-vernoy-zhenschiny.html>.

12. Жидкова А. «Евровидение — 2009»: состязание невест и скрипачей // Московский комсомолец. 2009. 15 мая. URL: <http://www.mk.ru/culture/article/2009/05/15/275965-evrovidenie-2009-sostyazanie-nevesti-skipachey.html>.

13. Калашиникова У. Романтика на болоте // Московский комсомолец. 2010. 17 нояб. № 703. URL: <http://www.mk.ru/culture/article/2010/11/17/544996-romantika-na-bolote.html>.

14. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособ. Изд. 2-е. — Минск : ТетраСистемс, 2005.

15. Мелетинский Е. М. [Соч.] // Фольклор и пост-фольклор: структура, типология, семиотика : сайт. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky3.htm>.

16. Мельман А. Птичку жалко // Московский комсомолец. 2012. 17 дек. № 25527. URL: <http://www.mk.ru/social/article/2010/12/16/552803-ptichku-zhalcko.html>.

17. Минаев С. Сказочный дворец Максима Галкина // Экспресс-газета online. 2010. 9 нояб. № 45 (822). URL: <http://www.eg.ru/daily/cadr/22506>.

18. НТВ : [сайт телекомпании]. URL: <http://www.ntv.ru/>.

19. Словарь литературоведческих терминов / авт.-сост. С. П. Белокурова ; электр. версия — А. А. Белокуров. 2005. URL: <http://www.gramma.ru/LIT/?id=3.0> (дата обращения: 20.06.2012).

20. Телесемь. 2006. № 37 (231) от 4 сент.

21. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. Изд. 2-е — М. : Изд-во МГУ, 2008.

22. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.

23. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

УДК 811.111.1'27
ББК Ш143.21-7

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33
Г. Г. Королева G. G. Koroleva
Уфа, Россия Ufa, Russia

Код ВАК 10.02.19

**СПЕЦИФИКА ВИЗУАЛЬНОЙ
СЕМИОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
В АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕКЛАМНЫХ РОЛИКАХ**

Аннотация. Рассматриваются особенности проявления визуальной семиотической системы в американском политическом рекламном ролике. Материал исследования составляют 250 телевизионных американских политических рекламных роликов. Производится классификация и группировка визуальных знаков в визуальной семиотической системе американского политического рекламного ролика, определяется частота и особенности их проявления.

Ключевые слова: поликодовый текст; семиотика; английский; политический рекламный ролик; символ.

Сведения об авторе: Королева Гульнара Гамировна, преподаватель кафедры «Иностранные языки», внутренний аудитор интегрированной системы менеджмента (Уфимский государственный нефтяной технический университет); соискатель кафедры «Английская филология и межкультурная коммуникация».

Место работы: Башкирский государственный университет (Уфа).

Контактная информация: 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
e-mail: Angliya10@yandex.ru.

**SPECIFICITY OF VISUAL
SEMIOTIC SYSTEM
IN AMERICAN
POLITICAL COMMERCIALS**

Abstract. Peculiarities of revealing visual semiotic system in American political advertising are discussed. The material for research counts 250 American political commercials shown on TV. Visual signs are classified into groups in visual semiotic system of American political commercial. Their frequency and peculiarities are described.

Key words: polycode text; semiotics; English; political commercial; symbol.

About the author: Koroleva Gulnara Gamirovna, Lecturer of the Chair of «Foreign Languages», Internal Auditor of the Integral Management System (Ufa State Petroleum Technological University); Competitor for a Degree of the Chair of «English Philology and Intercultural Communication».

Place of employment: Bashkir State University (Ufa).

Цель данной статьи — рассмотреть особенности визуальной семиотической системы в американском политическом рекламном ролике. Объектом исследования выступает визуальный ряд политического рекламного ролика. Материал исследования составляют 250 телевизионных американских политических рекламных роликов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Классифицировать и сгруппировать визуальные знаки в визуальной семиотической системе американского политического рекламного ролика.

2. Определить частоту и особенности их проявления в американском политическом рекламном ролике.

Переход к новой научной парадигме в лингвистике на рубеже XX—XXI вв., постановка новых вопросов, «экспансионизм» (Е. С. Кубрякова) современной науки обусловили расширение круга изучаемых явлений, связанных с передачей и восприятием информации в современном мире. На первый план были выдвинуты задачи всестороннего исследования языка во всем многообразии

его связей, в том числе с другими семиотическими системами [Ворошилова 2006: 180]. Трансформация лингвистических воззрений на текст и его характеристики привела к тому, что определения текста как «совокупности предложений, объединенных по смыслу и грамматически», или как «последовательности знаков, образующих единое целое», оказались недостаточными. На первый план выдвигается представление о тексте как единице межкультурного взаимодействия, речемыслительном продукте, изменяющем объективно существующий, реальный мир самим фактом своего существования [Большакова 2008].

Итак, лингвистика обращается к проблеме коммуникации во всех проявлениях, в том числе к синтезу языковых средств общения с неязыковыми, что предполагает исследование их организации в едином процессе и тексте, где каждое сообщение существует не изолировано, все они составляют «единую сложную организованную знаковую среду — семиосферу» [Герчук 1986: 38].

Понимание этого трансформирует лингвистику текста в лингвистику семиотически

осложненного текста. С точки зрения семиотики иконический язык принципиально не отличается от вербального: «...любое созданное непосредственно человеком изображение абстрактно, ибо оно обозначает выделенные отвлеченные человеком свойства объекта. В этой своей функции изображение не отличается от слова» [Анисимова 2003: 11]. Отношения «текст — изображение» информативны для лингвиста. Они делают возможным анализ в двойном контексте. Движение от текста к изображению и назад эксплицирует значимость различных компонентов ситуации общения [Беляков 2009]. Вместе с тем изображение не является такой четко выраженной знаковой единицей, как слово; семантика первого по сравнению с последним характеризуется значительно меньшей определенностью, расплывчатостью, размытостью границ [Анисимова 2003: 11].

В зарубежной научной литературе при обсуждении явлений текстовой смешанности широко используется термин «коммуникат» (Kommunikat; Gesamtkommunikat). Собственно, появление «коммуниката» в научных дискуссиях совпало с обсуждением «семиотической и культурологической экспансии» в области текста [Чернявская 2008: 88]. Следствием подобных исследований, по мнению некоторых специалистов, работающих в рамках традиционной лингвистики текста, является размывание границ такой базовой категории, как «текст», и утверждение ее относительности. Немецкий исследователь Х. Штекль очень ярко выразил существующие сомнения: «Логоцентрическая гордыня лингвистики, признающая приоритет языка, и прежде всего письменного как культурного достижения, привела к тому, что материальный образ („картинка“) рассматривается скорее как второсортный знаковый ресурс, с меньшей интеллектуальной привлекательностью» (перевод В. Чернявской [Чернявская 2008]). Однако желание лингвистов изучать «материальный образ», или «картинку», семиотической системы не вызывает сомнений. В свете этого рассмотрение визуальной семиотической системы в американских политических рекламных роликах дополняет данные интерпретации текста, обеспечивает дискурсивную целостность анализа.

Сегодня функционирует множество семиотически неоднородных текстов, которые в самом общем виде называются креолизованными [Елина 2009: 16]. Под «креолизованным» понимается такой текст, фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и не-

вербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, кроме естественного языка) [Сорокин, Тарасов 1990: 180]. Содержание креолизованного текста, по мнению исследователей, использующих данный термин, кодируется в разных знаках — вербальных и изобразительных, — при этом создается особый лингговизуальный феномен, «в котором вербальный и изобразительный компонент образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функционально целое, обеспечивающее его комплексное, прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова 2003: 73]. Итак, в общем виде креолизованные тексты могут рассматриваться как сложные семиотические образования, построенные на основе, с одной стороны, знаковой системы естественного человеческого языка (включая устную, письменную, печатную формы ее реализации, каждая из которых будет характеризоваться своими специфическими чертами), с другой — любой другой знаковой системы (рисунков, фотографий, музыки, танцев, запахов и т. д.). Статус креолизованного может приобретать, например, устный вербальный текст, сопровождаемый жестами, мимикой и даже запахами [Елина 2009: 16].

К креолизованным относятся тексты радио и телевидения, средства наглядной агитации и пропаганды, плакаты, ориентированные на различную аудиторию (от узкопрофессиональной до широкой), и в первую очередь — рекламные тексты [Там же: 16]. Отнесение политического рекламного ролика к разряду креолизованных текстов предполагает много-, или разнознаковую природу рекламы, включающей и визуальные иконические знаки, и аудиальные знаки, и вербальные знаки.

Итак, креолизованный текст определяется как особый лингговизуальный феномен, в котором «вербальные» и «иконические высказывания» образуют одно визуальное целое, оказывающее комплексное прагматическое воздействие на адресата. Очевидно, что в случае взаимодействия вербальных и невербальных компонентов в рекламе следует говорить о существовании в ней разных кодов.

В 1974 г. Г. В. Эйгер и В. Л. Юхт ввели понятие «поликодовый текст»: «К поликодовым текстам в широком семиотическом смысле должны быть отнесены и случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т. п.)» [Эйгер, Юхт 1974: 107]. К сложным поликодовым текстам Р. О. Якобсон относит кинематографические мюзиклы — «очень сложные син-

кретические представления, сочетающие целый ряд аудиальных и визуальных семиотических средств» [Якобсон 1985: 321].

Если исходить из положения, что «поликодовые тексты содержат коды более двух систем», то политические рекламные ролики могут быть отнесены к поликодовым текстам, так как содержат устную речь и музыкальную партию в сопровождении видеоряда и динамичных изображений. Джонсон-Карти и Дж. Коуплэнд подчеркивают важность анализа визуального кода — зрительных символов, фотографий и невербальных сигналов — в политической рекламе. Визуальному больше доверяют, чем просто словам [Johanson-Cartee 1991: 188]. Визуальный код можно назвать основным средством выразительности телевидения. Большая часть избирателей знакомится с кандидатом именно благодаря экрану. От 60 % до 80 % информации передается в процессе общения невербальными средствами [Баханов 1992: 40]. В связи с этим особенно важным представляется изучение визуального кода в политических рекламных роликах.

В американских политических рекламных роликах, наряду со зрительными символами и невербальными сигналами, часто появляются такие параграфемные средства, как цифры, слова, кавычки, ссылки. В настоящее время параграфемные средства рассматриваются как разнообразные невербальные средства письменной речи, участвующие в передаче информации [Баранов, Паршин 1989; Клюканов 1983; Месхишвили 1989 и др.]. Таким образом, при изучении специфики визуальной семиотической системы американских политических рекламных роликов необходимо рассмотреть визуальные компоненты политического рекламного ролика: зрительные политические символы, невербальные сигналы (язык жестов, мимики и т. д.), параграфемные средства.

Кроме того, при исследовании визуального кода американских политических рекламных роликов обращает на себя внимание такое явление, как монтаж. Монтаж в кино — этап в создании кинофильма, следующий, как правило, за киносъемками. Монтаж включает в себя отбор отснятых фрагментов в соответствии со сценарием и режиссерским замыслом, склейку отдельных фрагментов в единое целое, перезапись фонограмм и др. [БЭС 2000].

Монтажный кинематограф задает зрителю ребусы и загадки, заставляя его расшифровывать символы, наслаждаться аллегориями, апеллируя к интеллектуальному опыту смотрящего. Однако каждая из этих загадок имеет четко формулируемую отгад-

ку. Режиссер лишает зрителей возможности использовать в ощущениях свое отношение к увиденному. А это значит, что способ конструирования образа становится самоцелью, автор начинает вести тотальное наступление на зрителя, навязывая ему свое собственное отношение к происходящему [Тарковский 1992: 62].

В работе проф. А. Чумакова «Креативные технологии паблик рилейшенз» под монтажом предлагается понимать «выбор из большого количества фото-видео-аудиоматериалов таких, которые выставляли бы некоторый объект в невыгодном или, напротив, выгодном ракурсах» [Цит. по: Борисов 2004: 382]. Технологии монтажа фокусируют внимание на визуальном ряде посредством создания оптических спецэффектов, например с помощью таких технологических приемов, как «изменение скорости прокрутки пленки» или «стоп-камера» [Там же: 480].

Таким образом, можно говорить о визуальной семиотической структуре политического ролика, который сочетает в себе следующие задействованные в ней визуальные компоненты:

- зрительные политические символы;
- невербальные сигналы (язык жестов, мимики и т. д.);
- параграфемные средства;
- монтаж видеоматериала.

Анализ специфики визуальной семиотической системы в политических рекламных роликах невозможен без рассмотрения особенностей проявления всех задействованных визуальных компонентов.

Трудности анализа зрительных политических символов в американских политических рекламных роликах порождаются их многочисленностью и разнородностью. Возникает необходимость классифицировать их.

Д. А. Мисюров трактует политические символы весьма упрощенно, как «символы, существующие и используемые в политической жизни» [Мисюров 2009: 45]. К. Лоуэстейн определяет политические символы как представления о «коллективных, то есть социальных ценностях, вызывающие общие эмоции» [Цит. по: Войтасик 1981: 197].

Д. А. Мисюров выделяет следующие типы политических символов:

- национально-государственная политическая символика (флаг, герб, гимн);
- архитектура (здания, сооружения, например Белый дом в Вашингтоне, Китайская стена и т. д.);
- скульптура (монументы политическим деятелям, мемориалы, посвященные памятным событиям истории);

- знаки отличия (особые регалии у высших лиц государства, форма одежды, ордена, медали, значки, титулы, привилегии);

- денежные знаки (на них наносятся символы, имеющие отношение к данной стране, кроме того, их положение среди других валют может символизировать экономический и политический статус государства);

- политическая топонимика (названия улиц, городов, стран и т. д.);

- ритуально-процессуальная символика (любое политическое мероприятие — это ритуал с соблюдением процедур: заседание парламента, национальный праздник и т. д.);

- наглядно-агитационная символика (лозунги, плакаты, предвыборные листовки, карикатуры, портреты и т. д.);

- политико-музыкальная символика (гимн, песни, музыка);

- предметно-объектная политическая символика (различные предметы, объекты: Царь-пушка, Царь-колокол, гора Афон в Греции и т. д.; сюда же относится оружие, прежде всего ядерное);

- люди — политические символы (политические лидеры, например Линкольн, Ленин, Наполеон и др.; легендарные герои — Робин Гуд, Илья Муромец, Вильгельм Телль; вымышленные герои — дядя Сэм в США, Джон Булл в Англии и т. д.);

- условно-графическая символика (звезды, кресты, львы, грифоны и т. д.);

- политический язык (специальная терминология, особые языковые конструкции, применяющиеся в политической практике: «господин», «товарищ», «Ура!» и т. д., — а также весь текст, посвященный политической жизни: обращение к народу, стенограмма заседания, аналитическая статья и т. д.);

- математическая политическая символика (цифры, используемые политиками для доказательства своей правоты);

- символы места и времени («Викторианская эпоха», «эпоха Петра Первого», «советское время» и т. д.; границы, столицы, национальные праздники и т. д.);

- политическая мода (общие пристрастия сторонников какого-либо политического движения, выражающиеся в одежде, поведении и т. д.) [Мисюров 2009: 46].

Рассмотрение визуальных символов, относящихся к политической моде, в политических рекламных роликах осложняется тем, что, по большей части политическая мода основана на анализе общих пристрастий сторонников какого-либо политического движения, выражающихся в одежде, поведении, а поиск объединяющей концептуальной основы весьма проблематичен [Бабайцев

2001: 40]. Представления о моде, сформировавшиеся в русле специальных теорий, являются разрозненными, несистематическими, стихийно возникающими, что приводит к неоднозначности в трактовках предметного основания исследования визуального символа данного типа.

На основе подхода, предложенного Д. А. Мисюровым, и «классификации человека» Халлига Вертберга мы разработали новую классификацию визуальных политических символов и применили ее к 250 американским политическим рекламным роликам:

I. Человек:

- 1) человек как живое существо (пол, раса, части тела, возраст): обычный(ая) мужчина / женщина (124), дети (102), пожилые люди(48), молодежь (14);

- 2) человек как общественное существо (общественные связи, человек в труде; профессии, ремесло):

2.1) общественные связи:

- а) сторонники кандидата (19), кандидат (427), оппонент (141);

- б) знаменитости (180): президент (44), Джордж Буш-младший (30), Авраам Линкольн (3), Пэрис Хилтон (2), Бритни Спирс (1), Джордж Вашингтон (1) и т. д., отрицательные персонажи: Усама бен Ладен (6);

- в) семья: кандидат в окружении своей семьи (52), родители кандидата (16), дети кандидата (14), отец (10), мать кандидата (1), жена кандидата (25), муж кандидата (8) и т. д.;

- 2.2) профессии, ремесло: рабочие (43), строительные рабочие (13), фермеры (12), преподаватели (9), врачи (9), водопроводчики (2), пожарные (5), полицейские (4), политики (3), политические ученые (3), спортсмены (2), машинист (1), энергетик (1), духовенство (1) и т. д.;

- 3) человек и социальные организации, социальные институты (община, вероисповедание, война, национальная оборона, образование, внешняя политика):

- 3.1) военные/солдаты (62), иммигранты (6), хиппи (3), ковбои (3), покупатели (3), ветераны (31), студенты (24), террористы (12) и т. д.;

- 3.2) вымышленные персонажи (3): Санта Клаус (2), Антихрист (1).

II. Животный мир:

- 1) домашние животные и птицы: собаки (4), лошади (2), сельскохозяйственные животные (1), голубь (4), индюк (2), курица (2), петух (1) и т. д.;

- 2) дикие животные и птицы: медведь (3), волк (2), лев (1), зебра (1), носорог (1), орел (12) и т. д.

III. Предметы:

- 1) вещно-предметные символы: фотографии (94), документы (19), средства массовой информации (12), ветряные мельницы (9), религиозная литература, Библия (9), телевизор (5), сигара (4), географические карта (4), шляпа ковбоя (3), телефон (2), виндсерфинг (1);
- 2) национально-государственная символика: американский флаг (85), армия (70);
- 3) архитектурные комплексы: здание конгресса США, Капитолий (21), Белый дом (11) — резиденция президента США, Всемирный торговый центр (3);
- 4) скульптуры, памятники, мемориалы: статуя Свободы (6), мемориал Гранта в США (1), мемориал президента Линкольна (1);
- 5) денежные знаки: деньги (14), доллар (2);
- 6) милитаристские атрибуты: оружие / военное оборудование (14), химическое оружие (2).

IV. Символы места и времени (исторические события, архивные видеоматериалы):

- 1) старые архивные видеоматериалы (58), война в Ираке (44), детство (17), теракт 11 сентября (12), насилие (12);
- 2) символы места: офис (71), больницы (18), ферма (17), завод (13), школа (13), ресторан (11), работа (9), церковь (9), магазин (7), бурение нефти на месторождениях (6), тюрьма (5), строительство новых домов (4), промышленное строительство (3), автомойка (1), гаражи (1), залы заседаний (1);
- 3) погодные условия, природа: плохие погодные условия (4), стихийные бедствия (3), природа (15), океан (7), айсберги (1).

Данная классификация позволяет рассмотреть особенности зрительных политических символов в американских политических рекламных роликах. Итак, символ «люди» выражается демонстрацией людей среднего класса, желающих жить лучше. В основной массе роликов представлены люди среднего класса, выполняющие социальные простые виды деятельности: преподаватели (9), рабочие (43) — водопроводчик (2), машинист (1), энергетик (1), строитель (2) и т. д. Кандидат обещает то, что

улучшит качество жизни людей и разрешит их текущие проблемы. Переживания избирателя реализуются через отождествление себя с социальным идеалом, желание принять лучшие ценности и стандарты в качестве собственных жизненных ориентиров. Таким ориентиром выступает американская мечта, обозначающая идеал с высоким жизненным стандартом (собственным домом, высокооплачиваемой работой, славой, переходом в более высокий социальный класс). Частое появление видео- или фотоизображений оппонента (141) в американских политических рекламных роликах указывает на ожесточенную предвыборную борьбу между кандидатами. В американских политических роликах важную роль играют социальные характеристики кандидата, нередко кандидата показывают в окружении семьи — жены и детей. Также в американских политических рекламных роликах фигурируют мать (1) или отец (10) кандидата.

Более характерна демонстрация самого кандидата (427), мужчин и женщин средних лет (124), детей (102), чем пожилых людей (48). Типичные эмоции на лицах людей рядом с кандидатом — благодарность, слезы, счастье, радость.

Кроме того, политические рекламные ролики демонстрируют известных деятелей искусства, политики, спорта, которые отдают свои предпочтения кандидату; среди них встречаются: Чак Норрис (актер), Элис Купер (американский рок-музыкант, вокалист, автор песен), Мэтт Дэймон (американский актер, продюсер и сценарист), Джордж Клуни (американский актер, режиссер, продюсер и сценарист.), Том Хэнкс (американский актер и продюсер), актрисы Линдси Лохан, Гвинет Пэлтроу, Скарлетт Йоханссон, Холли Бери (обладательница премий «Оскар», «Золотой глобус» и «Эмми»), Сара Джессика Паркер (она также является продюсером), Кейт Хадсон, Опра Уинфри (ведущая ток-шоу «Шоу Опри Уинфри»), а также Джей Зи (рэпер), Брюс Спрингстин и Билли Джоэл (американские рок-музыканты), Мадонна (певица, автор песен, продюсер, танцовщица, актриса, режиссер и сценарист), Джон Бон Джови (американский музыкант, поэт-песенник и актер), Алисия Кис (американская певица, пианистка, поэтесса и композитор), Хиллари Клинтон (американский политик, сенатор США от штата Нью-Йорк) и др.

Отметим, что американские политические рекламные ролики используют образ знаменитостей не только для поддержки кандидата, но и для понижения рейтинга оппонента. Так, например, в политическом ролике Маккейна «Celebrity» Барак Обама изо-

бражен не готовым (not ready yet) к тому, чтобы быть президентом. Барак Обама сравнивается с Пэрис Хилтон (фотомоделлю, актрисой) и Бритни Спирс (поп-певицей, обладательницей премии «Грэмми»), изображается молодым, неопытным, предстает в образе суперзвезды, а не президента.

Образ Джорджа Буша-младшего, 43-го президента США, чаще всего встречается в отрицательных политических рекламных роликах Барака Обамы, полемически заостренных против оппонента, Д. Маккейна. Дружеские отношения республиканцев Д. Маккейна и Дж. Буша-мл. и их взаимная поддержка в политике положены в основу создания отрицательного образа Маккейна. Так, в политическом рекламном ролике Барака Обамы «Rearview Mirror» в зеркале заднего вида появляются вместе Дж. Буш и Д. Маккейн. Фраза «McCain Voted With Bush 90 Percent Of The Time» подразумевает, что оппонент Маккейн будет продолжать «неудачную» политику Дж. Буша-мл., который подвергался жесточайшей критике за вторжение в Афганистан, в 2003 г. — в Ирак, за неумелое управление в кризисной ситуации, вызванной ураганом «Катрина», за наступление в США в 2007 г. крупнейшей со времен Второй мировой войны рецессии и т. д.

Основные визуальные символы в негативных американских политических рекламных роликах — война, террористы, операции, хирурги, военные с автоматами, разрушенные дома, оружие / военное оборудование, химическое оружие, больницы, тюрьмы, грязь, свалка, скандалы, митинги, протесты, серый пасмурный день, трупы и т. д.

Рассмотрев специфику компонента «зрительные политические символы», перейдем к анализу таких компонентов визуальной семиотической системы, как параграфемные средства, невербальные сигналы и видеомонтаж.

Чаще всего параграфемные средства в американских политических рекламных роликах появляются на экране в момент характерного логического ударения во время чтения текста диктором и выделяются жирным шрифтом на контрастном фоне. Обычно это цифры, справочные данные (сайт), ссылки, слова и т. д. В надписях широко применяются кавычки. Они могут использоваться как для обозначения чужой речи, так и для «выражения имплицитной оценки при обособлении» [Золотова 1995: 59]. Приведем примеры из политического рекламного ролика «Honor»:

BARACK: I'm Barack Obama and I approved this message;

McCain: I will not take the low road to the highest office in this land;

ANNCR: What's happened to John McCain?

He's running "the sleaziest ads ever." "Truly vile."

"Dishonest smears"

That he repeats even after its been "exposed as a lie"

"truth be damned"

A "disgraceful, dishonorable campaign"

After voting with Bush 90 % of the time... proposing the same disastrous economic policies...

It seems "deception" is all he has left.

В ходе анализа американских политических рекламных роликов мы выявили частотность и особую значимость таких параграфемных средств, как математическая политическая символика, цифры (100); наглядно-агитационная символика — надписи на экране (335), слово «надежда» (6).

Основу визуального имиджа кандидата составляют его природные данные. Выражение лица — главнейший элемент языка тела. Жесты кандидата в американских политических рекламных роликах настраивают на восприятие сообщения и образа кандидата в определенном ключе, так, чтобы претендент казался «внушающим надежду». Выступая на публике, кандидат выглядит энергичным, уверенным в успешности своей политической программы, создает впечатление сильного, грамотного политика. Его оживленный взгляд, блестящие глаза указывают, что кандидат полон энтузиазма и желания принести благополучие стране.

Таковыми же основными невербальными сигналами в американских политических рекламных роликах являются лица людей, окружающих кандидата, выражающие положительные эмоции: благодарность, любовь, восхищение, радость. В отрицательных политических рекламных роликах мимика оппонента напоминает человека агрессивного, злого, озабоченного, растерявшегося: глаза смотрят вниз или прищурены, губы сжаты или, наоборот, рот приоткрыт, ярко выражены глубокие морщины на лице. Жесты оппонента не способствуют восприятию его как политического лидера, а негативные эмоции на лицах людей в отрицательном политическом рекламном ролике выражают страх, злость, печаль, слезы, панику, агрессию, печаль и т. д. Перечислим основные невербальные сигналы, встречающиеся в американских политических роликах:

– мимика: кандидат — улыбка на лице (427); оппоненты — лицо, выражающее агрессию, безразличие, (141); толпа —

восхищение и энтузиазм (112); дети — слезы (7), улыбка (12); молодежь — страх и злость (14);

– телодвижения и действия: кандидат представлен:

- выходящим из самолета с супругой за руку (7),
- с семьей (30),
- подписывающим бумаги (32),
- приветствующим простых людей (100),
- говорящим с подиума (109),
- на свежем воздухе (67).

Невербальные сигналы в американских политических рекламных роликах отбираются при помощи видеомонтажа и подвергаются спецэффектам для создания необходимого образа у избирателей. Так, выражение улыбки на лице оппонента может быть воспринято как «натянутая» улыбка при использовании «стоп-кадра», а при «замедленном эффекте» улыбка оппонента принимает форму «оскала»: замедленное движение глаз и моторная задержка движения вызывают у реципиента неприятные ощущения. Спецэффект, известный как «стоп-кадр», фиксирует видеоизображение оппонента с не выгодными для него мимикой, жестами, позой. Заметим также, что при технологическом приеме видеомонтажа «ускорение скорости прокрутки пленки» удачные для оппонента ракурсы телодвижения и выражения лица ускоряются, а неудачные замедляются.

В американских политических рекламных роликах широко используются следующие спецэффекты: «изменение цветовой палитры», «искажения картинки», «фотовспышка». Они раздражают глаза и вызывают неприятные ощущения при просмотре. Такие спецэффекты применяются внезапно для зрителя при демонстрации оппонента. Здесь уместно привести слова С. А. Зелинского: «Яркость ощущений зависит от новизны и неожиданности действия раздражителя, а также от опыта предварительных встреч с данным раздражителем» [Зелинский 2009: 11] Таким образом, «спецэффекты» являются дополнительным фактором яркости ощущений при просмотре политического рекламного ролика, т. е. дополнительным раздражителем, действующим на рецепторы адресата.

При обработке фотографий кандидата используются редакторы изображений типа «Photoshop»: освещенные светом лицо и тело придают ореол божественности, духовности, святости. Таким образом, монтаж видеоматериалов в американских политических рекламных роликах максимально усиливает впечатления от происходящего на

экране, фиксирует внимание на необходимых невербальных сигналах. На целевую аудиторию влияют следующие факторы:

– цвет: черно-белое изображение ролика (126), цветное изображение (259), изображение цветного лица оппонента на черном фоне (113), эффект изменения цветовой палитры при демонстрации оппонента (72);

– оптические спецэффекты, изменение скорости прокрутки пленки: стоп-кадр при демонстрации видеоизображения оппонента с невыгодным для него жестом или мимикой (42), замедленный эффект при демонстрации видеоизображения оппонента (37);

– спецэффекты: использование фотовспышек при демонстрации оппонента (60), эффект искажения изображения в отрицательных политических рекламных роликах при демонстрации оппонента (32);

– корректировка изображения в программе «Photoshop»: освещенное лицо кандидата на фотографии как символ божественности, духовности, святости, величественности (19).

Анализ специфики компонентов визуальной семиотической системы американских политических рекламных роликов показывает, что визуальный ряд включает в себя не только зрительные символы и параграфемные средства, но и четко обдуманную систему подачи невербального сигнала и использования различных технологических приемов видеомонтажа для фокусирования внимания на определенной части сообщения, направленной на убеждение аудитории. Использование различных неожиданных спецэффектов при демонстрации оппонента, раздражающих глаза зрителей, является фактором дополнительного воздействия на адресата. Таким образом, визуальный код американского политического рекламного ролика является четко продуманным, целенаправленным психологическим средством воздействия на аудиторию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 2003. № 1. С. 71—78.
2. Бабайцев А. В. Политические символы: философский анализ: дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. — Ростов н/Д, 2001.
3. Баханов Е. Будем учиться бодилэнгвиджу // Книжное обозрение. М., 1992. С. 40—45.
4. Баранов А. Н., Паршин П. Б. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемики // Проблемы эффективности речевой коммуникации: сб. науч.-аналит. обзоров. — М., 1989. С. 41—115.
5. Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества. — М., 1990.

6. *Беляков И. М.* Особенности баннерной интернет-рекламы как поликодового текста : дис. ... канд. филологических наук : 10.02.19. — М., 2009.
7. *Большакова Л. С.* Метафора в англоязычном поликодовом тексте: на материале британских и американских музыкальных видеоклипов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — Самара, 2008.
8. *Борисов Б. Л.* Технологии рекламы и PR : учеб. пособие. — М., 2004.
9. *Борев Ю. Б.* Эстетика. — М. : Политиздат, 1997.
10. БЭС = Большой энциклопедический словарь / Д. Н. Ушаков ; В. И. Даль. — М., 2000. URL: <http://dic.academic.ru>.
11. *Войтасик Л.* Психология политической пропаганды. — М., 1981.
12. *Ворошилова М. Б.* Креолизованный текст // Политическая лингвистика. 2006. № 20.
13. *Герчук Ю. Я.* Советская книжная графика. — М. : Знание, 1986.
14. *Елина Е. А.* Семиотика рекламы : учеб. пособие. 2-е изд. — М., 2009.
15. *Ейгер Г. В., Юхт В. Л.* К построению типологии текстов // Лингвистика текста : материалы науч. конф. при МГПИИЯ им. М. Тореза. — М., 1974. Ч. 1 С. 103—110.
16. *Зелинский С. А.* Управление психикой посредством манипулятивного воздействия. — СПб. : Скифия, 2009.
17. *Золотова Н. О.* Рекламный текст как вид речевого воздействия : сб. науч. тр. — Тверь, 1995.
18. *Клюканов И. Э.* Печатный художественный текст и его параграфемные элементы // Текст. Высказывание. Слово. — М., 1983. С. 56—65.
19. *Месхишвили Н. В.* Графическое оформление и семантическое содержание текста // Семантические аспекты синтаксиса : сб. науч. тр. — М., 1989. С. 135—142.
20. *Мисуров Д. А.* Символы о символах. Начала культурно-символической политики. 2-е изд. — М. : Либроком, 2009.
21. *Рейковский Я.* Экспериментальная психология эмоций. — М., 1979. С. 133—151.
22. *Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. — М., 1990. С. 180—196.
23. *Тарковский А. А.* Уроки режиссуры. — М., 1992.
24. *Чернявская В. Е.* Поликодовый текст: от интертекстуальности к интердискурсивности. — М., 2008.
25. *Якобсон Р. О.* Язык в отношении к другим системам коммуникации // Р. О. Якобсон. Избр. работы. — М. : Прогресс, 1985. С. 306—330.
26. *Johnson-Cartee K. S.* Negative Political Advertising: Coming Of Age. *Routledge // Annual Review of Psychology.* 1991. № 51. P. 149—169.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

УДК 811.111.1'42
ББК Ш143.21-7

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.47

Код ВАК 10.02.19; 10.02.04

Г. А. Осипов G. A. Osipov
Майкоп, Россия Maikop, Russia

**«КОНСТИТУЦИЯ», «СВОБОДА»,
«ПРЕЗИДЕНТ»:
КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГЕМ
В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Аннотация. Рассматриваются подходы к определению понятия «идеологема», а также место идеологии в современном американском политическом дискурсе. Производится анализ дискурса современных американских политиков. Выявляются различия в трактовке некоторых идеологем.

Ключевые слова: политический дискурс; идеология; идеологема.

Сведения об авторе: Осипов Георгий Анатольевич, аспирант кафедры общего языкознания.

Место работы: Адыгейский государственный университет (Майкоп).

Контактная информация: 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208.
e-mail: osipoff.georgy@yandex.ru.

**«CONSTITUTION», «FREEDOM»,
«PRESIDENT»:
COGNITIVE PRAGMATIC
PECULIARITIES
OF POLITICAL IDEOLOGEMS
IN MODERN AMERICAN
POLITICAL DISCOURSE**

Abstract. The approaches to definition of the notion «ideologem» are discussed, as well as the role of ideology in modern American political discourse. Analysis of discourses of contemporary American politicians is undertaken. Differences in interpretation of some ideologems are revealed.

Key words: political discourse; ideology; ideologem.

About the author: Osipov Georgy Anatolievich, Postgraduate Student of General Linguistic Department.

Place of employment: Adygh State University (Maikop).

Идеология неразрывно связана с политическим дискурсом. В данном контексте идеология представляется системой, организуемой социально-политическое познание (в широком смысле). Такая система, как и любая другая, будет состоять из набора определенных, свойственных, как правило, только ей элементов. В данном случае системообразующие элементы называются идеологемами.

Идеологема представляет собой составные части любой идеологии. Они формируются внутри нее и образуют ее систему. Идеологема — понятия, зависящие от многих факторов политической жизни, к примеру принадлежности к определенной политической группе или партии. Следовательно, идеологема непостоянна, нестабильна и зависит от конъюнктуры. Поскольку политический дискурс является весьма разнородной и разнообразной областью речевой деятельности, идеологема, как его элемент, будет обладать теми же качествами. Иногда одни и те же идеологические понятия могут применяться разными политическими деятелями или партиями с разным смысловым наполнением и в разные периоды времени. Семантика таких идеологем меняется в соответствии с политической прагматикой. Если рассматривать политическую идеологию как когнитивно-прагматическую модель, созданную для определенных целей и формирующую сознание, идеологема следует рас-

© Осипов Г. А., 2012

сматривать как когнитивно-прагматические инструменты достижения этих целей, своего рода операционные единицы мышления.

Идеологема как когнитивно-прагматический инструмент идеологии является весьма эффективным средством воздействия на массовое сознание. Поскольку воздействие, как правило, нацелено на чувства и эмоции, идеологема легко «проникают в душу» аудитории, запоминаются и, как следствие, ассоциируются в дальнейшем с определенной моделью поведения и образом действий. Идеологема часто рассматривается «как феномен, формирующий концептуальные схемы и категории, обуславливающий процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином идеологически значимом объекте. Смысловое содержание и эмоциональная окраска идеологем могут неодинаково восприниматься адресатами, поскольку идеологема репрезентируют специфический взгляд на соответствующую реалию» [Нахимова 2011б: 194]. Также идеологема рассматривается как ментальная единица, в состав которой входит идеологический компонент и которая, как правило, репрезентируется словом или устойчивым словосочетанием [Нахимова 2011а: 153].

При лексикологическом подходе идеологема считают «языковой единицей, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покры-

вающую денотат неидеологический» [Купина 2000: 183]. Л. В. Вдовиченко трактует идеологему как «особую идеологическую единицу, придающую установленную идеологическую нагрузку, окраску конкретному событию, факту, действию и имеющую повышенную степень аксиологичности, характеристики которой зависят от идеологических позиций, предписаний и партийных установок» [Вдовиченко 2011: 71].

Поскольку идеологемы всегда эмоционально маркированы, они известны представителям двух «лагерей», сторонникам и противникам, хотя редко кто-либо из них подвергает идеологемы критическому логическому анализу. Формирование концептосферы идеологем носит, как правило, управляемый направленный характер: «...направленный процесс политизации языка способствовал формированию системы идеологем. Цельность, упорядоченность, нормативность, простота, открытый доступ к вербально оформленным идеям всех книжных сфер литературного языка в соединении с функцией предписания к употреблению и контролем над употреблением обеспечивали идеологическую гармонию, предполагавшую интерпретацию ключевых единиц в границах официальных догм» [Джонсон].

В любом политическом дискурсе существует набор определенных идеологически маркированных когнитивных образов — идеологем, служащих самоидентификации членов политического сообщества, а также привлечению новых членов.

Рассмотрим некоторые распространенные идеологемы, свойственные американскому политическому дискурсу, а именно «конституция», «свобода», «президент» и некоторые другие.

Идеологеме «конституция» в современном политическом дискурсе можно считать своего рода мифологемой, т. е. понятием, несущим определенный образ, характеризующийся глобальностью, универсальностью, не подвергающийся критике или переосмыслению. Другими словами, идеологема «конституция» используется как закреплённая во времени идея, на которой зиждется вся политическая система. Интересно проследить, как современные американские политики пользуются данной идеологемой. Приведем соответствующие высказывания Д. Буша: *We have one country, one Constitution, and one future that binds us* [Bush 2004b]. — *У нас есть одна страна, одна конституция и единое будущее, которое нас связывает* (здесь и далее перевод наш — Г. О.). В данном высказывании идеологема «конституция» выступает универсальной по-

литической идеей, связывающей нацию. С точки зрения когнитивно-прагматического воздействия такой прием является весьма эффективным, так как в сознании людей непременно возникают идеи единства, сплоченности, братства, согласия и т. д., что обязательно сказывается на отношении к выступающему политику.

Еще один пример: *Consistent with U.S. law and the Constitution, I authorized the interception of international communications of people with known links to al Qaeda* [Bush 2005]. — *В соответствии с законами и конституцией США я санкционировал прослушивание международных переговоров людей, уличенных в связях с Аль-Каидой*. Данный пример иллюстрирует, как одна и та же идеологема может использоваться в качестве инструмента объединения и как оправдание жестких политических решений. Очевидно, что во времена написания конституции ни о каких международных переговорах, а тем более их прослушивании не могло идти речи, следовательно, идеологема «конституция» выступает абсолютной, вневременной истиной, прагматическая апелляция к которой оправдывает решения, не предусмотренные фактическим текстом основного закона.

В следующем высказывании идеологема «конституция» служит щитом от возможных критических замечаний политических оппонентов: *As President and Commander-in-Chief, I have the constitutional responsibility and the constitutional authority to protect our country* [Там же]. — *Как президент и Верховный главнокомандующий, я наделен конституционным правом и обязанностью защищать нашу страну*. Здесь присутствуют и другие политические идеологемы (President, Commander-in-Chief, responsibility, authority), употребленные с целью оправдать некоторые политические действия.

Несколько иной подход к использованию идеологемы «конституция» демонстрирует другой современный политик, президент Б. Обама: *Our Constitution — a Constitution that had at its very core the ideal of equal citizenship under the law; a Constitution that promised its people liberty, and justice* [Obama 2008]. — *Наша конституция — конституция, в основе которой заложена идея равенства, — равенства всех перед законом, — конституция, которая гарантировала людям свободу и справедливость*. Когнитивно-прагматическая установка данного высказывания явно ориентирована на достижение определенной цели, а именно сплочения народа путем апеллирования к традиционным ценностям. В приведенном примере

идеологема «конституция» используется как гипероним по отношению к другим идеологемам (равенство, закон, свобода, справедливость), номинирующим соответствующие ценности.

Большое количество политических идеологем присутствует в высказывании другого американского политика, М. Ромни: *Our commitment to freedom has changed the world. But along with the genius of our Declaration of Independence, our Constitution, and our Bill of Rights, is the equal genius of our economic system. Our Founding Fathers endeavored to create a moral and just society like no other in history, and out of that grew a moral and just economic system the likes of which the world had never seen* [Romney 2012]. — *Наша приверженность принципам свободы изменила мир. Мы имеем исключительно выдающуюся Декларацию независимости, Конституцию, Билль о правах человека и не менее выдающуюся экономическую систему. Наши отцы-основатели приложили все усилия, чтобы впервые в истории создать государство, базирующееся на принципах справедливости и высокой морали, в котором впоследствии образовалась высоко нравственная и справедливая экономическая, дотоле нигде не существовавшая, система.*

Оценка нравственности и справедливости экономической системы США не является задачей данного исследования, однако стоит отметить: большинство экономистов сходится во мнении, что именно эта нравственная и справедливая система спровоцировала мировой экономический кризис. В связи с этим несколько странным выглядит введение в ряд традиционных и общепризнанных ценностно-идеологических понятий, таких как «Декларация независимости» или «Конституция», весьма спорной идеологемы «нравственной и справедливой экономической системы». Это может свидетельствовать о том, что либо М. Ромни скудно осведомлен о реальном положении дел в экономике (что очень маловероятно), или же он преследует определенные прагматические цели.

Нам представляется, что прагматической установкой данного высказывания служит мифологизация данной идеологемы, т. е. навязывание аудитории определенного статичного образа, не требующего критической оценки или логического анализа. Таким образом, мифологема «нравственной и справедливой экономической системы» использована как прагматический инструмент воздействия на аудиторию, причем такое воздействие имеет ценностно-эмоциональную установку. Иначе говоря, подобные ми-

фологемы воздействуют на чувства и эмоции, а не на здравый смысл, поскольку нередко их смысловое наполнение не соответствует действительности. Тем не менее такой тип воздействия наиболее эффективен в рамках политического дискурса.

Другой достаточно распространенной идеологемой в американском политическом дискурсе является «свобода». Это одна из самых универсальных и всеобъемлющих идеологем. Ей активно пользуются представители различных политических групп и организаций, причем она передает разнообразные образы. Например, в следующем высказывании Д. Буша «свобода» выступает ценностью, которую Америка несет всему остальному миру. Это представляется политикой «миссией» как всего американского народа, так и его собственной: *We will continue to spread freedom and liberty, and we will prevail* [Bush 2004a]. — *Мы будем распространять свободу и независимость, и мы преуспеем в этом.* Высшая миссия, по мнению Д. Буша, заключается в том, чтобы нести свободу, данную Богом всему человечеству: *...freedom is not America's gift to the world, freedom is the almighty God's gift to each man and woman in this world* [Там же]. — *...свобода — это не дар Америки всему миру, свобода — это дар всемогущего Господа Бога каждому мужчине и каждой женщине на этой земле.*

В этом смысле идеологема «свобода» используется как своего рода военный термин; ср. выражения из той же речи: *freedom is on the march* (свобода на марше), *the hard work of defending their freedom* (сложная задача защитить свободу), *sacrifices for our freedom* (жертвы во имя нашей свободы).

В несколько ином ключе использует данную идеологему Х. Клинтон. В ее понимании свобода является неотъемлемым правом любого человека. Данная трактовка идеологемы «свобода» также весьма характерна для американского политического дискурса, так как взывает к традиционным ценностям западного общества: *Beginning in 1947, delegates from six continents devoted themselves to drafting a declaration that would enshrine the fundamental rights and freedoms of people everywhere* [Clinton 2011]. — *Еще в 1947 г. представители шести континентов принялись за составление декларации, которая бы оберегала основные права и свободы людей всего мира.* В этом выступлении фигурируют и некоторые другие высказывания, поддерживающие такую трактовку данной идеологемы, например: *And let us keep in mind that our commitments to protect the freedom of religion...* — *Нельзя забывать,*

что наша приверженность защите свободы вероисповедания...; *Universal human rights include freedom of expression and freedom of belief.* — *Всеобщие права человека включают право на свободу самовыражения и свободу вероисповедания.*

Таким образом, анализ публичных выступлений современных американских политических деятелей бесспорно демонстрирует, что американский политический дискурс насыщен идеологизированными понятиями, идеологемами, которыми охотно пользуются представители разных политических течений. Такие политические идеологемы, как «свобода», «президент», «конституция» и др., являются определяющими для современного американского политического дискурса, что обуславливает их иллокутивную силу и высокую частоту использования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вдовиченко Л. В.* Идеологемы «Порядок» и «Order»: специфика употребления в российском и американском политическом дискурсе // *Политическая лингвистика.* 2011. № 4. С. 71—75.
2. *Джонсон Е.* Идеологемы как ключевые единицы политического языка / ВГУ. URL: [http://](http://englishschool12.ru/publ/interesno_kazhdomu/ideologemy_kak_kljuchevye_edinicy_politicheskogo_jazyka/57-1-0-3755)

englishschool12.ru/publ/interesno_kazhdomu/ideologemy_kak_kljuchevye_edinicy_politicheskogo_jazyka/57-1-0-3755.

3. *Купина Н. А.* Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // *Русский язык сегодня.* — М., 2000. С. 182—189.

4. *Нахимова Е. А.* Идеологема *Сталин* в современной массовой коммуникации // *Политическая лингвистика.* 2011. № 2 (36). С. 152—156.

5. *Нахимова Е. А.* Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования : моногр. / ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2011б.

ИСТОЧНИКИ

6. *Bush G. W.* Address in Oshkosh. Oshkosh, WI. 2004a. 15 Oct.

7. *Bush G. W.* Victory Speech. Washington, DC. 2004b. 3 Nov.

8. *Bush G. W.* Wiretaps & The War: The Year-End Press Conference. Washington, DC. 2005. 19 Dec.

9. *Clinton H.* Speech on human rights issues in Geneva, Switzerland. 2011. 6 Dec.

10. *Obama B.* A More Perfect Union. Philadelphia, Pennsylvania. 2008. 18 March.

11. *Romney M.* Address on Free Enterprise. St. Louis, Missouri. 2012. 7 June.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. С. Р. Макерова

Ю. Р. Тагильцева Ю. R. Tagiltseva
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ЭКСТРЕМИСТСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
КАК ИНСТРУМЕНТ
ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
ВОЙНЫ**

**EXTREMIST MATERIALS
AS A TOOL OF INFORMATIONAL
AND PSYCHOLOGICAL WAR**

Аннотация. Рассматриваются манипулятивные свойства экстремистских материалов, способных стать очередным поводом к разжиганию информационно-психологической войны в политической сфере. На примере экстремистского фильма «Невинность мусульман» показывается механизм развития конфликтной ситуации, сложившейся между арабским и западным мирами, и предлагается возможный вариант-сценарий ее урегулирования.

Abstract. Manipulative characteristics of extremist materials, which can become a reason for arousing informational and psychological war in political sphere, are discussed. On the example of the film "Innocence of Muslims" the mechanism of development of the conflict between Arabic and Western worlds is shown. A possible solution of the conflict is suggested.

Ключевые слова: экстремизм; экстремистские материалы; информационно-психологическая война; провокационный акт; спецоперация; конфликт; межкультурный диалог.

Key words: extremism; extremist materials; informational and psychological war; provocative act; special operation; conflict; intercultural dialogue.

Сведения об авторе: Тагильцева Юлия Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью.

About the author: Tagiltseva Yulia Rinatovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Advertising and PR.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 402.
e-mail: jennifer1979@yandex.ru.

Для современного мира характерно становление и развитие информационного общества, в котором информация становится созидательной или разрушительной силой, способной объединять, восстанавливать либо разрушать не только мировое информационное, но и политическое пространство. Именно эта способность информации всегда привлекала радикально настроенные политические и религиозные общности. Как следствие, время от времени вспыхивают «искры» экстремизма, интолерантности представителей различных национальных, религиозных или политических групп.

Сегодня наиболее ярко проявляются такие разновидности политического экстремизма, как экстремизм этнический и религиозный, приводящие к нарушению основных прав человека, — жить свободно и в безопасности. Экстремизм, как отмечает Л. В. Баева, это «крайняя форма интолерантности, соединенной с агрессией и насилием как методами выражения непримиримости к Другому» [Баева 2008: 23]. Такой подрыв политической и религиозной стабильности часто осуществляется с помощью материалов разных типов, содержащих экстремистские «нотки»:

призыв к насилию, террористическим актам или стремление унижить национальное и религиозное достоинство. Это отражено в действующем законодательстве: «Экстремистские материалы — предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности, либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, <...> обосновывающие или оправдывающие национальное и/или расовое превосходство, либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы [ФЗ от 25.07.2002 №114].

Экстремистские материалы по сути относятся к инструментам психологического воздействия, прежде всего к психологическому манипулированию, основанному на скрытом принуждении, направленному на формирование в сознании объекта мотивации к совершению определенных действий вопреки его собственному желанию. Итак, «манипуляция сознанием — это управление

Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект 12-04-00175а «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность»

© Тагильцева Ю. Р., 2012

путем навязывания людям идей, установок, мотивов, стереотипов поведения, выгодных субъекту воздействия» [Манойло 2003: 104]. Из вышесказанного следует, что экстремистские материалы способны «разжечь» информационно-психологическую войну между противоборствующими странами. О сущности информационно-психологической войны мы писали в статье «Локальные информационно-психологические войны: особенности развития в современной России» [Тагильцева 2010: 171—176].

В данной статье мы остановимся на манипулятивной составляющей экстремистских материалов. Очередным толчком в разжигании не только информационно-психологической войны между арабским и западным мирами, но и политического, прежде всего религиозного, экстремизма стал трейлер к фильму «Невинность мусульман», представляющий пророка Мухаммеда в неприглядном свете. Рассмотрим данную проблемную ситуацию более подробно.

Предысторией сложившейся ситуации стали террористические атаки 11 сентября 2001 г. на США. Примечателен тот факт, что ролик к фильму «Невинность мусульман» был выложен на арабском языке в «YouTube» 11 сентября текущего года, причем в одиннадцатую годовщину трагедии. Впрочем, по некоторым источникам, появление 14-минутного отрывка из фильма относится к июлю 2012 г., когда он вышел под названием «Невинность бен Ладена», а в начале сентября блогер Моррис Саден выложил этот трейлер на арабском языке. 8 сентября он был показан по египетскому исламскому телеканалу «Al-Nas TV», а 11 сентября, как следствие, в Египте и Ливии начались антиамериканские протесты. Как видим, данный отрывок можно рассматривать, с одной стороны, как попытку легитимизации самого фильма, направленного на дискредитацию радикально настроенных исламистских течений: имя бен Ладена в европейском мире связывают со вселенским злом, несущим насилие, смерть, разрушение. С другой стороны, отрывок призван показать генезис данного направления исламизма, возводящегося к самому пророку Мухаммеду: в фильме присутствуют сцены насилия — убийства, в которых участвовал пророк. Режиссер и продюсер этого фильма, Сэм Бейсиль, в разговоре с «Associated Press» заявил: «Ислам — это рак. Это политический, а не религиозный фильм. Это американская картина, цель которой не ударить по мусульманам, а продемонстрировать разрушительную идеологию, которой является ислам» [«Невинность мусульман» — искра для

пороховой бочки]. В любом случае, фильм — провокационный акт, задевший религиозные чувства верующих и приведший к антиамериканским выступлениям в Египте, Ливии, Тунисе, Пакистане, Судане, Йемене, Бахрейне, Катаре, Алжире, в европейских странах — Бельгии, Дании, Англии, Греции, России и др.

Что касается самого фильма «Невинность мусульман», то большинство отмечает его непрофессиональность и фальшивость: это проявляется в дилетантской актерской игре, смехотворных декорациях (действие ролика разворачивается на фоне фотографии пустыни), ужасном сценарии и звуковой дорожке как на арабском, так и на английском языке, в бессвязности сцен, хаотичности действия. Религиозные чувства мусульман задел образ пророка Мухаммеда, созданный в фильме: он изображен как «невежественный болван, который обращается к престарелому мудрецу с просьбой написать для него священную книгу, позаимствовав мысли в Торе и Ветхом Завете» [Там же], к тому же как гомосексуалист, бабник и безжалостный убийца. Таким образом, провокационный акт был направлен на следующие «больные» контрольные точки:

- а) дискредитируется образ пророка Мухаммеда;
- б) под сомнение ставится Священное Писание — Коран;
- в) как следствие, ставится под сомнение легитимность ислама как религии.

Тем самым данный фильм способствует унижению национального достоинства и возбуждению расовой, национальной, религиозной или социальной розни, что входит в перечень деяний, перечисленных в предложении Госдумы РФ в июне 2006 г. и рассматриваемых как экстремистские. Более того, Генпрокуратура РФ после проверки в связи с размещением фильма в Интернете признала картину экстремистской, усмотрев в ней признаки материала, «оскорбляющего религиозные чувства верующих и разжигающего межнациональную рознь», и подала исковое заявление в суд о признании данного видеоматериала экстремистским с целью запрета его распространения на территории России.

Данный экстремистский материал и акт провокации можно рассматривать и как спланированную спецоперацию в рамках информационно-политической войны в политической сфере, и как спонтанную информационную атаку, поддерживаемую заинтересованными лицами. Относительно последних категорично нельзя что-либо утверждать, но некоторые черты умышленности прослеживаются достаточно четко.

Если воспринимать этот акт как спецоперацию информационно-психологической войны, то налицо черты спецоперации, направленной на дестабилизацию ситуации в международном масштабе через информационный повод, созданный искусственно, — через фильм. Если же действие воспринимать как спонтанную информационную атаку, то ее характеризуют следующие черты:

а) наличие насилия как формы взаимодействия (психологическое насилие — манипулирование массовым сознанием — и, как следствие, физическое — антиамериканские протесты с жертвами);

б) фильм представляет собой информационно-психологическую операцию (организационную форму оказания воздействия);

в) с точки зрения степени опасности это атака, поддерживаемая заинтересованными лицами.

Приведем весомый аргумент, подтверждающий факт влияния «этнических и религиозных предпринимателей» на группы с целью акцентирования межгрупповых различий и разжигания ксенофобии. Согласно А. Попову, механизм группового манипулирования как инструмент консолидации этнических и религиозных групп в ходе межгрупповых конфликтов состоит из трех стадий:

- «—эмоциональная актуализации ксенофобии;
- практическая ориентация групп;
- моральная легитимизация насилия» [Попов 1997: 283].

Ситуация, связанная с роликом «Невинность мусульман», демонстрирует выполнение следующих стадий группового манипулирования:

— на первой стадии посредством фильма были «задеты чувствительные струны психики человека, затрагивающие честь и достоинство всех представителей» [Паин 2002: 117] исламской конфессии: был дискредитирован образ пророка Мухаммеда и была поставлена под сомнение легитимность ислама как религии;

— на второй стадии произошло разогревание массового сознания пропагандой «народного возмущения»: после показа трейлера по египетскому исламистскому телевидению раздались призывы лидеров различных радикальных движений к массовым акциям протеста (например, лидера радикальной ливанской группировки «Хизбалла» Хасана Насраллы);

— третья стадия находится в «разработке», хотя есть все предпосылки к ее осуществлению: после премьеры прокатились акции протеста и беспорядки, сопровождаемые насилием, которое радикальные исламские круги оправдывают оскорбленными религи-

озными чувствами верующих. Провоцирующая сторона считает, что тем самым дискредитируются идеалы ислама и подтверждается правота концепции фильма, а это позволяет легитимизировать насилие уже по отношению ко всему исламскому миру.

Кто стоит за данной акцией, пока однозначно ответить нельзя, поскольку она выгодна многим. Прежде всего, заказчиками могли выступить определенные силы (например, республиканцы) в США, нуждающиеся в очередном «предлоге» для вторжения на территорию Ливии, Йемена и Египта с «миротворческой операцией». Впрочем, это сомнительно, поскольку у власти в Йемене находится проамериканское правительство, настроенное на взаимодействие с США и Европой для дальнейшего экономического развития своей страны. Возможно, конечно, что это не совсем устраивает США, ведь неоднократно подчеркивалось стремление Америки к однополярной доминации с использованием агрессивных военных действий. Согласно другой точке зрения, подобная акция могла использоваться президентом США Б. Обамой для отвлечения внимания электората от насущных внутренних проблем страны (метод «вспышки», заключающийся в переводе общественного резонанса в иную плоскость) и повышения за счет этого собственного рейтинга. В то же время эта провокация выгодна радикально настроенным исламистским движениям. Цель — спровоцировать США на «прямые» военные действия, свергнуть проамериканское правительство и захватить власть. Примечателен здесь и тот факт, что, когда ролик «Невинность мусульман» появился на сайте «YouTube» в июле, на него никто не обратил внимание. Лишь после перевода на арабский и повторной публикации в Интернете реакция не заставила себя ждать: начались антиамериканские акции с погромами американских посольств по всему арабскому миру и даже в некоторых европейских странах. Выгодна сложившаяся ситуация и Израилю, поддерживаемому США и выступающему против Ирана, поскольку, по мнению премьер-министра Биньямина Нетаньяху, «в стране с ядерным оружием не должны править разного рода фанатики» [Израильяне: оскорбление пророков — тягчайший грех]. Президент Израиля Шимон Перес тоже неоднократно заявлял в своих выступлениях, что «предпринимать какие-либо агрессивные действия в отношении Ирана Израиль не станет минимум до начала ноября, когда в США пройдут президентские выборы, что вызвало в стране настоящий скандал» [Там же].

Но кому бы это ни было выгодно, ясно одно: очередной «пусковой курок» сработал четко и чисто. Такого резонанса в мусульманском мире даже не вызвали даже карикатуры на пророка Мухаммеда, напечатанные в датской газете «Jyllands Posten», а затем перепечатанные рядом других европейских изданий (в сентябре 2005 г.), и карикатуры из французского сатирического еженедельника «Charlie Hebdo» (сентябрь 2012 г.). Эти рисунки спровоцировали лишь ответную реакцию: газета «Аль-Ватан» напечатала 13 карикатур, высмеивающих отношение жителей Запада к мусульманам.

Резонансный фильм «Невинность мусульман» уже вызвал значительные социальные последствия: нанесено оскорбление религиозным чувствам людей, вылившееся в атаки на американские посольства в разных странах, есть уже жертвы — в Ливии убит глава дипмиссии США Кристофер Стивенс и трое сотрудников посольства, в Интернете появляются экстремистского толка комментарии, подстрекающие к тому, чтобы взять оружие в руки и выгнать «черных» с «наших» земель, правительства разных стран пытаются успокоить граждан, религиозные мусульманские лидеры, имамы, призывают уделять внимание более важным проблемам мусульманских общин. К чему бы это ни привело — к войне или тяжелому холодному противостоянию исламского и западного миров, — нужно уже сейчас пытаться найти возможные варианты выхода из конфликтной ситуации. Так, В. Коровин, заместитель руководителя Центра консервативных исследований МГУ, из ряда возможных сценариев развития конфликта с надеждой отмечает третий сценарий, который заключается в «консолидации сторонников многополярности и вынуждении США отказаться от претензий на глобальное господство»; в результате это может привести «мир к гармонии, благоденствию, справедливости, к состоянию, в котором США станут „одним из“. Одним из нескольких полюсов, одним из центров силы. Это мир более справедливый, и такой мир человечество хочет видеть» [«Невинность мусульман» поставила США на распутье...]. Средством осуществления такого гармоничного сценария разрешения конфликта может стать межкультурный диалог с элементами интеграции и с развитием впоследствии деловых отношений. Как отмечает Э. Чернокожева, «стратегия межкультурного диалога ставит перед собой задачу признания „другой“ сто-

роны и ее привлечения к общению», а подобное признание возможно тогда, когда совместно будут использоваться «пространства или „платформы“, в которых возможен свободный и толерантный обмен идеями, опытом и религиозными убеждениями и которые способствуют свободному участию в интерактивной коммуникации» [Чернокожева 2009: 107].

Возможно, такой культурно-религиозный обмен приведет к снижению ксенофобии, разделения на «своих» и «чужих». Однако для этого необходимо, чтобы духовные и политические лидеры не только арабского, но и западного мира сейчас заняли правильную позицию. Как сказано в Коране, «и говори: „Господь мой, прибавь мне знания!“» (сура 20, аят 114).

ЛИТЕРАТУРА

1. Баева Л. В. Экстремизм: природа и формы проявления // Каспийский регион: политика, экономика, культура / Астраханский гос. ун-т. 2008. № 3. С. 21—25.
2. Израильтяне: оскорбление пророков — тяжчайший грех // Биржевой лидер. URL: <http://www.profi-forex.org/news/entry1008138442.html>.
3. Манойло А. В. Государственная информационная политика в особых условиях : моногр. — М. : МИФИ, 2003.
4. «Невинность мусульман» — искра для пороховой бочки («Le Figaro», Франция) // Иносми. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20120913/199110889.html>.
5. «Невинность мусульман» поставила США на распутье: глобальная война или закат империи / Коровин В. // Око планеты. URL: <http://oko-planet.su/politik/politiklist/138690-nevinnost-musulman-postavila-ssha-na-raspute-globalnaya-voyna-ili-zakat-imperii.html>.
6. Паин Э. А. Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 113—124.
7. Попов А. Причины возникновения и динамика развития конфликтов // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / ред. Марта Олкотт, В. Тишков. — М. : Московский центр Карнеги, 1997. С. 273—297.
8. Тагильцева Ю. Р. Локальные информационно-психологические войны: особенности развития в современной России // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 171—176.
9. ФЗ от 25.07.2002 №114 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».
10. Чернокожева Э. Межкультурный диалог: концепты и практические шаги (12.01.11) // Общество, среда, развитие: науч.-теорет. журн. 2009. № 1. С. 105—109. URL: http://www.terrahumana.ru/arhiv/09_01/09_01_10.pdf.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова

УДК 81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.01

А. С. Шатилов A. S. Shatilov

Санкт-Петербург, Россия St. Petersburg, Russia

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ТЕКСТОВ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ
1998, 2007, 2011 ГГ.**

(лексико-стилистический аспект)

Аннотация. Рассматриваются лингвистические характеристики предвыборных материалов (в первую очередь лексический аспект). Предвыборная кампания 1998 г. демонстрирует значительное количество несбалансированных текстов со словами и выражениями негативной семантики. Это свидетельствует о том, что политический язык еще только формировался. Материал кампаний 2007 и 2011 гг. демонстрирует завершение этого процесса.

Ключевые слова: тексты предвыборных кампаний; лексика; отрицательная/положительная оценочность.

Сведения об авторе: Шатилов Андрей Сергеевич, кандидат педагогических наук, доцент.

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.

Контактная информация: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11.
e-mail: shatilovas@mail.ru

**LINGUISTIC CHARACTERISTICS
OF ELECTORAL CAMPAIGN TEXTS
OF 1998, 2007, 2011**

(lexical and stylistic aspect)

Abstract. The focus of the article is on linguistic characteristics of pre-election materials, first of all on their lexical aspects. The first electoral campaign in 1998 gives us a huge number of unbalanced texts where a lot of negative words and expressions were used. It says that political language was still in process of forming at that time while in 2007 and 2011 this process was already finished. Collected data in the article confirm this supposition.

Key words: pre-election texts; lexical aspect; negative/positive words and expressions.

About the author: Shatilov Andrey Sergeevich, Candidate of Pedagogy, Associate Professor.

Place of employment: St. Petersburg State University.

199034, St. Petersburg, University St., 11.

В статье анализируются тексты избирательных кампаний по выборам в Законодательное собрание Санкт-Петербурга 1998 г. и в Государственную думу 2007 и 2011 гг. По хронологии материалы делятся на четыре группы: первые четыре текста (1998 г.) — это обращения отдельных кандидатов в депутаты Заксобрания, следующие три (2007 г.) — предвыборные агитационные материалы партий «Единая Россия», КПРФ и СПС; последнюю группу составляют тексты ведущих политических партий («Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Яблоко», «Правое дело»), соперничавших на выборах в Государственную думу в 2011 г. Мы остановимся только на одном из возможных аспектов рассмотрения — на соотношении в текстах трех типов лексики: нейтральной, негативной и позитивной.

В материалах 1998 г. четко разделяются три характеризуемые группы: а) говорящий (пишущий), его сторонники, их поступки, черты, идеи; описываются исключительно лексикой с позитивной семантикой: *скромные, порядочные люди, профессионалы и трудяги, честные люди, я боролся с беззаконием и злом, я служил своему народу* и т. п.; б) оппоненты кандидата; характеризуются лексикой с резко негативной оценкой: *тайные поступки и преступления депутатов, болтуны и фанфароны, хамство, вранье и ложь, беспредельная жадность и бесприн-*

ципность, словоблудие, бардак, развал и т. д.; в) объекты и факты, не входящие в первые две группы; описываются нейтральной лексикой.

Преобладание лексики с негативной оценкой свидетельствует о конфликтном типе речи, лексики с позитивной оценкой — о стремлении автора сгладить острые углы и представить ситуацию в положительном свете. Очевидно, выбор того или иного типа определяется целями создания текста. На приведенной ниже диаграмме 1 показано количественное соотношение лексики по выбранному параметру в каждом из текстов.

В первом тексте позитивная и негативная лексика преобладает над нейтральной, во втором превалирует позитивная, в третьем — негативная, а в четвертом большая часть лексики относится к нейтральной. Интересно, что именно автор последнего обращения не смог стать депутатом Законодательного собрания, несмотря на грамотно подготовленный текст. Это связано, вероятно, в том числе с тем, что текст перегружен сложными предложениями, терминами, составлен в расчете на высокий интеллектуальный уровень предполагаемой группы избирателей: *власть — не ворующая, всегда выполняющая свои обязательства (в том числе в срок расплачиваясь по долгам), подающая стране положительный пример честности, нравственности и заботы об*

общем деле, пекущаяся о национальных интересах России; россияне, огражденные от любых преступных посягательств на их жизнь, достоинство или имущество независимо от места жительства и национальности.

В других текстах преобладает облегченный синтаксис с простыми констатирующими конструкциями без сложных периодов с разветвленной внутренней связью:

Сегодня в каждую семью пришла настоящая беда. Финансовая катастрофа

затронула всех нас, от мала до велика. Ее корни — в беспредельной жадности одних и беспринципности других. Могу ли я оставаться в стороне, беспечно попивая чаек на свою генеральскую пенсию? Совесть мне этого не позволяет!

Все высокие идеи заканчиваются словоблудием. Надо заниматься небольшими, но конкретными делами. Оказывать помощь простым людям. Надоел тот бардак, который развели. Как можно было такую страну распродать!

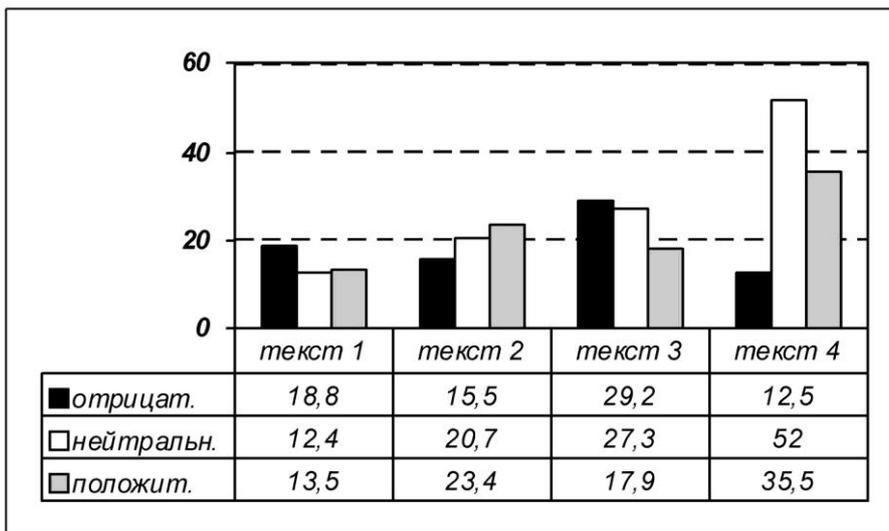

Диаграмма 1

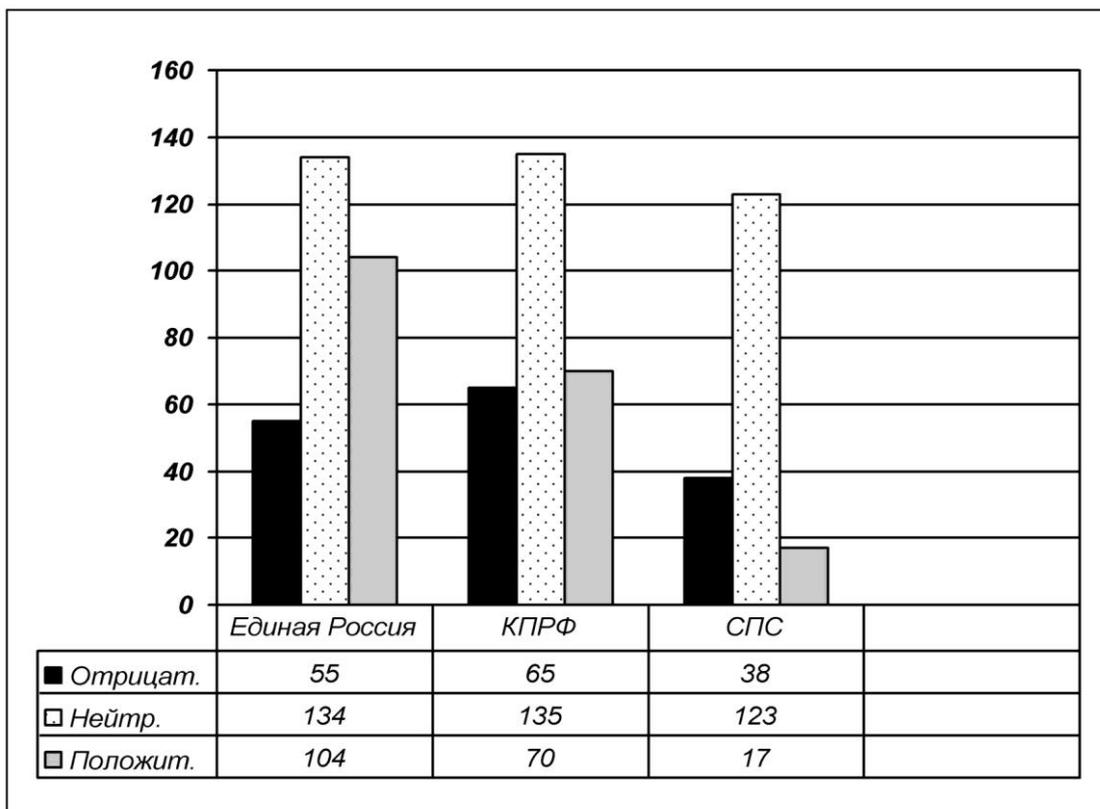

Диаграмма 2

Можно предположить, что разнообразие типов текстов в кампании 1998 г. говорит о несформированности политического языка, в котором, наравне с книжно-письменными вариантами, встречаются разговорно-бытовые и сниженные лексические единицы, синтаксис разнообразен, языковые средства выразительности отличаются резко выраженной оценочностью, как положительной, так и отрицательной. Авторы текстов стремились максимально приблизить их к массовому избирателю, считая его недостаточно подготовленным к восприятию материалов, сложных по структуре и языковым средствам. Отсюда явно просматривающееся «разговорное» начало, обилие сниженной лексики, логические неувязки и т. д.

Обратимся теперь к текстам предвыборной кампании в Государственную думу 2007 г. (материалы взяты с официальных сайтов политических партий). Структурные изменения не столь значительны. По-прежнему выделяются «мы», «они» (чаще всего это «власть» или «силы») и некое нейтральное политическое поле. Однако характеристики лексики изменились. Наглядное представление о соотношении типов лексики дает диаграмма 2.

Произошедший сдвиг свидетельствует, на наш взгляд, об упорядочивании способов выражения, о формировании нейтрального, т. е. стандартного политического языка, в котором оптимальным образом сочетаются лексические единицы различной степени оценочности. Лексика с негативной оценкой в данных текстах, за редкими исключениями, уже не носит характера резкой оценочности, характерной для раннего этапа становления политического языка: *безответственные популистские силы, нагнетать напряженность в обществе, разжигать нездоровые страсти, ввергать страну в смуты и войны, в трагедию русского бунта — бессмысленного и беспощадного, ядовитые семена экстремизма и ксенофобии («Единая Россия»); лишить власти и собственности, рабочих мест и средств к существованию. Труд неуважаем и обесценен, а ра-*

зум отравлен. Людей заставляют жить в постоянном страхе, целеустремленно лишают разума, молодежь оболванивают; большинство народа живет в нищете, растет смертность, снижается продолжительность жизни (КПРФ); ползучий реванш „совка“, КПСС, номенклатуры, КГБ и культа личности (СПС).

Это относится и к лексическим единицам с позитивной оценкой: они в основном черпаются из высокого стиля языка или являются нейтральными, приобретая положительную оценку в определенном контексте: *мы не вправе молчать, залог преуспевания, все позитивное и конструктивное, единая, сильная, современная, цивилизованная, благополучная держава.*

Что касается синтаксиса, то можно констатировать преобладание книжно-письменного способа построения высказывания над устно-разговорным. Обращает на себя внимание использование прецедентных высказываний (*ввергать в трагедию русского бунта — бессмысленного и беспощадного, положить конец этой игре с огнем — «Единая Россия»; так жить нельзя — КПРФ; „совок“, номенклатура, культ личности — СПС*), обилие современных, часто встречающихся в речи политиков словосочетаний (*семена экстремизма и ксенофобии, затянувшийся системный кризис*).

Сравнительный анализ текстов позволяет наметить складывающуюся тенденцию: по мере становления политических структур и стабилизации политической жизни в целом происходит процесс «нейтрализации» оценочности, т. е. утверждения менее экспрессивных способов выражения мыслей, идей и оценки действий и поступков.

Для проверки и подтверждения отмеченной тенденции обратимся к материалам последней предвыборной кампании по выборам в Государственную думу, проходившей в 2011 г. (материалы взяты с официальных сайтов партий и приведены в библиографическом списке после статьи).

Соотношение лексики разных типов в текстах показано на приведенной ниже таблице.

Таблица

Соотношение различных типов лексики в текстах избирательной кампании 2011 г.

Характер лексики	Партия					
	Единая Россия	Справедливая Россия	КПРФ	ЛДПР	Яблоко	Правое дело
с положительной оценкой	49	40	45	28	35	30
нейтральная	197	100	210	326	370	193
с отрицательной оценкой	35	32	35	47	50	146
неполнозначительная (союзы, предлоги, частицы)	30	33	38	90	60	80
Итого	311	205	328	491	515	449

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы. Отмеченная в 2007 г. тенденция к «выравниванию» стилистических различий продолжается в текстах 2011 г. Основной массив слов составляет нейтральная лексика, не обладающая ярко выраженной положительной или отрицательной оценочностью. Можно констатировать также резкое уменьшение слов с отрицательной оценкой, особенно в текстах «классических» партий, к которым относятся «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, в то время как в материалах «новых» партий («Правое дело») число лексем с отрицательной оценкой весьма значительно, существенно превышает показатель в других текстах. Этот факт можно объяснить тем, что для закрепления на политическом поле «новичкам» нужно более четко себя позиционировать, обозначить свое отношение к существующей системе власти, а самый простой путь для этого — критика.

Кратко охарактеризуем каждый из представленных текстов.

Для правящей партии главное консолидировать граждан вокруг себя, поэтому в ее материалах нет противопоставления «мы — они», есть только один член этой оппозиции, «мы», представляемый единым целым (это местоимение встречается 10 раз, слово *Россия* — 3 раза). В качестве противников выступают неперсонифицированные силы: *коррупция, терроризм, произвол чиновников, повседневная бедность, технологическая отсталость, социальное неравенство, несправедливость*. Эта лексика носит абстрактный характер и обычно не вызывает эмоционального и даже рационального отклика у людей из-за многократного использования. Противовесом «силам зла» выступают *великий народ, любимая Родина, величие страны, талант, богатства культуры, общие ценности, инновационная экономика, правовое государство, демократические институты*. Как мы видим, положительно-оценочная лексика тоже весьма абстрактна. Другими словами, образность (и положительная, и отрицательная) нейтрализована, что соответствует общей тенденции к стабилизации языка политики. Примечательно, однако, что в материалах партии «Единая Россия» встречается прецедентное сочетание «единая и неделимая Россия». Эта формулировка была официально зафиксирована еще в Своде законов Российской империи 1912 г. («Государство Российское едино и нераздельно» [Свод... 1912: 1]), а также использовалась для объединения сил Белого движения во время Гражданской войны.

Партии системной оппозиции, такие как «Справедливая Россия», КПРФ и ЛДПР, используют более выразительные лексические единицы. Так, источниками зла для «Справедливой России» являются *олигархи, коррумпированная бюрократия, спекулянты и посредники, беззаконие и коррупция*, которым противостоят *интеллект, талант, труд, профессиональные достижения, достоинство личности и служение своей стране*. Очевидно, что в данном случае на первое место выходят качества отдельной личности, благодаря или вопреки которым развивается государство. Кстати, слово *государство* встречается в материалах «Единой России» только один раз в составе устойчивого словосочетания *правовое государство*; в материалах «Справедливой России» оно тоже употребляется единожды. Авторы предпочитают более «нагруженные» смыслом слова: *страна, Родина, общество, нация*.

В материалах КПРФ обращает на себя внимание явное противопоставление «власть — наша партия», являющееся вариантом традиционной оппозиции «они — мы». Для обозначения власти используется сочетание *правящий режим*, которое имеет однозначно отрицательную коннотацию. Этот режим *транжирит, разбазаривает богатства, беспощадно уничтожает производственный потенциал, разрушает школу, дебилизирует население „зомби ящиком“*. КПРФ же имеет *ясные цели, политическую волю, дееспособную политическую команду*. Мы наблюдаем преобладание сниженной, разговорной лексики с отрицательной оценкой, в построении фраз явно прослеживается известный риторический прием градации, т. е. постепенного усиления выразительности. Ключевыми словами являются *Россия* и *страна*: они встречаются по 6 раз. Слово *государство* не употребляется вообще, зато встречаются такие единицы, как *СССР, Советская власть* и *Советская Держава*.

Для материалов ЛДПР характерна структурообразующая роль инфинитивных конструкций, выражающих модальный смысл «нужно» или «необходимо»: *продать статус, принять акт, защитить страну от мигрантов, вести активное распространение русской языковой культуры* и т. д. Подобного рода построения придают высказыванию категоричность, играют роль утверждения, требования, даже приказа. Отрицательно-оценочная лексика имеет небольшой перевес над положительно-оценочной (47 против 28 единиц), зато количество нейтральной лексики значительно превышает

ет средние показатели других текстов. Слово *русский* в различных комбинациях встречается 22 раза, слово *Россия* — 9 раз, слово *государство* — один раз. Отмечается трансформация известной триады *православие — самодержавие — народность*, принимающей в трактовке ЛДПР следующий вид: *православие — общинность — русское самосознание*.

Для партии «Яблоко» всегда было характерно преобладание книжно-письменной лексики, что наблюдается и в текстах 2011 г., в которых встречаются такие единицы, как *выгодоприобретатель, залоговый аукцион, компенсационный налог, налогообложение, неправосудные решения* и т. д. 81 % лексики в материалах этой партии приходится на единицы нейтральные, безоценочные. Это самый высокий показатель по всем рассмотренным текстам, что соответствует стремлению к преобладанию книжно-письменного стиля. Изредка встречаются слова разговорного стиля, например *кормушка, мигалка*, но они заключаются в кавычки, как выпадающие из общего стиля. Слова с положительной оценкой составляют 7,5 %, с отрицательной — 11 %. Самыми частотными единицами являются *мы, граждане, требуем, за, против, чиновники*. В тексте не встречаются прецедентные имена или фразы, а также образные единицы.

В материалах новой политической силы — партии «Правое дело» — обращает на себя внимание соотношение лексики: из 449 слов 30 — единицы с положительной оценкой, 146 — с отрицательной, 193 — нейтральные, 80 — остальные. По количеству отрицательно-оценочных единиц «Правое дело» лидирует. Приведем некоторые из подобных слов: *произвол бюрократии, чудовищная коррупция, крайне низкий уровень услуг так называемой бесплатной медицины, деградация нашей среды обитания*. Несмотря на резкие оценки, выражающая их лексика относится к нормативной, т. е. находится в рамках книжно-письменного стиля. Очевидно, это связано с тем, что новые партии

появляются в условиях, когда общественно-политический язык уже сформировался и приходится следовать существующим нормам публичной речи. В начале формирования публичного политического языка (в середине 1990-х гг.) вновь создаваемые партии и движения позволяли себе многочисленные отступления от языковых и этических норм, в том числе оскорбительные, унижающие достоинство политических конкурентов высказывания. В настоящее время это практически невозможно.

Таким образом, проведенный анализ продемонстрировал, что по мере формирования общественно-политических институтов общества (партий, общественных движений и т. д.) способы выражения оценки в письменных текстах «нейтрализуются». На уровне лексики это выражается в изменении соотношения слов с ярко выраженной положительной или отрицательной оценками: их количество значительно уменьшается, преобладающей становится нейтральная лексика.

ЛИТЕРАТУРА

1. *ЛДПР* — программа партии // Региональный портал Ненецкого АО : сайт. URL: <http://www.info83.ru/programmy/ldpr-programma-partii>.
2. *Правое дело* — программа партии // Региональный портал Ненецкого АО : сайт. URL: <http://www.info83.ru/programmy/pravoe-delo-programma-partii>.
3. *Программа* партии на выборы в Государственную Думу РФ // Пермское краевое отделение КППФ : сайт. URL: <http://kprf.perm.ru/programma-partii-navyiboryi-v-gosudarstvennuyu-dumu-rf/>.
4. *Программное обращение* партии // Единая Россия : офиц. сайт партии. URL: <http://er.ru/party/program>.
5. *Свод Основных Государственных Законов*. — СПб. : Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. Т. 1, ч. 1. Разд. 1, ст.1.
6. *Справедливая Россия* : офиц. сайт политической партии. URL : <http://spravedlivo.ru>.
7. *Яблоко* — программа партии // Региональный портал Ненецкого АО : сайт. URL: <http://www.info83.ru/programmy/yabloko-programma-partii>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. В. Химик

Е. В. Шустрова Е. V. Shustrova
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**АВТОРСКАЯ ТРАКТОВКА ОБРАЗА БОГА
В АФРОАМЕРИКАНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ
ДИСКУРСЕ XVIII—XX ВВ.**

**REPRESENTATION OF GOD
IN AFRICAN AMERICAN LITERATURE
OF XVIII—XX C.**

Аннотация. Рассматривается трактовка образа Бога в афроамериканской литературе в диахроническом аспекте (XVIII—XX вв.). Анализируются ранние афроамериканские автобиографии, произведения Ф. Дугласса, П. Данбара, У. Э. Б. Дюбуа, Дж. Джонсона, С. Брауна, Л. Хьюза, Дж. Тумера, З. Н. Херстон, Р. Райта, Р. Эллисона, Дж. Болдуина, М. Анджело, Т. Моррисон и др.

Abstract. The aim of the article is to show diachronically how the notion of God has been represented in African American literature (XVIII—XX c.). The analysis is based upon works of former slaves, F. Douglass, P. Dunbar, W. E. B. Du Bois, J. Johnson, S. Brown, L. Hughes, J. Toomer, Z. N. Hurston, R. Wright, R. Ellison, J. Baldwin, M. Angelou, T. Morrison, etc.

Ключевые слова: концептуальная метафора; дискурс; афроамериканская диаспора; афроамериканская литература.

Key words: conceptual metaphor; discourse; African American Diaspora; African American literature.

Сведения об авторе: Шустрова Елизавета Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка.

About the author: Shustrova Elizaveta Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the English Language.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, к. 459.
e-mail: shustovaev@mail.ru.

Описанию дискурса с точки зрения когнитивной лингвистики посвящено немало работ. Это неслучайно, потому что «в дискурсе содержится нечто большее, чем в слове, поскольку единицей, образующей дискурс, является фраза, а не отдельное слово... мы не можем построить теорию метафоры, основываясь на слове; для того чтобы построить теорию метафоры, необходимо учитывать роль предиката, приписываемого субъекту, то есть борьбу между субъектом и предикатом во фразе. ... Метафора рождается из конфликта, из той напряженности, которая возникает в результате соединения слов во фразе. Вот почему следует обратиться к единице более высокого уровня, чем слово, — к дискурсу» [Рикер 1995: 101—102].

Одним из ведущих образов для любой культуры, и соответственно для дискурса, является воплощение божественного начала. В рамках данной статьи мы проследим, как был представлен образ Бога в афроамериканской литературе начиная с самых первых работ и заканчивая произведениями середины и конца XX в.

Первыми афроамериканскими письменными источниками принято считать [см., напр.: Gates 1988] автобиографии бывших рабов, появившиеся в конце XVIII и начале XIX в. Самыми известными из них стали следующие романы: «A Narrative of the Most

Remarkable Particulars in the Life of James Albert Ukawsaw Gronniosaw, An African Prince, As Related <во втором издании — Written> by Himself» [Gronniosaw 1770; 1970], «A Narrative of Lord's Wonderful Dealings with John Marrant (Quobna Ottobah Cugoano), A Black, Written by Himself» [Marrant 1785; 1973], «The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, the African, Written by Himself» [Equiano 1789; 1969], «The Life, History & Unparalleled Sufferings of John Jea, the African Preacher. Compiled & Written by Himself» [Jea 1815<?>; 1970], «Gifts of Power: the Writings of Rebecca Jackson, Black Visionary, Shaker Eldress» [Jackson 1830; 1981].

Одним из главных образов, представленных во всех первых работах афроамериканцев, становится Говорящая Книга (Библия). Этот образ воплощает первое испытание африканца, попавшего в новые условия, а именно осознание своей неграмотности и неспособности обращаться к белому Богу.

[My master] used to read prayers in public to the ship's crew every Sabbath day; and when I first saw him read, I was never so surprised in my life, as when I saw the book talk to my master, for I thought it did, as I observed him to look upon it, and move his lips. I wished it would do so with me. As soon as my master had done reading, I followed him to the place where he

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 — «Политическая метафорология»)

© Шустрова Е. В., 2012

put the book, being mightily delighted with it, and when nobody saw me, I opened it, and put my ear down close upon it, in great hopes that it would say something to me; but I was very sorry and greatly disappointed, when I found that it would not speak. This thought immediately presented itself to me, that every body and every thing despised me because I was black [Gronniosaw 1970: 4—5].

And he [Atahualpa] desired to know where Valverde had learned things so extraordinary. In this book replied the fanatic Monk, reaching out his breviary. The Inka opened it eagerly, and turning over the leaves, lifted it to his ear: This, says he, is silent; it tells me nothing; and threw it with disdain to the ground [Marrant 1973: XIX—XXIII].

Трепет перед Богом переносится и на Библию. Непочтительное обращение с Книгой Книг не может не навлечь божественного гнева, и во всех хрониках такие случаи заканчиваются гибелью виновного.

I was reading a book that I was very fond of, and which I frequently amused myself with, when this person snatched it out of my hand, and threw it into the sea. But, which was very remarkable, he was the first that was killed in our [first military] engagement. I don't pretend to say that this happened because he was not my friend; but I thought it was a very awful providence, to see how the enemies of the Lord were cut off [Gronniosaw 1970: 11].

Следующее испытание — обретение дара владения письменным словом. При этом европейский язык воспринимается как язык-посредник, несущий высшую Истину, Слово Божье. Все автобиографии афроамериканцев содержат подробное описание мук и усилий, людей, поделившихся своим знанием, малейших обстоятельств, сопутствовавших обучению. Автор либо прямо указывает, либо весьма прозрачно намекает, что обретение им знания — это проявление милости Господа. Нередко это описывается как чудо, внезапно дарованное свыше.

...the Spirit of the Lord brought this passage of Scripture to my mind, where Jesus Christ says, „Whatsoever, ye shall ask the Father in my name, ye shall receive. Ask in faith nothing doubting: for according unto your faith it shall be unto you. For unto him that believeth, all things are possible.“ Then I began to ask God in faithful and fervent prayers, as the Spirit of the Lord gave me utterance, begging earnestly of the Lord to give me the knowledge of his word, that I might be enabled to understand it in its pure light, and be able to speak it in the Dutch and English languages [Jea 1989: 106—107].

And these words were spoken in my heart, „Be faithful, and the time shall come when you

can read and write“. These words were spoken in my heart as though a tender father spoke them. My tears were gone in a moment... One day I was sitting finishing a dress in haste and in prayer. This word was spoken in my mind, „Who learned the first man on earth?“ „Why, God“. „He is unchangeable, and if He learned the first man to read, He can learn you“. I laid down my dress, picked up my Bible, ran upstairs, opened it, and kneeled down with it pressed to my breast, prayed earnestly to Almighty God if it was consisting to His holy will, to learn me to read His holy word. And when I looked at the word, I began to read. And when I found I was reading, I was frightened — then I could not read one word. I closed my eyes again in prayer and then opened my eyes, began to read. So I done, until I read the chapter.... So I tried, took my Bible daily and praying and read until I could read anywhere [Jackson 1981: 107].

Если учесть, что обучение рабов письму и грамоте было запрещено законом и служило основанием для штрафных санкций, то можно понять, почему владение письменным словом воспринималось не иначе как чудо.

В продолжение религиозной темы следует упомянуть еще о двух особенностях, присущих первым хроникам афроамериканцев. Первая состоит в том, что понимание Бога соответствует традиционным европейским представлениям. Эта тенденция сливается с острым желанием афроамериканца самому внешне походить на европейца, перенять его манеру одеваться, говорить и поклоняться белому Богу. Вторая черта, присущая этим текстам, — желание познать не только слово европейского Бога, но и его природу. Прямое указание на эти поиски мы обнаруживаем в гимне Дж. Джи:

*I need not tell thee who I am;
My misery and sin declare:
Thyself has call'd me by my name;
Look on thy hands, and read it there:
But who I ask thee, who art thou?
Tell me thy name, and tell me now....
Wilt thou not yet to me **reveal**
Thy new unutterable name?
Tell me, I still beseech thee, tell;
To know it now, resolv'd I am:
Wrestling I will not let thee go,
Till I thy name, thy Nature know*

[Jea 1989: 38].

Итак, познание сути Бога пролегал для афроамериканца через имя Божье. (Здесь нам следует вспомнить о традиционных для африканцев тайных именах, являющихся своего рода ключом и доверенных лишь по-

священным.) Этим, на наш взгляд, объясняется настойчивое, многократное повторение имени Бога, прямое обращение к нему — еще одна характерная черта первых афроамериканских автобиографий.

На следующем этапе развития афроамериканского литературного дискурса, в середине XIX в., эти базовые черты в несколько измененного виде переходят в автобиографические романы Ф. Дугласса [Douglass 1962; 1963; [1855], 1968]. Образ книги сохраняется, но претерпевает серьезные изменения. Во-первых, Ф. Дугласс, утверждая в первом романе свое право на наследие белого отца, а позднее — на ум своей матери-афроамериканки, не может позволить себе описаний наивных попыток говорить с Библией, и хотя обращение *God Almighty* по-прежнему присутствует, обретение грамотности уже не божественное чудо, а результат кражи и кропотливой работы, Библию же заменяет словарь и прописи Вебстера:

I then commenced and continued copying the Italics in Webster's Spelling Book, until I could make them all without looking on the book. By this time, my little Master Thomas had gone to school, and learned how to write, and had written over a number of copy-books. These had been brought home, and shown to some of our near neighbour, and then laid aside. My mistress used to go to class meeting at the Wilk Street meetinghouse every Monday afternoon, and leave me to take care of the house. When left thus, I used to spend the time in writing in the spaces left in Master Thomas's copy-book, copying what he had written. I continued to do this until I could write a hand very similar to that of Master Thomas. Thus, after a long, tedious effort for years, I finally succeeded in learning how to write [Douglass 1963: 64]. ...all the education I possess, I may say, I have stolen while a slave. I did manage to steal a little knowledge of literature, but I am now in the eyes of American law considered a thief and robber, since I have not only stolen a little knowledge of literature, but have stolen my body also [Там же: 6].

Во-вторых, в прозе Ф. Дугласса впервые в истории афроамериканской литературы появляется образ песни как одного из проявлений Господа. С образом песни сливается описание обретения голоса и своего Я, а вместе с ними и свободы. Позднее Ф. Дугласс пишет, что голос обретается в большей мере через устную, а не письменную речь.

Speech! Speech! The live, calm, grave, clear, pointed, warm, sweet, melodious, and powerful human voice is [the] chosen instrumentality of social reform. While writing served

its purpose, some matters were of such urgency that the spoken word was demanded. Humanity, justice and liberty demand the service of the living human voice [Douglass; цит. по: Gates 1987: 106].

Это замечание не случайно и является следствием влияния устной традиции афроамериканской диаспоры, согласно которой Высшее Слово передается из уст в уста при помощи метафор, намеков, подлежащих истолкованию. Интересно отметить, что эта мысль проводится одновременно с обретением голоса образом матери в последнем романе [Douglass 1968]. Как при описании семьи, так и при описании голоса для Ф. Дугласса на первый план выходит наследие Африки, в отличие от ранних афроамериканских авторов, пытавшихся приблизиться к европейскому образцу.

1890—1910 гг. в афроамериканской литературе связаны с именами П. Данбара, Дж. У. Джонсона, У. Э. Б. Дюбуа. В этот период образ книги исчезает и его место прочно занимает голос, песня, музыка: *Oh, hit's sweetah dan de music / Of an educated band; / An' hit's dearah dan de battle's / Song o' triumph in de lan'. / It seems holier dan evening' / When de solemn chu'ch bell rings.* Параллельно с этим развиваются и библейские образы, традиционные для европейской культуры (*lak a blas' f'om Gab'el's hon, Moses, Pher'oh, Hebrew chillun*). Ритм шагающих ног и звуки трубы связаны синекдохальными отношениями с приходом Мессии: *But de Moses is a-comin', / An' he's comin', suah and fas' / We kin hyeah his feet a-trompin', / We kin hyeah his trumpit blas'.* В качестве примера синекдохы можно также привести слезы и вздохи, связанные с жизнью диаспоры (ср. у П. Данбара: «An Ante-Bellum Sermon», «We Wear the Mask», «Sympathy»), голос как символ поэта (ср. у П. Данбара «The Poet», «Prometheus»). В то же время плач и голос — это вновь проявления Божественного начала. Яркий пример такого слияния понятий голоса, песни, диаспоры и Бога дает следующий контекст, взятый из поэмы Дж. У. Джонсона «O Black and Unknown Bards»: *O black and unknown bards of long ago, / How came your lips to touch the sacred fire? / How, in your darkness, did you come to know / The power and beauty of the minstrel's lyre? / Who first from midst his bonds lifted his eyes? / Who first from out the still watch, lone and long, / Feeling the ancient faith of prophers rise / Within his dark-kept soul, burst into song?*

Heart of what slave poured out such melody / As „Steal Away to Jesus“? On its strains / His spirit must have nightly floated free, / Though still about his hands he felt his chains. /

Who heard great „Jordan roll“? Whose starward eye / Saw **chariot** „swing low“? And who was he / That breathed that comforting, melodic sigh, / „**Nobody Knows de Trouble I See**“?

What merely living clod, what captive thing / could up toward God through all its darkness grope, / And find within its deadened heart to sing / These songs of sorrow, love, and faith, and hope? / How did it catch that subtle undertone, / That note in music heard not with the ears? / How sound the elusive reed so seldom blown, / Which stirs the soul or melts the heart to tears?

Not that great German master in his dream / Of harmonies that thundered amongst the stars / At the creation, ever heard a theme / Nobler than „**Go Down, Moses**“. Mark its bars, / How like a mighty trumpet-call they stir / The blood. Such are the notes that men have sung / Going to valorous deeds; such tones there were / That helped make history when Time was young. <...> / You sang a race from wood and stone to Christ [Johnson; цит. по: Gates 1997: 769—770].

Так в очередной раз проявляется смешение африканских и европейских черт.

В произведениях У. Э. Б. Дюбуа упоминание Бога и Его окружения отходит на второй план. Первое место отводится голосу и песне как символу свободы, обретения своего Я, будущего диаспоры, что отчасти напоминает автобиографии Ф. Дугласса.

Free, free as the sunshine trickling down the morning into these high windows of mine, free **as yonder fresh young voices** welling up to me from the caverns of brick and mortar below — swelling with song, instinct with life, tremulous treble and darkening bass [Du Bois 1989: 187].

I am the smoke king, / I am black. / I am the smoke king, / I am black. / **I am darkening with song**, / I am hearkening to wrong; / I will be as black as blackness can, / The blacker the mantle the mightier the man! / For blackness was ancient ere whiteness began [Du Bois; цит. по: Gates 1997: 612—613].

В течении «Гарлемский ренессанс» (*Harlem Renaissance*, 1920—1929 гг.) ведущее место занимают С. Браун, Л. Хьюз, Дж. Тумер и З. Н. Херстон. Что касается поэзии С. Брауна, то в отличие от У. Э. Б. Дюбуа он возвращает в контекст частое обращение к библейским и историческим сюжетам. Иллюстрацией может служить поэма «Memphis Blues», где проводится аналогия между Ниневией, Тиром, Вавилоном, Мемфисом в Египте и городом с одноименным названием в США.

Nineveh, Tyre,
Babylon,

Not much lef'
Of either one.
All dese cities
Ashes and rust,
De win' sing sperrichals
Through deir dus'...
Was another Memphis
Mongst de olden days,
Done been destroyed
In many ways....
Dis here Memphis
It may go;
Floods may drown it;
Tornado blow;
Mississippi wash it
Down to sea —
Like de other Memphis in History

[Brown; цит. по: Gates 1997: 1112—1116].

Песня и голос как элементы «черной» культуры обычно реализуются в произведениях С. Брауна при помощи своеобразной мелодики стиха, напоминающей мелодии блюза, спиричуэлс и монотонных рабочих песен. Ритм часто задается по модели *aaba*, характерной для афроамериканских фольклорных баллад. Широко используется вопросно-ответный обмен репликами, присущий афроамериканским церковным службам и тесно связанный с устной традицией. Опора на две культуры прослеживается особенно четко, когда С. Браун чередует в одном стихотворении отрывки, написанные на стандартном английском и афроамериканском варианте (см., напр., «Strong Men»). Вплетение афроамериканского песенного материала усиливает впечатление от аллегории или тропов метафорической группы («Ma Rainey»).

Л. Хьюз также использует в качестве аллюзии строки популярных в диаспоре спиричуэлс. Одновременно Л. Хьюз возвращает и прямое название Бога.

Then I'll shout, Glory for the / Freedom Train! / I'll holler, Blow your whistle, / Freedom Train! / **Thank God-A-Mighty!** Here's the / Freedom Train! / Get on board our Freedom Train! [Hughes 1990: 278].

Jesus, lover of my soul! / Hail, Mary, mother of God! / **Let me to thy bosom fly!** / Amen! Hallelujah! / **Swing low, sweet chariot**, / Coming for to carry me home. / Sunday morning where the rhythm flows, / how old nobody knows — / yet old as mystery, / older than creed, / basic and wondering / and lost as my need. / Eli, eli! ... **Christ!** [Там же: 256].

Привлечение реального песенного материала в 1920-х гг., с одной стороны, было вызвано намерением провести ряд аналогий, напоминавших о чередующихся страданиях и грядущем избавлении, с другой — не следу-

ет забывать, что эти мелодии были в большой моде, их многократного повторения требовала белая публика. Именно они часто символизировали всю афроамериканскую культуру. Поэтому их использование в художественных произведениях афроамериканцев в начале XX в. считается неперенным атрибутом, без которого лирика и проза не могут быть по-настоящему «черными». Не избежал этого и Л. Хьюз, чье творчество было под патронажем белых спонсоров — людей, часто искренне заинтересованных в судьбе афроамериканских писателей и художников, но слишком прямолинейно связывавших творчество афроамериканской диаспоры с музыкой джаза, спиричуэлс и звуками ударных инструментов.

Гораздо сложнее образ Бога, представленный в прозе и стихах Дж. Тумера. Очень важным, на наш взгляд, является аллегоричный образ немого и слепого проповедника, вплетенный Дж. Тумером в канву пьесы «Kabnis». Это символ невозможности выразить свою мольбу так, чтобы она была принята Богом, отсутствия способности узреть и понять Божественную суть.

Slave boy whom some Christian mistress taught to read the Bible. Black man who saw Jesus in the ricefields, and began preaching to his people. Moses- and Christ words are used for songs. Dead blind father of a muted folk who feel their way upward to a life that crushes or absorbs them. (Speak, Father!) Suppose your eyes could see, old man. (The years hold hands. O Sing!) Suppose your lips... Halsey, does he ever talk? [Томер; цит. по: Gates 1997: 1161].

Этот персонаж возвращает нас к теме ранних афроамериканских произведений, к образам немого (в силу своей неграмотности) негра и Говорящей Книги. Кстати, если обратиться к началу пьесы, мы легко проследим тему отречения от Бога и Божественного Слова и череду последующих несчастий, характерные для афроамериканских автобиографий и разобранные нами выше. Не случайна и тема слепоты, которая впоследствии будет широко представлена в афроамериканской литературе. В рассматриваемый период она только впервые заявлена.

В отличие от прозы, в стихах Дж. Тумер использует образ не только Христа или Троицы, но и африканского божества, символизирующий отход от верований и культуры Африки, их преобразование и слияние с понятиями европейской цивилизации: *African Guardian of Souls, / drunk with rum, / feasting on a strange cassava, / Yielding to new words and weak palabra / Of a white-faced sardonic god — / Cries, cries? Amen, / Shouts hosanna*

[Томер; цит. по: Gates 1997: 1105].

В произведениях З. Н. Херстон («Mules and Men», «Their Eyes Were Watching God», «Dust Tracks on a Road», «Tell My Horse», «Moses, Man of the Mountain», «Seraph on the Suwanee» и др.) Бог просто называется и служит полюсом, по направлению к которому происходит развертывание образа голоса. Способность к внешней речи и ее обретение символизируют познание Бога, что вновь напоминает нам определенные черты ранних афроамериканских произведений.

Нечто подобное наблюдается и в прозе Р. Райта — автора волны 1940—1960-х гг., традиционного относимого к течениям реализма, натурализма и модернизма. Так, у Р. Райта Имя Божье упоминается в основном напрямую, в речи женщин и священников, выступающих в качестве либо символа возможного спасения, либо знака обреченности. Так же место Бога может занимать Страх. В то же время возможна и ассоциация с близким, любящим человеком, готовым понять и простить. Это уже пение прихожан в церкви, что возвращает нас к понятию голоса.

*The singing from the church vibrated through him, suffusing him with a mood of sensitive sorrow. He tried not to listen, but it seeped into his feelings, **whispering** of another way of life and death, **coaxing** him to lie down and sleep and let them come and get him, **urging** him to believe that all life was a sorrow that had to be accepted* [Wright 1993: 293]. *It [the singing] had a center, a core, an axis, a heart which he needed but could never have unless he laid his head upon a pillow of humility and gave up his hope of living in the world. And he would never do that* [Там же: 294].

Для Р. Эллисона, другого прозаика волны 1940—1960-х гг., само упоминание имени Бога или Христа становится метафорой молитвы или метонимией веры в Господа [Ellison 1992: 93, 114]. Это может быть и аллегоричное упоминание надежды на лучшее.

They don't want the world, but only Jesus. They only want Jesus, just fifteen minutes of Jesus on the rug-bare floor... How about it, Mr. Law? Do we get our fifteen minutes' worth of Jesus? You got the world, can we have our Jesus? [Ellison 1992: 272].

Фигура священника связывается с обреченностью, перенесенными обидами, унижением [Там же: 121, 252]. Этот же образ выступает в качестве одного из символов невидимости [Там же: 486—489]. Мрачные описания священника дополняет сравнение умирающего с молящимся [Там же: 429]. Такая трактовка образа священника в контексте прозы Р. Эллисона дополнительно слу-

жит своеобразной аллюзией на пьесу Дж. Тумера «Kabnis», упомянутую выше, что позволяет проследить преемственность ранней афроамериканской прозы, сочинений периода Гарлемского ренессанса и произведений волны 1940—1960-х гг.

Еще одним ярким представителем течения реализма в афроамериканской литературе по праву считается Дж. Болдуин. Повторяя мысль Г. Гейтса, можно сказать, что творчество Дж. Болдуина — это слияние риторики проповеди, повествующей о грехе, проклятии и раскаянии, с лирикой блюза, спиричуэлс и традиционных афроамериканских духовных песнопений [Gates 1997: 1651]. Все вместе это создает прозу, которая дает очередной интересный пример смешения «черных» и «белых» черт.

При введении образа Бога в произведениях Дж. Болдуина преобладает модель «человек — Бог». Понятие «человек» реализовано в трех основных архетипах: отец, ребенок, музыкант. Образ отца всегда несет отрицательную коннотацию и связан с Богом карающим, не способным на прощение, милость.

And his father approached. „I'm going to beat sin out of him. I'm going to beat it out.“ All the darkness rocked and wailed as his father's feet came closer; feet whose tread resounded like God's tread in the garden of Eden, searching the covered Adam and Eve [Baldwin 1985: 197].

Здесь, несомненно, проявились детские воспоминания автора. К подобным контекстам тесно примыкают и модели метафорической связи между распутным проповедником и Князем Тьмы.

She, who had been the living proof and witness of their daily shame, and who had become their holy fool — and he, who had been the untamable despoiler of their daughters, and thief of their women, their walking prince of darkness! [Baldwin 1985: 109]

Образ ребенка, сына, на наш взгляд, больше напоминает образ Иисуса. Подобно Сыну Божьему, страдавшему на земле, ребенок, подросток — сын человеческий — превозмогает себя, побеждает свои слабости, обретает свою молитву, песню, Бога Отца.

And he walked, and he was again on the edge of a high place, but bathed and blessed and glorified in the blazing sun, so that he stood like God, all golden, and looked down, down, at the long race he had run, at the steep side of the mountain, in white robes, singing, the elect came [Baldwin 1985: 110—112].

С песней, звуком, молодым человеком связана и третья модель — «музыкант — Бог».

Well, I really don't know how they stood it.

Isabel finally confessed that it wasn't like living with a person at all, it was like living with sound. And the sound didn't make any sense to her, didn't make any sense to any of them — naturally. They began, in a way, to be afflicted by this presence that was living in their home. It was as though Sonny were some sort of god, or monster. He moved in an atmosphere which wasn't like theirs at all. They fed him and he ate, he washed himself, he walked in and out of their door; he certainly wasn't nasty or unpleasant or rude. Sonny isn't any of those things; but it was as though he were all wrapped up in some cloud, some fire, some vision all his own; and there wasn't any way to reach him [Baldwin 1979: 162].

В метонимических контекстах имя Божье прямо не называется. Бог проявляется в слове, речи, музыке, пути. На наш взгляд, это очередной пример слияния европейской и африканской религиозных традиций. Согласно последней, Слово — это Тайна, имя высшего божества, незримого *Nommo*, которое нельзя произносить вслух. В то же время сам образ Бога соответствует традиционным христианским представлениям и понятию первичности Слова.

Аллегория представлена четырьмя денотатами, которые вполне традиционны:

- 1) родители — высшая сила, Бог (для ребенка);
- 2) верующие, община — солдаты, армия Бога; вера — венец, Царствие Божье;
- 3) облегчение страданий, принятие решения — приход Господа;
- 4) награда или испытание — крест.

[ср.: Baldwin 1985: 14, 17, 54, 59, 61, 114—115, 152; Baldwin 1993: 41, 230, 311 и др.].

Следует отметить, что в канву повествования всех романов Дж. Болдуина в качестве основного символа Бога вплетаются образы слова, воды и женщины, которые могут существовать и изолированно, и взаимосвязано (сплетение обычно реализуется ближе к концу романа), подобно Троице: каждый образ наполнен своим смыслом и в то же время является частью (синекдохой) единого целого.

При разговоре о реализации голоса и звука как понятий, тесно связанных с образом Бога, необходимо упомянуть, что у рассматриваемого автора звуки музыки и речи противопоставляются. Так, сравнение и метафора используются Дж. Болдуином для создания образных связей «музыка — проклятие, приговор, угроза, отказ от Господа» и «голос, слово — предупреждение, выход из тупика, обретение Бога».

При использовании музыкальных звуков

для автора не важно, светскую или духовную музыку он описывает. В любом случае, в метафорической группе этот образ реализуется в ситуации крайнего внешнего и внутреннего напряжения, ожидания подвоха, гибели, глубокого раскаяния, осознания своих неудач, поиска выхода. Музыка сеет отчаяние, панику, угрозу: *The music was loud and empty, no one was doing anything at all, and it was being hurled at the crowd like a malediction in which not even those who hated most deeply any longer believed* [Baldwin 1993: 5]. ...then another cry, another dancer; then the tambourines began again, and the voices rose again, and the music swept on again, like fire, or flood, or judgment [Baldwin 1985: 15]. This note of despair, of buried despair, was insistently, constantly struck. It stalked all the New York Avenues, roamed all the New York streets [Baldwin 1993: 230]. They keep you here because you're black, <...> while they go around jerking themselves off with all that jazz about the land of the free and the home of the brave. And they want you to jerk yourself off with the same music, too, only, keep your distance. Some days, honey, I wish I could turn myself into one big fist and grind this miserable country to powder [Там же: 351].

Голос и слово, напротив, становятся символом прощения, любви, примирения, обретения Бога. Особая роль здесь отводится понятию перевода (*to translate, translation*), разгадке тайных скрытых смыслов — четкая печать афроамериканской литературной традиции и легенд о Боге-посреднике Езу и Обезьяне-Оракуле (*Signifyin' Monkey*), чья миссия — толкование Слова Высшего Божества. Этому способствует и применение эпитета *the living word*.

I don't remind him of his mother at all, and he knows that, but he also knows that I know how much he loved her: how much he wanted to love her, to have that translation read [Baldwin 1988: 20]. He was waiting-suddenly, helplessly — for what was already known to be translated, to enter reality, to be born [Там же: 49]. It means that you have a body, too. You will live with this forever, and it will spell out the language of your life [Там же: 57]. [Ср.: Baldwin 1985: 57, 129; 1988: 63; 1979: 173, 174; 1993: 212.]

Метонимия, напротив, сближает образы звуков музыки и человеческого голоса. Музыка и пение в ряде контекстов еще несут отрицательную коннотацию и связываются с опасностью, обвинением, предчувствием трагичной судьбы, но в то же время выступают символами веры, истинного пути, любви [ср.: Baldwin 1985: 45, 58, 116; 1993: 313 и др.]. Понятие песни и пения в метонимиче-

ской группе связывается с радостью бытия, единения с диаспорой, семьей, обретением общих воспоминаний [ср.: Baldwin 1985: 66, 71, 97]. Те же связи демонстрируют понятия слова и голоса [ср.: Baldwin 1985: 60, 204; 1979: 171, 173—175 и др.]. Молчание же прочно связывается с отчаянием и отказом от веры, близких, возможности спасения: *He turned the corner and Gabriel listened as his footfalls moved away. They were swallowed up in silence; he heard no voices raised to cut down Royal as he went his way; soon there was silence everywhere* [Baldwin 1985: 143]. *Were the lash, the dungeon, and the night for him? And the sea for him? And the grave for him? ... Fear was upon him, a more deadly fear than he had ever known, as he turned and turned in the darkness, as he moaned, and stumbled, and crawled through darkness, finding no hand, no voice, finding no door* [Там же: 205].

В примерах аллегии музыка и речь уже становятся единым целым. Большинство аллегоричных контекстов связывают звук с ощущением радости от долгожданного единения с Творцом, новой жизнью, благословением. Познание и прозрение — это открытие книги на небесах: *„I didn't know either,“ Eric said. He smiled. „What a funny day this is. It begins with revelations.“ „They're opening up,“ said Vivaldo, „all those books in heaven“* [Baldwin 1993: 388].

Однако есть и примеры достаточно мрачных описаний лишений, боли, испытаний, ниспосланных для проверки твердости духа Путника, сопровождаемых различными звуками, голосами [ср.: Baldwin 1985: 194, 218 и др.]. В качестве дополнительных образов, способствующих более полному раскрытию образа Бога, Дж. Болдуин вводит описания пути, венца, жезла, кнута и ворот (врат).

К сожалению, литературные произведения нередко несут отпечаток сиюминутных требований. Не стала исключением и афроамериканская литература. В период 1960—1970-х гг. в задачу лидеров диаспоры входило создание произведений, которые были бы функциональны с точки зрения воздействия на массовое сознание общины, заставляли бы людей участвовать в акциях сопротивления властям. Так появилось движение «черного искусства».

В сжатой форме его основные принципы можно сформулировать так:

- 1) использование простых языковых средств, в частности афроамериканского варианта английского языка;
- 2) использование возможностей традиционных афроамериканских и африканских музыкальных произведений;
- 3) приближенность формы изложения к

проповеди;

- 4) отсутствие сложной символики, аллюзий на европейскую литературу, абстрактных философских размышлений, ремарок;
- 5) введение африканских образов;
- 6) раскрытие темы борьбы за свои права, сопротивления властям.

В результате получился очень недолговечный продукт, который Л. Хьюз, Р. Райт, Р. Эллисон, Дж. Болдуин называли «черным бредом», «афроамериканской демагогией», «регрессом», «уходом от единых для всего человечества норм в искусстве, понятий прекрасного». В самом деле, отказ от уже сформировавшейся системы тропического и концептуального развертывания афроамериканского литературного текста, попытки использовать псевдо-африканские образцы без учета реального положения дел в недавно сформированных африканских государствах и особого вникания в смысл африканских легенд, обрядов, музыки приводят к массовому появлению в печати, продаже, на полках таких произведений, которые иначе как вздором и не назовешь. Способствовали этому и требования политического момента в совокупности с коммерческим интересом американских издательств к литературе радикального толка.

Возвращаясь к развитию образа Бога, отметим, что в литературе этого времени отсутствуют образы Христа, Троицы и предпринимаются попытки вернуться к языческим образам, часто искусственным и наигранным, не понятным афроамериканскому большинству. Так появились популистские произведения А. Бараки, Н. Джиованни, Э. Найт, С. Санчез. Из всех вышеперечисленных авторов немного особняком, как и приличествует потомственному священнику-баптисту, стоит М. Л. Кинг, но и в его речах библейские образы используются обычно в качестве аллюзий, простых традиционных аллегорий.

*It's alright to talk about „long white robes over yonder,“ in all of its symbolism. But ultimately people want some suits and dresses and shoes to wear down here. It's alright to talk about „streets flowing with milk and honey,“ but God has commanded us to be concerned about the slums down here, and his children who can't eat three square meals a day. It's alright to talk about **the new Jerusalem**, but one day, God's preacher must talk about the New York, the new Atlanta, the new Philadelphia, the new Los Angeles, the new Memphis, Tennessee. This is what we have to do* [King; цит. по: Gates 1997: 1856].

Звуковые параллели с жизнью проводятся вопреки всему, вопреки расправам, силой *Nommo* — Слова как символа «черного»

континента.

And it seemed a long time and a long journey, with the voices behind him [Baraka; цит. по: Gates 1997: 1883].

Дорога и путь понимаются не как способ достижения Бога, а как необходимость бороться, искать единение, помнить о трагедиях прошлого.

Now is the time to rise from the dark and desolate valley of segregation to the sunlit path of racial justice [King; цит. по: Gates 1997: 1862]. *The decade after your death docked like a spaceship on a new planet. Voyagers all we were. We were **the aliens** walking up the '70s, a holocaust people on the move looking out from dark eyes. A thirsty generation, circling the peaks of our country for more than a Pepsi taste. We were youngbloods, spinning hip syllables while saluting death in a country neutral with pain* [Sanchez; цит. по: Gates 1997: 1904]. *That decade fell like a stone on our eyes. Our movements. Rhythms. Loves. Books. Delivered us from the night, drove out the fears keeping some of us hoarse. New births knocking at the womb **kept us walking*** [Sanchez; цит. по: Gates 1997: 1906].

Подобная трактовка образа Бога противоречила не только христианским понятиям, столь прочно вошедшим в афроамериканский дискурс, но и уже сформировавшимся традициям афроамериканского литературного текста. Поэтому афроамериканская литература конца XX в. вновь возвращается к атмосфере первых автобиографий, романтики Дж. Тумера, З. Н. Херстон, прозы Дж. Болдуина. Выстраивается, восстанавливается единая цепь авторов, образов, непрерывная череда слов, своего рода литературная молитва.

В качестве примера литературы нового времени мы выбрали произведения М. Анджелоу и Т. Моррисон. Бог представлен у М. Анджелоу опосредованно, через образы слова, пути и природы, а также в ряде традиционных аллегорий [см.: Angelou 1969: 23; 1994: 239]. Параллельно в произведениях используется название Бога, обращение к нему, описание служб, проповедей, молитвы [Angelou 1969: 39—40]. Активно эксплуатируются соотношения «голос/звук» и «дорога/путь». Комплексное понятие «голос/звук/песня/слово» изображается с помощью преимущественно тихого грустного образа, напоминающего блюз как использованной ритмикой, так и подбором лексических средств. В контекстах М. Анджелоу данное образование связано со следующими основными сферами-мишенями.

Во-первых, это Бог, Иисус [ср.: Angelou 1969: 100]. Вздохи, плач, воспринимаемые как лебединая песня, грустное прощание —

второй перенос, построенный на словесно-ассоциативных связях: *Tears / The crystals rags / Viscous tatters / of a worn-through soul. / Moans / **Deep swan song** / **Blue farewell** / Of a dying dream* [Angelou 1994: 16].

Третьей сферой-мишенью являются чувства, эмоциональные состояния, преимущественно связанные с утратой любви. В данном случае параллель проводится с криками боли, похоронной и церковной музыкой. Такая связь призвана передать жестокость мира, обреченность истинных чувств: *When love is a shimmering curtain / Before a door of chance / That leads to a world in question / Wherein the macabrous dance / Of bones that rattle in silence / Of blinded eyes and rolls / Of thick lips thin, denying / A thousand powdered moles, / Where touch to touch is feel / And life a weary whore / I would be carried off, not gently / To a shore / Where love is **the scream of anguish** / And no curtain drapes the door* [Angelou 1994: 23]. *Bitterness thick on / A rankling tongue, / **A psalm to love that's / Left unsung**. / Rivers heading north / But ending South, / **Funeral music** / **In a going-home mouth**. / All riddles are blues, / And all blues are sad, / And I'm only mentioning / Some blues I've had* [Там же: 184].

Сам человек (женщина) ассоциируется с шумом осенних листьев, ритмами, мелодиями стиха, «растрепанными вздохами»: *Wait for me, watch for me. / My spirit is the surge of open seas. / Look for me, ask for me, / I'm **the rustle in the autumn leaves**. / When the sun rises / I am the time. / When the children sing / I am **the Rhyme*** [Angelou 1994: 151]. *Discard the fear and what / was she? Of rag and bones / a mimicry of woman's / fairy-ness / Archaic at its birth. / Discharge the hate and when / was she? **Disheveled moans** / a mimesis of man's / estate / deceived for its worth. / Dissolve the greed and why / were they? Enfeebled thrones / a memory of mortal / kindness / exited from this earth* [Там же: 93].

Наконец, жизнь и будущее воспринимаются как говорящая песня, мелодия начала: *My life has been one great big joke, / A dance that's walked, / **A song that's spoke*** [Angelou 1994: 29; ср.: Angelou 1994: 187—188].

Отдельно выделим упоминание звука шуршащей кожи, шелеста, напоминающего о змее. В данном случае автор стремится передать, с одной стороны, процесс собственного возрождения, перевоплощения, начало нового цикла, а с другой — связь своей красоты с легендой о Еве и змии-искусителе. Такое прочтение встречается и у многих других афроамериканских авторов, включая Т. К. Бамбару, Т. Моррисон, Э. Уоркер.

Beneath my left / breast, two perfect identi-

*cal punctures, / through which I claim / the air I breathe and / **the slithering sound of my own skin** / moving in the dark* [Angelou 1994: 240].

Образ дороги контаминирует представления о пути и Иисусе и основывается на библейских образах путника и Сына, встречающего человека на его пути к Слову, Прозрению, Богу Отцу: *Momma wouldn't talk right then, but later in the evening I found that my violation lay in using the phrase „by the way“. Momma explained that „**Jesus was the Way, the Truth and the Light**“, and anyone who says „by the way“ is really saying, „by Jesus“, or „by God“, and the Lord's name would not be taken in vain in her house* [Angelou 1969: 100]. ***Stony the road we trod / Bitter the chastening rod / Felt in the days when hope, unborn, had died. / Yet with a steady beat / Have not our weary feet / Come to the place for which our fathers sighed?*** [Angelou 1994: 179].

У другой современной афроамериканской писательницы, Т. Моррисон, как и в современной афроамериканской литературе в целом, прямое упоминание Бога Ветхого и Нового Заветов, равно как Троицы и Христа, отходит на второй план. Божественная сфера заявлена опосредованно, через молитвы афроамериканок и образ Божественной десницы — метафоры счастья на земле, в супружестве и т. д. [ср.: Morrison 1996: 118, 130—131]. Окказиональное использование метафор «белые одежды» и «нимб» (*wearing a white robe, a halo*) рисует устоявшийся в американской лингвокультуре ироничный образ чересчур благочестивого, слишком заботливого человека [Morrison 1993: 153]. При использовании образов данной группы автор предпочитает проводить аналогии с властителем, лидером, королем и дьяволом, вводя фигуру отца или взрослого сильного афроамериканца — отца семейства, с которым вступает в антагонизм или, напротив, которым восхищается молодой афроамериканец, подросток, сын: *And he had interfered. Wasn't that the history of the world? Isn't that what men did? Protected the frail and confronted **the King of the Mountain?** And the fact that the frail was his mother and the King of the Mountain his father made it more poignant, but did not change the essential facts* [Morrison 1993: 75]. *The father of the family lifted the melon high over his head — his big arms looked taller than the trees to Cholly, and the melon blotted out the sun. Tall, head forward, eyes fastened on a rock, his arms higher than the pines, his hands holding a melon bigger than the sun, he paused an instant to get his bearing and secure his aim. <...> **It must be the devil who looks like that** — holding the world in his hands, ready to dash it to the ground*

*and spill the red guts so niggers could eat the sweet, warm insides. If the devil did look like that, Cholly preferred him. He never felt anything thinking about God, but just the idea of the devil excited him. And now **the strong, black devil** was blotting out the sun and getting ready to split open the world [Morrison 1996: 134].*

Образ Бога становится более завуалированным и последовательно подается через соотнесение с голосом, звуком, песней, словом, дорогой и путником, а также через ряд природных образов. Звуковые образы представлены уже в названии произведений Т. Моррисон — романах «Song of Solomon» и «Jazz». Сплошная выборка словоупотреблений из всех семи романов данного автора позволяет говорить о трех векторах развития звуковых (и параллельно божественных) образов в следующих метафорических группах: человек, эмоциональное состояние и время.

Для афроамериканского художественного дискурса второй половины XX в. характерна общая тенденция к изменению протагониста. Подобные черты наблюдаются и в прозе Т. Моррисон, поэтому голос, звук, песня и слово становятся в первую очередь частью женского мира. Одновременно это направление позволяет читателю вспомнить о прозе З. Н. Херстон, Э. Уоркер, Т. Бамбары, передающих право голоса из уст протагониста-мужчины, вынужденного на время замолкнуть по воле автора, в уста женских персонажей, часто униженных и, казалось, навсегда утративших голос под гнетом обрушившихся трагедий. У Т. Моррисон один из главных персонажей — это не просто страдавшая женщина, а в первую очередь молодая женщина, погибшая в результате расовых или любовных перипетий. Дух такой героини становится «именем звука, графикой буквы», «языком, звучанием речи», которые будят возлюбленного, произносятся его имя: *I am **the name of the sound** / And **the sound of the name**. / I am **the sign of the letter** / And **the designation of the division** [Morrison 1992: 1].*

В романе «Jazz» в ряде контекстов подбор языковых средств напоминает о «Призраке оперы»: *I have to alter things. I have to be a shadow who wishes him well, like the smiles of the dead left over from their lives. I want to dream a nice dream for him, and another of him. Lie down next to him, a wrinkle in the sheet, and contemplate his pain and by doing so ease it, diminish it. I want to be **the language** that wishes him well, **speaks his name**, **wakes** him when his eyes need to be open [Morrison 1992: 161].*

В другом романе, «Beloved», призрак до-

чери становится смехом, частью от смеха матери, что позволяет автору передать нерасторжимое родство двух душ, изобразить память после смерти, навязчивость трагичных воспоминаний. Читатель узнает о том, что призрак действительно был дочерью Сет, что поддерживается графикой лексем, выбранных автором: написание слова *laughter* очень похоже на *daughter*.

*In the night I hear chewing and swallowing and laughter it belongs to me she is **the laugh** I am **the laughter** [Morrison 1996: 212]. Watch out for her; she can give you dreams. / She chews and swallows. / Don't fall asleep when she braids your hair. / She is **the laugh**; I am **the laughter**. / I watch the house; I watch the yard. / She left me. Daddy is coming for us. / A hot thing [Morrison 1996: 216].*

Смех здесь также и библейская аллюзия, основанная на легенде о рождении долгожданного ребенка у Сарры и Авраама: *God has brought me **laughter**, and everyone who hears about this will **laugh** with me [Bible, Gen. 19: 35].* Эта аллюзия напоминает, как любим был малыш. В то же время по легенде рождение Исаака принесло беды и изгнание эфиопке Агари и ее сыну Исмаилу, от которого якобы произошел африканский род [Bible, Gen. 14: 11; 19: 35]. Это намек о рождении ребенка, которому суждено утешить одних и принести несчастье другим.

Так смех становится одновременно и женщиной, и ее радостными и мучительными переживаниями, ибо «смех всегда серьезен, он гораздо сложнее и серьезнее слез» [Morrison 1992: 113]. Эта трагичность, ожидание бед выражены эпитетом при помощи связи с образом песни, «поющих глаз» (*her singing eyes*), по отношению к женскому образу — матери, поющей о бедах минувшего так, как будто она предвидит их. Парадоксально, но ее пение заставляет детей верить, что нет ничего слаще боли и горя, ставших частью афроамериканского бытия и дискурса [Morrison 1996: 25].

Со звуком щелкающих пальцев для Т. Моррисон связан образ супружеской пары, пережившей все беды и размолвки в 1920-е гг.: *I wonder, do they know they are **the sound of snapping fingers** under the sycamores lining the streets? [Morrison 1992: 226].*

С одной стороны, это напоминание о характерных танцевальных движениях и звуках. С другой стороны, сочетание этой метафоры с описанием величественных платанов, а также вторичное значение глагола *to snap* — «фотографировать» в стандартном английском и «быстро двигаться в танце» в афроамериканском английском, и устойчивое сочетание *to snap one's fingers at smb.* —

‘пренебрегать кем-либо, презрительно относиться к кому-либо’, используемое в обоих вариантах, позволяют автору создать образ старой расплывчатой фотографии, никому не нужной и всеми позабытой, напомнить о трагедиях, которые казались столь яркими и звучными, а теперь замерли, превратились в прах перед вечным движением природы, вневременным образом Бога.

Когда используется прием олицетворения, женские черты отступают на второй план, и автор создает либо образ музыки-возлюбленного, который вздыхает, ласкает, утешает, умоляет жить или грешить, либо образ жадного, агрессивного существа, сексуального и порочного, готового принести в жертву своим страстям и себя, и другого.

*She knew from sermons and editorials that it wasn't real music — just colored folks' stuff: harmful, certainly; embarrassing, of course; but not real, not serious. Yet Alice Manfred swore she heard a complicated anger in it; something hostile that disguised itself as flourish and roaring seduction. But the part she hated most was its appetite. Its longing for the bash, the slit; a kind of careless hunger for a fight or a red ruby stickpin for a tie — either would do. It faked happiness, faked welcome, but it did not make her feel generous, this juke joint, barrel hooch, tonk house, music. It made her hold her hand in the pocket of her apron to keep from smashing it through the glass pane to snatch the world in her fist and squeeze the life out of it for doing what it did and did and did to her and everybody else she knew or knew about. Better to close the windows and the shutters, sweat in the summer heat of a silent Clifton Place apartment than to risk a broken window or a yelping that might not know where or how to stop [Morrison 1992: 59]. Alice Manfred had worked hard to privatize her niece, but she was no match for a City seeping music that begged and challenged each and every day. „Come,“ it said. „Come and do wrong“ [Morrison 1992: 67]. **The music** bends, falls to its knees to embrace them all, encourage them all to live a little, why don't you? Since this is the it you've been looking for [Morrison 1992: 188]. In the church especially did these dreams grow. **The songs** caressed her, and while she tried to hold her mind on the wages of sin, her body trembled for redemption, salvation, a mysterious rebirth that would simply happen with no effort on her part [Morrison 1996: 113].*

Вторая линия прослеживается и при олицетворении слов, звуков речи, которые становятся алчными, бесшабашными, распущенными хулиганами, злыми божками, не позволяющими забыть прошлое. В этой же роли может выступать и письменное слово,

проза, роман.

They are greedy, reckless words, loose and infuriating, but hard to dismiss because underneath, holding up the looseness like a palm, are the drums that put Fifth Avenue into focus [Morrison 1992: 60; ср.: Morrison 1996: 211].

В то же время слова, особенно в речи афроамериканок, предстают танцорами, следующими определенному ритуалу, а именно танцу вопросно-ответной фольклорной традиции. Здесь следует вспомнить об определенных религиозных ритуалах, соблюдаемых в диаспоре по сей день.

Their conversation is like a gently wicked dance: sound meets sound, curtsies, shimmies, and retires. Another sound enters but is upstaged by still another: the two circle each other and stop. Sometimes their words move in lofty spirals; other times they take strident leaps, and all of it is punctuated with warm-pulsed laughter — like the throb of a heart made of jelly. The edge, the curl, the thrust of their emotions is always clear to Frieda and me [Morrison 1996: 15; ср.: Morrison 1993: 165].

Смех становится пожирателем души и уверенности в себе, сулит новые беды как логичное и неизменное продолжение череды былых несчастий [Morrison 1994: 76, 274]. Примыкает к этой трактовке и звук барабана, в частности при исполнении похоронного марша, но в данном случае это еще и напоминание о маршах протеста и похоронах жертв погромов [Morrison 1992: 60]. Молчание и тишина замирают с бьющимся сердцем, чтобы смениться хохотом женщины, много повидавшей на своем веку и не страшщейся неотвратимости беды [Morrison 1993: 39].

Сфера-мишень «эмоциональное состояние» представлена в метафорической группе образами «колыбельной горя», что утешает и убаюкивает подростка [Morrison 1996: 139]. Безуспешные попытки отказаться от любви, предначертанной судьбой, рвутся подобно струне [Morrison 1982: 219—220]. Забывание близких, отход от семьи предстают как угасание мысли, последние отрывки звуков, фраз перед погружением в сон [Morrison 1996: 127].

В метонимической группе данное направление связывается со звуками и описанием музыкальных инструментов, которые несут правду, истину, призывают к борьбе, становятся частью воспоминаний о трагедиях и гибели близких: *She stood there, the hand of the little girl in her own, staring into each cold face that passed. **The drums** and the freezing faces hurt her, but hurt was better than fear and Alice had been frightened for a long*

time [Morrison 1992: 54]. *The damage done was total. She spent her days, her tendril, sap-green days, walking up and down, up and down, her head jerking to **the beat of a drummer** so distant only she could hear [Morrison 1996: 204]. *The pieces of Cholly's life could become coherent only in the head of a musician. Only those who talk their talk through **the gold of curved metal**, or in the touch of **black-and-white rectangles and taut skins and strings** echoing from wooden corridors, could give true form to his life [Morrison 1996: 159].**

Песня фигурирует в описаниях любви, надежды, милых сердцу воспоминаний, причем исключительно в жизни афроамериканцев. В то же время звуки классической музыки, в частности скрипичных концертов, связываются с образом белых персонажей и картинами грустных размышлений и тревог. Смех становится частью похорон, метонимией избавления. Это все разные обличья Бога.

„I made that **song** up,“ said Sethe. „I made it up and sang it to my children. Nobody knows that **song** but me and my children.“

Beloved turned to look at Sethe. „I know it,“ she said [Morrison 1994: 177].

That was over fifty years ago, and still his most vivid dreams were the red rusty Baltimore of 1921. The fish, the trees, **the music**, the horses' harnesses [Morrison 1982: 61].

The greenhouse was sunk in **violins** and Valerian, seated at a seed bench, did not hear Sydney enter [Morrison 1982: 285].

Важную роль выполняют звуки женского голоса и телодвижений, которые символизируют начало новой жизни, возрождение мужчины, приход любви и обретение веры в себя. В то же время голос, имеющий мужскую окраску, появляется в жизни измученной девочки-подростка как отголосок желанного возлюбленного — Смерти, который в реальности приходит только как потеря рассудка. Это вновь две стороны божественной сути.

Before the engines was **the forgotten sound of a woman's voice** — so new and welcoming it broke his dream life apart. He woke thinking of a short street of yellow houses with white doors which women opened wide and called out, „Come on in here, you honey you,“ their laughter sprawling like a quilt over the command [Morrison 1982: 6]. „I envy you,“ said **the second voice**, but it was farther away now, floating upward and accompanied by **footsteps** on stairs and **the swish of cloth** — corduroy against corduroy, or denim against denim — **the sound only a woman's thighs could make**. A delicious autumn invitation to come in out of the rain and curl up by the stove [Morrison 1982: 6]. He was a simple Presence,

an all-embracing tenderness, with strength and a promise of rest. It did not matter that she had no idea of what to do or say to the Presence — after the wordless knowing and the soundless touching, her dreams disintegrated. But the Presence would know what to do. She had only to lay her head on his chest and he would lead her away to the sea, to the city, to the woods... forever [Morrison 1996: 113].

Так Т. Моррисон разрабатывает оппозицию «мужчина — женщина», которые в большинстве ее произведений остаются антагонистами. И только женщине, теперь наделенной даром голоса, дано обратиться к Богу и слиться с ним в молитве или смерти.

Еще одна сфера-мишень — это время, в частности прошлое, которое становится сломанной заезженной пластинкой, в чьих бедах застревают игла проигрывателя, не давая двигаться вперед. Избавиться от навязчивой мелодии смерти можно только перепрыгнув через призраки воспоминаний: *I was so sure it would happen. That the past was **an abused record** with no choice but to repeat itself at the crack and no power on earth could lift the arm that held the needle. I was so sure, and they danced and walked all over me [Morrison 1992: 220].*

Первые вступительные ноты могут получать и положительный, и отрицательный коннотативный компонент, становясь первыми звуками гимна при упоминании полдня в своем зените, радости пробуждения, весны или началом похоронного плача, если речь идет о предчувствии недоброго, отсутствии привычных элементов: *The bits of Sunday dresses that he saw did not fly; they hung in the air quietly, like the whole notes in the last **measure of an Easter hymn** [Morrison 1993: 173]. Meridian. The sound of it opens the windows of a room like the first four notes of a **hymn** [Morrison 1996: 81—82]. But the unquar-reled evening hung like the first note of a **dirge** in sullenly expectant air [Morrison 1996: 41].*

Для аллегории Т. Моррисон преимущественно привлекает сферу-источник «песня и пение», которая отождествляется с надеждой, обращением к Богу, судьбой. При этом если в метафорической группе даром молитвы обладает женщина, то в аллегорических связях эта функция переходит к детям (вновь девочкам).

„We have to do it right, now. We'll bury the money over by her house, so we can't go back and dig it up, and we'll plant the seeds out back of our house so we can watch over them. And when they come up, we'll know everything is all right. All right?“ „All right. Only let me **sing** this time. You say the magic words“ [Morrison 1996: 192].

Песня же становится даром возлюблен-

ного, который своим пением связывает во-едино женщину и ее судьбу — аллюзия, призванная напомнить о пьесах А. Уилсона, его раскрытию темы Бога и связи божественного начала с песней и музыкой.

*He was responsible for that. Emotions sped to the surface in his company. Things became what they were: drabness looked drab; heat was hot. Windows suddenly had view. And wouldn't you know he'd be a **singing man** [Morrison 1994: 39]. He came big, he came strong, he came with yellow eyes, flaring nostrils, and he came with his own **music** [Morrison 1996: 114].*

Отличие в том, что если у А. Уилсона поющий мужчина приближен к фигуре Бога и помогает чуду действительно совершиться, то у Т. Моррисон все заканчивается гораздо трагичнее, и песня мужчины — только прелюдия к страшным поворотам судьбы, встрече со страшным ликом Бога.

Сферы-мишени «человек» и «состояние (эмоциональное или физическое)» переходят и в метафорические модели со сферами-источниками «дорога», «путь», «путник». Рисуя человека, автор делает упор на описание физических черт, часто с негативной коннотацией.

Путник у Т. Моррисон нередко предстает утомленным, удрученным, измученным. Пожилые, изработавшиеся негротянки несут на головах груз мира, дети припадают к обочине дороги жизни, оплакивая погибших матерей. Отвергнутый друг, принадлежащий к другому поколению, чем его подруга, чуждый молодежи времени джаза, изображен как чужеземец, потерявшийся в темноте танцевального зала, человек, поклоняющийся иному божеству, исповедующий другую религию.

*Then they were old. Their bodies honed, their odor sour. Squatting in a cane field, stooping in a cotton field, kneeling by a river bank, they **had carried a world on their heads** [Morrison 1996: 139]. You let them go wanting, **sit on road shoulders**, crying next to their dead mothers [Morrison 1996: 181]. Oh, the room — the music — the people leaning in doorways. Silhouettes kiss behind curtains; playful fingers examine and caress. This is the place where things pop. This is the market where gesture is all: a tongue's lightning lick; a thumbnail grazing the split cheeks of a purple plum. Any throwaway lover in wet unlaced shoes and a buttoned-up sweater under his coat is **a foreigner** here. This is not the place for old men; this is the place for romance [Morrison 1992: 192].*

Молодой мужчина, поднявший руку на своего отца, не понимающий своих родителей, становится изгоем, которому ни с кем

не по пути, странником, торящим свою тропу, отказавшимся от прежнего Бога. Он же изображается как препятствие в жизни сестры, черта, которую она намерена переступить: „Looks like everybody's going in the wrong direction but you, don't it?“ Milkman swallowed. He remembered that long-ago evening after he hit his father how everybody was crammed on one side of the street, going in the direction he was coming from. **Nobody was going his way** [Morrison 1993: 106]. He just wanted **to beat a path away from his parents' past**, which was also their present and which was threatening to become his present as well. He hated the acridness in his mother's and father's relationship, the conviction of righteousness they each held on to with both hands [Morrison 1993: 180]. As surely as my name is Magdalene, you **are the line I will step across**. I thought because that tree was alive that it was all right. But I forgot that there are all kinds of ways to pee on people [Morrison 1993: 214].

В то же время усталый путник — сердце ребенка находит приют, обретает дом в улыбке матери, а молодую пару, полную радостных ожиданий, везет поезд-танцор, готовый разделить их мечты: She smiled then and Denver's heart stopped bouncing and sat down — relieved and easeful **like a traveller who had made it home** [Morrison 1994: 55]. **The train shivered with them at the thought but went on and sure enough there was ground up ahead and the trembling became the dancing under their feet. Joe stood up, his fingers clutching the baggage rack above his head. He felt the dancing better that way, and told Violet to do the same** [Morrison 1992: 30].

К сожалению, призрак дочери, чье сердце так радостно трепетало, будет вынужден опять вернуться в страну мертвых, а поезд привезет молодых супругов в город бед, где нет места светлым божествам. Поэтому общая эмоциональная маркированность данного образа сохраняет трагичный характер. Путь для Т. Моррисон — это в первую очередь испытание, нередко приводящее к смерти.

Данное направление подкрепляется и метонимическими моделями. В одной из них, наиболее яркой, ступени разных лестниц становятся метонимией жизненного пути белой женщины, страданий, стоявших за всеми мнимыми успешными поворотами ее судьбы: *It was always like that: she was gone and other people were where they belonged. She was **going up or down stairs**; other people seemed to be settled somewhere. She was on the two concrete steps of the trailer; the six wooden steps of the hand-built house; the thirty-seven steps at the stadium when she was crowned; and a million wide steps in the house*

of *Valerian Street* [Morrison 1982: 57].

В данном случае мы сталкиваемся и с «белым», и с «черным» элементом, потому что, с одной стороны, модель «путь — жизнь» находит широкое отражение в литературе «белой» Америки, с другой стороны, это аллюзия в стиле *signifyin'*, отсылающая к роману Г. Нейлор «Linden Hills» и одной из главных героинь — мулатке Вилле Прескотт Нидид, ступеням ее жизни и трагедий.

Состояние аффекта, гнева, ревность, воспоминания, размышления, сон становятся кривыми улочками, звериными, горными тропками, трещинами, узкими дорожками, чей единственный выход — насилие и ссора. За всей этой сложной системой вновь прослеживается божественный лик, вернее, отказ от божественной сути, ведущий, как и в самых первых афроамериканских автобиографиях, к нескончаемой череде трагедий.

Sometimes when Violet isn't paying attention she stumbles onto these cracks [Morrison 1992: 23]. *And it may have been that suspicion of personal failure and rejection (plus a smidgen of revenge against Macon) that made her lead her husband down paths from which there was no exit save violence* [Morrison 1993: 64]. *Her mind travelled crooked streets and aimless goat paths, arriving sometimes at profundity, other times at the revelations of a three-year-old* [Morrison 1993: 149].

К теме тягостных воспоминаний примыкает образ рассказа-пути, в который пускаются мать и дочь. Их речь построена в стиле вопросно-ответной традиции — одна начинает, другая в душе подхватывает нить повествования: *Easily she stepped into the told story that lay before her eyes on the path she followed away from the window* [Morrison 1994: 29].

В аллегорической группе автор возвращает нас к теме песни-молитвы, доступной афроамериканке, которая обращается к «Страннику, Что Знает», т. е. Богу: *Standing a little apart from the choir, Ivy sang the dark sweetness that Pauline could not name; she sang the death-defying death that Pauline yearned for; she sang of the Stranger who knew...* [Morrison 1996: 113—114].

Состояние неуспокоенности духа после смерти, метания души призрака, сама гибель подаются через ряд аллегорий как блуждания по воде под мостом. В данном случае автор строит образные связи и намеки на системе древних ассоциаций, связывавших воедино воду, мост и смерть, и английской идиоме *to cross the bridge* — «умереть, отойти в мир иной» [Morrison 1994: 214]. Развивается и вполне европейская трактов-

ка пути, путешествия как жизни, но билет обходится слишком дорого, а само путешествие нельзя назвать благополучным и интересным: *I took one journey and I paid for the ticket, but let me tell you something, Paul D Garner: it cost too much! Do you hear me? It cost too much* [Morrison 1994: 15].

Несмотря на порой слишком трагичный поворот сюжета, основным настроением в творчестве Т. Моррисон становится примирение с собой и Господом. Часто для этого используются природные образы. Эта линия так или иначе развивается во всем афроамериканском дискурсе, присуще это и произведениям Т. Моррисон. На таком фоне невзгоды, потери, горе, утраты принимаются как нечто само собой разумеющееся, а страдание трактуется как коллективная и индивидуальная миссия, высшее предназначение всей диаспоры и отдельного афроамериканца. Отметим, что данные черты характерны и для произведений других современных афроамериканских авторов: Т. МакМиллан, К. Мейджора, Г. Нейлор, М. Харпера. Так замыкается круг, и мы вновь возвращаемся к мотивам ранних афроамериканских произведений, но уже обогащенным стройной системой образов и тропов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рукеп П.* Герменевтика. Этика. Политика : моск. лекции и интервью. — М. : Академия, 1995.
2. *Angelou M.* All God's Children Need Traveling Shoes. — N. Y. : Random House, 1986.
3. *Angelou M.* I Know Why the Caged Bird Sings. — N. Y. : Bantam Books, 1969.
4. *Angelou M.* The Complete Collected Poems of Maya Angelou. — N. Y. : Random House, 1994.
5. *Baldwin J.* Another Country. — N. Y. : Random House, [1962], 1993.
6. *Baldwin J.* If Beale Street Could Talk. — N. Y. : A Laurel Book, [1974], 1988.
7. *Baldwin J.* Go Tell It On The Mountain. — N. Y. : A Laurel Book, [1953], 1985.
8. *Baldwin J.* Just Above My Head. — N. Y. : Dial Press, 1979.
9. *Douglass F.* My Bondage and My Freedom. — N. Y. : Arno Press, [1855], 1968.
10. *Douglass F.* Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American, Written by Himself. — Garden City ; N. Y. : Dolphin Books, 1963.
11. *Douglass F.* The Life and Times of Frederick Douglass. — N. Y. : Cromwell, 1962.
12. *Du Bois W. E. B.* The Souls of Black Folk. — N. Y. ; Toronto ; London ; Sydney ; Auckland : Bantam Books, [1903], 1989.
13. *Ellison R.* Invisible Man. — N. Y. : The Modern Library, 1992.
14. *Equiano O.* The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, the African, Written by Himself. — L. : Dawsons of Pall Mall,

[1789], 1969.

15. *Gates H. L., jr.* Figures in Black. Words, Signs and the «Racial» Self. — N. Y. ; Oxford: Oxford Univ. Pr., 1987.

16. *Gates H. L., jr.* (ed.) The Norton Anthology of African American Literature. — N. Y. ; L. : WW Norton & Company, 1997.

17. *Gates H. L., jr.* The Signifying Monkey. The Theory of African-American Literary Criticism. — N. Y. ; Oxford : Oxford Univ. Pr., 1988.

18. *Gronniosaw J. A. U.* A Narrative of the Most Remarkable Particulars in the Life of James Albert Ukawsaw Gronniosaw, An African Prince, As Related (in 2nd ed. Written) by Himself. — L. : Dawsons of Pall Mall, [1770], 1970.

19. *Hughes L.* Selected Poems of Langston Hughes. — N. Y. : Random House, 1990.

20. *Jackson R.* Gifts of Power: the Writings of Rebecca Jackson, Black Visionary, Shaker Eldress / ed. by J. M. Humez. — Amherst : Univ. of Massachusetts Pr., [1830], 1981.

21. *Jea J.* The Life, History & Unparalleled Sufferings of John Jea, the African Preacher. Compiled & Written

by Himself. — L. : Dawsons of Pall Mall, [1815?], 1970.

22. *Major C.* Juba to Jive. A Dictionary of African American Slang. — N. Y. : Penguin Books, 1994.

23. *Marrant J.* A Narrative of Lord's Wonderful Dealings with John Marrant (Quobna Ottobah Cugoano), A Black, Written by Himself. — L. : Gilbert and Plummer, [1785], 1973.

24. *Morrison T.* Beloved. — N. Y. : Knopf : Random House, 1994.

25. *Morrison T.* Jazz. — N. Y. : Knopf, 1992.

26. *Morrison T.* Love. — N. Y. : Knopf, 2003.

27. *Morrison T.* Paradise. — N. Y. : Knopf, 1998.

28. *Morrison T.* Song of Solomon. — N. Y. : Knopf, 1993.

29. *Morrison T.* Sula. — N. Y. : Knopf, 1986.

30. *Morrison T.* Tar Baby. — N. Y. : Knopf, 1982.

31. *Morrison T.* The Bluest Eye. — N. Y. : Knopf, 1996.

32. *Smitherman G.* Black Talk. Words and Phrases from the Hood to the Amen Corner. — N. Y. : Houghton Mifflin Company, 1994.

33. *Wright R.* Native Son and How «Bigger» Was Born. — N. Y. : Harper Perennial, 1993.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская

УДК 81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.04; 10.02.19

Н. Г. Юзефович N. G. Yuzefovich
Хабаровск, Россия Khabarovsk, Russia

ИНТЕРЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

INTERLINGO-CULTURAL APPROACH TO THE STUDY OF CROSS-CULTURAL POLITICAL DIALOGUE

Аннотация. Обосновывается интерлингвокультурный подход к изучению лингвистических и прагматических закономерностей межкультурной коммуникации. Материалом для исследования служат англоязычные произведения, в которых описывается русская лингвокультура.

Abstract. Interlingo-cultural approach to the study of linguistic and pragmatic regularity of cross-cultural communication is grounded. The material for the study is formed by the books in English where Russian lingo-culture is described.

Ключевые слова: межкультурный политический диалог; лингвокультура; интерлингвокультурная картина мира.

Key words: cross-cultural political dialogue; lingo-culture; interlingo-cultural world mapping.

Сведения об авторе: Юзефович Наталья Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации.

About the author: Natalia Grigorievna Yuzefovich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of English Philology, Institute of Linguistics and Cross-Cultural Communication.

Место работы: Дальневосточный государственный гуманитарный университет.

Place of employment: Far Eastern State University for the Humanities.

Контактная информация: 680000, г. Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68.
e-mail: nataliayuzefovich@rambler.ru.

Исследование межкультурного политического диалога в рамках дискурсивной парадигмы — основная задача политической лингвистики, признанного направления современной науки, сформированного изначально за рубежом [Anderson 1995; Ласвелл 2007; Сериио 2008], известного в отечественном научном мире с последних десятилетий XX в. Сегодня ученые продолжают разрабатывать основные подходы и методы анализа политического общения [См.: Баранов 2003; Будаев, Чудинов 2007; Паршин 2003].

Исследование с другими текстами и функции данного произведения «в системе политических текстов и — шире — в политической жизни страны» [Чудинов 2003: 12].

Основная задача данной статьи — изучение «совокупности дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [Баранов 2003: 245—246]. В центре внимания в настоящем исследовании оказываются тексты официального институционального дискурса (речи политиков, президентские обращения, аналитические статьи и т. п.), позволяющие описать специфику межкультурного политического дискурса, идиолекты его участников.

Внутренняя структура исследований, относящихся к политической лингвистике, достаточно разнопланова, что позволяет говорить о необходимости упорядочения и систематизации задач данной науки и ее методологии: «Политическая лингвистика как раз пребывает в таком состоянии, когда она часто становится предметом рефлексии и нередко воспринимается как исследовательский проект» [Паршин 2003: 126].

Методология исследования основывается на социолингвистическом и прагматическом подходе с применением сопоставительного лингвостилистического и культурологического анализа. Учитывались такие параметры, как ситуация создания текста, позиция автора, восприятие информации другими участниками коммуникации, соотно-

Возможно, установлению системного подхода к рассмотрению явлений может способствовать выделение смежных специализированных «ответвлений». Так, значимость политической метафоры обусловила приоритет анализа метафоричности в контактирующих языках, что предопределило формирование сопоставительной политической метафорологии — современного лингвистического направления исследований, объединяющего эвристику и методику когнитивной и политической лингвистики [Будаев 2010].

© Юзефович Н. Г., 2012

Представляется целесообразным учитывать процессы глобализации, охватившие все сферы жизни, и обратить внимание на формирование языка глобального политического дискурса и тексты, традиционно не входящие в сферу интересов политической лингвистики, дистанцирующейся от пробле-

мы «языков межнационального общения и языков международного общения (мировых языков)» [Чудинов 2003: 12], равно как и от рассмотрения публицистических, научных и художественных текстов. С учетом вышесказанного лингвистические и прагматические характеристики англоязычных произведений, основная функция которых сводится к англоязычной идентификации инолингвокультур, их идейно-политической картины мира и т. п., целесообразно изучать в рамках такого междисциплинарного направления, как *политическая интерлингвокультурология*.

При обосновании данного подхода следует подчеркнуть, что, во-первых, политическое воздействие характерно и для неофициального политического дискурса. Так, рассуждая о стиле официального политического дискурса, Г. Лассвелл подчеркивает, что коммуникация, цель которой состоит в удержании власти, включает «простые и сложные элементы», изменяющиеся соответственно контексту общения, ситуации, где «коммуникация является инструментом власти» [Лассвелл 2007: 176]. Однако в качестве инструмента власти могут использоваться художественная литература и публицистика.

Это особенно очевидно при обращении к политическому дискурсу советского периода, регламентировавшему четкое деление политического лексикона на «буржуазный» (ненаучный) и «социалистический» (единственно правильный). Идеологизация науки, в том числе и лингвистики, проявлялась, например, в том, что признавался только марксистско-ленинский подход, ограничивающий научные исследования. Интересно отметить, что в любых научных работах, в том числе диссертациях, на первом месте в списке использованной литературе указывались труды В. И. Ленина, далее — остальных классиков марксизма, а потом в алфавитном порядке — другие источники. Писателей, осмелившихся высказать мнение, не соответствующее официальной идеологии, исключали из Союза писателей; за суждения, не совпадающие с идеологией власти, лишали гражданства деятелей науки, искусства, литературы. Однако, невзирая на это, диссиденты действовали «против власти» своими работами, публикуя их в «самиздате».

Массовому читателю не были доступны англоязычные произведения о России, включая периодику, например газеты «Times», «Newsweek» и др., находившиеся в так называемом спецхране публичных библиотек Москвы и Ленинграда. Для чтения источников оттуда необходимо было особое разрешение. Об этом, к сожалению, забы-

вают или не знают те лингвисты, которые не занимались подобными исследованиями в советский период, идеализируя советский опыт, но самое главное, — не понимают значимости исследований литературы такого рода для современного межкультурного общения.

Во-вторых, несмотря на то что официальный политический дискурс (речи политиков, обращения и пр.) является институциональным, в реальной жизни «средний» читатель или слушатель не проявляет особого интереса к политической информации. Несомненно, большее воздействие на него оказывают исторические и художественные произведения, публицистика, восприятию познавательной информации которых сопутствуют эстетические функции.

В-третьих, англоязычные тексты, в которых создается картина мира других лингвокультур, являются важным элементом глобального политического диалога. Английский язык в данном случае функционирует как «голос» инолингвокультур, что, несомненно, отражается в его лексике, грамматике, стиле.

Создавая политическую картину мира другого этноса, идентифицируя ее средствами английского языка, автор обращается к многочисленной англоязычной аудитории, воздействует на ее восприятие описываемой культуры. Лексикон описания политической картины мира создает определенный прагматический эффект, определяемый главным образом позицией автора. Формируемые при этом стереотипы укореняются в мировоззрении читателя, который начинает воспринимать сквозь их призму инолингвокультуру.

Всё вышесказанное подтверждает важность исследования политической коммуникации на материале англоязычных произведений, идентифицирующих инолингвокультуры.

Тексты подобного рода являются *интерлингвокультурными*: выполняя посреднические функции, они помогают общению по крайней мере двух лингвокультур — англоязычной и «чужой» (если автор — носитель английского языка) или англоязычной и родной (если автор — представитель какой-либо другой лингвокультуры). Соответственно исследование стиля и закономерностей подобных текстов носит интерлингвокультурологический характер (термин образован на основе слов «интерлингвокультура» [Friedrich 1989; Agar 1994] и «лингвокультурология»). При этом политические функции произведений требуют обращения к методологии политической лингвистики, вследствие чего междисциплинарное научное направление логично обозначить термином *политическая интерлингвокультурология*.

Одной из важных характеристик предлагаемого подхода является исследование главным образом монопольной коммуникации. Традиционно межкультурный диалог рассматривается как межъязыковое посредничество при прямом (непосредственно личном) и/или опосредованном (с использованием различных средств передачи информации) контакте. При этом практически не учитывается общение на английском языке, для участников которого английский не обязательно родной, хотя они владеют им на уровне, позволяющем продуцировать тексты (в устной или письменной форме).

В рамках данного подхода исследуется политический диалог в интерлингвокультурологической парадигме, в соответствии с которой английский язык реализует функцию вторичной культурной ориентации [Кабакчи 1998].

Концепция «политической интерлингвокультурологии» возникла при изучении монопольного межкультурного политического дискурса, в частности диалога «Запад — Россия», основная задача которого — идентификация русской лингвокультуры (*инолингвокультуры* относительно языка-посредника) средствами английского языка, через призму англоязычной политической картины мира. Не вызывает сомнения, что знание русского языка (родного) и английского (иностранного) позволяет установить, насколько точно и адекватно передается наша культура средствами другого языка [Юзефович 2006; Юзефович 2011б]. Вербализуя российскую идейно-политическую картину мира, английский язык выступает средством выражения русскокультурной идентичности.

Ключевую роль в этой ситуации играет выбор способа номинации. К сожалению, исследователи нередко упускают из виду, что однозначное русско-английское или англо-русское переводное соответствие в политическом дискурсе далеко не всегда возможно, так как слово, помимо словарной эквивалентности, может обладать особыми ассоциативными связями, закрепившимися в привычных для социума контекстах. Классическим примером можно считать слова *повстанец* 'участник восстания, партизанского движения' [Ушаков 2000] и *rebel* 'a person who rises in opposition or armed resistance against an established government or leader' [Oxford Dictionary].

Концептуальное содержание слова *rebel* не совпадает с концептом *повстанец*, обладающим позитивными эмоциональными связями в русскокультурной политической картине мира. Поэтому не совсем корректно считать их переводными эквивалентами: вследствие этого несколько деформируется

политическая картина мира английского языка. Подобную номинацию следует рассмотреть в интерлингвокультурной парадигме, в англоязычных политических контекстах. Соответственно перевод требует использования когнитивного подхода, реализуемого при лингвистическом анализе, когда «основной акцент (или акценты) при рассмотрении явления делаются на его участии в познавательных процессах, в обобщении опыта взаимодействия человека с миром, в актах обработки и переработки воспринятого человеком и т. д.» [Кубрякова 2008: 31].

При исследовании англоязычного описания политической картины мира любой лингвокультуры в рамках интерлингвокультурной парадигмы следует учитывать, что лингвокультура показывается через призму «чужого» для нее языка. С позиции английского языка это инолингвокультура, и выбор языковых средств определяется точками соприкосновения контактирующих лингвокультур, отношением к стране, стереотипами, идеологическими установками общества, писателя, издательства и языковой нормой. Наиболее значимую роль играет автор, его идеологическая позиция, уровень билингвальной компетенции (без знания языка культуры невозможно проникнуть в ее суть), фоновые знания, вербализация которых определяется языком.

Эффективный межкультурный диалог обеспечивается интерлингвокультурной личностью, характеризующейся профессиональным билингвизмом, знанием контактирующих лингвокультур и сформированной интерлингвокультурной картиной мира, в рамках которой сопоставляются родная и иноязычная лингвокультуры и реконструируются необходимые для адекватного межкультурного диалога образы, вербализуемые соответствующими средствами номинации [Юзефович 2011а].

Проблемное поле политической интерлингвокультурологии включает исследование англоязычных средств идентификации разнообразных этнических лингвокультур, формирование концептосферы политической картины мира инолингвокультуры в английском языке, идеологически обусловленное семантическое варьирование, вопросы кодификации (лексикографического описания) политических терминов.

Одна из основных объективных потребностей глобального политического общения — унификация базовой терминологии, т. е. кодификация политических универсалий, лексическая контактология и трансфер [Ajdukovich 2010], овладение механизмом актуализации новых концептов, варьирова-

ние семантики привычных, но более не актуальных номинаций и пр.

В рамках предложеного подхода номинации инолингвокультурных политических реалий в английском языке изучаются как факты языка (в лексикографическом описании) и в контекстах реального использования в сопоставительном аспекте с точки зрения контактирующих лингвокультур. При этом определяются закономерности адаптации, вариативность на разных уровнях (семантическом, орфографическом, концептуальном), причины семантической аберрации, негативно воздействующей на эффективность межкультурного диалога, и способы ее элиминирования.

Междисциплинарность описываемого научного направления требует использовать комплексную методологию, включающую метод когнитивно-дискурсивного анализа, дефиниционного и контекстуального анализа, сопоставительного анализа, метод опосредованного наблюдения и экстраполяции [Кабакчи 1998], позволяющую перенести результаты исследования одной лингвокультуры на описание другой, например японской [Юзефович, Бордиловская 2006].

Важными представляются современные методы когнитивной лингвистики, в частности исследование политической концептосферы с помощью когнитивно-матричного анализа, направленного «на изучение многоаспектного знания, которое не является ни стереотипным, ни иерархически организованным. Его цель — выявить и свести воедино в виде когнитивной матрицы различные когнитивные контексты, в рамках которых та или иная языковая единица может получить необходимое осмысление» [Болдырев 2008: 27].

Изучение функционирования глобального английского языка в межкультурном политическом дискурсе на разнообразном эмпирическом материале является важной научной задачей, позволяющей описать политику и язык как две взаимосвязанные сущности с разных сторон, в сопоставлении. Для определения основополагающих направлений жизни государства и мирового сообщества в целом политика обращается главным образом к основному семиотическому коду — языку. Формирование мировоззрения, ценностных установок социума актуализируется не только официальным институциональным политическим дискурсом, но и публицистикой, путевыми заметками и т. п. Межкультурный политический диалог — это не только общение политиков: создавая идейно-политическую картину мира инолингвокультуры средствами английского языка, писате-

ли воздействуют на ее восприятие читателем. Если *мы* знаем, какими *они* нас видят, мы можем предвидеть «зоны непонимания и конфликтности», что способствует эффективному межкультурному политическому диалогу.

Таким образом, интерлингвокультурный подход к изучению глобального английского языка на материале корпуса англоязычных текстов разных жанров с акцентом на политической картине мира инолингвокультуры, этнической идентичности «чужой» культуры позволяет выделить и кодифицировать значимые для межкультурного общения лингвистические и прагматические закономерности, что, несомненно, будет способствовать эффективному межкультурному общению в сфере политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. 2-е изд., испр. — М. : Едиториал УРСС, 2003.
2. Болдырев Н. Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка : сб. науч. тр. — Тамбов, 2008. С. 11—29.
3. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2010.
4. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Методологические грани политической метафорологии // Политическая лингвистика. 2007. № 1 (21). С. 22—31.
5. Кабакчи В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. — СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 1998.
6. Кубрякова Е. С. О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений (пьесы как особые форматы знания) // Принципы и методы когнитивных исследований языка : сб. науч. тр. — Тамбов, 2008. С. 30—45.
7. Лассвелл Г. Стиль в языке политики // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (22). С. 165—176.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — Израиль : Very Ltd., 1994. Электр. изд. // Lingvo x3 : комп. приложение.
9. Паршин П. Б. Метанаучные размышления о политической лингвистике: три подхода к становлению исследовательской дисциплины // Современная политическая лингвистика : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, окт. 2003 г.). — Екатеринбург, 2003. С. 126—128.
10. Серю П. Деревянный язык, язык другого и свой язык. Поиски настоящей речи в социалистической Европе 1980-х гг. // Политическая лингвистика. 2008. № 5 (25). С. 160—167.
11. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. — М. : АСТ, Астрель, 2000. Электр. изд. // Lingvo x3 : комп. приложение.
12. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.

13. Юзефович Н. Г. Русскоязычная политическая лексика советского периода в английском языке : моногр. — Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2006.
14. Юзефович Н. Г., Бордиловская А. В. Японские заимствования в контексте внутренней и внешних культур // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2006. № 4 (12). С. 133—138.
15. Юзефович Н. Г. Интерлингвокультурная языковая личность билингва-посредника межкультурного общения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011а. № 3. С. 159—165.
16. Юзефович Н. Г. Лексика русского политического дискурса в лингвокультурном пространстве английского языка. — Saarbrücken: LAP Lambert Acad. Publ., 2011б.
17. Agar M. Language Shock. Understanding the Culture of Conversation. — N. Y. : William Morrow & Co, Inc., 1994.
18. Ajdukovich J. About the First Volume of a Contactological Dictionary of Slavic Languages. URL: <http://www.russian.slavica.org/article9778.html> (дата обращения: 12.11.2010).
19. Anderson R., Chervyakov V. V., Parshin P. B. Words Matter: Linguistic Conditions for Democracy in Russia // Slavic Review. 1995. 4 (54). P. 869—895. URL: <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/wordsmatter.pdf> (дата обращения: 12.11.2010).
20. Friedrich P. Language, ideology and political economy // American Anthropologist. 1989. Vol. 91. P. 295—312.
21. Oxford Dictionary of English. Rev. ed. — Oxford Univ. Pr., 2005. Электр. изд. // Lingvo x3 : комп. приложение.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 821.161.1.9(Горин Г.)
ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

ГСНТИ 17.82.20; 17.07.41

Код ВАК 10.01.01

О. Ю. Багдасарян **O. Yu. Bagdasaryan**
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**«НЕ СТАРАЙСЯ ОБЛЕГЧИТЬ
СВОЮ ПАМЯТЬ ЗАБВЕНИЕМ»:
ВТОРИЧНЫЙ СЮЖЕТ
КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ ИСТОРИИ
(«ЗАБЫТЬ ГЕРОСТРАТА!» Г. ГОРИНА)**

**“DO NOT TRY TO RELIEF
YOUR MEMORY FALLING INTO OBLIVION”:
“SECONDARY TEXT”
AS A BREAKING OF HISTORY
(“FORGET HEROSTRATUS!” BY G. GORIN)**

Аннотация. На примере пьесы «Забуть Герострата» рассматриваются особенности поэтики вторичных текстов в творчестве Г. Горина. Апелляция к прецедентному имени в пьесе парадоксальным образом способствует не утверждению имени в истории и культуре, а направлена на его стирание, уничтожение, символически читаемое как преодоление порочного круга ошибочных повторений.

Abstract. The article is based on the material of G. Gorin's play "Forget Herostratus!" ("Zabyt' Gerostrata"). It analyses the poetics of the so-called "secondary texts". The precedent (case) name turns to an important source of play motion. The reproduction of well-known history of Herostratus paradoxically tends to erase, destroy his name and may be considered as an attempt to break the vicious circle of the obsessive repetitions of History.

Ключевые слова: драматургия XX в.; «вторичный текст»; сюжет; Г. Горин; «Забуть Герострата!».

Key words: XX century drama; "secondary text"; plot; G. Gorin; "Forget Herostratus!".

Сведения об авторе: Багдасарян Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современной русской литературы.

About the author: Bagdasaryan Olga Yurievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Modern Russian Literature.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.
e-mail: liter.uspu@gmail.com.

Несмотря на то что Г. Горин — один из самых известных драматургов второй половины XX в., нельзя сказать, что его творчество было основательно изучено^[1]. Так, всякий раз подчеркиваемый исследователями интерес автора к «вторичным сюжетам», одна из константных черт Горинской поэтики, до сих пор не был подвергнута более или менее подробному рассмотрению. Думается, анализ творчества драматурга с этой точки зрения может оказаться продуктивным и отчасти объяснить специфику авторской художественной концепции. Но прежде скажем несколько слов о вторичных сюжетах и так называемых вторичных текстах в целом.

В отечественном литературоведении до сих пор нет более или менее принятого определения этого феномена; лишь относительно недавно упоминания вторичных текстов в литературоведении (в лингвистике категория вторичности разрабатывается уже много лет) стали появляться в работах исследователей (см. составленный В. Д. Черняк и М. А. Черняк словарь-справочник [Черняк В. Д., Черняк М. А. 2009], а также определения ремейков, приквелов, сиквелов и проч. в книге С. Чуприна [Чуприн 2007]). Как правило, литературоведами категория

вторичности связывается с цитатностью и интертекстуальностью как характерными приемами постмодернистской поэтики или рассматривается в связи с актуальным для массовой культуры производством ремейков, приквелов, сиквелов и т. д. Любое обращение к феномену вторичности выливается в дискуссию о том, какие функции в истории культуры закреплены за ним: являются ли вторичные тексты способом «стирания памяти», или ее «актуализации».

С точки зрения Ю. М. Лотмана, культура предстает как своего рода «коллективный интеллект» — пространство, в пределах которого сохраняются и актуализируются некоторые общие тексты. Актуализация и деактуализация текстов в культуре имеет синусоидный характер — наиболее «простой вид смены культурного „забывания“ и „припоминания“». Сама память культуры, по Ю. М. Лотману, «составляет часть ее текстообразующих механизмов». С течением времени меняется не только состав текстов, но и сами тексты, которые представляются не столько хранителями смыслов, сколько их генераторами: «Тексты, образующие „общую память“ культурного коллектива, не только служат средством дешифровки текстов, цир-

кулирующих в современно-синхронном сре-
зе культуры, но и генерируют новые» [Лот-
ман 1992: 200—202].

Разрушение текстов и «превращение их в
материал создания новых текстов вторичного
типа — от постройки средневековых зданий
из разрушенных античных до создания со-
временных пьес „по мотивам“ Шекспира»
рассматривается Ю. М. Лотманом как часть
процесса культуры, в первую очередь свя-
занная с тем, что прагматические связи тек-
ста с современным контекстом могут актуа-
лизировать некоторые его структуры, но не
способны вносить в текст принципиально от-
сутствующие в нем коды; в последнем случае
возникают тексты вторичного типа [Там же].

Описанный Лотманом культурный меха-
низм, на первый взгляд, как нельзя лучше
соответствует драматургическому творчест-
ву Г. Горина, который практически постоянно
апеллирует к известным литературным тек-
стам или/и к историческим сюжетам (естест-
венно, уже давно существующим в форме
(почти) литературного нарратива). На важ-
ную для автора связь историй прошлого с
современным контекстом Горин указывал
сам без всякого лукавства: *...историей
должны заниматься историки, а писатель
всегда занимается современностью, даже
если пишет про Адама и Еву* [Горин 2010:
216], — и подчеркивал, что в основе его пьес
и киносценариев всегда лежала мысль о
том, что для художника летоисчисление не
предполагает «сегодня» и «завтра», что есть
Вселенная и Вечность, и в таком «разрезе»
все люди — современники, потому *фла-
мандский шут Тиль Уленшпигель стано-
вится понятен московским сверстникам и
призывает их к свободе, немецкий барон
Мюнхгаузен мог учить русских людей нена-
видеть ложь...* [Там же: 9]. Обращение к из-
вестным сюжетам писатель объясняет неуст-
ранимой «повторительностью» Истории: *че-
ловечество в своем развитии явно ходило
по кругу, настойчиво наступая на одни и те
же грабли и даже вилы <...> Мне захотелось
постичь законы этого бессмысленного дви-
жения в никуда...* [Там же: 9].

Однако «аналитическое» переписывание
драматургом известных сюжетов, затраги-
вающее важные вопросы истории, парадок-
сы памяти, отношения художника и власти
и т. д., в свете интересующей нас проблемы
становится процессом авторефлексивным,
акцентирующим свою «вторичность» (не
второсортность, а именно вторичность как
связь с прототекстами), вскрывающим и об-
нажающим механизм такого рода письма.

Горин, как правило, никогда не скрывает
«источников» своего вдохновения. «Кин IV»

начинается следующим подзаголовком: *по
мотивам пьесы Ж.-П. Сартра, написанной
по мотивам пьесы А. Дюма, созданной по
мотивам пьесы Теолона и Курси, сочинен-
ной на основании фактов и слухов о жизни
и смерти великого английского актера Эд-
мунда Кина* [Горин 2001: 456]. «Тот самый
Мюнхгаузен» обозначен как *комическая
фантазия в двух частях о жизни и смерти
знаменитого барона Карла Фридриха Иеро-
нима фон Мюнхгаузена, ставшего героем
многих веселых книг и преданий* [Там же:
198], «Тиль» написан *по мотивам народных
фламандских легенд* [Там же: 90]. Вместе с
тем развернутые сноски с указанием на не-
скольких предшественников фактически
проблематизируют идею существования
конкретного прототекста, идею оригинала
(в данном случае — определенного первич-
ного текста), порождают ощущение непре-
рывного круговорота текстов и сюжетов
в культуре. Характерно, что даже в «Поми-
нальной молитве» — инсценировке, отчет-
ливее всего опирающейся на «Тевье-молоч-
ника» Шолома Алейхема, — в качестве
«опорного» заявлен не один текст, а целый
круг (*по мотивам произведений*). Подзаго-
ловки, которыми Горин снабжает в большин-
стве случаев свои драматические произве-
дения, очерчивают очень внятную перспек-
тиву повторительности, соотносимую с ав-
торским представлением об истории, ходе
времени (см. выше) и творчестве. Собствен-
но, и свой импульс «переписывания» он
осознает как эпизод в череде «перечтений»,
которые переживают наиболее важные для
человечества сюжеты и герои. Такое
понимание истории и культуры, естественно,
порождает и специфические принципы вы-
страивания текстов, и, конечно, особый ре-
жим их восприятия.

О рецепции текстов, основанных на по-
вторении, довольно точно высказался
Х.-Т. Леманн: «...в театре не и не может
быть чистого повторения. Уже одно только
положение во времени отличает повтор от
оригинала. В том, что уже видел, замечаешь
не то, что заметил в первый раз. Подобие
неминуемо разрушается повторением: по-
втор или обесмысливает то, что уже увиде-
но, то, что мы можем вспомнить (то, что нам
уже известно), или, наоборот, дополняется
новым смыслом (ведь повторяется то, что
важно). Минимальное изменение контекста,
нагруженность того, что видишь, знанием о
том, что это уже происходило, предшествует
идентификации повтора. Именно поэтому
повтор изменяет восприятие, он порождает
„внимание к минимальным отличиям“. При
повторе интересно не то, что происходит,

а то, как мы это еще раз воспринимаем, не то, что повторяется, а само повторение. *Tua res agitur*: эстетика времени превращает сцену в место, где зритель осмысляет свое зрение, начинает понимать свое восприятие как действие...» [Леманн 2011].

Действительно, персонажи театральных фантазий Горина (Мюнхгаузен, Тиль, Кин, Свифт, Балакирев и др.), как правило, знакомы предполагаемому читателю понаслышке или хорошо известны из читательского опыта. Значит, ассоциативно с этими персонажами связываются представления об определенных личностных характеристиках и часто — о вполне конкретных сюжетах. Не случайно почти в каждой пьесе драматурга собственно действие предваряется — в порядке напоминания читателю — представлением героя, пунктирной, а порой и тщательной обрисовкой его характера и судьбы. Так, в прологе «Кина IV» Соломон знакомит Актера с его будущей ролью: *Сейчас, дай бог, он очухается и начнет играть Кина. Не кого-нибудь, а Эдмунда Кина — величайшего актера Англии* [Горин 2001: 459]. «Тиль» начинается с выбора имени для еще не родившегося ребенка, выбора, осознаваемого как предопределение характера будущего младенца:

Каталина. Сперва призраки косили людей... На их трупах палач плясал. Камень девять месяцев кровоточил, потом распался... Потом увидела: два младенца народились, один в Испании, принц Филипп, другой во Фландрии, сын Клааса, прозвище ему — Уленипигель. Филипп станет палачом, а из Уленипигеля выйдет великий балагур и проказник, и странствовать ему по белу свету, славя все доброе и прекрасное и над глупостью хохоча до упаду... И весь свет он пройдет, и никогда не умрет, потому что он — дух Фландрии.

Клаас. Во как! Слышал? А я назову его Тилем, Тильбертом, что в переводе означает „живой“ или „подвижный“. И сегодня же начнутся его славные приключения, если, конечно, мамаша Сооткин поднатужится! [Там же: 93].

Важно, что Горин не пишет истории «по новой», а, учитывая специфику «вторичных текстов», использует закрепленное в культуре имя то как микросюжет, который можно развернуть в подробное, насыщенное деталями драматическое действие («Забыть Герострата!»), то как роль (уравниваемую в данном случае с судьбой), которую герою предстоит принять и прожить до конца («Кин IV», «Тиль»), то как наиболее адекватный способ репрезентации специфического художественного мировидения (Свифт, Мюнхгаузен).

Первым опытом художественного осмысления известного сюжета для Горина была пьеса «Забыть Герострата!», написанная в 1970 г. (в 1979 г. к пьесе добавлено предисловие, во многом объясняющее суть художественного высказывания писателя). Драматург обратился к исторической легенде о Герострате — греке из Эфеса, которого «жажда славы толкнула ... на поджог в 356 г. храма Артемиды», считавшегося одним из семи чудес света. Имя Герострата по решению жителей города было предано забвению, однако о нем упоминает греческий историк Феопомп (IV в. до н. э.) [Лисовый, Ревяко 2001]. Развернутой легенды о «поджигателе» не существует, но имя его закрепилось во многих языках в переносном значении (в немецком Геростратом называют человека, находящегося в вечной погоне за славой; в английском и русском языках есть выражения «слава Герострата» — о человеке, готовом обрести известность любым путем) [Orentoria Encyclopedia].

Использование прецедентного имени определяет принцип организации действия. Как справедливо замечает В. Е. Головчинер, «драматическое содержание образа Герострата ... исчерпано еще до начала пьесы», в пьесе герой лишь «подтверждает суть своей личности, заданной именем» [Головчинер 2001: 187]. Герострат из привычного для театра раскрывающегося по ходу драматического действия героя превращается в причину и катализатор нравственной трансформации окружающих его людей. Система персонажей пьесы — и это отмечено исследователями — выстроена в соответствии с центральным положением Герострата, чей поступок ставит всех героев в ситуацию нравственного выбора и требует незамедлительного определения собственной линии поведения. В. Е. Головчинер указывает на «закон перспективы», действующий по отношению к героям пьесы: есть персонажи, находящиеся в непосредственной близости к Герострату (Клеон, Клементина, Тиссаферн), поведение которых прописано с подробностями, крупно, есть герои, для которых действует иной принцип изображения, — они дальше от Герострата, обрисованы схематично (горожане, появляющиеся на сцене), — есть внесценические персонажи, которые фигурируют в разговорах действующих лиц.

Каркас действия составляют сцены «дуэли» Герострата с героями, выявляющие механизмы социальной и нравственной переориентации, перестройки сознания людей, постепенного привыкания ко злу и примирения с ним [Головчинер 2001: 190—191]. Так, тюремщик, который был готов убить Герост-

рата за его кощунство, постепенно привыкает к своему выгодному положению и не видит ничего зазорного в том, чтобы выполнять поручения преступника, конечно, за деньги. Торговец Крисипп не хочет проворонить доходную сделку — и соглашается продавать «мемуары» Герострата, способствуя распространению «богоборческих» идей поджигателя, и т. д. Ужасающая безнравственность Герострата по прошествии времени начинает казаться окружающим не такой и ужасающей, мотивы его преступления не пугают, а заинтересовывают, имя обретает все большую известность: *на базаре гадалка кричала, что Герострат — сын Зевса, и многие благоговейно внимали ее словам* [Горин 2010: 247]. Так постепенно, из-за человеческих слабостей, Герострат из безымянного жителя Эфеса превращается в исторического героя.

Сюжет «Герострата» с первого взгляда кажется несложным: это «постановка», своего рода эксперимент, осуществляемый условным человеком «из настоящего» (современником драматурга) для решения важнейших этических вопросов: можно ли противостоять злу? как изъять из истории имя злодея, жаждущего в ней остаться?

В логике пьесы антиномия имени и безвестности/безымянности приобретает особое значение. В переходе от одного к другому проявляют себя, по мнению драматурга, парадоксы памяти — персональной и исторической: злодей хочет быть прославлен, противовесом его стремлению становится запрет на упоминание (Тиссаферн хочет приказать на мраморной доске написать приказ: «Забыть Герострата!»), однако намеренное забывание оборачивается прямо противоположным — увековечиванием. Выходом из этой парадоксальной ситуации становится поиск имени, репрезентирующий историю как культурный прогресс, а не череду разрушений. Иницирует этот поиск Человек театра — условный персонаж пьесы, современник автора, вернувшийся на 2000 лет назад, чтобы постичь феномен Герострата. Как это было свойственно хору в античной трагедии, Человек театра практически не покидает сцену и непосредственно по ходу действия «предлагает» зрителю свою оценку происходящего, периодически выступает в роли корифея, ведя диалог с актерами (персонажами пьесы). Человек театра в данном случае «вполне вписывается в арсенал выразительных средств брехтовской драматургии» [Головчинер 2001: 194], обрисован как современник автора и читателя, пытающийся сохранить дистанцию между своим временем и историей, к кото-

рой обращен его познающий и оценивающий взгляд: *К сожалению, я не могу вмешиваться. Я буду только следить за логикой их развития.* [Там же: 220]; *Человек театра. Я не имею права вмешиваться, Герострат. Но так нельзя! Надо соблюдать законы!* *Человек театра. Странно слышать эти слова от тебя...* [Там же: 221]. Дистанция эта по ходу пьесы сокращается, а в финале, когда Человек театра протягивает Клеону нож, чтобы тот покарал преступника, и вовсе снимается. Герой осознает свою интеллектуальную и эмоциональную вовлеченность в историю (и это, конечно, можно сравнить с тем, что переживает читатель, постепенно углубляющийся в книгу).

Именно Человек театра (представитель автора и читателя) вместе с архонтом Клеоном ведут мучительный поиск имени, могущего стать противовесом имени злодея Герострата, но даже те, кто избежал обаяния поджигателя и требуют справедливой кары, безымянны — граждане Эфеса, возмущенные поступком, не называют свои имена:

Клеон. Ваши имена?

Второй гражданин. Зачем они тебе, Клеон?... Мы ничем не знамениты. Я каменщик, он — гончар, этот (указывает на третьего) — цирюльник.

Клеон. И все-таки, почему вы не хотите назваться?

Второй гражданин. Мы говорим не от своего имени, архонт. Нас послал народ [Там же: 222].

Строители нового храма, усилия которых, в отличие от деяний Герострата, направлены на «созидание», выступают как сообщество, «мы», «они», «эфесцы», но «всегда остаются безымянными», тогда как одиночки озабочены поиском места в истории. Это касается не только Герострата, но и правителя Тиссаферна, который не высыпается, потому что «история не хочет ждать», и не может поесть спокойно, потому что «историки и поэты так и шныряют по двору, так и смотрят, чего бы описать и запечатлеть»; жена Тиссаферна Клементина готова стать любовницей преступника, лишь бы имя ее осталось в веках как имя красивейшей женщины Эфеса.

Несправедливость истории, на которую сетуют Человек театра, Клеон и даже автор в предисловии к пьесе, обусловлена свойствами персональной памяти: архонт, имя которого для жителей Эфеса — синоним справедливости и порядка, не может вспомнить тех, в чьих действиях традиционно видится позитивный смысл истории:

Стук падающих камней и песня усиливаются.

Человек театра. *Что это?*

Клеон. *Они восстанавливают храм Артемиды...*

Человек театра. *Кто?*

Клеон. *Они... Эфесцы...*

Человек театра. *Их имена? Назови хоть одно имя... Это так важно для нас... Ну?*

Клеон (беспомощно). *Не помню...* [Там же: 269].

В финале пьесы безымянный (!) Человек театра и Клеон, только что расправившийся с Геростратом, селятся вспомнить имена строителей храма, как будто хоть одно имя прервет порочный круг повторений, о котором архонту говорит в начале пьесы вестник из будущего:

Человек театра. *В этом твой главный просчет, Клеон. Он был, есть и, к сожалению, будет рождаться вновь... Знаешь, Клеон, в то далекое время, которому я современник, мир будет занимать много проблем. Но и тогда время от времени на земле будет появляться он — человек по имени Герострат. Он снова провозгласит: „Делай что хочешь, богов не боясь и с людьми не считаясь!“ И вспыхнут пожары, прольется кровь, погибнут невинные. И многие станут разводиться руками: „Откуда эта напасть, откуда?..“ А ей с лишним две тысячи лет! Начало ее здесь, в Эфесе. Вот почему я пришел к вам, архонт. Вот почему я говорю тебе: „Не старайся облегчить свою память забвением!“* [Там же: 248—249].

Так сюжет о греческом преступнике Герострате превращается у Горина в разбирательство с парадоксами истории. Хотя автор позиционирует это разбирательство как этическое и настраивает современного ему читателя на поиск в первую очередь нравственных оснований, не менее важен и другой план пьесы, предполагающий художественную рефлексия над процессом переписывания известного сюжета.

Повторительность истории, заявленная драматургом на уровне темы как предмет постижения, резонирует в самой форме произведения, созданного на основе исторической легенды. Однако важно, что сюжет о Герострате дан драматургом с осязаемым «смещением». В предисловии к тексту пьесы Горин пишет: *Герострат добился того, чего хотел, — о нем помнят. Но в этой победе таится его поражение и его гибель* [Там же: 216], — уравнивая свое письмо со своеобразным механизмом «стирания». Так вторичный текст, традиционно осознаваемый как маршрут культурной памяти, приобретает новый смысл: символическое воспроизведение сюжета о Герострате связывается теперь

не с повторением имени злодея, утверждающим его (это имя) во времени, а с поиском новых имен (*Назови хоть одно имя... Это так важно для нас... Вспомни, Клеон! Несправедливо, что они всегда остаются безымянными. Вспомни!..*) [Там же: 269]), преодолевающим замкнутость истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горин Г. И. Избр. — М. : Эксмо, 2010
2. Горин Г. И. Театр Григория Горина. Пьесы. — Екатеринбург : У-Фактория, 2001.
3. Головинчер В. Е. «Горина надо осмыслить как нашу закономерность...» // Неординарные формы русской драмы XX столетия : межвуз. сб. науч. тр. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/bab/ich/babicheva_y_v/rus_dram.htm.
4. Головинчер В. Е. Комические фантазии Г. Горина // Головинчер В. Е. Эпическая драма в русской литературе XX века. — Томск, 2001. С. 183—202.
5. Леманн Х-Т. Постдраматический театр // Новое литературное обозрение. 2011. № 111. URL: <http://magazines.russ.ru:81/nlo/2011/111/le22.html> (дата обращения: 25.07.2012).
6. Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях : словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. — Минск : Беларусь, 2001.
7. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избр. статьи. — Таллинн, 1992. Т. 1. С. 200—202.
8. Федорова Н. К. Пьесы и киноповести Г. И. Горина конца 1970-х — 1990-х годов: герои и хронотоп : дис. ... канд. филол. наук. — Тюмень, 2010.
9. Черняк В. Д., Черняк М. А. Базовые понятия массовой литературы. — СПб., 2009.
10. Чупринин С. Русская литература. Жизнь по понятиям. — М., 2007.
11. *Orentopia* Encyclopedia. URL: <http://encycl.opentopia.com/term/Herostratus> (дата обращения: 25.07.2012).

ПРИМЕЧАНИЯ

^[1] Можно назвать лишь несколько работ литературоведов, в которых более или менее подробно анализируется художественная система драматурга. Несколько статей, касающихся горинской поэтики, написаны В. Е. Головинчер, которая рассматривает творчество писателя в контексте идеи эпического театра и относит найденную Гориним форму «театральных фантазий» к условно-метафорической, продолжающей традиции Шварца и Маяковского линии. См. след. ее работы: [Головинчер, «Горина надо осмыслить...»; Головинчер 2001]. В указанных статьях достаточно подробно проанализированы пьесы «Забуть Герострата!» и «Тиль». Не меньшее значение при обращении к творчеству драматурга имеет еще одна книга исследователя, «Эпический театр Евгения Шварца», дающая представление о важной и для Горина роли вторичного сюжета в условно-метафорической драме.

Наиболее полный на сегодняшний день анализ драматургического творчества Горина представлен в кандидатской диссертации Н. К. Федоровой [Федорова 2010].

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская

УДК 82-31

ББК Ш5(2Рос=Рус)6-334

ГСНТИ 17.82.10; 16.21.33

Код ВАК 10.01.01

Н. В. Барковская N. V. Barkovskaya

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**«ОТОРВАЛИ МИШКЕ ЛАПУ...»:
ИГРУШКИ СОВЕТСКОГО ДЕТСТВА
В ПОСТСОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ**

**«OTORVALI MISHKE LAPU...»
(«THE TEDDY BEAR HAS ITS LEG TORN...»):
TOYS OF THE SOVIET CHILDHOOD
IN POST-SOVIET POETRY**

Аннотация. Анализируются примеры использования в современной поэзии образа из стихотворения А. Барто «Мишка». Отмечается, что в стихотворениях «последних советских детей» образ плюшевого мишки становится символом утраченного детства, однако приобретает и оттенок «имперской» семантики. Показывается, как изначальная элегическая тональность сменяется резкой социальной сатирой и речевой агрессией.

Abstract. Examples of the use of the image from the poem «Mishka» by A. Barto are analyzed. It is underlined that in the poems of the «last Soviet children» the image of a teddy bear becomes the symbol of the lost childhood, but at the same time it acquires a shade of «imperial» semantics. It is shown how the initial elegiac tone is replaced by sharp social satire and verbal aggression.

Ключевые слова: современная поэзия; игрушка; кукла; социальная поэзия; А. Барто.

Key words: modern poetry; toy; doll; social poetry; A. Barto.

Сведения об авторе: Барковская Нина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современной русской литературы.

About the author: Barkovskaya Nina Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Modern Russian Literature.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.
e-mail: n_barkovskaya@list.ru.

Важная функция игрушки в культуре общеизвестна, сошлемся хотя бы на работу Ю. М. Лотмана «Куклы в системе культуры», где различаются две функции культурного объекта: прямая и «метафорическая», когда признаки объекта переносятся на широкий круг социальных фактов, моделью которых он становится [Лотман 1992: 377]. Применительно к нашему времени функция куклы стала предметом анализа в книге Л. Горалик «Полая женщина: Мир Барби изнутри и снаружи» [Горалик 2005]. В модернизме начала XX в., с его трагическим гуманизмом, кукла могла выступать в качестве дублера человека, как, например, в стихотворении И. Анненского «То было на Валлен-Коски...». В холодное тоскливое утро на финской реке «чухонец» за полтину «в утеху» зрителям бросает куклу в «седой водопад», однако эта «комедия» производит на лирического субъекта тяжкое впечатление, поскольку «разбухшая кукла» рвется назад, прижимает суставы ... рук, покорно принимает свой удел, спасенье ее неизменно для новых и новых мук — и так же одинок человек, которым играет рок [Анненский 1979: 88—89]. Кукла могла интерпретироваться, напротив, как бездушный симулякр. Таковы квазирителли в пьесе Л. Андреева «Реквием»: ...плоские деревянные лица, жалкая пестрота красок, наивная бессмысленность, лишенная стыда [Андреев 1991: 579]. Ку-

кольны персонажи горько-ироничной пьесы А. Блока «Балаганчик»; в статье «О современном состоянии русского символизма» А. Блок через образ куклы выражает трагедию подмены небесного идеала земными страстями: посреди лилового сумрака «антитезы» покоится мертвая кукла с лицом, смутно напоминающим лик Прекрасной Дамы периода «тезы» [Блок 1963, V: 428—430].

Внимание к метафорической функции игрушки усиливается в периоды, переломные как в жизни отдельного человека (кризис взросления), так и общества в целом. Если в первом случае действуют антропологические закономерности, то во втором существенны социокультурные факторы, прежде всего — смена, слом, деформация ценностного контекста. При этом сами по себе предметы могут оставаться теми же, тем заметнее трансформация их смысла. Так, например, один их сквозных «персонажей» в игрушечном бестиарии А. Ремизова — мышка-хвостатка. Семантика образы мыши в мировой культуре удивительно богата, от античной трактовки мыши как спутницы Аполлона, символа убегающего мгновения, или русского героя-вредителя из «Сказки о Курочке Рябе», до «мышинных» стихов В. Ходасевича и романа А. Белого «Петербург». А. Ремизов так описывал свое парижское жилище: ...моя комната — волшебное царство. Паук — паук прямо над моим столом

пустил во все углы нить, и по нитям тянут к нему жертвы — маленькие игрушечные звери: львы, носороги, волки, зебры, лошади, коровы, козы, козлы, олени, свиньи, лисицы, лягушки, зайцы, петухи, сухие цветы, листья, сучки, корешки, звезды и племянник унтергрудника (метровского), который помогает старому унтергруднику проверять ночью в метро винтики, черный, как гешпенст, и весь запутан в хвостах-проводе, а глаз, как фонарик... [Ремизов 2004: 266]. В свое время М. Волошин пронизательно объяснил тягу А. Ремизова к обставлению своего быта игрушками: *Детские игрушки — это древнейшие боги человечества. <...> Безжалостно должна была жизнь преследовать человека для того, чтобы его заставить искать покрова и защиты у этих древних загнанных богов* [Волошин 1990: 183—184]. В цикле «Espri» А. Ремизов рассказывает о своей мышке, которая сторожила его покой. В цикле «Наша судьба» повествует о том, как ребятишки отрывали все, что он прикреплял к входной двери: неразмennую денежку, сушеный цветок, колючий орех, наконец, оторвали хвост: *Раз нет хвоста, стало быть, не я!* [Ремизов 2004: 310].

Неожиданно переключается с ремизовской историей про мышку-хвостатку стихотворение Л. Петрушевской «Рассказ мальчика» [Петрушевская 2008: 630—632]. Ребенок рассказывает, как его мама с криком «Это уж слишком!» выбросила в окно мышку, мальчик быстро спустился на лифте, долго бродил по газону под окнами. Наконец, с куста ему на шею свесилось что-то вроде холодной змеи — это был шнур: компьютерная мышка сама подала мальчику сигнал.

Новое время приносит и новые игрушки, это не только компьютерные игры, но и бакуганы, трансформеры и проч., причем большинство из них обладает ярко выраженной агрессивной семантикой. С ностальгией могут вспоминаться старые бесхитростные игрушки, как, например, в стихотворении Анны Русс:

Настоящие игрушки

*Ни к чему мне тетя Барби
С мужем, домом и машиной,
Ни к чему мне дядя Бэтмен
Или дядя Терминатор,
Дайте мне носок без пары
Или старую перчатку —
Я набью их теплой ватой,
Я им сделаю жилетки
Нарисую рты и глазки
И пришью носы и ушки
Настоящие Игрушки
Не приходя в магазины,
Не бывают из пластмассы*

*Или крашеной резины,
Настоящие Игрушки —
Это глупо и тепло.*

[Русс]

В отличие от китайских (немецких, американских и т. д.) новых игрушек, приобретаемых которые весьма затратно для родителей, старые игрушки бесплатны, хранят память о прошлом, являются неким талисманом национальной/семейной идентичности. Пассеизм, ностальгия по детству окрашивают сегодня возвращение в повседневный обиход советской атрибутики, причем политический смысл либо деконструируется, либо становится предметом игры. Данный процесс особенно характерен для «последних советских детей» (нынешних тридцатилетних), поскольку для них советское прошлое — это пора детства. Л. Горалик анализирует психологическую подоплеку ностальгирования по советской символике: «...принадлежность к числу „последних советских детей“ является некоторым (возможно — единственным) фактором общности для этого поколения, очень разобличенного в классовом, финансовом, социальном смысле. Язык советских символов, символов советского детства — это единственный сохранившийся у них общий язык» [Горалик 2007:16—17]. Исследовательница отмечает селекцию смыслов этой символики б/у, а также упрощение и «склеивание» смыслов — ради эффекта позитивности, понятности, прозрачности.

Одним из таких символов детства и одновременно персонажем «советского ретро» является игрушечный мишка. М. С. Костюхина пишет, что, родившийся в 1902 г. на одной из игрушечных фабрик, мишка в литературе XX в. играл роль «сердечного друга» [Костюхина 2007: 75]. По мнению исследовательницы, мягкость материала ассоциативно связывалась с мягкостью природы, телесная близость к ребенку (мишку нередко брали в постель) прочитывалась как преданная дружба. Популярность плюшевого мишки (и антитезы мягкой игрушки и грубой силы) характерна для «оттепельных» 1960-х гг., когда в детской литературе «возрождались ценности человеческой доброты вопреки прежним идеалам жестокости и нетерпимости. Мишка благополучно переключался в постсоветскую знаковую систему в качестве культового российского животного и символа доброго мира детства, обеспечивая тем самым якобы бесконфликтный переход советского общества в российское (постсоветское). Образ русского „тотема“ призван выполнять функцию поддержки „символического порядка“, в принципе, ту же функцию, что и детские игрушки» [Ушакин 2008: 70]. Однако

реально социокультурная ситуация 2000-х гг. далека от однозначности, внутренне конфликтна (что обыграно, в частности, в пьесе Д. Быкова «Медведь»).

Современная поэзия демонстрирует рефлексию над литературной «игрушкой» советского детства — стихотворением А. Барто «Мишка», стоящим первым в цикле «Игрушки», в той незабываемой книжке, которую как раз первой читают ребенку.

Попробуем наметить некоторые возможные варианты функционирования деталей из детства в творчестве сегодняшних авторов.

В стихотворении Кати Капович (детство ее прошло в Кишиневе, юность — в Нижнем Тагиле, в настоящее время живет в США; как отмечает Л. Д. Гутрина, «связь К. Капович с двумя советскими провинциальными топосами сформировала неоднозначный опыт с контрастирующими родным миром детства и юности (Кишинев) и мрачным и холодным Тагилом» [Гутрина 2012: 221]) мишка и мячик не литературные, а «реальные» игрушки — атрибуты далекого детства, как и большая добрая собака-спасатель. Поводом к воспоминаниям послужила фотография, запечатлевшая один миг прошлого. Магниевая вспышка (памяти) сменяется желтым светом окон проносающегося поезда, уносящегося вдаль, желтым минорным цветом осени. Элегическую атмосферу утрат подчеркивают дважды повторенное слово «эшелон» и слово «пустырь». Бег времени не принес полноты существования, напротив, унес самое дорогое, оставив одиночество и пустоту.

*Прямо из снимка на мелкий предмет,
от соглядатаев равно лежащий,
крупно уставился мальчик трех лет
и сенбернар, от восторга дрожащий.
Сам же предмет своей тенью закрыл
горе-фотограф в порыве бесплатном.
Вспыхнула вспышка, и мальчик забыл
про постороннего дядю за кадром.
И эшелон ушли в темноту
два эшелона домов кишиневских.
Желтые окна, как в листьях в пруду,
смазались и превратились в полоски.
Встать бы у осени на пустыре —
то-то б, глядишь, был народ озадачен,
где сенбернар приносил детворе
то медвежонка, то теннисный мячик.*

[Капович 2007: 61]

Анна Русс вспоминает в качестве атрибутов счастливого детства «литературные игрушки» — мишку и мячик из стихов А. Барто. *Никогда не кончиться детству, голубому шару не сдуться, Детство будет манить загадками*

и заветными звать местами,

*Баба с дедой не поседуют, мама с папой
не разойдутся
И пломбир в стаканчике вафельном
никогда дороже не станет.
Никогда семья и работа в перспективе
не замаячат,
Никогда с одежды парадной не исчезнут
банты и рюши,
Никогда не сломается кукла и не лопнет
любимый мячик,
Никогда не умрет артистка, говорящая
голосом Хрюши.*

*Будет обувь всегда на вырост,
будут слезы обиды сладки,
Никогда любимого мальчика не заменит
любимый мачо
...а река обретает форму безутешной
плюшевой лапки
и несет в открытое море мой веселый
и звонкий мячик*

Анафорический повтор «никогда» придает тексту характер заговора-заклятия, наподобие детского утешения «Не утонет в речке мяч», однако непременно течет река времени, вынося к устью (во взрослую жизнь): умрут близкие люди, изменится мода, «замаячат» (наверное, не только от слова «маяк», но и от слов «маета», «маяться») семья и работа. В одну и ту же воду, как известно, нельзя войти дважды. Концовка стихотворения резко отменяет такие признаки классического стиха, как знаки препинания и заглавная буква в начале строки, «рукав» преобразуется в оторванную лапу плюшевого мишки, а слова «мой веселый звонкий мяч» из детского стихотворения С. Маршака неизбежно напоминают финал этого стихотворения: «...Там попал под колесо. Хлопнул, лопнул — вот и все», — хотя несущийся по волнам в открытом море веселый мяч вносит не только мотив мятежности, тревоги, но и полной свободы, романтического простора. Отметим, что А. Русс выбрала действительно знаковые для «последних советских детей» детали, в частности пломбир, ср. повесть Марии Ботевой «Мороженое в вафельных стаканчиках» [Ботева 2006], а четкий ритм Маршака, контаминированный с песней про шар голубой у Е. Фанайловой в стихотворении «Лена и люди» становится признаком либеральной позиции шестидесятников (Прежде всего, Б. Окуджавы), перешедшей на уровень массовой (наивной) литературы: *Я буду работать над собой. / Шарик вернулся, он голубой. / Видите, уже появилась рифма* [Фанайлова 2011: 70].

Молодые авторы сознательно деконструируют стихотворный канон, расчлениют

прежние «складные» слова, что, вероятно, выражает ощущение абсурдности, нелепости, «нескладности» взрослой жизни. Так, например, пишет Дина Гатина:

*...в пасть пора
туши бычок —
свет-дыра и колпачок*

[Гатина 2012: 115—116]

Хрестоматийное «Спать пора, уснул бычок» проговаривается спросонья героем «утренней ночью» в искаженном виде, так же, как и «дуля моя пура» (метатеза); «пасть» порождена ассоциацией от слов «возращуи <...> зубами обратно спать». Уменьшительное «бычок» омонимично жаргонному обозначению недокуренной сигареты. Уютное вечернее предсонное время из стихотворения А. Барто заменено на несвоевременное пробуждение перед утром (*побойся бога пять минут / пятьсот седьмого* [Гатина 2012: 118]).

На речевой игре построено макароническое стихотворение Александра Левина:

***СТИШИЕ АНГЛО-ФРАНКО-РУССКОЕ
(по мотивам А. Милна)***

Come on, Сова!

Медведь пришел! [Левин 2001: 164]

Название стихотворения напоминает об Антанте, но Винни Пух, сменивший советского мишку, означает не подготовку к мировой войне, а, напротив, поворот к либерализации общественного сознания, открытости западной культуре. М. С. Костюхина, прослеживая «литературных фаворитов» разных исторических периодов, отмечает, что время плюшевых мишек — как раз 1960—1970-е гг. [Костюхина 2007: 13], тогда как XIX в. — эпоха фарфоровых кукол, а 20—30-е гг. — время резиновых мячиков, 40—50-е — строительных наборов и транспорта. Впрочем, безапелляционное «Медведь пришел!» можно трактовать и как несостоятельность либеральных надежд. Андрей Родионов в книге «Игрушки для окраин» упоминает не советского мишку и не достаточно «элитарного» Винни Пуха, а китайский ширпотреб:

*Все когда-нибудь ломается
Потерялся автомат
Жук в коробочке болтается
Жук ни в чем не виноват*

*Все солдатики и гоночки
Все игрушки для окраин
Деревянный жук в коробочке
В пригороде популярен*

[Родионов 2007: 18]

Городская (интеллигентская) культура в 1990-е гг. сменяется маргинальной реальностью «пригорода», потерянными миром

пустырей и свалок, алкоголиков, бомжей, мелких бизнесменов, уличных торговцев, охранников игровых автоматов. В этом вымороченном мире насилие становится основной формой коммуникации, поскольку позволяет обратить на себя внимание, даже «если плохая фигура и среднее образование». При задержавшемся разложении советской системы жесткий натурализм Родионова, сочетавшийся, тем не менее, с сентиментальностью и элегизмом, сменяется ультралевый примитивизм в новой политической поэзии. Роман Осминкин — один из лидеров альманаха «Транслит», пропагандист «поэтического акционизма», его тексты опубликованы в серии «Крафт», издаваемой альманахом «Транслит» и «Свободным марксистским издательством». Мини-поэма «Разрушающиеся новостройки» имеет подзаголовок «монтаж насилий» [Осминкин 2010: 16—19]. Р. Осминкин рисует «помойные сумерки», покрывающие «архитектуру страха», «коррупцию в камне», «подлый пейзаж». В этом «гетто» каждый одинок, а насилие становится единственным способом коммуникации. «Социальное тело» представлено хаотичным и безумным, смешивающим «колокола и кококолу», текст намеренно грубый, поскольку «с молодежью спальных районов говорят на их языке». Однако, по мнению автора, лучше «черная живая энергия», чем «эпоха вырождения».

*геополитике нужно пространство
биополитике нужна биомасса
перемешиваем*

*Жиденькая современность
мякая и податливая как плюшевый мишка
которого сестренки-близняшки
забыли в приемной единой России
а у мишки тик*

Эпоха «перестройки» оказалась «долгостроем», все, что казалось новым, заброшено и разрушается. Мишка в этом контексте становится эмблемой «мягкого», «детского», «прекраснодушного», которому не место среди цемента и арматуры насилий.

Логичным завершением «мотива конца» становится образ свалки, мусорной кучи, из которой складывается современная повседневность. Сошлемся на стихотворение Елены Шварц «Свалка» и популярный мультфильм «Валли», где мусорные отходы становятся образом разлагающейся цивилизации. На помойке оказывается и плюшевый мишка в стихотворении Андрея Козлова.

Из Агнии Барто

*На помойку выкинули мишку.
Туда, где объедки и кожурки,
Гнилые и вонючие мздрят.
Подобрала его*

*Бомжиха тетя Маша
И принесла к себе в подвал,
Ночует с Петькой где.
„Вот какие пилят гавно
Мишку бросить
Совсем бтать офуели люди-человеки!
Ни в Ленина, ни в черта твари
Не веруют засранцы.
Такой хороший мишка бросить
В гавно помойка паразиты!“*

[Современная уральская поэзия 2011: 143]

Не только советское прошлое, но и прежняя литература с ее системой ценностей цинично выброшена на помойку. Свообразными «хранителями» и «спасителями» культуры становятся маргиналы, в том числе и интеллигенты — «люди безнадежно устаревших профессий», по выражению А. Родионова, те, кого называют «бюджетниками». Стихотворение можно отнести к новой социальной поэзии, поскольку тут звучит голос тех, кого «культурный мейнстрим» предпочитает не замечать, кто оставлен на самой низкой социальной ступени. Нерусский акцент «тети Маши» говорит о высокомерии великорусского шовинизма по отношению к гастарбайтерам. Однако героиня использует именно русские ругательства, именно она, приехавшая из бывшей союзной республики, жалеет о развале СССР, для нее рядом стоят Ленин и Бог. Ее ругательства — проявление речевой агрессии как способа самоутверждения: она унижает тех, кто унизил ее. Брань в адрес богатых и сытых, предавших прежние ценности, звучит как деструктивный диалогический речевой жест, потенциально содержащий угрозу в адрес преуспевающих в жизни.

В стихотворении А. Козлова есть также аллюзии на рассказ Л. Андреева «Петька на даче», с его темой отчужденного детства и обреченного детского бунта, рассказ М. Горького «Страсти-мордасти» из цикла «По Руси». Ситуация появления некоей «святыни» в подвале, где обитает нищая семья, явно восходит к рассказу Л. Андреева «Ангелочек». Таким образом, плюшевый мишка, проделавший путь от «детского рая» до помойки, приравнивается к ангелочку — елочной игрушке, с ее христианской символикой, призванной нести утешение и надежду, правда, как в рассказе Л. Андреева, надежду призрачную, иллюзорную. В атеистическое советское время рождественская игрушка исчезла из литературы [Костюхина 2007: 35]. В приведенном стихотворении уральского автора возвращается традиционное для гуманистической классической

литературы противопоставление бедных и богатых, но и поэтическая речь, и стиховая форма нарочито неправильны, искажены, свидетельствуют о крайнем этическом и эстетическом неблагополучии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Л. Н. Пьесы. — М. : Сов. писатель, 1991.
2. Анненский И. Ф. Лирика. — Л. : Худ. лит., 1979.
3. Блок А. А. Собр. соч. : в 8 т. — М. ; Л., 1963. Т. 5.
4. Ботева М. Мороженое в вафельных стаканчиках // Урал. 2007. № 6.
5. Волошин М. А. Путник по вселенным. — М. : Сов. Россия, 1990.
6. Гатина Д. Безбашенный костлявый слон. — М. : Новое литературное обозрение, 2012.
7. Горалик Л. Полая женщина: мир Барби изнутри и снаружи. — М. : Новое литературное обозрение, 2005.
8. Горалик Линор. Росагроэкспорт сырка: символика и символы советской эпохи в сегодняшнем российском брендинге // Теория моды: одежда, тело, культура. 2007. №3. URL: http://linorg.ru/sov_brend.html.
9. Гутрина Л. Д. Ностальгия по «Родному советскому» в поэзии Кати Капович («Весёлый дисциплинарный» (2005), «Свободные мили» (2007)) // Политическая лингвистика. 2012. № 2(40). С. 217—223.
10. Капович К. Свободные мили: книга стихов. — М. : АРГО-РИСК : Книжное обозрение, 2007.
11. Костюхина М. С. Игрушка в детской литературе. — СПб. : Алетей, 2007.
12. Левин А. Орфей необязательный. — М. : АРГО-РИСК, 2001.
13. Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. — Таллинн, 1992. Т. 1.
14. Осминкин Р. Товарищ вещь. — Кн. серия «Крафт» альманаха «Транслит» и «Свобмарксизд».
15. Петрушевская Л. Парадоски. Строчки разной длины. — СПб. : Амфора, 2008.
16. Ремизов А. М. Страна небывалая. Легенды. Сказки. Сны. Фантастика. Исторические были-небыли. — М. : Русский путь, 2004.
17. Родионов А. Игрушки для окраин. — М. : Новое литературное обозрение, 2007.
18. Русс А. Настоящие игрушки. URL: <http://polutona.ru/?show=0705165300>.
19. Русс А. Никогда не кончиться детству... // Континент. 2005. № 125. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2005/125/ru4.html>.
20. Современная уральская поэзия : антология (2004—2011). — Челябинск : Десять тысяч слов, 2011.
21. Ушакин С. «Мы в город изумрудный идем дорогой трудной»: маленькие радости веселых человечков // Веселые человечки: культурные герои советского детства : сб. статей / сост. и ред. И. Кукулин, М. Липовецкий, М. Майофис. — М. : Новое литературное обозрение, 2008.
22. Фанайлова Е. Лена и люди. — М. : Новое издательство, 2011.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева

УДК 821.161.1.9(Распутин В. Г.)
ББК Ш5(2Рос=Рус)4-6

ГСНТИ 16.21.55; 16.21.27

Код ВАК 10.02.01; 10.01.01

С. В. Власов S. V. Vlasov
Москва, Россия Moscow, Russia

**ПУБЛИЦИСТИКА РАСПУТИНА:
ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛАВЯНОФИЛЬСКОЙ
ЖУРНАЛИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ**

**SOCIAL AND POLITICAL ESSAYS
BY RASPUTIV: CONTINUATION
OF SLAVOPHIL JOURNALISTIC TRADITION**

Аннотация. Прослеживается переключка тем и проблем публицистики В. Г. Распутина со славянофильской журналистикой XIX в. (в частности, с публицистикой К. С. и И. С. Аксаковых). Обосновывается, что обращение к исторической и современной публицистике на уроках литературы в школе дает представление о непрерывности национальной традиции в отстаивании русскости, народности, самоидентификации в культуре и повседневности.

Abstract. There is an exchange of topics and problems of social-political essays by Rasputin and Slavophil journalism of the XIX the century (with works by K. S. and I. S. Aksakovs in particular). It is proved that introduction of historical and modern social-political essays into the lessons of literature at school helps pupils realize continuity of national tradition in defending Russianness, national spirit, self-identification in culture and everyday life.

Ключевые слова: В. Г. Распутин; Запад; И. С. Аксаков; К. С. Аксаков; народность; публицистика; А. С. Пушкин; славянофилы; театр.

Key words: V. G. Rasputin; West; I. S. Aksakov; K. S. Aksakov; national tradition; social-political journalism; A.S. Pushkin; Slavophil; theatre.

Сведения об авторе: Власов Сергей Валентинович, аспирант кафедры русской литературы и журналистики XX—XXI вв.

About the author: Vlasov Sergey Valentinovich, Post-Graduate student of the Chair of Russian Literature and Journalism XX—XXI centuries.

Место работы: Московский педагогический государственный университет.

Place of employment: Moscow State Pedagogical University.

Контактная информация: 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, к. 206.
e-mail: aspirantura_upr@mpgu.edu.

История отечественной публицистики знает яркий этап полемики по культурно-духовным и нравственным вопросам между славянофилами, почвенниками и западниками. Середина XIX в. — время расцвета славянофильства, которое отшлифовывалось на страницах аксаковской газеты «Молва», журнала «Русская беседа», оппонировавших катковскому «Русскому вестнику» (и другим изданиям).

куства массам», — читаем в «Литературном энциклопедическом словаре» [Смирнов 1987: 235]. Возникшая в трудах западноевропейских предромантиков, подхваченная романтиками, концепция народности получила социально заостренное звучание в российской революционно-демократической критике.

В конце XX и начале XXI в. вновь звучат те же давние тезисы. Несмотря на современный «глобальный мир», они во многом остались неизменны и возникают в телевизионных дебатах, на страницах журнала «Наш современник». Одним из ярких выразителей идей антизападничества нам представляется В. Г. Распутин, особенно в публицистическом творчестве, в его знаменитых диалогах с В. С. Кожемяко.

Для русского человека «вполне закономерно, не отрицая других народностей, уделять преимущественное внимание своей, наиболее ценить и любить ее, понимать ее существенные особенности. Так в статье „О значении народности“ („Смесь“, № 24) выражается возмущение теми, кто признавая народность в других, не признает ее в русских: „всякая национальность в мире хороша и позволительна, не допускается же существовать из всех народов мира одним русским“» [Рейфман 1981: 73].

Вначале, чтобы обозначить эстафету славянофильского дискурса, принятую В. Г. Распутиным, обратимся к идеям XIX в.

В речи, произнесенной 7 июня 1880 г. на заседании Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете, посвященной открытию памятника А. С. Пушкину в Москве, И. С. Аксаков рассуждал о народности, находящейся не в чести у официоза: народность, по словам И. С. Аксакова, «как ртуть в градуснике на морозе, сжалась, сбегала сверху вниз, в нижний слой народный; правильность кровообращения в общем организме приоста-

Одно из базовых понятий славянофильства — *народность*, связываемая адептами «Молвы» с простым народом, противопоставленным правящим классам. Народность — это «мера глубины и адекватности отражения в художественном произведении облика и мирозерцания народа», «мера эстетической и социальной доступности ис-

новилась, его духовная цельность нарушена. Простой народ притаился, замкнулся в себя, и над ним, ближе к источнику власти, сложилось общество: вольные и невольные отступники от духа» [Аксаков 1982б: 265]. Через сто с лишним лет после И. С. Аксакова свою тревогу за русский народ высказывает В. Г. Распутин: «В России больше 80 процентов русских, надо, не боясь национализма, обратиться к их национальному чувству. От национализма культурного, озабоченного воспитанием народа в лучших (в лучших!) национальных традициях, никому опасности быть не может. Напротив, это — сдерживающее начало от агрессивности, которая сейчас, к несчастью, поразила весь мир. Что плохого, если мы учим: нельзя мне поступать дурно, ибо я русский» [Распутин 2012: 15—16].

И. С. Аксаков, открывая в 1859 г. еженедельную газету «Парус», декларирует «знамя» нового издания: «Наше знамя — русская народность. Народность вообще — как символ самостоятельности и духовной свободы, свободы жизни и развития, как символ права, до сих пор попираемого теми же самыми, которые стоят и ратуют за право личности, не возводя своих понятий до сознания личности народной! Народность русская, как залог новых начал, полнейшего жизненного выражения общечеловеческой истины» [Аксаков 1982а: 254].

Переключка между Аксаковым и Распутиным очевидна. Пафос распутинской публицистики, таким образом, вписывается в историю развития русской мысли, традицию.

Следующий тезис славянофильства, если использовать современную лексику, — *толерантность*. «Так, в одной из рецензий редактора „Библиографии“ (славянофильского издания) утверждалось, — пишет П. С. Рейфман, — что в России всегда существовала терпимость к иноземцам, что Россия, „при господстве русского элемента, всегда представляла собой совокупность народов, различных по племени, языку, вере, обычаям, законам“» [Рейфман 1981: 77]. «Я не могу, не умею быть нетерпимым к любому национальному чувству, если оно не диктует себя всем, так почему же считается преступлением мое национальное и патриотическое чувство?» [Распутин 2012: 18], — пишет В. Г. Распутин.

Мэтры русского славянофильства Иван Сергеевич и Константин Сергеевич Аксаковы не только призывали в своих публицистических текстах (речах, статьях) русских стать русскими, они это воплощали на практике, например демонстративно отказывались от западноевропейской одежды (сюртуков,

фраков и пр.). К. С. Аксаков отпустил бороду, так как борода, по его мнению, часть русского облика, и она «при русской одежде необходима», носил специально для него сшитую *святославку* (так Аксаковы называли верхнюю одежду, которая напоминала старинный зипун — долгополую одежду без ворота) и *мурмолку* (древнерусский головной убор в форме невысокого колпака из ткани с меховой опушкой), в таком виде ходил по улице и являлся в общество. Одним из его подражателей стал отец братьев Аксаковых, Сергей Тимофеевич Аксаков, отпустивший бороду и носивший святославку. Однако вскоре шеф жандармов А. Ф. Орлов увидел в такой моде угрозу общественному спокойствию и издал циркуляр о запрете ношения бороды дворянам и русской национальной одежды. С Аксаковых была взята персональная расписка, что они обязуются выполнить распоряжение [См.: Аксаковы 1982: 373].

Отдельные славянофилы считали, что полтора века (со времен Петра), которые отделили Россию от ее русскости, были самыми губительными: «Устремившись из своей тесной национальной ограды в пролом, сделанный мощною рукою Петра, русское общество, сбитое с толку, с отшибленной исторической памятью, избывшее и русского ума и живого смысла действительности, заторопилось жить чужим умом, даже не будучи в состоянии его себе усвоить. Нескладно и безобразно залепетало оно дикою смесью простонародного говора, церковнославянского языка и изуродованной иностранной речи. Чужой критерий, чужое мерило, чужие формы, чужое мирозерцание. Жизнь наводнилась ложью, призраками, абстрактами, подобиями, фасадами — и колоссальным недоразумением между народом и его так называемой „интеллигенцией“, официальной и неофициальной, консервативной и либеральной, аристократической и демократической» [Аксаков 1982б: 266]; «Кто бы ни был в том виноват, сам ли народ, Петр ли Великий, могло ли бы или не могло оно совершиться иначе, эти вопросы теперь излишни; важен сам исторический факт» [Там же: 265]. Полемизируя с западниками на страницах «Молвы», славянофилы подчеркивают превосходство допетровской России с ее общинным бытом как особенностью древнего уклада жизни над страной послепетровской. Идеализация древней Руси на страницах «Молвы» была основана на представлении о том, что этот быт соответствовал интересам простого народа, крестьянства, основам христианства, толкуемым в духе народных норм нравственности, противо-

поставленным жизни правящих классов [Рейфман 1981: 79]. О русском общинном духе писал И. С. Аксаков, утверждая, что общинный и хоровой строй жизни мало благоприятствовал развитию субъективности и индивидуализма: «Нам легче быть объективнее, чем кому другому. Кроме того, русский человек, непричастный истории европейского Запада, поставлен в выгодное относительно его положение уже потому, что может обозревать его извне, судить о нем с той свободой и всесторонностью...» [Аксаков 1982б: 277]. Об индивидуализме как отличительной черте западной ментальности неоднократно высказывается и В. Г. Распутин.

Уровень пафоса, поднятые темы, проблемы российского общества, ментальность россиян — все эти позиции, рассматриваемые в славянофильском дискурсе, унаследовал и публицист В. Г. Распутин.

Более века прошло со дня произнесенной И. С. Аксаковым речи о Пушкине — но роль поэта в истории русской культуры и ментальности не меняется, о чем говорит сопоставление фрагментов из текстов Аксакова и Распутина.

● Аксаков: *Точно день, белый день, настал для русского общества с появлением Пушкина. Призраки, обманные очертания ночи отшатнулись, уступив место правде дня с ее простотою и красотой. Творчеству русского духа, по крайней мере в сфере поэзии, возвращена свобода и полноправность* [Аксаков 1982б: 268];

...Они <некоторые> укажут на множество стихов зротического и вообще легкомысленного содержания. Правда, их немало; но все эти стихотворения запечатлены характером шалости, забавы молодого таланта, хотя бы иногда и непозволительной, в которой и сам Пушкин потом горько раскаивался. <...> И никогда в своем храме, пред алтарем, не священнодействовал он пороку как принципу, не служил умышленному холодному разврату и божественным глаголом не сеял коварно безнравственности [Там же: 275];

● Распутин: *Он <Пушкин> и нас, нынешнее общество, высветил собою. <...> Не буду сейчас говорить об особой породе людей, ненавидящих вместе с Россией и Пушкина, о пошляках, зубоскалах и разного рода выставляющихся на фоне Пушкина, злобствующих, обделенных умом и талантом. <...> Но вот вспоминается торжественное собрание в Пскове, близ самых дорогих для Александра Сергеевича мест, накануне его дня рождения; переполненный праздничной, нарядной публикой зал, множество гостей*

со всей России — и Михаил Козаков на сцене, читающий Пушкина... под неприличные жесты. Зал смеется, аплодирует. Меня это потрясло. С Козакова взятки гладки, он по природе своей, может быть, так устроен, что не видит Пушкина без неприличия, но зал-то, зал! [Распутин 2012: 75—76];

● Аксаков: *Это был первый истинный, великий поэт на Руси и первый истинно-русский поэт, а по тому самому и народный, в высшем значении этого слова. Он до сих пор самый русский из всех наших поэтов. Он первый внес правду в мир русской поэзии и разрешил плен русского народного духа в доступной ему сфере искусства. <...> И не одному только искусству указал он путь, но всей вообще русской мысли, во всех ее разнообразных проявлениях, в слове и в жизни* [Аксаков 1982б: 279];

● Распутин: *Пушкин чувствен, необыкновенно красив и богат в стихе, он как дрожжи для души, поэзия его мироточива — конечно, он не вмещается в размер духовно укороченного нового человека, он для этого мира чужак. А народ, интуитивно чувствуя это, вышел навстречу Пушкину как к одному из духовных спасителей* [Распутин 2012: 84].

Из множества культурообразующих институтов современного общества В. Г. Распутин все время возвращается к театру, но и там он не находит (как и на телевидении, в прессе, в образовании) традиционно русских основ, понятных простому человеку. Лишь один столичный театр, по мнению Распутина, достоин называться храмом искусства: «МХАТ Татьяны Дорониной — чуть ли не единственный театр в России, который во все 90-е годы и сейчас, ставя Достоевского, Островского и Горького, говорит об обездоленных, и уж, конечно, не как о людях низшего сорта, а как о несчастных с сердцами благородными и добрыми, не способными идти против совести. Другого такого театра в России с подобным репертуаром я не знаю. В нынешней литературе сострадательные слезы есть, но „Униженных и оскорбленных“ никто не написал. Да литература и сама нуждается в сострадании: одна ее часть, благополучная, — потому что развратна, зла и высокомерна, а вторая, продолжающая традиции отечественной словесности, — потому что сама отвержена и поругана» [Распутин 2012: 139—140].

Проблему театра поднимали и славянофилы: «Редакция „Молвы“ обращается... к проблеме русского народного театра... Опубликована большая статья В. П. „О театре“. Автор ее указывал, что подлинное театральное искусство должно быть массовым,

образовательным зрелищем, доставляющим эстетическое наслаждение и воспитывающим нравственно зрителей. Такого театра, по мнению В. П. (В. П. Попова) в России нет и никогда не было. Со своего появления, с Сумарокова, русский театр был далек от народной жизни, подражал французскому, Расину, переряжая его героев в русские кафтаны. <...> Подлинный же идеал Попов видит в следовании традиции пушкинской „Русалки“, в обращении театра к жизни народа» [Рейфман 1983: 81—82].

Публицистику В. Г. Распутина роднит со славянофилами и главная мировоззренче-

ская антитеза — противопоставление России и Запада. Совпадение мнения современного автора с сентенцией полуторавековой давности демонстрируют 1) традиционность взглядов В. Г. Распутина и 2) не утрачивающуюся актуальность проблем, поднятых полтора века назад.

Если перемежать фрагменты публицистики XIX в. и современной, складывается единый органичный текст, в котором одна часть плавно переходит в другую, дополняя ее, конкретизируя, заостряя; текст славянофилов И. С. и К. С. Аксаковых воспринимается вполне современным:

Иван Аксаков, Константин Аксаков	Валентин Распутин
Противопоставление Запада и России	
<p><i>...Русская земля подверглась внезапно страшному внешнему и внутреннему насилению. Рукой палача совлекался с русского человека образ русский и напяливалось подобие общеевропейца. Кровью поливались, спешно, без критики, на веру, выписанные из-за границы семена цивилизации. Все, что только носило печать народности, было предано осмеянию, поруганию, гонению; одежда, обычай, нравы, самый язык, — все было искажено, изуродовано, изувечено [Аксаков 1982б: 265].</i></p>	<p><i>Национальная униженность — это ведь не только предательство национальных интересов в политике и экономике и не только поношение русского имени с экранов телевидения и со страниц журналов и газет... Это и издевательство над народными обычаями, и осквернение святынь, и чужие фасоны ума и одежды, и вывески, объявления на чужом языке, и вытеснение отечественного искусства западным ширпотребом самого низкого пошиба... и чужие нравы, чужие манеры, чужие подметки — все чужое, будто ничего у нас своего не было [Распутин 2012: 17].</i></p>
<p><i>Русский человек из взрослого, из полноправного, у себя же дома попал в малолетки, в опеку, в школьники и слуги иноземных всяких, даже духовных дел мастеров. Умственное рабство перед европеизмом и собственная народная безличность провозглашены руководящим началом развития. Только такому могучему народному организму, каков русский, под силу вынести и перебыть подобное испытание, которому, впрочем, конец далеко еще не настал. Тяжко пришлось русским людям; но обращаться вспять было уже нельзя... [Аксаков 1982б: 265—266].</i></p>	<p><i>Национальную идею искать не надо, она лежит на виду. — Это — правительство наших, а не чужих национальных интересов, восстановление и защита традиционных ценностей, изгнание в шею всех, кто развращает и дурачит народ, опора на русское имя, которое таит в себе огромную, сейчас отвергаемую, силу... Это — покончить с обезьяньим подражательством чужому образу жизни, остановить нашествие уродливой „культуры“, создать порядок, который бы шел по направлению нашего исторического и духовного строения, а не коверкал его. <...> ...Никогда народ не будет доверять государству, пока им управляют изворотливые и наглые чужаки! [Распутин 2012: 59].</i></p>
<p><i>Отнимать у русского народа право иметь свое русское воззрение — значит лишить его участия в общем деле человечества [Аксаков 1982в 3: 197].</i></p>	<p><i>...Издевательство, издевательство, издевательство над всем, что делает русского русским, что человека делает человеком [Распутин 2012: 28].</i></p>

Следует отметить, что обращение к исторической и современной публицистике на уроках литературы в школе дает представление 1) о встроенности современных проблем, волнующих писателя и общество, в

исторический процесс, 2) о роли публицистического слова в жизни общества, 3) о месте писателя в этом процессе, берущего на себя бремя критика, хулителя современных ему устоев, а также пророка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков И. С. Об издании в 1859 году газеты «Парус» // К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика / сост., вступ. ст. и коммент. А. С. Курилова. — М. : Современник, 1982а. С. 252—255.

2. Аксаков И. С. Речь о А. С. Пушкине // К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика / сост., вступ. ст. и коммент. А. С. Курилова. — М. : Современник, 1982б. С. 263—280.

3. Аксаков К. С. О русском воззрении // К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика / сост., вступ. ст. и коммент. А. С. Курилова. — М. : Современник, 1982в. С. 197—198.

4. Аксаков К. С., Аксаков И. С. = Аксаковы. Литературная критика / сост., вступ. ст. и коммент. А. С. Курилова. — М. : Современник, 1982.

5. Распутин В. Г. Эти двадцать убийственных лет. — М. : Эксмо, 2012.

6. Рейфман П. С. К истории славянской журналистики (статья третья) // Проблемы литературной типологии и исторической преемственности / отв. ред. Ю. М. Лотман. — Тарту, 1981. С. 73—85. (Труды по русской и славянской филологии. XXXII. Литературоведение. Учен. записки Тарт. гос. ун-та).

7. Рейфман П. С. К истории славянской журналистики 1840—1850-х годов (статья пятая) // Типология литературных взаимодействий / отв. ред. З. Минц. — Тарту, 1983. С. 73—84. (Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение: Учен. записки Тарт. гос. ун-та).

8. Смирнов Ю. Б. Народность // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. — М. : Сов. энцикл., 1987. С. 235—236.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская

Г. К. Гималетдинова Г. К. Gimaletdinova
Казань, Россия Kazan, Russia

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ИНТЕРАКТИВНОЙ ГАЗЕТНОЙ СТАТЬИ:
К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА**

Аннотация. Изучается феномен интерактивной газетной статьи (ИГС) как продукт совместной (интерактивной) деятельности журналиста и читателя, формирующий политическое сознание и расширяющий возможности политической коммуникации. Высказывается гипотеза о необходимости рассмотрения ИГС как комплексного явления с ядерным и периферийным компонентами. Проведенный анализ средств и приемов, создающих среду для интерактивного обмена мнениями, позволяет говорить о целостности ИГС как интернет-жанра и особого вида электронной медийной коммуникации.

Ключевые слова: политическая коммуникация; интерактивная газетная статья; комментарий читателя; интернет-жанр; медийный политический дискурс.

Сведения об авторе: Гималетдинова Гульнара Камилевна, кандидат филологической наук, доцент кафедры английской филологии.

Место работы: Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Контактная информация: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2, к. 414.
e-mail: gim-nar@yandex.ru.

**LINGUISTIC FUNDAMENTALS
OF PARTICIPATORY NEWS ARTICLE:
THE PRESENTATION OF THE PROBLEM**

Abstract. The research investigates the phenomenon of participatory news article (PNA) as the product of joint (interactive) activities of a journalist and a reader. PNA contributes to the formation of political consciousness and expands the opportunities for political communication. We suggest the hypothesis about the need to address the PNA as a complex phenomenon consisting of nuclear and peripheral components. Having analyzed the tools and techniques that enable interactive communication and on-line exchange of views, we claim that the PNA is a special genre of electronic media communication characterized by integrity.

Key words: political communication; participatory news article; reader comment; web genre; media political discourse.

About the author: Gimaletdinova Gulnara Kamilevna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of the English Philology.

Place of employment: Kazan (Volga Region) Federal University.

Доминирование антропоцентрической парадигмы в современной науке в целом и в лингвистических исследованиях в частности обуславливает актуальность рассмотрения речевой деятельности человека, что отражают многочисленные работы, проводимые в области политической лингвистики. Вовлеченность каждого индивида в процесс глобальной коммуникации объясняется активизацией таких общественных процессов, как глобализация и демократизация, позволяющих любому заинтересованному человеку сделаться активным участником политических преобразований. Изучение различных аспектов политической лингвистики уже позволило сделать существенные выводы о необходимости учета социального контекста коммуникации и фоновых знаний [Чудинов 2006: 40], об интегративной функции интернет-технологий в политической сфере [Современная 2011: 217], об использовании интертекстуальности как средства выражения интенции воздействия на реципиента в политическом дискурсе [Попова 2007] и мн. др.

По справедливому утверждению ученых, политическая коммуникация, являющаяся предметом рассмотрения политической лингвистики, «отражает существующую полити-

ческую реальность, изменяется вместе с ней и участвует в ее преобразовании» [Чудинов 2006: 8], поскольку «связана с экстралингвистическими мотивациями и с фактором адресанта и адресата» [Синельникова 2010: 35]. Увеличение количества работ, посвященных различным аспектам медийного политического дискурса, объясняется повышением научного интереса к проблеме рефлексии личности в условиях постоянно меняющейся действительности, к вопросам идеологического воздействия и манипулирования политическим сознанием, критической переоценки тех или иных социально значимых явлений и др. [Добросклонская 2005; Желтухина 2004; Какорина 2005; Кобозева 2003; Кушнерук 2007]. С развитием электронных технологий еще одной актуальной темой, требующей специального научного изучения, становится проблема дифференциации отдельных видов электронной коммуникации и интернет-жанров [Bruce 2010; Гермашева 2011 и др.].

Размышляя над проблемами речевых жанров, М. М. Бахтин отмечал, что «характер и формы использования языка так же разнообразны, как и формы человеческой деятельности» [Bakhtin 2006: 98], а «индиви-

дуальный речевой опыт всякого человека формируется и развивается в непрерывном и постоянном взаимодействии с чужими индивидуальными высказываниями. Этот опыт в известной мере может быть охарактеризован как процесс *освоения* — более или менее творческого — чужих слов (а не слов языка). Наша речь <...> полна чужих слов, разной степени чужести или разной степени освоенности, разной степени осознанности и выделенности. Эти чужие слова приносят с собой и свою экспрессию, свой оценивающий тон, который осваивается, перерабатывается, переакцентуируется нами» [Бахтин]. Данный подход, ставящий во главу угла коммуникативную организацию и ситуативную обусловленность высказываний, вносит значительный вклад в современное изучение жанрового пространства в медийном политическом дискурсе, основными особенностями которого являются информативность, экспрессивность и эмотивность.

В определенной степени научное изучение различных форм медийной коммуникации обусловлено повышением интереса к дискурсу общественности (*public discourse*). Для многих зарубежных исследований характерен междисциплинарный, преимущественно социолингвистический, подход к рассмотрению данного феномена, что предполагает достаточно широкое его толкование. Отмечены такие особенности дискурса общественности, как преобладание аргументативного типа коммуникации [Tollefsen], диалогичность и демократичность [Public 2003].

Многообразие уже существующих и регулярное появление новых форм выражения общественного мнения (блоги, читательские комментарии к газетным статьям и др.) позволило обозначить сферу их изучения в рамках теории дискурса. Так, например, Н. А. Красильникова довольно уверенно заявила о возможности выделения дискурса общественного мнения, которое представляет собой «уникальное дискурсивное образование, вобравшее в себя черты институционального, медийного и бытового дискурсов», а также предполагает «оценочную интерпретацию общественно-политического явления, события и его участников, обмен мнениями и участие в решении значимых проблем общества и государства» [Красильникова 2011: 136]. Дискурсивное изучение общественного мнения — это не что иное, как результат расширения научных интересов политической лингвистики, когда «выкристаллизовываются новые грани исследования, преломляющие новые аспекты взаимодействия языка, власти и общества» [Современная 2011: 195].

Лингвистические исследования тех или иных форм выражения общественного мнения проводятся преимущественно на материале различных видов высказываний, чаще всего представленных в текстовом формате. Отдельные виды текстов, являющихся взаимосвязанными продуктами интерактивной коммуникации членов общества, рассматриваются на материале газетных статей [Алещанова 2000; Каменева 2009; Кушнерук 2007], кратких газетных сообщений [Фаткабарова 2007], блогов [Гермашева 2011] и комментариев к газетным статьям [Красильникова 2008, 2011]. В настоящей статье речь пойдет о таком явлении, как «*participatory news article*» (интерактивная газетная статья, ИГС). Последняя представляет собой продукт совместной деятельности журналиста и читателей в виде онлайн-комментариев читателей к электронной газетной статье [Bruce 2010: 333]. Интерес к данному явлению возник не случайно, а в связи с необходимостью систематизировать растущее количество интернет-жанров, что, в свою очередь, обусловлено популярностью электронных коммуникаций в обществе.

«*Participatory*» в английском языке характеризует действие, предполагающее совместное, коллективное или доленое участие в чем-либо, соучастие, вовлечение. Так, например, театральное представление с участием зрителей обозначается термином «*participatory theatre*» [Новый 2000: 633]. Слово «*participatory*» активно используется для обозначения различных общественно-политических и экономических явлений, например: доленое участие — «*participatory interest*»; метод исследования, предполагающий взаимодействие исследователей и испытуемых — «*participatory research*»; коллективная оценка — «*participatory assessment*»; совместные действия организованной группы лиц, демократия прямого участия — «*participatory democracy*» [Новый 2000: 633]. В современном обществе в результате стремительного развития интернет-технологий распространяются и пропагандируются новейшие модели интерактивности. Например, появляется «*participatory museum*» — музей, позволяющий посетителю оставить свой след в пространстве музея, в котором «музейный предмет выступает катализатором коммуникации между отдельными индивидуумами, объединяя их в своеобразную сеть» [Participatory Museum]. В Интернете созданы сообщества, целью которых является совместная деятельность в области медицины (*Society for Participatory Medicine*), средств массовой информации (*Participatory Media, Participatory Journalism*), культуры

(Participatory Culture Foundation) и др. В основе всех вышеперечисленных и подобных им явлений лежит идея совершения совместных (интерактивных) действий участниками коммуникации, нацеленными на единый результат. Таким образом, феномен интерактивной газетной статьи представляет собой современный вид электронной медийной коммуникации, предполагающий активное совместное участие адресанта и адресата, журналиста и читателя.

В основу данного исследования легла следующая гипотеза: электронные статьи, размещенные на сайтах многих современных газет, и читательские комментарии к этим статьям не могут и не должны рассматриваться как отдельные виды медийной коммуникации, поскольку в совокупности представляют собой целостное явление, обладающее своими жанрово-стилистическими особенностями и имеющее единую цель — интерактивный обмен мнениями ради поиска решений насущных проблем общественно-политической жизни конкретной страны в определенный период ее развития. По мнению С. Л. Кушнерук, «интерактивность в электронных СМИ предполагает непосредственное взаимодействие с участниками коммуникации, то есть читателями, их немедленную реакцию на полученную информацию. Ссылки „оставить комментарий к этой статье“ или „к этой статье имеется ...

(указывается количество) комментария(ев)“ являются средствами реализации данного свойства. Они стимулируют заинтересованных читателей поделиться своим мнением с другими пользователями сайта, что одновременно повышает его рейтинг» [Кушнерук 2007: 141].

Мы изучили структурную и содержательную стороны свыше пятидесяти интерактивных газетных статей, посвященных проблемам образования в Великобритании и США. Следует отметить, что сфера образования выбрана не случайно: она, как и многие другие стороны жизни общества, обусловлена политическими явлениями и событиями, происходящими в той или иной стране. В связи с этим нам было интересно проследить на материале ИГС специфику корреляции образования и политики как социальных институтов, иными словами, выявить, насколько образование «политизируется» во мнении представителей современного общества (в нашем случае — журналиста и читателя как создателей ИГС).

Проведя комплексный анализ ИГС, мы пришли к некоторым выводам относительно их структурно-композиционной и тематической организации. Возможные вариации интерактивного обмена мнениями и взаимодействие между автором газетной статьи (журналистом) и читателями, оставляющими свои комментарии, условно показано на рис.

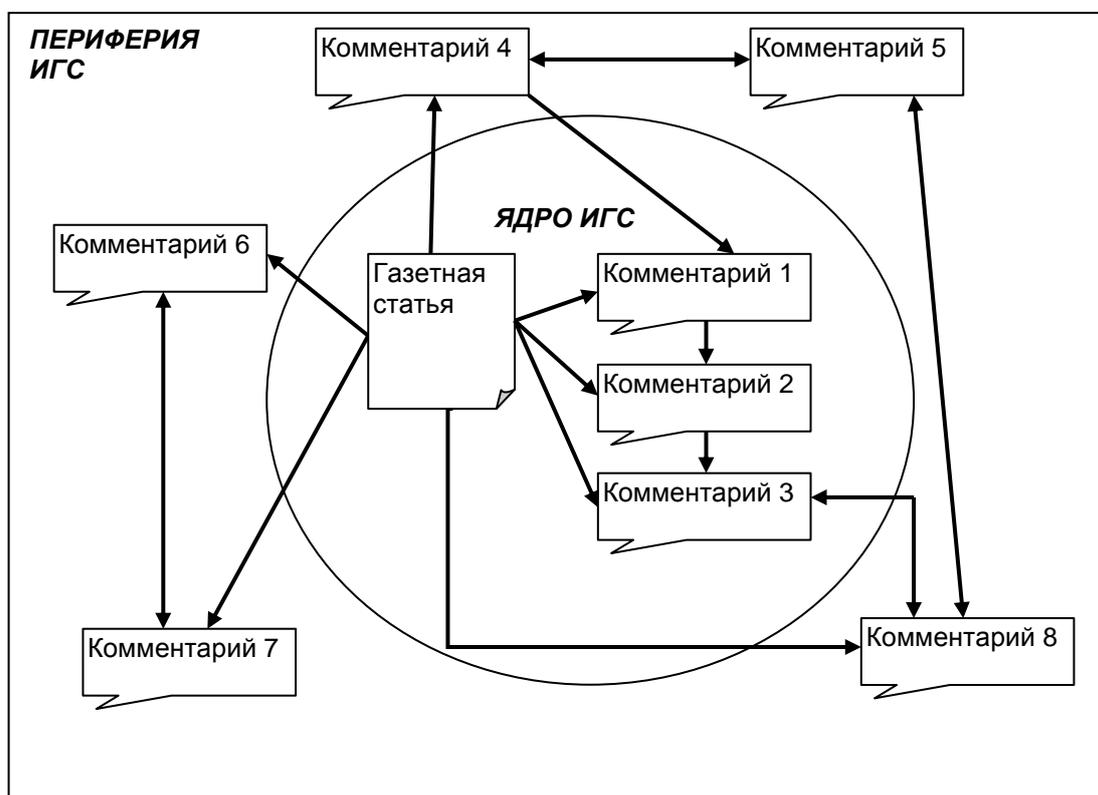

Рисунок. Ядерный и периферийный компоненты ИГС

В тематическом плане ИГС имеет ядерный и периферийный компоненты. Ядро ИГС составляют те значимые явления общественно-политической жизни, которые получили непосредственное освещение в тексте газетной статьи, а также которые вызвали онлайн-реакцию читателя/читателей. Коммуникация участников такого виртуального общения, в рамках которой поступают полемические и унисонные (по терминологии Л. Р. Дускаевой [Дускаева 2004]) реплики-комментарии, не выходящие за пределы обозначенной журналистом тематики, также относится к ядру ИГС.

Что касается периферии ИГС, то к ней можно отнести те сферы и области общественно-политической жизни, которые выходят за пределы тематики, предложенной журналистом, но, по мнению участников онлайн-диалога, также значимы и достойны обсуждения. Так, например, при исследовании ядерного и периферийного компонентов интерактивных газетных статей, посвященных различным аспектам образования в той или иной стране, нетрудно обнаружить в периферии значимые, но не отраженные в ядре глобальные вопросы политической нестабильности, коррупции, негативного отношения к конкретным политическим деятелям. По нашим наблюдениям, многие сферы жизни общества, на первый взгляд не имеющие непосредственной связи с политикой (искусство, религия, образование), в периферии ИГС предоставляют благодатную почву для политических дискуссий, что свидетельствует о теснейшей взаимосвязи общественных и политических явлений в целом.

Основные компоненты ИГС — статья журналиста и читательские комментарии — используют различные средства и приемы, создающие своеобразную среду для интерактивного обмена мнениями, например, приемы синтаксические (риторические вопросы), графико-пунктуационные (использование многоточия, тире, курсива, полужирного шрифта, типичных для электронной коммуникации смайликов и т. д.), лексические и стилистические (использование различных значений многозначного слова, эпитет, ирония, сарказм, аллюзия), прагматические (средства диалогической связи, побуждающие к полемике) и др. Однако нельзя не отметить существенные расхождения в лексическом и структурно-композиционном оформлении текстов статьи и комментария. Если газетная статья создается в соответствии с правилами подачи материала в СМИ, содержит более нейтральную лексику, пишется со стремлением к объективности или, по крайней мере, не содержит прямых суж-

дений, то комментарий (обычно не превышающий 95 слов), напротив, характеризуется экспрессивностью, субъективностью, лаконичностью, сжатостью, отсутствием продуманной риторической организации [Bruce 2010: 343].

Разберем подробнее конкретный пример. В заголовке своей статьи «The Importance of Being Eton» [Mount 2010], посвященной проблеме образования в Великобритании, журналист использовал аллюзию на известное произведение Оскара Уайльда «The Importance of Being Earnest» («Как важно быть серьезным»). Если в художественном произведении используется игра слов, обыгрывается прилагательное *earnest* (серьезный) и созвучное ему имя далеко не серьезного главного героя (*Ernest*), то в статье журналиста, представляющей собой интервью пяти выпускников Итона, как нам представляется, неоднозначно характеризуется образ учащегося Итонского колледжа. Ключевые слова *importance* (важность, значение) и *Eton, Etonian* (Итон, выпускник Итона) предполагают самые разные трактовки, что можно видеть как в ядре ИГС, так и на ее периферии. Так, например, в тексте статьи можно обнаружить как положительную оценку образа выпускника Итона (пример 1), так и отрицательную (пример 2).

1. *If Eton gave me anything, it is the confidence to say that making judgments about people on the basis of which school they attended is puerile; that forcing them to defend their education absurd; and that continuing to be obsessed about one school in particular is a symptom of much that needs changing in Britain. / Если Итон и обучил меня чему-либо, так это уверенности в том, что судить о людях по тому, какую школу они посещали — это ребячество, заставлять их защищать свое образование — абсурд, и британцам уже давно пора избавиться от свойственной им одержимости какой-то конкретной школой.*

2. *It wasn't a good school for real life. It was a society with its own rules; not a good model for larger society. I got a very good academic education there, but a very poor education in the way the rest of the world works. / Итон не был хорошей школой для реальной жизни. Это было общество со своими правилами, однако не лучшая модель для общества в целом. Меня очень хорошо подготовили в академическом плане, но очень плохо относительно того, как в действительности устроен мир.*

Неоднозначной и даже полярной ответной реакцией многие читатели, оставившие свои комментарии, продолжают размышле-

ния автора статьи, включая в ядерный компонент проблему престижа школы и востребованности в современном обществе с учетом преобразований в политической сфере (примеры 3, 4, 5). Использование риторических и косвенных вопросов в комментариях читателей (пример 6) не только способствует повышению выразительности и аргументативности высказывания, но также стимулирует интерактивный обмен мнениями.

3. *An Etonian is running a country in very difficult times, and he seems to acquit himself well. <...> No one complains that he is an Etonian and not in touch with the real world. (Dodo Broad).* / Выпускник Итона работает в трудное время и неплохо себя оправдывает. <...> Никто не жалуется на то, что он выпускник Итона и при этом изолирован от реального мира.

4. *Only in this stupid and spiteful country could receiving the best education money can buy count against you if you want to stand for public office (James David wrote).* / Только в этой глупой и злобной стране лучшее образование, которое только можно купить за деньги, играет против вас, если вы претендуете на государственную должность.

5. *I have always found it rather odd that to this day that OEs are still regarded as overly privileged individuals (Robert Matthews).* / Мне всегда казалось довольно странным, что выпускники Итона до сих пор считаются особо привилегированными личностями.

6. *Say Oxford then Cambridge. Wait a second and say Eton. Which is more appealing? (Edward Macdonald)* / Оксфорд или Кембридж? А может, Итон? Что является более привлекательным?

Если в ядерном компоненте ИГС освещаются преимущественно проблемы статуса выпускника Итона, то на периферии затрагиваются некоторые чисто политические вопросы, например, связанные с личностями конкретных политиков (примеры 7, 8).

7. *However, if my prime minister, was bright enough to get into Eton and attend Oxford, that surely most bode well for the running of our nation. To some degree at least (Robert Matthews).* Однако, если бы премьер-министр в моей стране был достаточно умен, чтобы поступить в Итон и продолжить обучение в Оксфорде, то это положительно сказало бы на управлении страной. По крайней мере, в какой-то степени.

8. *We should have learned from Tony Blair that while an immense sense of confidence makes it easier to obtain a senior leadership role, it is not a characteristic would-be followers should look for in electing a leader (Red Moon*

wrote). Нам следовало бы научиться на опыте Тони Блэра, что даже если непомерная уверенность открывает путь к высоким постам, это не та черта, на которую должны делать ставку потенциальные сторонники, выбирая очередного лидера.

Таким образом, в данной ИГС использован целый спектр средств достижения интерактивности: игра слов, стилистические приемы, аллюзии, косвенные вопросы и др. Научное исследование лингвистических аспектов ИГС основывается на признании того факта, что отношения и связи между образующими ИГС элементами находятся в непосредственном единстве с экстралингвистическими факторами — политической обстановки в стране, спецификой общественных отношений и т. д. Именно в таком взаимодействии и при таком рассмотрении и проявляется целостность ИГС как жанра электронной медийной коммуникации.

Проведенное исследование не претендует на исчерпывающий анализ такого сложного и многостороннего явления, каким является современная ИГС, но все же позволяет сделать некоторые обобщения.

Во-первых, ИГС — это современный вид медийной коммуникации, появившийся в результате стремительной экспансии веб-жанров в СМИ, а также активизации жизни общества, стремящегося к демократизации и находящегося в поиске новых форм самовыражения. Результатом указанных явлений стало стремление создать продукт совместной, коллективной (интерактивной) деятельности.

Во-вторых, выделение в структуре ИГС отдельных компонентов — газетной статьи журналиста и комментария читателя — является условным и нацелено исключительно на стремление описать характер текстовой организации ИГС: информативный со стороны речи журналиста и аргументативно-экспрессивной со стороны читателя. Проведенный анализ компонентов ИГС позволяет сделать вывод об их органической связи: информативность журналистского текста **нацелена** на экспрессию адресата (читателя), тогда как аргументация и субъективное мнение читателя, содержащиеся в оставленном им комментарии, в свою очередь, **обусловлены** индивидуально-авторским восприятием информативной части статьи. Полагаем, это и составляет диалектику интерактивного общения в режиме онлайн.

В-третьих, среди основных жанрово-стилистических особенностей ИГС необходимо отметить информативность, полемичность, динамичность, аргументативность.

В-четвертых, проведенный анализ позволяет заключить, что вопросы политиче-

ского устройства той или иной страны и политические проблемы «пронизывают» различные сферы жизни общества. В особенности об этом свидетельствует периферия изученных ИГС. Во всех рассмотренных нами ИГС отмечены комментарии читателей, обращенные не только и не столько к заявленной в ядерном компоненте проблеме образования, побуждающие к обсуждению чисто политических вопросов. По нашему мнению, это доказывает высокую степень заинтересованности читателя в политических процессах, происходящих в современном обществе, и подтверждает факт тесной взаимосвязи политики, государства и образования как социальных институтов.

В целом явление интерактивной газетной статьи представляет интерес для дальнейших лингвистических исследований в сфере политической лингвистики, преимущественно медийного политического дискурса, который с появлением новых интернет-жанров претерпевает значительные изменения. Кроме того, феномен интерактивной газетной статьи может стать предметом специального когнитивно-дискурсивного, сопоставительного, жанрово-стилистического и прагматического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алецанова И. В.* Газетный текст как разновидность массово-информационного дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс* : сб. науч. тр. / отв. ред. В. И. Карасик, Г. Г. Слышкина. — Волгоград : Перемена, 2000. С. 131—140.
2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/bahtin_estetika/05.aspx (дата обращения: 30.04.2012).
3. *Гермашева Т. М.* Языковая личность субъекта блог-дискурса: лингвокогнитивный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Нальчик, 2011.
4. *Добросклонская Т. Г.* Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). — М. : Едиториал УРСС, 2005.
5. *Дускаева Л. Р.* Диалогичность современных газетных текстов в аспекте речевых жанров. — Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2004.
6. *Желтухина М. Р.* Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ : дис. ... д-ра филол. наук. — М, 2004.
7. *Какорина Е. В.* СМИ и интернет-коммуникация (области пересечения и проблемы взаимодействия) // *Язык современной публицистики* : сб. ст. — М. : Флинта : Наука, 2005. С. 67—98.
8. *Каменева В. А.* Композиционно-смысловая структура дискурса газетных сообщений как эффективное средство корректировки гендерного дисплея российской и американской лингвокультуры // *Вестн. Челяб. гос. ун-та.* 2009. № 10 (148). Филология. Искусствоведение. Вып. 30. С. 30—35.
9. *Кобозева И. М.* Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ // *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования* : учеб. пособие. — М. : Изд-во МГУ, 2003. Ч. 1. С. 92—107.
10. *Красильникова Н. А.* Общественное мнение как предмет когнитивно-дискурсивных исследований в сфере политической лингвистики // *Политическая лингвистика.* 2011. Вып. 2 (36). С. 133—140.
11. *Красильникова Н. А.* Российско-грузинская война в дискурсе общестственности на интернет-сайтах Великобритании // *Политическая лингвистика.* 2008. Вып. 3 (26). С. 58—63.
12. *Кушинерук С. Л.* Расширение коммуникативного пространства: специфика текстов электронных СМИ в сравнении с печатными // *Политическая лингвистика.* 2007. Вып. 3 (23). С. 140—143.
13. *Новый большой англо-русский словарь* : в 3 т. / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. 5-е изд. — М. : Рус. яз., 2000. Т. 2.
14. *Попова Е. А.* Интертекстуальность как средство воздействия в политическом дискурсе: на материале англоязычных текстов о политической карьере А. Шварценеггера : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Самара, 2007.
15. *Синельникова Л. Н.* Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса // *Политическая лингвистика.* 2010. Вып. 1 (31). С. 34—38.
16. *Современная политическая лингвистика* : учеб. пособие // Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова. — Екатеринбург, 2011. URL: http://cognitiv.narod.ru/monograph/Sovremennaya_politlingvistika_uchebnoe_posobie.pdf (дата обращения: 30.04.2012).
17. *Фаткабрарова Ю. М.* Структурно-семантическая характеристика кратких газетных сообщений : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2007.
18. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика : учеб. пособ. — М. : Флинта : Наука, 2006.
19. *Bakhtin M. M.* The Problem of Speech Genres // *The Discourse Reader. Sec. Ed.* — L. ; N. Y. : Routledge, 2006. P. 98—107.
20. *Bruce I.* Evolving Genres in Online Domains: the Hybrid genre of the participatory news article // *Genres on the Web: Text, Speech and Language Technology.* — Springer Science, 2010. P. 323—348.
21. *Mount H.* The Importance of Being Eton. The Times. 2010. 16 Apr. URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/> (дата обращения: 30.04.2012).
22. *Participatory Museum*: новый уровень музейной интерактивности. URL: http://museolog.rsuh.ru/pdf/Leshchenko/participatory_museum_38_40.pdf (дата обращения: 30.04.12).
23. *Public Discourse in America. Conversation and Community in the Twenty-First Century* / ed. by J. Rodin, S. Steinberg. — Pennsylvania : Univ. of Pennsylvania Pr., 2003.
24. *Tollefsen C.* What is Public Discourse? URL: <http://www.thepublicdiscourse.com/> (дата обращения: 30.04.2012).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 37.091.212:81'27
ББК Ш1.2Рус-4

ГСНТИ 16.21.47

Код ВАК 10.02.01

Н. В. Логинова N. V. Loginova
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО
КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ:
ОПЫТ ПРЕЗЕНТАЦИИ
КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СЛОВАРЯ**

Аннотация. Предпринята попытка представить категориальную основу исследования современного добровольчества как социокультурного явления в форме концептуального словаря. Распределяя основные понятия по тематическим группам, автор опирается на их общепринятое определение и дает собственную интерпретацию.

Ключевые слова: концептуальный словарь; тематическая группа; добровольчество как социальное явление; гражданская активность; социально значимая деятельность; свобода выбора.

Сведения об авторе: Логинова Наталья Викторовна, аспирант.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 208.
e-mail: info208@uspu.ru.

**VOLUNTARY WORK
AS A SOCIAL PHENOMENON:
EXPERIENCE OF PRESENTATION
OF THE CONCEPTUAL DICTIONARY**

Abstract. The article attempts to present categorical basis of the research of modern voluntary work as a social phenomenon in the form of a conceptual dictionary. The contributor gives her personal interpretation of the key notions based on their generally accepted definitions and classifies them into subject groups.

Key words: conceptual dictionary; subject group; voluntary work as a social phenomenon; civil activity; socially important activities; freedom of choice.

About the author: Loginova Natalya Viktorovna, Post-graduate student.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Два постперестроечных десятилетия в России отмечены существенными трансформациями практически во всех сферах социальной деятельности. Меняются содержание, структура, функции действующих социальных институтов, многие социальные и социокультурные явления находятся в процессе институционального становления, приобретая соответствующий статус в силу количественной и качественной динамики.

Период 90-х гг. XX в. — первого десятилетия XXI в. отмечен активным развитием добровольчества, созданием предпосылок и условий для формирования институциональных механизмов закрепления за ним статуса нового социального явления. Об этом свидетельствует возросшее внимание государства, общества, средств массовой информации к вопросам поддержки и развития добровольчества, в особенности молодежного.

Одним из ключевых направлений стратегии государственной молодежной политики, утвержденной правительством РФ в 2006 г. на десятилетний срок, является вовлечение молодежи в социальную практику посредством развития механизмов добровольчества. Этот феномен провозглашается значимым компонентом социально-экономического развития страны.

С 2007 г. тема добровольчества называется важнейшим индикатором построения гражданского общества в ежегодных посланиях президента России, докладах Общест-

венной палаты; принят и реализуется ряд законодательных решений, способствующих развитию добровольчества. В концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, содействие развитию и распространению добровольческой деятельности (волонтерства) отнесено к числу приоритетных направлений социальной и молодежной политики и модернизации страны в целом. В 2009 г. существенный толчок развитию молодежного добровольчества дало решение президента России о провозглашении 2009 г. годом Молодежи, в качестве цели которого заявлялось «развитие творческого, научного и профессионального потенциала молодежи, ее активное привлечение к проведению социально-экономических преобразований в стране, воспитание чувства патриотизма и гражданской ответственности у молодых людей».

В 2009 г. в результате совместных усилий Минэкономразвития, Общественной палаты и экспертного добровольческого и благотворительного сообщества Правительство Российской Федерации утвердило (30 июля 2009 г., исходящий документ № 1054-р) «Концепцию содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации». Чрезвычайно важным шагом в области этого содействия

стало введение в законодательство Российской Федерации норм поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций, предусмотренных федеральным законом от 05.04.2010 № 40-ФЗ, в котором содействие развитию добровольчества определяется как один из видов социально ориентированной деятельности. В указанной Концепции обозначены цели и задачи, а также проблемы, на решение которых направлены создаваемые механизмы развития добровольчества. Основная цель — системная поддержка и развитие добровольчества, активизация его потенциала как ресурса развития гражданского общества, способствующего привлечению в социальную сферу трудовых ресурсов добровольцев, расширению масштабов и повышению эффективности деятельности организаций некоммерческого сектора.

Новая ситуация в нормативно-правовом обеспечении общественно значимой деятельности складывается сегодня в связи с принятием ряда правительственных законов о государственной поддержке некоммерческих организаций (НКО).

В январе 2012 г. был принят закон Свердловской области «О государственной поддержке некоммерческих организаций в Свердловской области» (№ ПЗ-903). В нем с учетом соответствующей федеральной программы и региональных особенностей определены конкретные меры и соответствующие адресаты — субъекты, среди которых и те, кто занимается благотворительной деятельностью, а также деятельностью в сферах содействия благотворительности и добровольчеству. Несмотря на перманентные дискуссии о приоритетных видах деятельности НКО, о механизмах и объемах их бюджетной и внебюджетной материально-финансовой поддержки, о государственном контроле и соответствующей отчетности, НКО социальной направленности могут рассчитывать на внимание общественности и на участие добровольцев в их деятельности.

Принципиальное значение имеет вопрос о том, какие структурные формы в соответствии с целями приобретает добровольческое движение, как соотносятся его организации с НКО и другими типами общественных объединений.

Основным принципом реализации задач содействия развитию добровольчества является партнерское взаимодействие государства, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества на федеральном уровне и в регионах. Приоритетное направление этого партнерства — содействие институциональному развитию добро-

вольчества, обеспечивающее расширение масштабов добровольческой деятельности и повышение ее результативности.

Становится очевидным, что именно государственная политика, формируемая и реализуемая совместными усилиями общества и государства, должна играть решающую роль в создании благоприятных условий для формирования среды, способствующей распространению и развитию добровольчества.

Концептуальная основа добровольчества базируется на простой, но чрезвычайно важной идее о том, что в любом обществе всегда есть люди, нуждающиеся в какой-либо помощи, равно как и люди, готовые откликнуться, прийти на помощь, причем добровольно, без какой-либо выгоды для себя, действующие, по В. И. Далю, «на своем иждивении» [Даль].

Не менее важна другая концептуальная идея: добровольческая деятельность не только выгодна для людей, получающих помощь, но значима и для самих добровольцев. Данный вывод базируется на исследовании стимулов, порождающих добровольческую Люди, становящиеся добровольцами, могут руководствоваться самыми разными мотивами. В специальных научных исследованиях выявлено, что эти мотивы могут не только носить альтруистический или религиозный характер, но и быть связанными с другими потребностями человека (например, обучиться новым навыкам, выработать какое-либо умение, найти поддержку, почувствовать себя способным сделать что-то новое, включиться в новые социальные отношения, почувствовать свою причастность к историческому событию и мн. др.).

Добровольчество как социальное явление — это давняя традиция для многих цивилизаций и народов, корни которой уходят в социальную природу людей, их естественное желание откликнуться на нужды других, объединять усилия для улучшения жизни своей и окружающих. В то же время в каждой отдельной стране масштабы добровольческой деятельности, уровень ее развития и поддержки обусловлены конкретными историческими, социальными, культурными, политическими и экономическими факторами.

Добровольчество, в соответствии с сущностью этого явления, должно изучаться в рамках междисциплинарного исследования. Для глубокого и адекватного реальности изучения данной проблематики необходима система категорий, которая позволит каждому специалисту рассмотреть объект с точки зрения своей предметной области.

В широком смысле **добровольческая деятельность** — это общественно полезная деятельность (индивидуальная или коллективная), осуществляемая людьми безвозмездно на основе доброй воли и свободного выбора в пользу третьих лиц или общества в целом. Добровольчество как универсальное явление возникает тогда, когда в нем появляется социальная потребность.

Добровольческая деятельность может иметь разный масштаб: от разовых общественно полезных действий до систематической деятельности в различных областях жизни общества. Во всем мире добровольцы — это люди, которые, независимо от возраста, социального положения, должности, религиозных или политических убеждений, на основе осознанного выбора направляют усилия на улучшение жизни своих сообществ, осуществляют безвозмездно деятельность, приносящую пользу другим. Это проявляется в индивидуальной или коллективной гражданской активности, участии в работе неправительственных организаций для достижения тех целей, которые добровольцы считают важными для блага людей и общества.

В современном значении термин «добровольчество» в России стал употребляться в начале 1990-х гг. Как и во многих других странах, характерными чертами российского добровольчества являются общественно полезная направленность, безвозмездный характер и добрая воля.

В дореволюционной России самыми употребляемыми были такие слова сходной семантики: призрение, милосердие, попечение, забота, благотворительность. Милосердие определялось как «высшая добродетель, исполняемая путем дел помощи телесных или духовных». В толковом словаре В. И. Даля в значении, наиболее близком к современному, слово «добровольный» трактовалось как «произвольный, не принужденный, сделанный кем-то по своей воле, по своей охоте». В советский период термин «добровольчество» в основном определялся как «способ комплектования вооруженных сил путем зачисления на военную службу добровольцев». В более поздний (переходный) период в словаре под редакцией С. И. Ожегова (1993 г.) находим такое толкование: «доброволец — тот, кто взял на себя какую-нибудь работу»; «добровольный: совершаемый или действующий по собственному желанию, не по принуждению». Здесь же: «на добровольных началах» [Толковый словарь русского языка].

Согласно современной трактовке, предлагаемой Организацией Объединенных На-

ций (A/RES/56/38, 2002 г.), добровольчество (volunteering) — широкий спектр деятельности и услуг, включающих традиционные формы взаимопомощи, самопомощи и другие формы гражданского участия, осуществляемые людьми (индивидуально или коллективно) безвозмездно на основе свободного осознанного выбора в пользу третьих лиц или общества в целом.

Следует признать, что в то время как в международной практике разработана и действует в течение многих десятилетий совокупность терминов, используемых в практике и теоретических концепциях добровольчества, в России применяемые понятия, непосредственно соотносящиеся с трактовкой аналогичных международных дефиниций, требуют более четкого толкования, конкретизации и нормативного закрепления.

Работа над понятийным аппаратом — важнейшая часть исследования в любой отрасли научного знания. Каждая из которых требует особой системы категорий для более точного «попадания» в предметное поле, для четкого обозначения методологического подхода — одного или нескольких в их взаимодополнительности, — для корректного представления авторской концепции. Эта особенность научного поиска общеизвестна, и необходимость преодоления связанных с ней трудностей подтверждается нормативными требованиями к научно-аналитической деятельности.

Для разработки междисциплинарной проблемы добровольчества с позиции социологического знания мы считаем полезным создание словаря-тезауруса, содержащего необходимый круг понятий, используемых в смежных отраслях социально-гуманитарного знания. Подобные попытки создания «концептуального словаря», или «словаря-тезауруса», по конкретной научно-практической проблеме нередки. Они не претендуют на универсальность и полноту охвата деятельности в какой-либо сфере (в нашем случае добровольческой) и на охват всей информации о ней, их использование оправданно методологически: «Акцентируется в этом случае актуальность той совокупности слов, которая необходима для обозначения, изучения какой-либо проблемы и для ее решения» [Игошев, Рубина 2010].

В нашем случае словарь — это своеобразный сгусток, систематизированная совокупность данных о таком социальном явлении, как добровольчество, представленная в виде ключевых значимых слов, соотносенных между собой по какому-либо основанию. В качестве такого основания была выбрана совокупность основных критериев (призна-

ков), обеспечивающих практически полный охват возможных видов деятельности добровольцев и в то же время позволяющих исключить формы общественного поведения, не являющегося добровольческим.

К специфическим критериям добровольческой деятельности относится то, что она

1) не направлена на получение прибыли (осуществляется без ожидания вознаграждения);

2) является результатом свободного осознанного выбора человека (без принуждения или указания «сверху»);

3) в результате приносит пользу третьим лицам или обществу в целом, а также самим добровольцам.

Опираясь на эти критерии, мы стремились в словарных статьях исходить из этимологии слова, его общепринятого или консенсуального толкования (если таковое наличествует), учитывать существующие различия в понимании и обозначении смысла.

В нашем словаре понятия сгруппированы по принципу тематических групп, в которых объединяются не просто однокоренные слова, а термины (одной или нескольких частей речи), принадлежащие к одному семантическому полю. В каждой из таких семантических групп есть основное, стержневое слово и другие понятия, раскрывающие обозначаемое им явление, его смысл, структуру и даже «инфраструктурно» с ним связанные.

Понятно, что исходной для нашей концепции является группа с ключевым понятием «добровольчество». Кроме общих, в нее могут быть включены понятия меньшей степени общности, необходимые для ряда наук в соответствии с определением их предмета. Так, в психолого-педагогических науках, с давних пор активно разрабатывающих проблемы добровольчества, сферой интересов являются личностные качества добровольцев, мотивация на соответствующую деятельность, технологии ее доведения до соответствующих установок. Социологи-прикладники могут пойти по пути дальнейшей операционализации, доведения до индикаторов, которые могут быть измерены.

В теоретической социологии сущность изучаемых явлений, процессов определяется их социальной природой. Важная группа тезауруса представлена семантическим комплексом «социальное»: от наиболее общих представлений о «социальном действии», «социальном процессе», «социальном институте» до непосредственно связанных с добровольчеством (социальные потребности, социальное обеспечение, социальное благополучие, социальное партнерство, социальная поддержка, социальные риски, со-

циальные проекты и многие другие понятия, относящиеся к идеологии устойчивого патернализма и социальной ответственности).

Добровольчество как социальное явление характеризуется разнообразными видами взаимодействия с другими, близкими по сути, но имеющими специфику (структурную, уровневую, субъектную) институтами, процессами, видами деятельности. Поэтому вполне уместны в концептуальном словаре и близкие тематические группы, такие как «благотворительность», «социальная работа» и др.

В рамках данной статьи ограничимся приведением примера толкования единиц семантического поля «добровольчество», представляющих комплекс понятий.

Добровольчество (с точки зрения социально-общественного подхода) — форма обеспечения занятости населения, основанная на его неденежном стимулировании вне зависимости от имущественного положения, социального статуса, взглядов, религиозных убеждений и национальной принадлежности, осуществляемая вне рамок какого-либо оплачиваемого труда, коммерческих отношений или государственной службы физическими лицами, ассоциациями или юридическими лицами на благо общества на основе свободного волеизъявления и без намерения извлечь финансовую выгоду, для решения социальных задач. Синоним — «волонтерство» в его современном расширительном толковании.

На макросоциологическом уровне добровольчество рассматривается как массовое социальное движение, функционирующее в стратификационных системах общества со своим особым способом существования. Исследования последних лет все чаще выявляют в трансформациях добровольчества его становление в качестве социального института со своей спецификой целей, ценностей, норм, принципов деятельности, ее функциональной направленности.

Добровольческое движение — вид социального движения, характеризующегося неоднородным составом, открытыми (размытыми) границами, способное выступать в качестве особого структурного образования, специфическими чертами которого являются общественно полезная направленность, безвозмездный характер и добрая воля.

Добровольческая деятельность — одна из форм человеческой активности, особый способ самореализации индивидов и групп в социальных процессах и сферах. Ее главная цель — бескорыстное творение, сотворение блага через сопричастность к выполнению общественных задач. В современном российском обществе это проявле-

ние гражданского участия, самоорганизация людей для решения актуальных проблем сообщества. Деятельностный подход в научном исследовании является одним из методологических инструментов при рассмотрении этого феномена.

Добровольческий труд (в свете представлений о социологии труда Л. А. Кудринской) есть разновидность свободного, добровольного труда, осуществляемого на безвозмездной основе, направленного на достижение социально значимых целей. Активные формы добровольческого труда проявляются в развивающемся гражданском обществе и в развитых странах становятся повседневной практикой [Кудринская 2006].

Формы добровольческой деятельности — формы самоорганизации граждан для решения социальных задач через осуществление добровольческой деятельности. Они выделяются либо по критерию субъектности (кем осуществляется деятельность), либо по целям и объектам (кому и с какой целью оказывается поддержка).

По первому параметру выделяются **детское добровольчество** — добровольческая деятельность, которая осуществляется детьми самостоятельно или через участие в работе детских организаций или детских объединений, а также в дошкольных или образовательных учреждениях; **индивидуальное добровольчество** — деятельность, осуществляемая гражданином самостоятельно; **компенсаторное добровольчество** — форма добровольческой деятельности, при которой доброволец безвозмездно оказывает социальные услуги, но получает компенсацию за потраченное время; **молодежное добровольчество** — деятельность, осуществляемая молодыми людьми самостоятельно или через участие в работе молодежных организаций и объединений; **студенческое добровольчество** — часть внеучебной деятельности вузовской молодежи, отвечающая критериям добровольчества; **семейное добровольчество** — деятельность и добровольный труд двух и более членов семьи; **корпоративное добровольчество** — действия коммерческих организаций, направленные на поощрение и поддержку безвозмездного участия работников в жизни местного сообщества при сохранении рабочего места и частичном/полном сохранении заработной платы.

По второму критерию выделяются **арт-волонтерство**, осуществляемое для поддержки музеев, памятников истории и культуры, некоммерческой выставочной деятельности; **пожарное добровольчество**, направленное на конкретные формы борьбы

со стихийными бедствиями; **поисковое добровольчество**, направленное на увековечение памяти погибших в Великой Отечественной войне и поиск пропавших детей; **правозащитное добровольчество**, осуществляемое для расширения социальных возможностей защиты прав и свобод человека и гражданина; **экологические добровольчество**, осуществляемое для поддержания или восстановления экологического равновесия на местном (локальном) уровне или на месте экологических катаклизмов.

Субъекты добровольческой деятельности. К субъектам, включенным в процесс развития добровольческой деятельности, относятся, наряду с индивидами и группами, органы исполнительной власти в сфере молодежной политики, физкультуры и спорта, социальной поддержки, образования, труда и занятости, здравоохранения; органы местного самоуправления (по согласованию); учреждения социальной сферы (по согласованию); общественные организации (по согласованию); организации промышленного сектора и бизнес-сообщество (по согласованию).

Инфраструктура поддержки добровольчества — совокупность организационных форм и структур, обеспечивающих условия для поддержки добровольческой деятельности и ее развития. Инфраструктура включает в себя нормативно-правовую базу, перечень субъектов реализации «Концепции добровольчества», институты, формы государственной и муниципальной поддержки, мероприятия, информационные площадки и др. Инфраструктура выстраивается на международном, федеральном, региональном и местном уровнях. При этом важно, чтобы государственная политика стимулирования добровольческой деятельности не нарушала принципов ее самостоятельности, самостоятельности, солидарности и не ограничивалась контрольными функциями.

Неденежное стимулирование граждан — формы обеспечения заинтересованности граждан в осуществлении добровольческой деятельности (привлечения добровольцев). К ним относятся:

- **образовательное стимулирование** — предоставление волонтерам возможности участия в образовательных программах какой-либо организации на бесплатной или льготной основе, помощь в приобретении образовательного опыта для деятельности;

- **информационное стимулирование** — необходимый доступ к информационным источникам и материалам, таким, как библиотечная система, научно-исследовательские разработки, электронный ресурс, IT, Интернет;

- **досуговое (нематериальное) стимулирование** — предоставление волонтерам возможностей для организации досуга, например бесплатного посещения проводимых учреждением культуры мероприятий, скидок на продукцию, услуги и т. п.;

- **стимулирование через социальное признание** — подписанные известными людьми (политиками, деятелями культуры) благодарности и рекомендации для дальнейшей профессиональной и иной деятельности (вклад в портфолио); наличие обратной связи с объектами добровольческой деятельности.

Сеть добровольческих объединений — неформальное объединение добровольцев, добровольческих организаций, построенное на принципах реального и виртуального взаимодействия, взаимной информационной поддержки. Представляет собой часть общей социальной сети со всеми ее признаками.

Социальная сеть — современная корпоративная форма спонтанной самоорганизации людей, позволяющая совместить уровень межличностных отношений с уровнем взаимодействия человека с социумом, с государством. Основой такого совмещения служит механизм доверия, ответственности, толерантности.

Социальная сеть добровольчества — открытый информационный ресурс, созданный в Интернете и включающий в себя информационное агентство, инструменты для ведения электронных дневников и создания виртуальных сообществ, а также механизмы продвижения общих ценностей для содействия добровольческой деятельности.

Добровольцы — люди, независимо от возраста, пола, социального положения, должности, религиозных или политических убеждений посвящающие часть своего личного времени, энергии, знаний для помощи другим людям, улучшения окружающей жизни или развития общества в целом, работающие без вознаграждения (безвозмездно), на основе личного свободного осознанного выбора.

Доброволец — гражданин какой-либо страны, который может осуществлять свою деятельность в любой точке мира, не нарушая норм закона и морали, действующих в месте приложения его сил.

Добровольческая организация — некоммерческая организация, деятельность которой направлена на решение социальных задач через осуществление добровольческой деятельности (привлечение добровольцев).

Добровольческое объединение — объединение граждан (формальное или неформальное), созданное для решения соци-

альных задач через осуществление добровольческой деятельности, привлечение добровольцев с учетом их возможностей и волеизъявления.

Добровольческие ресурсы — совокупность трудовых, временных, интеллектуальных, профессиональных, материальных, этических, психологических и иных ресурсов, источником которых являются добровольцы.

Личностные качества добровольца (волонтера). Среди человеческих качеств, сопутствующих добровольческой деятельности и необходимых для ее осуществления, прежде всего выделяют **гуманизм** и **альтруизм**. Гуманистическое мировоззрение, основанное на человечности отношений, проникнутое состраданием и любовью к людям, уважением к человеческому достоинству, заботой о других, действительно, важнейшая черта отношения человека к миру, наличие которой у добровольца предполагается по определению. Альтруизм определяется менее однозначно. Во-первых, речь идет о бескорыстной заботе о благе и пользе других, готовности поступиться личными интересами, безвозмездно поделиться частью своего человеческого потенциала. Это напрямую сопряжено со смыслом добровольческой деятельности. Во-вторых (сошлемся здесь на мнение отца социологии О. Конта), альтруизм понимается как характеристика мыслей и действий, лишенных себялюбия, как нравственный принцип не только бескорыстия, но и жертвенности, и в этом смысле он противопоставляется эгоизму, выступает приветствуемой готовностью «отдать всего себя» людям.

Альтруизм и эгоизм, как крайние точки противоположностей, самостоятельно, одна без другой, в равной мере способны разрушить личность, обеднить ее, нивелировать «самость» в ее креативном смысле. Требуется диалектическое сопряжение этих начал, важна мера проявленности каждого из них в деятельности.

В педагогических концепциях воспитания добровольческого сознания приводятся разные сочетания таких качеств, как **бескорыстие, благородство, достоинство, милосердие, отзывчивость, самоотверженность, доверие, порядочность** и др.

Представляется важным систематизировать их, определить степень соответствия той модели личности инновационного типа, которая закладывается в основу модернизации российского образования. Личность должна быть готова к любой, в том числе добровольческой деятельности, обладать необходимыми для этого компетентностями и компетенциями.

Задачи добровольческой деятельности:

- решать социальные проблемы на местном (локальном) уровне;
- содействовать развитию местных и локальных сообществ;
- обеспечивать социализацию граждан с целью расширения возможностей развития и деятельности человека;
- обеспечивать личное и профессиональное развитие граждан, занимающихся добровольческой деятельностью, социальное развитие добровольцев, движение вверх по социальной лестнице;
- расширять круг общения участников добровольческой деятельности, помогать находить новых друзей и единомышленников;
- способствовать формированию универсальных, социальных, профессиональных и в особенности коммуникативных компетентностей личности;
- обеспечивать получение человеком нового знания, навыков и, потенциально, новой профессии;
- содействовать человеку, особенно молодому, в поиске себя, желаемого вида деятельности, занятий, формы самовыражения и призвания;
- способствовать вовлечению большого числа людей в решение социальных, в том числе касающихся их лично задач;
- решать проблемы занятости через различные формы неполной и временной добровольной занятости, особенно в условиях мирового финансового кризиса;
- создавать условия для преодоления рисков мирового финансового кризиса.

Культура добровольчества — часть общей культуры гражданственности, ценностная характеристика различных видов добровольческой деятельности, мера самореализации человека как гражданина и субъекта собственной жизни, причем не в формально-юридическом или психологическом, а в социокультурном, духовно-нравственном смысле этого понятия, т. е. с точки зрения способов и меры активности в своей жизни, жизни страны, мирового сообщества.

В заключение подчеркнем, что мировой и отечественный опыт диктует необходимость признать следующий факт: добровольчество, особенно в молодежной среде, развивается и набирает силу только тогда, когда эта деятельность осуществляется без каких-либо признаков принуждения (эксплуатации), т. е. является выражением гражданской позиции, основанной на доброй воле, свободном выборе.

Добровольческий труд в текущий момент социально-политического развития россий-

ского общества используется весьма активно и практически во всех сферах деятельности. Может наступить момент, когда государство, оказывая содействие и помощь, взяв под контроль деятельность общественных организаций, занятых общественно полезным трудом (в частности НКО), переложит на них часть своих функций, передаст заказы и т. п. В этом случае и на граждан, занимающихся добровольчеством, будет возлагаться слишком много задач, тогда как государство снимет с себя ответственность за некоторые сферы своей деятельности и за решение многих гуманитарных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли / общ. ред. и предисл. П. С. Гуревича. — М., 1992.
2. Бодренкова Г. П. Развитие механизмов системной поддержки добровольчества // СОТИС. 2009. № 5.
3. Бодренкова Г. П., Караваешников С. Е. Системное развитие молодежного добровольчества в контексте пропаганды здорового образа жизни : метод. рек. — М., 2011.
4. Вебер М. Избр. произведения : пер. с нем. — М. : Прогресс, 1990.
5. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.edudic.ru/dal>.
6. Добровольчество в России. URL: <http://www.volunteer.ru>.
7. Игошев Б. М., Рубина Л. Я. Гражданская активность студенческой молодежи: концептуальный словарь // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 41—49.
8. Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / под общ. ред. Т. И. Заславской. — М. : МВШСЭН, 2003.
9. Кудринская Л. А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 15—22.
10. Кудринская Л. А. Добровольческий труд в современной России. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2005.
11. Кудринская Л. А. Добровольческий труд как объект и предмет социологической науки // Перспективные направления развития теоретической социологии в России рубежа XX—XXI веков. — М. ; Барнаул, 2003.
12. Мозаика российского добровольчества. Факты, ресурсы, мнения / под ред. П. Ю. Слабжанина. — Ростов н/Д, 2003.
13. Молевич Е. Ф. Труд как объект и предмет исследования общей социологии // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 38—41.
14. Панченко В. Ю. О понятии социальной помощи в современном обществе // Социс. 2012. № 5. С. 13—18.
15. Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. URL: <http://www.edudic.ru/oje/>.
16. Э. Дюркгейм. О разделении общественного труда // Социология : хрестоматия для вузов /

А. И. Кравченко. — М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2002.

17. *Энарес А., де.* Эгоизм или альтруизм? // Курьер ЮНЕСКО. 2001. Июнь.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА

18. *Всеобщая декларация прав человека* : принята резолюцией 217А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.

19. *Всеобщая декларация добровольцев* : принята на XVI Всемирной конференции Международной ассоциации добровольческих усилий (Амстердам, январь, 2001г., Международный Год добровольцев) при поддержке Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций и Международной ассоциации добровольческих усилий (IAVE).

20. *Конституция Российской Федерации* : офиц. издание. — Юридическая литература : Администрации Президента Российской Федерации, 2009.

21. *Гражданский кодекс Российской Федерации* : офиц. текст. — М. : Омега, 2008.

22. *Федеральный закон «Об общественных объединениях»* 82-ФЗ : от 19 мая 1995 г. : в редакции № 169-ФЗ от 08.12.2003 г.

23. *Федеральный закон «Об образовании»* (проект).

24. *Федеральный закон* от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений».

25. *Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года* : утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации : от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

26. *Концепция федеральной целевой программы развития образования на 2006—2010 годы* : от 3 сентября 2005 г. № 1340-р.

27. *Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации* : от 30 июля 2009 г. № 1054-р.

28. *Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации* : одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации : от 30 июля 2009 г. № 1054-р.

29. *Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации* : от 18 декабря 2006 года № 1760-р.

30. *Областной Закон «О государственной молодежной политике в Свердловской области»* : в редакции Областного закона № 49-ОЗ.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов

УДК 81'27
ББК Ш107

ГСНТИ 16.21.51; 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

Е. Н. Орехова E. N. Orekhova
Майкоп, Россия Maikop, Russia**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ
КАК СРЕДСТВО
ПРИРАЩЕНИЯ СМЫСЛА
(СТИЛИСТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ)**

Аннотация. Рассматривается приращение смысла, основанное на включении прецедентных феноменов в стилистические тропы в политических текстах русскоязычных и англоязычных СМИ. Выявляется эффективность использования прецедентных феноменов для порождения дополнительных смыслов в политической коммуникации.

Ключевые слова: приращение смысла; прецедентные феномены; интертекстуальность; стилистические тропы; политическая коммуникация.

Сведения об авторе: Орехова Екатерина Николаевна, ассистент кафедры английской филологии, аспирант кафедры общего языкознания.

Место работы: Адыгейский государственный университет (Майкоп).

Контактная информация: 385000, г. Майкоп, ул. Университетская, 208.
e-mail: okatrinao@mail.ru.

**PRECEDENT PHENOMENA
AS A MEANS OF CONTEXTUAL
IMPLICATION OF MEANING
ON A STYLISTIC LEVEL**

Abstract. The paper deals with the contextual implication of meaning based on precedent phenomena insertion into the stylistic figures in the political articles of the Russian and American mass media. The author draws conclusion about the effectiveness of precedent phenomena usage for figuring out additional meanings in the political communication.

Key words: contextual implication of meaning; precedent phenomena; intertextuality; stylistic figures; political communication.

About the author: Orekhova Ekaterina Nikolayevna, Assistant Lecturer of the English Department, Post-Graduate Student of Department of General Linguistics.

Place of employment: Adyge State University (Maikop).

В данной статье рассматривается приращение смысла, основанное на включении прецедентных феноменов в стилистические тропы в политических текстах русскоязычных и англоязычных СМИ. Материалом послужили политические статьи русскоязычных («Аргументы и факты» (АИФ), «Завтра», «Новая газета») и англоязычных газет («The American Spectator», «Time», «The Guardian», «The Washington Times») за 2008—2011 гг.

Понятие «приращение смысла» предложил В. В. Виноградов в 1959 г. в книге «О языке художественной прозы» при рассмотрении смысловой структуры слова. Ученый задался вопросом, какими путями достигаются «комбинаторные приращения смысла», которые развиваются у слов в контексте целого произведения [Виноградов 1959: 228].

По мнению автора, смысловое приращение возникает у слова в композиции сложного целого (например, монолога, литературного произведения, диалога) или же в индивидуальном применении в конкретной ситуации. Слово присутствует в сознании со всеми своими значениями (скрытыми и возможными), готовыми по первому поводу всплыть на поверхность. Однако то или иное значение слова реализуется и определяется контекстом его употребления. В контексте

всего произведения слова и выражения, находясь в тесном взаимодействии, приобретают разнообразные дополнительные смысловые оттенки, воспринимаются в сложной и глубокой перспективе целого [Виноградов 1972: 17, 22].

«Приращение смысла» слова особенно ярко выражено в составе художественного текста, при написании которого автор использует различные художественные средства: тропы, иносказания, каламбуры, инверсии, аллюзии на другие тексты и пр. Каждое из этих средств получает полное раскрытие только на фоне всего текста. Дополнительная смысловая нагрузка слова акцентируется в зависимости от различных факторов: композиции произведения, его образной системы. Повинуясь авторскому замыслу, различные слова могут приобретать дополнительный смысл в контексте произведения [Литература и язык: 68].

Схожим является предлагаемое И. В. Арнольд понятие «текстовой импликации». Под импликацией в широком смысле этого слова автор подразумевает наличие в тексте вербально не выраженных, но угадываемых адресатом смыслов. Сюда относятся подтекст, эллипс, аллюзия, семантическое осложнение и собственно текстовая импликация. Все эти явления создают углубляют содержание, но в разных масштабах.

И. В. Арнольд определяет текстовую импликацию как дополнительный подразумеваемый смысл, который восстанавливается вариативно и принадлежит конкретному тексту, а не языку вообще. Текстовая импликация передает не только предметно-логическую, но и прагматическую (субъективно-оценочную, эмоциональную и эстетическую) информацию. Строго разграничить импликацию, подтекст, аллюзию и другие виды «подразумевания» довольно трудно, поскольку они постоянно сопутствуют друг другу.

Особым видом текстовой импликации являются аллюзия и цитация, подключающие к передаче смысла различные семиотические системы (например, живопись, историю, мифы и т. д.), что способствует наращиванию смысла [Арнольд 1990: 103—104].

Рассматривая механизмы смыслообразования, Ю. М. Лотман также прибегает к понятию «приращение смысла». По мнению автора, в ходе культурного функционирования текста исходно заложенный в нем смысл подвергается сложным переработкам и трансформациям. В результате этого происходит приращение смысла, т. е. создание нового смысла. Данную функцию текста автор называет творческой (смыслообразующей). В этом случае текст выступает уже не в качестве «пассивной упаковки заранее данного смысла, а как генератор смыслов» [Лотман 2002: 189]. Автор сравнивает тексты с семенами растений, которые, являясь генерирующими информацию механизмами, могут переноситься в чуждую экологическую среду, сохраняя всхожесть, т. е. «реконструируя память о том дереве, которое их произвело» [Лотман 2002: 190].

Осложнение основной структуры текста добавочными элементами возникает на пересечении по крайней мере двух систем, благодаря чему образуются особые смыслы. Чем больше пересечений текстов в структурной точке, тем больше смыслов будет он получать, тем более индивидуальным он будет казаться [Лотман 2000: 46].

Вторжение «обломков» одного текста в структуру другого может играть роль генератора новых смыслов [Лотман 2000: 66]. Ю. М. Лотман вводит понятие «текст в тексте», под которым понимает «обломок» текста, вырванный из своих естественных смысловых связей, механически вносимый в другое смысловое пространство. Здесь он может выполнить целый ряд функций: играть роль смыслового катализатора, менять характер основного смысла, остаться незамеченным и т. д. Для автора особенно интересны случаи, когда неожиданное текстовое вторжение получает существенные смысло-

вые функции (это характерно прежде всего для художественных текстов).

«Текст в тексте» — это специфическое риторическое построение, при котором различие в закодированности разных частей текста делается фактором авторского построения и читательского восприятия произведения. Переход из одной системы семиотического осознания текста в другую на некоем «внутреннем структурном рубеже» составляет в этом случае основу генерирования смысла. Такое построение в первую очередь обостряет момент игры в тексте: с позиции другого способа кодирования текст приобретает черты повышенной условности, подчеркивается его игровой характер — иронический, пародийный, театрализованный и т. п. [Лотман 2000: 66].

В нашем понимании приращение смысла — та дополнительная информация, которая возникает в тексте и является существенной для реальной ситуации в заданных дискурсивных условиях. Основной категорией, отражающей соотношенность одного текста с другим, а также обеспечивающей приращение смысла при диалогическом взаимодействии текстов, является **интертекстуальность**, а также **прецедентные феномены**, выступающие как единицы интертекстуальности, своего рода «чужие» элементы в структуре конечного текста.

Интертекстуальность является одной из возможностей создания нового текстового смысла, смысловой полифоничности текста и выражается широким спектром интертекстуальных референций: от имплицитных, скрытых в подтексте, до прямых отсылок (цитат), эксплицированных в текстовой ткани. Новый текст, диалогически реагирующий на другой (претекст), может задавать ему любую новую смысловую перспективу: дополнять, избирательно выдвигать на первый план отдельные актуальные смыслы, трансформировать их, исходя из замысла автора, вплоть до разрушения первичной смысловой системы [Баженова 2006: 106—108].

Прецедентные феномены могут задать новую смысловую перспективу при включении в состав тропа или стилистического оборота. В таком случае ссылка, содержащаяся в прецедентном феномене, становится более выразительной.

Нередко конструкцией, вводящей интертекстуальную отсылку, оказывается **сравнение**. В сравнениях чаще всего выступают прецедентные имена, которые служат концентрированным «сгустком» сюжета текста или указывают на некоторую эталонную совокупность определенных качеств, а также прецедентные тексты и ситуации, тесно

с ними связанные [Фатеева 2007: 150]. Обратимся к примерам: *Чем еще занимается ваша власть? Административными рокировочками, обережением таких прохвостов, как Чубайс, раздачей орденов и премий таким, как Радзинский да Гусинский, Абрамович да Войнович, речами о новой России, о расцвете демократии... С особым упоением власть и ее любимые прихвостни вроде Сванидзе да Швыдкого занимаются поношением Пушкина, пожиранием торта в виде Ленина в гробу, плясками на коврах с изображением Сталина, глумлением над Победой против фашистской Германии, сопровождаемым посулами всем фронтовикам дать бесплатно квартиру по достижении ими столетнего возраста...* [Бушин 2010]. Данный пример содержит ряд сравнений, причем для придания ироничного и насмешливого звучания прецедентные имена поданы в рифмованной форме. Чтобы показать неприглядную сторону политической картины России определенного периода, автор также прибегает к цепочке прецедентных ситуаций.

Следующий пример отсылает к теме рассмотрения восемнадцати кандидатов в президенты Украины: *Ее пиар-кампания креативна, наступательна, остроумна и не по-кризисному богата... Подобно Фигаро, успевает как премьер-министр по ночам встречать самолеты с тамифлю, днем — раздавать квартиры очередникам и срывать аплодисменты публики на прямых эфирах по вечерам — в роли кандидата в президенты* [Мусафирова 2010]. Сравнивая Ю. Тимошенко с Фигаро, автор в шутивно-ироничной форме показывает ее ловкость, расторопность и предприимчивость.

Включение прецедентного имени «Шалтай-Болтай» в структуру сравнения привносит дополнительный смысловой оттенок. Данное имя обозначает «нечто хрупкое, ломкое; если однажды разрушено, то не подлежит восстановлению» [Delahunty 2001: 407]: *Thankfully, like Humpty Dumpty, the old USSR is gone, no matter how hard Vladimir Putin might attempt to put it together again. But there is another potential superpower that makes many Americans uneasy: China* [Bandow 2008]. / *К счастью, бывший СССР разбит, как Шалтай-Болтай. И неважно, какие попытки собрать его воедино мог бы предпринять Владимир Путин. Хотя есть и другая потенциальная сверхдержава, которая беспокоит многих американцев, — это Китай* (Доу Бандоу, «Лицом к китайской угрозе»; здесь и далее перевод наш — Е. О.).

В нижеследующем примере эффект сравнения многократно усиливается при

включении в структуру прецедентного имени «А. Гитлер», которое обладает только отрицательными коннотациями, наряду с употреблением слова «теократы», содержащего в себе намек на тоталитарный режим: *Like Adolf Hitler, the theocrats who run Iran have told us exactly what they plan to do. They plan to build nuclear weapons, and use them to “wipe Israel off the map”* [Ferrara 2009]. / *Подобно Адольфу Гитлеру, теократы, которые управляют Ираном, объявили, что именно они собираются делать. Они планируют создать ядерное оружие и использовать его, чтобы „стереть Израиль с карты мира“* [Питер Феррара, «Иранский просчет Обамы»]. Налицо умышленное употребление данного имени для создания определенной политической картины, необходимой США.

The Kennedys recently endorsed Barack Obama, and Teddy Kennedy drew a parallel with President Kennedy — a vision of a new Camelot rising like a phoenix from the ashes of the Bush administration [Felder, Mason 2008]. / *В мини-сериале „Клан Кеннеди“ недавно одобрили кандидатуру Барака Обамы. Тедди Кеннеди провел параллель с президентом Кеннеди — видение нового Камелота, возрождающегося, как феникс из пепла администрации Буша* [Рауль Фелдер, «Камелот или выгребная яма?». Сравнение содержит в себе прецедентное имя (Камелот) и прецедентное выражение (восстать, как феникс из пепла), означающее 'погибнуть, но чудесным образом ожить, возродиться'. Источник этого выражения — прецедентный текст К. Ф. Рылеева «А. П. Ермолову» [Серов 2005: 792].

Middle Americans want a Churchillian fight at the beaches, landing grounds, fields, streets, and hills, yet what they see instead is a series of “unanimous consent” agreements interspersed with some really severe tut-tutting. And they see a horrid future of Chuck Schumers — William Sherman-like — laying waste to what they hold dear [Hillyer 2010]. / *Средние американцы хотят сражаться в духе Черчилля: на побережьях, на аэродромах, на полях, на улицах и в горах. А вместо этого они получают ряд соглашений „единодушного согласия“ и изредка замечания недовольства, вроде „еще чего не хватало!“.* А еще они видят будущее *Чака Шумера-Уильяма Шермана, опустошающего все, что им так дорого* [Куин Хиллер, «Фермопилы здравоохранения»]. В данном примере обыгрывается целый ряд прецедентных феноменов: имена (Уильям Шерман, Чак Шумер, Уинстон Черчилль), высказывание (высказывание У. Черчилля, которое было под-

вержено переработке: "We shall fight on the beaches, we shall fight on the landing grounds, we shall fight in the fields and in the streets, we shall fight in the hills; we shall never surrender" — «Мы будем сражаться на пляжах, мы будем сражаться на аэродромах, мы будем сражаться на полях и на улицах, мы будем сражаться в горах, мы никогда не сдадимся» [Delahunty 2001: 287]).

Через сравнение сенатора-демократа Ч. Шумера с американским политиком и военным У. Шерманом проводится историческая параллель с так называемой тактикой выжженной земли (способ ведения боевых действий, подразумевающий уничтожение всего пригодного к использованию или потенциально полезного для противника), принесшей У. Шерман печальную славу. Эта отсылка отображает недовольство жителей США политикой, проводимой в жизнь сенатором Ч. Шумером, не учитывающей их интересы и «направленной против них».

Метонимия — троп, основанный на ассоциациях по смежности: вместо названия одного предмета употребляется название другого, связанного с первым постоянной внутренней или внешней связью. Распространенные виды метонимии — 1) связь между предметом и материалом, из которого он сделан, 2) между местом и людьми, которые в нем находятся, 3) между процессом и его результатом, 4) между действием и инструментом и т. д. [См.: Арнольд 1990: 85]. Метонимия позволяет избежать банальности, натуралистического изображения, рождает многомерный образ, вызывающий неоднозначные ассоциации. Рассмотрим примеры данного тропа с включенными в него прецедентными феноменами: *В кепке ли дело?* (заголовок) [Цепляев 2010а].

При рассмотрении вышеприведенного отрывка следует учитывать, что у каждого прецедентного имени есть свои атрибуты, т. е. элементы, тесно связанные с означаемым именем собственного, достаточные, но не необходимые для его сигнификации. Что касается кепки, уместно процитировать газету «Комсомольская правда»: *Можно даже в задании к кроссворду написать „политик в кепке“ — и всякий безошибочно впишет в клеточки нужные буквы „ЛУЖКОВ“* [Катуков 2005]. При использовании атрибута носителя прецедентного имени, «кепки», в газетном заголовке происходит воображаемое замещение одного значения другим, рождается новый образ, в котором, однако, сохраняются и легко узнаются черты исходного, а именно возникает образ мэра Ю. Лужкова.

В приведенном ниже примере метонимия «баба с косой» позволяет распознать

подразумеваемый образ Ю. Тимошенко: *Согласованное в ходе переговоров Владимира Путина с Юлией Тимошенко повышение ставки за транзит энергоносителей по территории „нззалэжной“ позволяет России „на законном основании“ провести дополнительные платежи „Нафтогазу Украины“, что позволит этой компании в очередной раз избежать банкротства, оплатить текущие поставки нефти и газа, а также поддержать выборную кампанию „бабы с косой“* [Табло 2010].

Приведем фрагмент статьи, посвященной проблеме неготовности властей к массовым стычкам воинствующих фанатов: *Бунт в центре Москвы. Что делать, чтобы вся Россия не превратилась в одну Манежную площадь?* (Аргументы и факты. 2010. № 50 (1571) от 15—21 дек. С. 1—2). Метонимия «Манежная площадь» отсылает к прецедентной ситуации «Бунт на Манежной площади» (в Москве был убит фанат «Спартака» Егор Свиридов, что привело к беспорядкам).

В политической коммуникации все чаще можно встретить метонимические модели, состоящие в категоризации разных сторон — противоборствующих стран — с учетом нужных смысловых нюансов. Использование потенциала метонимии — один из эффективных способов прагматического воздействия, ведущего к преобразованию существующей в сознании адресата политической картины мира [Чудинов 2003: 57]: *At this rate, Lukashenko could indeed become the new darling of the west in the former Soviet Union, replacing Georgia's somewhat tarnished Mikheil Saakashvili after his assault on South Ossetia in 2008* [Graham 2010]. / *При таком раскладе Лукашенко в самом деле может стать новым любимцем Запада на бывшем постсоветском пространстве вместо опозоренного президента Грузии Михаила Саакашвили после его нападения на Южную Осетию в 2008 году* [Колин Грэм, «Будущее Украины не было оранжевым»]. Здесь метонимия используется для создания определенной политической картины: виновником нападения на Южную Осетию выступает лишь М. Саакашвили.

Аналогичное использование метонимии с прецедентным именем «У. бин Ладена» и упоминанием «его войны с США»: *Indeed, bin Laden is now a martyr to his followers and they will have a greater resolve to see to it that bin Laden's 1998 fatwa declaring war against the United States is implemented. Under that fatwa it is the duty of all Muslims to kill Americans be they military personnel or civilians* [Goldstein 2011]. / *В самом деле, сейчас бин*

Ладен является мучеником в глазах своих последователей, и у них теперь будет больше решимости исполнить его фетву 1998 г., в которой он **объявляет войну Соединенным Штатам**. Фетва призывает всех мусульман убивать американцев, независимо от того, кем они являются — военными служащими или гражданскими лицами.

Большой интерес представляет другой вид метонимии, а именно **антономазия** — особое использование имен собственных, при котором собственные имена переходят в нарицательные или происходит обратный процесс: превращение слова, раскрывающего суть характера, в собственное имя [См.: Арнольд 1990: 86]. Данные изменения приносят новый смысловой оттенок. Получившиеся слова являются собирательными, а написание со строчной буквы выражает совокупность каких-либо признаков прецедентного имени и указывает на типичного представителя той или иной социальной или профессиональной группы. Рассмотрим некоторые примеры: *Полный вакабаяси. Падают престиж российской элиты... И этот непристойный вакабаяси длится многие годы. А руководство Госдумы, зажав нос от непарламентского запаха, продолжает убеждать нас, что это очень хорошо и демократично* [Костиков 2010а]. В данном примере обыгрывается имя депутата японского парламента Масатоси Вакабаяси, который был с позором отправлен в отставку. Его уличили в нажатии кнопки для голосования за отсутствующего коллегу. Это был первый случай нарушения депутатской этики за 12 лет. «Вакабаяси» в России — это множество депутатов, которые каждый день безнаказанно «нажимают кнопки» за своих коллег.

Шпиономания: сколько же в Америке российских „штурлицев“? В США засыпалась целая сеть российских „нелегалов“. Анна Куценко (Чэпман), М. Кудик (Зоттоли), Н. Переверзева (Миллз) и еще 8 человек... Никто бы не знал истинные и подложные имена наших „штурлицев“, не ознаменуясь прошедшая неделя грандиозным шпионским скандалом в США [Осипов 2010]. Здесь прецедентное имя передает значение «шпион».

Аналогичное употребление прецедентного имени в рамках антономазии из англоязычного издания: *The American people also want to know what the Obama administration is doing to prevent future **abdulmutallabs** from blowing up planes and American cities* [Guardiano 2010]. / *Американцы хотят также знать, какие действия предпринимает администрация Обамы, чтобы предотвратить взрывы самолетов и городов США*

*новыми **абдулмуталлабами*** [Джон Р. Гардиано, «Медиа предупреждают о республиканской угрозе»). «Абдулмуталлаб» выступает в значении «любой террорист». Данное имя употребляется в связи с недавним происшествием: террорист Умар Фарук Абдулмуталлаб пронес на борт самолета взрывчатку и, если бы произошел взрыв, он унес бы жизни 300 человек.

Разнообразны формы включения прецедентных феноменов в качестве **эпитетов**. При таком сочетании происходит приращение смысла и слова приобретают экспрессивную коннотацию, за счет чего выражается отношение автора к предмету. Свойство быть эпитетом возникает у слова или нескольких слов только в сочетании с названием предмета или явления, которые определяются [Арнольд 1990: 88—89]. Самая распространенная разновидность — использование прецедентного имени в качестве определения, причем писаться оно может быть как со строчной, так и с заглавной буквы. Обратимся к примерам: *Так, бывший заместитель начальника Главного ракетно-артиллерийского управления Министерства обороны РФ генерал-лейтенант Валерий Громаков привел факты о катастрофическом положении наших арсеналов и о том, к чему привели неграмотные действия **сердюковских „оптимизаторов“*** [Шурыгин 2010]. Определение образовано от прецедентного имени министра обороны РФ А. Сердюкова. Смысл, вкладываемый в эпитет и подкрепленный **иронией** (закавыченная словоформа «оптимизаторов»), достаточно прозрачен.

*Казалось бы, те, кто внедрял в России подобные „общечеловеческие ценности“, при которых 9/10 населения переводится в разряд „быдла“, своих целей достигли, всё у них получилось, они „в полном порядке“. Ан нет. Победа оказалась **пирровой**, идеалы — гнилыми, национальная поддержка — нулевой, богатство — воровством, а жизнь за высокими заборами — хуже лагерной* [Симчера, Нагорный 2010]. Прецедентное выражение «пиррова победа» имеет значение «победа, давшаяся очень дорогой ценой; успех, равный поражению» [Серов 2005: 581—582].

Воспитанные в традиции „народ и партия едины“, они все еще клюют на партийную политическую наживку [Костиков 2010б]. Прецедентное выражение «Народ и партия едины» выступает в качестве голофрастической конструкции, которая подробнее будет рассмотрена ниже.

*As a result, California's budget process has an **Alice in Wonderland** quality. One confused*

voter, in an online letter to the *Los Angeles Times*, quoted Winnie the Pooh: "This all makes my head hurt a bit." [O'Leary 2009]. / В результате бюджетный процесс в Калифорнии стал проходить по сценарию „Алисы в стране чудес“. Один сбитый с толку избиратель в онлайн-письме в „Лос-Анджелес Таймс“ процитировал Винни-Пуха: „От этого всего у меня немного разболелась голова“ [Кевин О' Леари, «Избиратели вряд ли помогут Калифорнии отворотить бюджетный кризис»]. Прецедентное имя «Алиса в стране чудес» используется для описания запутанной, замысловатой, сложной, непоследовательной ситуации [Delahunty 2001: 365].

For as long as the **PutinMedvedev** dyad has existed, observers have been looking hard for signs of an internal schism or rupture [Berman 2010]. / На всем протяжении существования **Путинно-Медведевской** диады наблюдатели тщательно искали признаки внутреннего раскола или разрыва [И. Берман, «Непостижимая русская „танDEMократия“»]. Использование прецедентных имен Д. Медведева и В. Путина в составе эпитета к слову «диада» позволяет описать политическую ситуацию, сложившуюся в России после выборов 2008 г., так называемую ситуацию «правлящего тандема», когда старший по должности президент и более опытный премьер-министр фактически разделяют между собой обязанности по управлению государством («современный дуумвират»). Для описания такой формы правления путем контаминации создано новое слово — «танDEMократия».

В современном английском языке возможно увеличение экспрессивности эпитета за счет транспозиции по типу **голофразиса** [Арнольд 1990: 92], т. е. окказионального функционирования словосочетания или предложения как цельнооформленного образования, графически, интонационно и синтаксически уподобленного слову. В силу своей непредсказуемости такие словоподобные образования («фразовые эпитеты») очень выразительны и обладают большим семантическим потенциалом. Ср.: *Но на капитанском мостике почему-то и в голову не приходит сравнить доходы отборных чиновников с расходами и реальной стоимостью „нажатой непомерным трудом“ собственности. Не возник вопрос и о том, по какому это „щучьему велению“ в условиях кризиса, падения производства и доходов казны так чудесно возросли доходы высшего слоя элиты* [Костиков 2010а]. Прецедентное выражение из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию» выполняет функцию определения к слову «собствен-

ность». При таком способе словообразования сохраняются в неизменном виде синтаксические связи между компонентами словосочетания.

When President Obama indulges in fast food while traveling he exhorts interested on-lookers: "Don't tell **Michelle**." The fit First Lady is, of course, an advocate of healthy foods and outspoken about childhood obesity. She had her own "Don't tell **Barack**" moment recently, when she stopped at a diner in Milwaukee and had classic greasy fare: a burger and fries <...> Maybe next time Mrs. Obama ventures out to a diner she should tell curious bystanders: "Shh, don't tell restaurateurs" [Russel 2010]. / Когда во время путешествий президент Обама увлекается фаст-фудом, он взывает к любопытным зевакам: „Не рассказывайте Мишель“. Находящаяся в хорошей физической форме первая леди, конечно же, сторонник здорового питания и всерьез обеспокоена детским ожирением. Но и у нее был недавно свой „Не рассказывайте Барак“ момент, когда она остановилась поужинать в Милуоки, заказав классическую жирную пищу: гамбургеры и картофель фри. <...> Может, когда в следующий раз госпожа Обама отважится выйти на ужин, ей следовало бы предупредить любопытных свидетелей: „Тсс, не рассказывайте владельцам ресторанов“ [Николь Рассел, «Картофель фри свободы»]. Несмотря на реализацию программы по борьбе с детским ожирением, инициатором которой выступила первая леди США, Мишель Обама публично признавалась в своей любви к фаст-фуду и неоднократно была замечена в ресторанах экспресс-питания. Эпиграфом к данной статье послужило трансформированное прецедентное выражение «Do as I say, not as I eat» («Кушайте так, как я говорю, но не так, как я»), которое с самого начала настраивает на ироничное восприятие поднимаемой автором проблемы. В подобных голофрастических конструкциях проявляется «непогашенность» синтаксических связей между компонентами, и фраза воспринимается как одна номинация [Намитоква 1986: 130]. Сегмент «Не рассказывайте Барак» раскрывает смысл статьи, подчеркивая лицемерное поведение М. Обама.

Proposed increases in state pension by Conservative leader William Hague have been criticised as **just-robbing-Peter-to-pay-Paul** politics by veteran pensions campaigner Jack Jones [White 2000]. / Вносимые предложения лидера консерваторов Уильяма Хейга об увеличении государственных пенсий были критически охарактеризованы **политикой „ограбить Питера, чтобы заплатить**

Полу“ участником кампании за ветеранские пенсии Джеком Джоунзом [Майкл Уайт, «Тришкин кафтан пенсионного плана Хейга»). Прецедентное высказывание «Rob Peter to pay Paul» означает ‘поддерживать одно в ущерб другому, взять у одного, чтобы отдать другому; облагодетельствовать одного за счет другого; отдать одни долги, сделав новые’ [ABBYY Lingvo.Pro]. В русском языке существует ряд эквивалентов: «Ограбить Петра, чтобы заплатить Павлу», «Ограбить Питера, чтобы заплатить Полу», «Со Спаса дерет, да Никону кладет». Написание слов данной голофрастической конструкции через дефис позволяет воспринимать всю фразу как единое целое. В переосмысленном значении фраза употребляется, если иронически говорят «о ситуации, когда по ограниченности средств пытаются решить некоторую проблему, пренебрегая решением другой или создавая новую проблему» [Серов 2005: 757].

Многочисленные случаи включения интертекстуальных отсылок в структуру **метафоры**. Метафора обычно определяется как скрытое сравнение, осуществляемое путем применения названия одного предмета к другому и выявляющее таким образом какую-нибудь важную черту второго [Арнольд 1990: 83].

По мнению А. П. Чудинова, человек нередко пытается использовать для осмысления чего-то нового, сложного, не до конца понятного элементы какой-то более знакомой и понятной сферы. При метафорическом моделировании политической сферы, отличающейся сложностью и высокой степенью абстракции, человек часто использует более простые и конкретные образы из тех сфер, которые ему хорошо знакомы. Метафора — это не средство украшения уже готовой мысли, а способ мышления, повседневная реальность языка. Метафору нередко образно представляют как зеркало, в котором, вне зависимости от чьих-либо симпатий и антипатий, отражается национальное сознание [См.: Чудинов 2003: 6, 53]. Рассмотрим метафоры с включенными в их структуру прецедентными феноменами: *Соединенные Штаты Америки нередко называют „новым Вавилоном“*. Нет, не из-за „нового Гитлера“ — Саддама, не из-за страха перед распространением ОМУ (которого не было и в помине!) и, конечно, не только из-за нефти американцы, откровенно нарушив как общепринятые, так и собственные принципы, вторглись в Ирак [Пруссаков 2010].

Как отмечает А. П. Чудинов, в политической коммуникации метафора выполняет

прагматическую функцию, выступает «мощным средством преобразования существующей в сознании адресата политической картины мира, побуждения его к определенным действиям и формирования у него необходимого адресанту эмоционального состояния» [Чудинов 2003: 64]. В вышеприведенном примере сравнение США с Вавилоном позволяет выявить исторические параллели, которые оказывают влияние на оценку современной политической ситуации. Прецедентное имя «Вавилон» употребляется как символ самого могучего и развращенного города [Delahunty 2001: 425].

Что за человек Обама, мы не знаем. Не знают и американцы. Но мулат Обама ассоциируется с добрым, мягким, человеческим дядей Томом. И народ решил сделать Белый дом его хижинкой, изгнав из него наломанных дров англосаксов [Тростников 2009]. Автор статьи метафорически уподобляет Б. Обаму негру-рабу Тому, а Белый дом — его хижине (отсылка к известному роману Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома»). Б. Обама предстает в образе добросовестного и порядочного политика, в отличие от предыдущего президента.

Сегодня с неизбежностью встает вопрос: а как поведет себя население в условиях кризиса? Вчера обцеловывало власть. А сегодня? Не потребует ли выкатить на Красную площадь гильотину? Ограничится ли ворчанием на кухне? Или дело дойдет до метания ботинок и — хуже того — „бульжников пролетариата“? [Костиков 2009].

Прецедентная ситуация «метание ботинок» отсылает к недавним событиям: молодой иракский журналист Мунтазер аль-Заиди «прославился», бросив свои ботинки в президента Буша; лидер Соединенных Штатов сумел ловко увернуться от летящей обуви. При помощи данной прецедентной ситуации возможно создание метафоры во второй части предложения — «метание бульжников пролетариата», — базирующейся также на прецедентном высказывании из песни «Бульжник — оружие пролетариата», которое цитируется шутивно-иронически по поводу излишне прямолинейного способа достижения поставленной цели [Серов 2005: 35].

Губернаторы: кому Кремль пришлет „черную метку“ (Аргументы и факты. 2009. № 8 (1477) от 18—24 февр. С. 2). Дм. Медведев заявил, что кризис — возможность проверить каждого, кто на что способен, затем президент подписал указы о досрочной отставке глав Орловской, Псковской областей и Ненецкого автономного округа. Преце-

дентный феномен пришел из романа Роберта Льюиса Стивенсона «Остров сокровищ»: черную метку пираты посылали тому, кто их предал или обманул. Тем самым они сообщали жертве, что скоро ее постигнет наказание. В иносказательном смысле «черная метка» — символический знак угрозы, предупреждение о грядущих неприятностях, расправе и т. д.

„**Барак Горбачев**“. *Обама — это американский Горбачев* (Аргументы и факты. 2010. № 17 (1538) от 28 апр.—4 мая. С. 7). В данном примере обыгрываются имена Б. Обамы и М. Горбачева. Автор указывает на то, что политика, проводимая президентом США, напоминает политику СССР 1980-х гг. В подобных примерах политическая реальность одной страны становится сферой-источником для заимствования прецедентных феноменов, необходимых автору для описания политической реальности другого государства.

Интертекстуальность позволяет объяснить имманентное свойство текста — способность к приращению смысла, генерированию новых смыслов через взаимодействие с другими смысловыми системами. При помощи ассоциаций, порождаемых прецедентными феноменами, можно акцентировать внимание на определенных смыслах, скрытых в словах. По нашему мнению, прецедентные феномены «несут за собой» культурные и аксиологические ассоциации из прежних контекстов, порождая тем самым дополнительные приращения смысла в создаваемом заново тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка : (Стилистика декодирования). 3-е изд. — М. : Просвещение, 1990.
2. Баженова Е. А. Интертекстуальность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. — М. : Флинта : Наука, 2006. С. 104—108.
3. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. — М. : Гослитиздат, 1959.
4. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М. : Высшая школа, 1972.
5. Литература и язык : соврем. иллюстр. энцикл. / под ред. проф. А. П. Горкина. — М. : Росмэн, 2006.
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб. : Искусство—СПБ, 2000.
7. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. — СПб. : Искусство—СПБ, 2002.
8. Намитокова Р. Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. — Ростов : Изд-во Ростов. ун-та, 1986.
9. Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений : более 4000 ст. 2-е изд. — М. : Локид-Пресс, 2005.

10. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. Изд. 3-е, стер. — М. : КомКнига, 2007.

11. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.

12. ABBYY Lingvo.Pro : онлайн-словарь. URL: <http://lingvopro.abbyyonline.com/>.

13. Delahunty A. The Oxford Dictionary of Allusions. — Oxford Univ. Pr., 2001.

ИСТОЧНИКИ

14. Бушин В. Ждите ответов... // Завтра. 2010. 6 янв. № 1 (842). URL: <http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/10/842/22.html>.

15. Катухов Т. С днем рождения, Юрий Михайлович! // Комсомольская правда. 2005. 22 сент. URL: <http://kp.ru/daily/23582/44691>.

16. Костиков В. По ком плачет гильотина? Кризис — время для снятия сильных народных раздражителей // Аргументы и факты. 2009. 11 февр. № 7. URL: <http://www.aif.ru/society/article/24487>.

17. Костиков В. Полный вакабаяси. Падают престиж российской элиты // Аргументы и факты. 2010а. 28 апр. URL: <http://www.sz.aif.ru/society/article/12585>.

18. Костиков В. Усушка Родины. У россиян исчезает чувство единства // Аргументы и факты. 2010б. 3 марта. URL: <http://www.aif.ru/society/article/33045>.

19. Мусафиров О. Идущие вместо // Новая газета. 2010. 11 янв. № 1. URL: <http://old.novayagazeta.ru/data/2010/001/10.html>.

20. Осипов С. 11 друзей Фрадкова. В США засыпалась целая сеть российских «нелегалов» // Аргументы и факты. 2010. 7 июля. URL: <http://www.aif.ru/politics/article/comments/35971/5>.

21. Пруссаков В. Исламская мозаика // Завтра. 2010. 6 янв. № 1 (842). URL: <http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/10/842/34.html>.

22. Симчера В., Нагорный А. Где ресурсы модернизации? // Завтра. 2010. 13 янв. № 2 (843). URL: <http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/10/843/51.html>.

23. Табло // Завтра. 2010. 6 янв. № 1. URL: <http://zavtra.ru/content/view/2010-01-0612/>.

24. Тростников В. От хижины Тома до Барака Обамы // Аргументы и факты. 2009. 20 янв. № 4. URL: <http://www.aif.ru/society/article/24015>.

25. Цепляев В. В кепке ли дело? // Аргументы и факты. 2010а. 15 сент. URL: <http://www.aif.ru/society/article/37607>.

26. Цепляев В. Гуд-бай, Америка? Штатам пророчат крах доллара и распад страны // Аргументы и факты. 2010б. 28 апр.

27. Шурыгин В. Большая реформа или большая ложь? // Завтра. 2010. 13 янв. № 2 (843). URL: <http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/10/843/41.html>.

28. Bandow D. Addressing the Chinese Threat // The American Spectator. 2008. 11 May. URL: <http://spectator.org/archives/2007/05/11/addressing-the-chinese-threat>.

29. Berman I. Inscrutable Russian ‘Tandemocracy’ // The Washington Times Daily. 2010. 15 Oct. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2010/oct/15/in-scrutable-russian-tandemocracy/>.

30. *Felder R., Mason J.* Camelot or Cesspool? // The American Spectator. 2008. 5 Feb. URL: <http://spectator.org/archives/2008/02/05/camelot-or-cesspool>.

31. *Ferrara P.* Obama's Iran Blunder // The American Spectator. 2009. 17 June. URL: <http://spectator.org/archives/2009/06/17/obamas-iran-blunder>.

32. *Goldstein A.* Thoughts on bin Laden's Death // The American Spectator. 2011. 2 May. URL: <http://spectator.org/blog/2011/05/02/thoughts-on-bin-ladens-death>.

33. *Graham C.* Ukraine's future wasn't orange // The Guardian. 2010. 8 Feb. URL: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2010/feb/08/ukraine-post-communist-orange-future>.

34. *Guardiano J. R.* Media Warns of Grave GOP Danger // The American Spectator. 2010. 4 Jan. URL:

<http://spectator.org/archives/2010/01/04/media-warns-of-grave-gop-dange>.

35. *Hillyer Q.* Thermopylae for Health Care // The American Spectator. 2010. 7 Jan. URL: <http://spectator.org/archives/2010/01/07/thermopylae-for-health-care>.

36. *O'Leary K.* Voters Unlikely to Help Calif. Avert Budget Crisis // Time. U. S. 2009. 18 May. URL: <http://www.time.com/time/nation/article/0,8599,1899331,00.html>.

37. *Russel N.* Freedom Fries // The American Spectator. 2010. 26 Oct. URL: <http://spectator.org/archives/2010/10/26/freedom-fries>.

38. *White M.* Hague pension plans 'rob Peter to pay Paul' // The Guardian. 2000. 24 May. URL: <http://www.guardian.co.uk/politics/2000/may/24/thatcher.uk3>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Л. С. Макарова

Т. И. Перовская Т. I. Perovskaya
Первоуральск, Россия Pervouralsk, Russia

**VIP:
К ИСТОРИИ ПРОНИКНОВЕНИЯ
АББРЕВИАТУРЫ В РУССКИЙ ЯЗЫК**

Аннотация. Рассматривается историко-лингвистическое происхождение аббревиатуры «VIP», ее социолингвистическая обусловленность. Приводится подробная лексикографическая характеристика данной аббревиатуры с раскрытием всех языковых особенностей (произношения, вариантов написания и функционирования в современном русском языке). Глубокий анализ выявляет разветвленное лексическое значение сокращения «VIP» и образованное на его базе богатое словообразовательное гнездо.

Ключевые слова: аббревиатура; адаптация; акроним; графический вариант; неологизм; номинация; сокращение; транскрипция; транслитерация; цельнооформленное слово.

Сведения об авторе: Перовская Татьяна Ивановна, старший преподаватель кафедры русского языка.

Место работы: Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б. Н. Ельцина (филиал в г. Первоуральске).

Контактная информация: 623100, г. Первоуральск, Космонавтов, 1.
e-mail: tat.perow@yandex.ru.

**VIP: HISTORY OF PENETRATION
OF THIS ABBREVIATION
IN THE RUSSIAN LANGUAGE**

Abstract. The article is devoted to historical-linguistic origin of the abbreviation VIP and its sociolinguistic conditioning. Lexicographic characteristics of the abbreviation is given, in which all the linguistic features of abbreviations are reflected: pronunciation, spellings and functioning in modern Russian. Profound analysis allows us to see ramified lexical meaning of the shortening "VIP" and its wide set of derivatives.

Key words: abbreviation; adaptation; acronym; graphical version; neologism; nomination; reduction; transcription; transliteration; word.

About the author: Perovskaya Tatiana Ivanovna, Senior Lecturer of the Chair of the Russian Language.

Place of employment: Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Pervouralsk Branch.

В речевой практике носителей русского языка популярностью пользуется аббревиатура заимствованного происхождения VIP. С начала 1990-х гг. она не переставая мелькает на страницах российской прессы и уже вошла в словари современного русского литературного языка, ср.: «VIP — сокр. англ. *Very Important Person* — очень важная персона, — высокопоставленное лицо, очень известный, влиятельный или богатый человек, обладающий особыми привилегиями. Употребляется как самостоятельное слово, а также в качестве определения в составе сложных слов, где его сочетаемость практически неограниченна, а количество сочетаний — неисчислимо: VIP-бизнес, VIP-демократия. Самолет класса VIP, в собственности VIPa» [Баранова 2009: 296].

Сведения о возникновении акронима «VIP» мы находим в Интернете: «Данный неологизм появился впервые в английском языке в 1940 году, предположительно в Великобритании. Так в авиации называли пассажиров высокого ранга, для полетов которых требовались комфортабельность и специальные меры безопасности. Во II половине XX века аббревиатура «VIP» прижилась вне сферы авиации. Ее функции расшири-

лись, аббревиатурой «VIP» стали титуловать не только пассажиров, но и особо богатых и авторитетных клиентов в прочих сферах. „Особо важными персонами“ стали называть высокопоставленных политиков, влиятельных бизнесменов, звезд шоу-бизнеса» [VIP]; «На Западе это сокращение появилось тоже не в древности: первыми его стали использовать в своей речи военные во времена Второй мировой войны для обозначения лиц, чья жизнь представляла особую ценность. В мирное время так продолжали называть уважаемых господ, бомонд» [Лисовский].

В английском языке данная аббревиатура функционирует как самостоятельное слово: «**V.I.P.-s** — vi: ai: pi:, z.» [Словарь английского произношения 1965: 510]; «**VIP** — very important person: a person of great influence or prestige; esp: a high official with special privileges» [The Merriam Webster Dictionary 1997: 895] / «...высокая именитая персона с большим влиянием, высокое официальное лицо со специальными привилегиями»; «**VIP** — abbr. of very important person — высокопоставленное лицо, высокий гость» [Oxford English-Russian Dictionary 1984: 1302].

Русскоязычные словари показывают, что неологизм лексикализовался, стал целью-

оформленным словом, сохранив исходное латинское написание (впрочем, существуют и кириллические варианты; они приводятся ниже), тем не менее прочно занял свое место в лексической системе русского языка, где функционирует не в виде развернутого словосочетания, а в виде сложносокращенного слова, многими воспринимаемого как звукокомплекс с затемненной внутренней формой.

Первоначально в русских словарях данный акроним писался с точками после каждого инициала, в соответствии с требованиями английской орфографии: «**V.I.P.** — very important person (разг.) Начальство, высокопоставленное лицо» [Мюллер 1967: 910]. Позже, адаптируясь в русском языке, аббревиатура теряет первоначальное графическое оформление: «**VIP** — сокр. от very important person — разг. высокопоставленное лицо; начальство, шишка» [Гальперин 1988: 1066]; «**VIP** — very important person — высокопоставленное лицо» [Чернов 1991: 271]; «**VIP** — very important person — очень важная персона» [Волкова, Шахназарова 2001: 805]; «**VIP** — very important person — особо важная персона. В практике международных отношений сокращенное обозначение лица, занимающего один из важных государственных постов» [Кузнецов 2003: 79]; «**VIP** — very important person — (разг.) весьма важная персона, высокопоставленное лицо» [Мюллер 2006: 1415]; «**VIP** — very important person — особо важная персона (об имеющих привилегии лицах из важной структуры и управленческой номенклатуры, о богатых людях, ведущих светскую жизнь» [Скляревская 2007: 1126].

Новизна иноязычного графического сокращения VIP обуславливает его быстрое распространение среди пользователей Интернета, журналистов СМИ. Сообразно духу времени, аббревиатура воспринимается как модная, интересная, престижная. Однако латинизированный облик сокращенного написания не является окончательным вариантом в современном русском языке, словари свидетельствуют и о кириллических вариантах бытования аббревиатуры VIP: «**ВИП**, неизм.; ж. [прописными буквами], от англ.VIP (very important person) — особо важная персона. В практике международных отношений: сокращенное обозначение лица, занимающего один из высших государственных постов» [Кузнецов 2003:960]; «**ВИП** — [VIP-very important person, очень важная особа], очень известный, влиятельный или богатый человек, требующий индивидуального обслуживания и охраны» [Хацкевич 2003:177]; «**ВИП** (прописные буквы), нескл., ж. Лицо, обладающее значительной вла-

стью, высоким положением, большими доходами» [Горбачевич 2005:657]; «**ВИП/виП/Ви-Ай-Пи**, транслитерация или транскрипция инициально-буквенного сокращения (Ви-Ай-Пи) — англ.VIP — сокр.Very Important person — „очень важная персона“ — высокопоставленное лицо, очень известный, влиятельный или богатый человек, обладающий особыми привилегиями» [Баранова 2009: 33]; «**ВИП, ВИПа**, м. [VIP — very important person очень важная персона, то же, что VIP]; очень важный человек (о лицах, наделенных властью, звездах кино и телевидения и пр.) (разг.)» [Асланова 2010:147].

В момент вхождения неологизма VIP в русский язык он употреблялся как альтернатива терминам *аристократ*, *олигарх*. В настоящее время данная аббревиатура получает дальнейшее семантическое развитие: VIP — это физическое лицо, имеющее право на персональные привилегии, льготы или претендующее на таковые ввиду своей состоятельности в финансовом, социокультурном или ином плане. Быть VIP'ом — значит быть успешным, богатым человеком, занимать высокую государственную должность, чувствовать собственную исключительность.

VIP манифестирует определенный статус человека. Этот акроним функционирует наряду с определениями *политик*, *бизнесмен*, *руководитель*, *управленец*, *мэр*, *региональный чиновник*. Кроме того, аббревиатура используется в рекламных целях для обозначения высокого качества товара или услуги (мест в аэропорту, на транспорте, в театре, в ресторане и т. д.): «*IP-баня Red-House в Новогиреево на Кетчерской улице* (<http://redhouse.vsesauny.ru/>); *VIP-бассейн — это услуга, ориентированная на тех людей, которые хотят создать маленький курорт* (<http://www.aqua-hobbe.ru/vip>).

Ср. также: «Первоначально в русском языке данная аббревиатура употреблялась для обозначения в официальных документах лиц, пользующихся привилегиями в аэропортах (особые терминалы, залы), на транспорте. В практике международных отношений ее применяли в качестве обозначения лица, занимающего первое положение из высших государственных постов» [Юрьева].

Для понимания полного значения сокращения, а точнее природы этого значения, требуется сопоставить употребление аббревиатуры с соответствующим полным употреблением в языке-доноре с момента возникновения сокращения. Динамика употребления аббревиатуры в русском языке представляется такой: военная лексика → официально-деловая лексика → дипломатиче-

ская лексика → профессиональная → разговорная, общеупотребительная.

Носители русского языка, глубоко освоившие слово VIP, начинают употреблять его в современной русской разговорной речи. Само слово становится выразительным средством в устной неофициальной коммуникации, представляя собой стилистически сниженные номинации. Появляются новые значения неологизма VIP: 'влиятельный человек, покровитель; богатый, разгульный, беспечный человек'. Заимствованная аббревиатура VIP сегодня не дублирует свой английский прототип. Более внимательный анализ позволяет увидеть не только сходство, но и отличие семантики русского слова VIP от английского, проявляющееся в большей разветвленности лексического значения, в синтаксической сочетаемости, в образовании мощного словообразовательного гнезда.

Новообразование VIP проявляет словообразовательную активность и становится производящим. Совокупность однокоренных слов с акронимом VIP рождает словообразовательное гнездо: *VIP—VIPовый—по-VIPовски — VIPовать — VIPик* (по аналогии с *папик*).

Появляются новые сложные прилагательные с общим значением 'все лучшее — для респектабельных господ', конкретизирующие целевое использование сложносоставного слова: *VIP-база, VIP-место, VIP-ложа, VIP-гость, VIP-клиент*. Прилагательное выполняет свою основную функцию — называет предметы, относящиеся к классу VIP. Употребление слова «VIP» демонстрирует новые тенденции, в частности использование в значении имени прилагательного:

«VIP. 1. Первая часть составных слов, вносящая значения: служащий, предназначенный для особо важных и богатых персон: *VIP-ложа, VIP-мероприятие, VIP-номер*.

2. Первая часть составных слов, вносящая значение „особенно важный (для деятельности кого-чего-либо)“: *VIP-гость, VIP-клиент*.

3. Первая часть составных слов, вносящая значение „дающий особые привилегии“: *VIP-карта, VIP-номер* [Скляревская 2007: 1126]; «Термин VIP часто эксплуатируется в рекламе и в названиях эксклюзивных сервисов, рассчитанных на состоятельного и элитарного покупателя, также во многих фирмах VIP-клиентами называют постоянных клиентов и представляют для них эксклюзивные скидки и интересные контракты» [VIP]; «Крах СССР обусловил последующий кризис сложившихся в нем социальных групп. Сегодня в российском социуме есть группы населения: бюджетники, пенсионеры, учащиеся, предприниматели, региональные чиновники, политики, разделяемые скорее уровнями по-

требления и стилями жизни, нежели идеологиями. В результате национальные интересы все чаще отождествляются с интересами правящих элит, VIP-фигур» [Мартьянов].

Собственность и власть отождествились, появилась новая российская правящая элита — VIP'ы, «властесобственники». Семантика слова связывается с известными чертами российской действительности и истории, т. е. у аббревиатуры «VIP» появилось еще одно лексическое значение. Изучение заимствованного слова VIP наглядно показывает, как, «попадая на русскую почву, чужие культурные модели и концептуальные схемы, как правило, получают совсем другое наполнение, и в результате образуется нечто существенно новое, не похожее ни на заимствуемую культуру (культуру страны-ориентира), ни на культуру реципиента. Но именно ориентация на чужую культуру в значительной степени способствует своеобразию русской культуры» [Ласорса-Сьедина 2003: 166].

В словарях сокращений русского языка до 90-х гг. XX в. эквивалентов англоязычному слову «VIP» не было: для ряда сокращений (особенно имен собственных) характерна неустойчивость, изменчивость. Многие сокращения (имена собственные) носили неофициальный характер, что мешало им быть живучими. Наибольший удельный вес в словарях сокращений тогда занимали названия учреждений, предприятий, организаций, названия сельскохозяйственных машин, самолетов, автомобилей, различных отраслей народного хозяйства, поэтому исследование аббревиатуры, обозначающей человека, физическое лицо, внимание лингвистов не привлекало, но начиная с 1991 г. русские словари активно обращаются к комплексному лексикографическому описанию иноязычной аббревиатуры «VIP», появляющаяся ее лексикографический портрет.

На современном этапе развития русского литературного языка заимствованное слово сохраняет, с небольшими изменениями, свою структуру, сохраняется тенденция к ослаблению процесса семантического и словообразовательного калькирования. В первое десятилетие XXI в. частотность слова «VIP» в речи становится необычайно высокой, от аббревиатуры легко образуются производные слова, она делается объектом сознательного употребления. На базе компонента на периферии языка формируются жаргонные обозначения: *поVIPендриваться, VIPша, VIPарь*. Однако общественная актуальность понятия может, как это часто бывает, утратиться, и тогда уменьшится коммуникативная активность слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова Н. О., Шахназаров В. С. [ред.]. Англо-русский дипломатический словарь. — М. : Русский язык, 2001.
2. Мюллер, В. К. [ред.]. Англо-русский словарь. — М. : Сов. энцикл., 1967.
3. Бобров В. Б. [ред.]. Англо-русский словарь по рекламе и маркетингу. — М. : РУССО, 2004.
4. Горбачевич К. С. [ред.]. Большой академический словарь русского языка : в 2 т. — М. ; СПб. : Наука, 2005.
5. Гальперин И. Р. [ред.]. Большой англо-русский словарь : в 2 т. — М. : Русский язык, 1988.
6. Мюллер В. К. [ред.]. Большой англо-русский словарь. — Екатеринбург : У-Фактория, 2006.
7. Чернов Г. В. [ред.]. Карманный англо-русский и русско-английский словарь / под ред. Г. В. Чернова. — М. : Русский язык, 1991.
8. Ласорса-Сьедина К. Активные процессы в лексической семантике русского языка конца XX столетия // Активные языковые процессы конца XX века. — М. : Азбуковник, 2003. С. 160—170.
9. Лисовский Е. Очень важные ВИПы. URL: <http://www.newslab.ru/blog/255438> (дата обращения: 17.10.2010).
10. Мартыанов В. Многопартийная партия власти [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/3/ma3.html> (дата обращения: 27.12.2011).
11. Хацкевич Ю. Г. [ред.]. Новейший словарь иностранных слов и выражений. — М. : Современный литератор, 2003.
12. Северская О. VIP или не VIP, а VIP-персона? Вот в чем вопрос! URL: <http://rus.1september.ru/articlef.php?ID=200800812> (дата обращения : 17.10.2011).
13. Складаревская Г. Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Русский филологический портал. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/sklyarevskaya-01.htm> (дата обращения: 17.10.11).
14. Баранова Л. А. [ред.]. Словарь аббревиатур иноязычного происхождения. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009.
15. Словарь английского произношения / под ред. Даниэля Джоунза. М. : Советская энциклопедия, 1965.
16. Кузнецов С. А. [ред.]. Современный толковый словарь русского языка. — СПб. : Норинт, 2003.
17. Асланова Л. А. [ред.]. Толковый словарь новейших слов и выражений русского языка. — М. : Дом славянской книги, 2010.
18. Складаревская Г. Н. [ред.]. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. — М. : Эксмо, 2007.
19. Юрьева И. Элитный или элитарный. URL: http://www.spbvedomosti.ru/article.htm?id=10249121@SV_Articles (дата обращения: 17.10.2011).
20. Oxford English-Russian Dictionary. — Oxford University Press, 1984.
21. The Merriam-Webster Dictionary. — Incorporated Massachusetts, USA, 1997.
22. VIP // Википедия : электр. энцикл. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/VIP> (дата обращения: 20.02.2011).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. М. Э. Рут

В. В. Сидорова **V. V. Sidorova**
Волжский, Россия Volzhsky, Russia

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ МИР ДЖ. Р. Р. ТОЛКИНА
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
АМЕРИКАНСКИХ И РОССИЙСКИХ СМИ**

**J. R. R. TOLKIEN'S PRECEDENT WORLD
IN THE POLITICAL DISCOURSE
OF THE AMERICAN
AND RUSSIAN MASS MEDIA**

Аннотация. Рассматривается актуализация прецедентного мира Дж. Р. Р. Толкина в политическом дискурсе американских и российских СМИ. Выявляется специфика функционирования конститuentов данного прецедентного мира в медийной политической коммуникации.

Abstract. The article examines the actualization of J. R. R. Tolkien's precedent world in the political discourse of the American and Russian mass media. It explores the specificity of the functioning of the precedent world constituents in contemporary mass media political communication.

Ключевые слова: прецедентный мир; прецедентный феномен; средства апелляции; функции прецедентных феноменов; политическая коммуникация.

Key words: precedent world; precedent phenomenon; means of appealing; functions of precedent phenomena; political communication.

Сведения об авторе: Сидорова Валентина Витальевна, старший преподаватель кафедры лингвистики, аспирант.

About the author: Sidorova Valentina Vitalyevna, Senior Lecturer of the Chair of Linguistics, Postgraduate Student.

Место работы: Волжский гуманитарный институт — филиал Волгоградского государственного университета.

Place of employment: Volzhsky Institute of the Humanities — affiliate of Volgograd State University.

Контактная информация: 404133, г. Волжский, ул. Оломоуцкая, 36.
e-mail: valvitsid@mail.ru.

Политический дискурс СМИ относится к политическому дискурсу в широком его понимании, т. е. к «дискурсу в политической сфере» [Базылев 1998: 7], «любим речевым образованиям, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал 2004: 23]. Многие лингвисты признают, что основной функцией данного дискурса является регулятивная (или персуазивная). Как справедливо отмечает П. Б. Паршин, «всякий текст оказывает воздействие на сознание адресата с семиотической точки зрения. Но для политического текста речевое воздействие является основной целью коммуникации, на достижение которой ориентируется выбор лингвистических средств» [Паршин 1987: 403].

Одним из средств речевого воздействия на читательскую аудиторию является использование в материалах СМИ прецедентных феноменов, которые способны делать публицистический материал более экспрессивным и создавать дополнительные смыслы. В данной работе рассматривается реализация прецедентного мира английского писателя Дж. Р. Р. Толкина в политическом дискурсе американских и российских СМИ. Вслед за Г. Г. Слышкиным под прецедентным миром мы понимаем сложный элемент концептосферы, объединяющий концепты единичных прецедентных феноменов, находящиеся в системной взаимосвязи и регулярно функционирующие в коммуникации в

различных комбинациях друг с другом; при этом «концептуализируемые прецедентные миры могут быть плодом авторского воображения и входить в сознание носителей культуры в результате знакомства с художественными текстами» [Слышкин 2004: 154].

Реминисценции из произведений Дж. Р. Р. Толкина активно используются в политической коммуникации. Несмотря на критическое отношение самого автора к аллегорическому толкованию своих книг, еще при жизни писателя читателями предпринимались попытки найти в них скрытый политический смысл. Очевидно, такое стремление интерпретировать художественный текст и проводить параллели с современностью является естественным и неизбежным следствием публикации выдающихся литературных произведений, поднимающих серьезные философские проблемы, какими являются сочинения Дж. Р. Р. Толкина, особенно его роман «Властелин колец». Эта книга, как и все творчество английского писателя, ставит вечные философские вопросы: о борьбе добра и зла, о смысле власти, о роли отдельной личности, об ответственности человека перед природой и многие другие. В этом, по нашему мнению, заключается основная причина востребованности авторского прецедентного мира Дж. Р. Р. Толкина в политическом дискурсе, отражающем борьбу различных социальных групп за обладание властью.

Исследователи отмечают такие характеристики политического дискурса, как постоянное акцентирование ценностей определенной идеологии, обосновывающих право на власть [Карасик 2002: 342], суггестивность, образность, ярко выраженную полярированность оценок [Гудков 2003: 141—142]. Произведения Дж. Р. Р. Толкина, в которых добродетель четко противопоставляется пороку, а абстрактные идеи воплощены в запоминающихся образах и увлекательном сюжете, предоставляют участникам политической коммуникации эффективные средства воздействия на сознание коллективного адресата.

В ходе данного исследования рассмотрены апелляции к авторскому прецедентному миру в 71 публикации американских и 38 публикациях российских СМИ, темой которых стали политические события. Средствами апелляции являются имена главных персонажей и названия произведений Дж. Р. Р. Толкина, наименования вымышленных автором географических объектов и живых существ, а также отдельные цитаты.

Исследование показало, что в политическом дискурсе американских СМИ наиболее частотными являются следующие персонажные онимы Дж. Р. Р. Толкина (в скобках указано количество примеров): *Sauron* (16), *Frodo* (14), *Gollum* (11), *Gandalf* (5), — а также топонимы *Mount Doom* (6), *Middle Earth* (4), *Mordor* (4). Менее востребованны онимы *Aragorn*, *Eowyn*, *Galadriel*, *Morgoth*, *Sam Gamgee*, *Saruman*, *Wormtongue* (по 3 примера). Для публикаций политической направленности в российских СМИ перечень востребованных прецедентных имен персонажей выглядит следующим образом: *Саурон* (15), *Горлум/Голлум* (8), *Фродо* (6), *Гэндальф* (3), *Гнилоуст* (3), *Саруман* (3). Самым частотным топонимом является лексема *Мордор* (9), в единичных случаях используются топонимы *Валинор*, *Барад-Дур*, *Ородруин*.

Для политического дискурса СМИ нетипична актуализация внешнего облика персонажей литературных произведений, хотя в материале исследования встречаются единичные примеры сравнения женщин-политиков (Х. Клинтон, Ю. Тимошенко) с королевой эльфов Галадриэлью по внешним признакам. Сравнение внешности политика с обликом Голлума выражает крайне негативную оценку со стороны адресанта и представляет аудитории политического деятеля в качестве карикатурного персонажа. Для примера можно привести следующий фрагмент публикации под заголовком "*Gollum in the White House*" на сайте «WorldNetDaily»: *I think I've finally figured out who Obama really is. Not his*

identity and citizenship, which — unlike any other president in history — remains a mystery. No, I mean who he is... Gollum, the pathetic creature in "The Lord of the Rings" who lived underground with the one ring that held the power over all the others. The ring consumed him, and in the end destroyed him. (Even if you disagree with this analogy, you must admit to the physical similarities between Gollum and Obama, no?) [McMillan 2010].

Очевидно, что использование подобных сравнений может вызвать обвинения в нарушении норм политкорректности, поэтому журналисты иногда прибегают к замене словесного портрета зрительным рядом, указывающим на внешнее сходство политика с отрицательным персонажем. На информационном портале «Newsland.ru» сообщается об использовании подобного журналистского приема в российских СМИ для карикатуризации образа белорусского президента: *Апофеозом же новой страницы в российско-белорусских отношениях стала статья в газете „Московский комсомолец“. Издание и до этого-то не потчевало белорусское руководство лаской, теперь же явно заявило о том, что Москва будет работать на уход Лукашенко. Статья была снабжена коллажем, стоящим уже прямо за рамками любых норм качественной журналистики: переделанное изображение Горлума из „Властелина колец“, напоминающее главного героя публикации* [Мочить в эфире].

Гораздо чаще, чем внешние характеристики персонажей, в политическом дискурсе СМИ актуализируются основные черты их характеров, а также сюжетные линии литературных произведений. Так, реакцией на заявление американского президента о ликвидации спецслужбами США Усамы бен Ладена стала публикация на информационном портале «First Read», автор которой говорит об ассоциативной связи между этим событием и фрагментом сюжета «Властелина Колец»: *There was a "Sauron is dead" moment for them and for us. President Obama went about this methodically and carefully as he does everything* [First Read. 2011.02.05].

Апелляция к тексту Дж. Р. Р. Толкина позволяет автору выразить и отношение к лидеру Аль-Каиды как к «воплощению мирового зла», и ощущение триумфа, испытанное многими американцами в связи с его уничтожением. В то же время в российских СМИ появились публикации с менее восторженными откликами на то же событие. В интернет-газете «Взгляд», в частности, высказывалось мнение о том, что причины ликвидации бен Ладена следует искать не в сфере борьбы с терроризмом, а в сфере внешне-

политических интересов США. В статье, озаглавленной «*Международный Саруман*», автор называет операцию по ликвидации бен Ладена «блестящей операцией по персонализации „образа врага“» [Панкратенко 2011]. Выбор онима *Саруман* несколько снижает масштабность описываемого события: имя принадлежит менее значительному персонажу «Властелина колец», поддавшемуся власти Саурона.

Наиболее востребованным событием созданного Дж. Р. Р. Толкиным литературного сюжета в политическом дискурсе является основная сюжетная линия романа «Властелин колец». Она актуализируется в следующем фрагменте журнальной публикации, в котором автор высказывает мнение о международной миссии США: *As the world's only superpower, we're carrying the Ring on behalf of an entire planet, and our burden is every bit as heavy as Frodo's* [Times Magazine. 2002. 02.12].

Аналогичные примеры наблюдаются в дискурсе российских СМИ при описании политической жизни государств бывшего Советского Союза и международных событий, например: *И оказалось, что прагматическая война с Ираком, независимо от того, произойдет она или не произойдет, уже описана Толкиеном и снята в режиме online, потому что Саддам Хусейн, ясное дело, предался Саурону, а Джордж Буш-младший явно играет в будущей гондорской коалиции роль колоброта-Арагорна, мистического Короля Запада, над которым сначала все смеялись, а потом все перед ним преклонилось. Тони Блэр — это, конечно, король Рохана. Бессмертные эльфы, и хоббиты, и гномы, и оформленные в стиле акций „Гринписа“ энты (негодующая природа мстит неразумному человеку за ее разрушение) — все они имеют свои аналоги в нашем прозаическом мире* [Новое время. 17.02.2003].

Обращает на себя внимание тот факт, что апелляции к сюжету «Властелин колец» активизируются в периоды президентских выборов. Не стала исключением и недавно завершившаяся в России предвыборная кампания, когда сторонники и противники кандидатов на должность президента РФ проводили параллели между реальной политической ситуацией и литературным текстом. Например, участник оппозиционного общественно-политического движения «Солидарность» М. Аркадьев прокомментировал исход выборов на сайте «Новой газеты» статьей под заголовком «*Путин надел Кольцо всевластия*» [Аркадьев 2012]. В американских публикациях на тему выбо-

ров подобные апелляции более частотны, они встречаются при характеристике событий как внутри страны, так и за рубежом. Так, ситуация во Франции перед вторым туром президентских выборов, когда борьба шла между двумя кандидатами, сравнивалась с финалом романа Дж. Р. Р. Толкина: *After the Lord of the Rings finale, the French electorate is now within sight of the electoral volcano of Mordor-France, into whose fiery abyss they may consign their terribly unpopular incumbent President* [Bauer 2012].

Ряд цитат из произведений Дж. Р. Р. Толкина используется в политическом дискурсе американских СМИ в экспрессивно-декоративной и персуазивной функциях. Реплика владычицы Галадриэли *“All shall love me and despair!”* в двух контекстах дополняет характеристику стремящейся к власти женщины-политика. Возглас мага Гэндальфа, сразившегося с чудовищем-балрогом — *“You shall not pass!”* — иллюстрируют решимость одной из сторон в политической борьбе. Наиболее ярко персуазивная функция прецедентного высказывания проявляется в неоднократных ссылках на ответ мага Гэндальфа главному герою «Властелин колец», не готовому к выпавшим на его долю тяжелым испытаниям: *“All we have to decide is what to do with the time that is given to us”*. Это высказывание служит средством убеждения аудитории в необходимости противостоять невзгодам и брать на себя ответственность за свою судьбу и будущее страны. Например, во время прошлой предвыборной президентской кампании в журнале «Townhall Magazine» была опубликована статья под заголовком «*A Gandalf Moment*», описывающая трудности предстоящего избирателям выбора, связанные с отсутствием идеальных кандидатов. Призывая американских избирателей, поддерживающих Республиканскую партию, своевременно обдумывать решения и идти на необходимые компромиссы, журналист напоминает читателям о соответствующей сцене в романе Дж. Р. Р. Толкина: *The social conservatives whose votes buttress the Republican Party are experiencing a Gandalf Moment. Frodo the Hobbit remarks, as darkness descends on Middle Earth, “I wish it need not have happened in my time.” “So do I...,” the wizard replies. “But that is not for [us] to decide. All that we have to decide is what to do with the time that is given us.” It's another way of saying that life, especially political life, can be urgent and challenging* [Murchison 2007].

Одним из неоднократно встречающихся в выборке из американских источников прецедентных высказываний является обраще-

ние Голлума к кольцу всевластья — “*My precious!*”. Фраза является дополнительным штрихом в негативной характеристике политика, стремящегося к власти. Она используется при описании деятельности разных участников президентской гонки, в зависимости от убеждений журналистов — Б. Обамы, Дж. Маккейна, Х. Клинтон. Вот один из примеров: *Hillary Clinton promises a systematic review of the Bush administration’s executive power grab if elected... Somehow, I’m reminded of Gollum. “They’re thieves. They’re thieves, they’re filthy little thieves. Where is it? Where is it? They stole it from us. My Precious. Curse them, we hates them! It’s ours it is, and we wants it”. My guess is her tune would quickly change were the ring once again hers* [Joyner 2007].

В приведенном примере, как и в ряде других, в которых журналисты сравнивают реальных людей с данным персонажем, для усиления ощущения сходства воспроизводятся основные особенности речи Голлума: употребление по отношению к себе местоимения множественного числа в сочетании с формой 3-го лица единственного глагола (*we hates, we wants*). Дополнительным приемом выступает акцентирование шипящих и свистящих фрикативов и аффрикат в различных фрагментах текста, как это происходит в статье о сомневающих избирателях, озаглавленной “*The Gollum Voters*” и обыгрывающей внутреннюю борьбу толкиновского персонажа: *The good Democratic Smeagol voice says, “We likes Kerry. Likes his chance of winning, silly. Beating Bush is precious, precious, precious. Must vote for Master John.” The bad Gollum says, “No, master’s bad, flipsy-flopsy. Authorized Iraq, Patriot Act. Compromisess everything. Praps vote for Ralph Na ...” But then Smeagol interjects, “Ssssh, don’t even think that name. Unless you wants another term of Bush and Sauron, the Dark Lordses”* [Lewis 2004].

Исследование показало, что для политическом дискурсе российских СМИ цитаты из произведений Дж. Р. Р. Толкина не актуальны.

К важным особенностям функционирования прецедентных феноменов из книг рассматриваемого писателя в текстах американских СМИ относится отсутствие развернутых метафор или пояснений. Имена главных персонажей или топонимы употребляются как нарицательные существительные, значение их сужается до одной-двух ключевых характеристик: *Gandalf* — ‘мудрый волшебник’; *Sauron* — ‘злой властелин’; *Frodo* — ‘герой, жертвующий собой для общего блага’. Единичного указания на ассоциативную связь между определенным по-

литическим деятелем и персонажем Д. Р. Р. Толкина вполне достаточно для характеристики реальной ситуации. Например, сторонники Р. Пола, кандидата на пост президента США от Республиканской партии, подчеркивают исключительную неподкупность, отличающую его от другого претендента, сравнением с литературным героем: *Paul’s acolytes insist their man cannot be bought. “Romney wants the ring of power. He wants it so bad,” says Doug Wead, a Paul senior adviser. “Negotiating with Ron Paul is very difficult because he doesn’t want anything. If he got the ring, he would throw it into Mount Doom.”* [Altman 2012].

Очевидно, что подобные тексты адресованы читателям, хорошо знакомым с романом «Властелин колец» и способным расшифровать завуалированную информацию.

Мы разделяем мнение Е. А. Нахимовой о целесообразности учета таких дополнительных признаков прецедентности онимов, как графический, морфологический, словообразовательный, пунктуационный, синтаксический и атрибутивный критерии, которые «могут рассматриваться как своего рода сигналы особого характера использования соответствующего имени собственного, предназначенные для читателя» [Нахимова 2011: 19—20]. Свидетельством того, что американские авторы воспринимают исследуемые нами феномены в качестве прецедентных, можно считать наличие графических и морфологических признаков прецедентности, таких, как употребление неопределенного артикля перед онимами (*neither a Merlin nor a Gandalf; auxiliary hero like an Aragorn; a Gollum with weird sex appeal*), способность лексем к конверсии (*some person has Wormtongue’d their way into Thompson’s weakened consciousness*) и образованию дериватов (*Tea Party hobbit-like folk; hobbytry-in-arms*).

И в американских, и в российских материалах большинство апелляций характеризует внутривнутриполитические события (соответственно 47 и 20 примеров). Наиболее востребованными оказываются прецедентные имена и сюжетные события из «Властелина колец», используемые для описания предвыборной борьбы. Например, один из авторов американского интернет-ресурса «Democratic Underground» сравнил теледебаты кандидатов на президентский пост с советом в Ривенделле, участники которого должны были решить судьбу кольца всевластья. Автор пояснил, каких персонажей романа напоминают ему ведущие американские политики:

Hillary, I think, is like Boromir. She wants to help her people, but she risks the

ultimate goal by wanting to deviate from the plan and take the ring to Gondor to fight Sauron head-on...

Edwards, I think, is like Aragon. He is wise and noble, and willing to fight the enemy, but he can't take the ring, and realizes this, but wants to do his part to help his side win in the end...

Obama, I think, is like Frodo. He's young and inexperienced in battle, but has tremendous heart. He probably never thought he'd be asked to carry a burden like this. And he's pushed on a quest and is trying to take a different path. He doesn't want to do combat, but he'll fight when he has to defend himself. He is a symbol of hope to all those who seek to put an end to the reign of terror and oppression at the hands of Sauron's army (the Republicans) [Thunder 2008].

Отметим, что подобные сопоставления не только служат средством характеристики и оценки той или иной личности, но и встраивают действия политиков в определенный литературным сюжетом сценарий, а также прогнозируют исход политических событий.

Аналогичные примеры наблюдаются в политическом дискурсе российских СМИ. В частности, рассматривая возможные варианты развития событий в конце прошлого президентского срока В. В. Путина, журналисты сравнивали руководителя страны с главным героем «Властелина колец», который должен отказаться от кольца всевластия. В следующем фрагменте статьи описание каждого из возможных решений политика сопровождается отсылкой к миру Дж. Р. Р. Толкина:

Во-первых, уйти... У этого варианта — все плюсы, кроме одного минуса. Невозможно, вися над пропастью, выпустить веревку из рук. Невозможно сорвать с руки Кольцо Всевластия и кинуть его оркам.

Второй вариант — остаться... Остаться — это значит, что кругом враги, враждебный Запад, оранжевые шпионы, агенты Березовского и только окружающие орки и голлумы будут спасать от еженедельных покушений. Остаться — значит быть президентом, но стать марионеткой.

Третий вариант — уйти, чтобы вернуться.... У этого варианта тот недостаток, что трудно в нашем Мордоре выбрать того Голлума, который годик или два подержит у себя Кольцо Всевластия, а потом отдаст обратно [Латынина 2007].

И в американских, и в российских СМИ публикации с апелляциями к прецедентному миру Дж. Р. Р. Толкина касаются наиболее острых социальных проблем, самых значи-

мых событий. Для дискурса американских СМИ темами для обсуждения, побуждающими адресанта обратиться к текстам упомянутого писателя, стали террористический акт 11 сентября 2001 г., военные действия в Ираке, отношения с Ираном и Китаем, казнь Саддама Хусейна, ликвидация Усамы бен Ладена. Один из наиболее ярких примеров апеллирования к прецедентному миру Дж. Р. Р. Толкина — политическая дискуссия, развернувшаяся в американских СМИ летом 2011 г. Ее темой стала позиция консерваторов из «Движения чаепития», категорически воспротивившихся предложению Б. Обамы о повышении лимита государственного долга. Осуждая такое поведение как деструктивное и нереалистичное, газета «The Wall Street Journal» назвала радикалов «хоббитами»: *The idea seems to be that if the House GOP refuses to raise the debt ceiling... Democrats would have no choice but to pass a balanced-budget amendment and reform entitlements, and the tea-party Hobbits could return to Middle Earth having defeated Mordor* [The Wall Street Journal. 27.07.2011].

Приведенным в газете сравнением воспользовался сенатор Джон Маккейн, и в течение нескольких недель сторонники и противники «Движения чаепития» отстаивали свою позицию, ссылаясь произведение Дж. Р. Р. Толкина. В частности, в «The New York Times» появилась информация о реакции лидера «Движения чаепития» на выступление Маккейна, в которой развивается тема «Властелина колец»: *Now, Ms. Angle has responded. In a statement released on Thursday morning, she called Mr. McCain the "Lord of the TARP," a reference to his vote in favor of the bank bailout bill in 2008, and accused him of name-calling. She wrote, "as in the fable, it is the hobbits who are the heroes and save the land. This Lord of the TARP actually ought to read to the end of the story and join forces with the Tea Party, not criticize it"* [Shear 2011].

В российских СМИ представления о произведении Дж. Р. Р. Толкина актуализируются при обсуждении следующих тем: интерпретация событий Второй мировой войны и советской истории, отношения с государствами постсоветского пространства, а также с США и странами Евросоюза, борьба с терроризмом.

В публикациях о решениях правительства исследуемые прецедентные феномены выступают, как правило, средством негативной оценки. В рассмотренном материале преобладают примеры критики собственного правительства американскими авторами, которые апеллируют к текстам Дж. Р. Р. Тол-

кина по самым разным поводам: от принятия решения о вырубке лесов на Аляске и изменения в системе налогообложения до обсуждения программ Б. Обамы по социальному обеспечению и здравоохранению. На сайте «WorldNetDaily», создатели которого провозглашают своей миссией изобличение несправедливых деяний, фактов коррупции и превышения власти, неоднократно появлялись материалы с резкими обвинениями в адрес американского президента, в которых он ставится в один ряд с самыми отрицательными персонажами Дж. Р. Р. Толкина, например: *Just like Gandalf had to wage constant battles with the forces of evil in his day — Sauron, the equivalent of Satan, Saruman, a corrupt puppet of Sauron, the former mentor of Gandalf, and the legions of Sauron's foot soldiers, useful idiots Tolkien calls Orcs — so do we battle the fascist tactics of President Barack Obama in modern times* [Washington 2009].

Адресаты данного текста, т. е. рядовые американцы, сравниваются автором статьи с простодушным Фродо, которого маг Гэндальф убеждает в необходимости уничтожить кольцо всевластья: *Frodo is like most Americans today — good, hard-working people who want to believe that their president will not willfully lie to them, yet are they so willfully naïve to believe that a government that will soon control their entire lives from cradle to grave will not decide who lives and who dies?* [Там же].

Статья заканчивается призывом к решительным действиям против разработанной Б. Обамой реформы здравоохранения, причем в последнем предложении автор приводит прецедентное высказывание из «Властелина колец»: *Hear the words of the wise wizard Gandalf who said, All we have to decide is what to do with the time that is given us* [Там же].

В материалах российских СМИ выявлены единичные примеры сравнения политических лидеров России с главным отрицательным персонажем Дж. Р. Р. Толкина. Так, в ежедневной интернет-газете «Грани.ру» была опубликована статья В. Новодворской под заголовком «Нет, он не серый» о В. В. Путине, в которой критикуются его антидемократические, по мнению автора статьи, действия. Утверждая, что российского президента нельзя упрекнуть в серости, подобно А. Гитлеру и И. Сталину, В. Новодворская проводит иную аналогию: *Нет, Путин не серый. Он черный властелин, повелитель Ангбада, Саурон. Он нашел кольцо Всевластия. Он сделал из России Черную крепость* [Новодворская 2005].

Однако в других публикациях подобные

сравнения расцениваются как пример ложных стереотипных представлений о нашем государстве: *Но даже если бы вы были правы, это характеризует Запад отнюдь не с лучшей стороны. Впрочем, вам этого не понять не дано, у вас в голове Россия — Мордор, Путин — Саурон, а США — рыцарь в белом плаще* [Интернет-ресурс «Грани.ру». 2008. 19.02].

В ряде российских источников оним Мордор употребляется по отношению к Советскому Союзу, причем позиции авторов публикаций поляризованы. Одни ассоциируют с правлением темного властелина деятельность советского правительства: *Мордор был рядом, через кремлевскую стену, Саураны заседали в политбюро, барлоги в омовских шлемах разгоняли наши митинги, а орки проливали кровь в Вильнюсе, Тбилиси и Баку*. [Новодворская 2008].

Другие же, напротив, утверждают, что такое сравнение, будучи несправедливым и оскорбительным для России, является продуктом антироссийской пропаганды. Автор статьи, фрагмент которой приведен ниже, политолог С. Кургинян, подвергает критике тех представителей российской элиты, которые «заигрывают» с темой «орков-Мордора», так как подобные высказывания искажают историческую действительность и приводят к негативным последствиям: *Кто такой советский солдат? Это герой, освободивший мир от фашизма? Или это орк? Эстонцы вот говорят, что орк! А мы-то что говорим?* [Кургинян 2006].

Анализ материала исследования позволяет сделать следующие выводы об особенностях функционирования прецедентного мира Дж. Р. Р. Толкина в рассматриваемом дискурсе:

1 Конституенты авторского прецедентного мира актуализируются в политическом дискурсе СМИ как в американской, так и в русской лингвокультуре, что свидетельствует об экспансии данного прецедентного мира за рамки толкинистской субкультуры и приобретения статуса транснационально-прецедентного.

2. В материале исследования превалируют комплексные апелляции сразу к нескольким конституентам прецедентного мира Дж. Р. Р. Толкина. Наиболее частотными средствами апелляции к авторскому миру являются имена персонажей и основная сюжетная линия романа «Властелин колец»; менее востребованы названия вымышленных географических объектов и артефактов, а также цитаты. Системная взаимосвязь между элементами прецедентного мира подтверждает обоснованность его ис-

следования в качестве комплексного лингвокультурного образования.

3. Более высокая степень прецедентности данного фикционального мира для представителей американской лингвокультуры по сравнению с русской подтверждается бóльшим количеством апелляций и разнообразием средств апеллирования, более значительной долей текстов с единичной номинацией одного из прецедентных имен, а также отсутствием развернутых метафор.

4. В политическом дискурсе американских и российских СМИ актуален ограниченный круг наиболее известных прецедентных имен, ситуаций и высказываний из произведений Дж. Р. Р. Толкина. Национально-культурная специфика функционирования авторского прецедентного мира проявляется в составе востребованных прецедентных феноменов, а также в том, какие именно объекты, события и явления окружающего мира характеризуются и оцениваются посредством этих феноменов и какую оценку они получают.

5. При описании внутренней и внешней политики государств актуализация черт характера литературных персонажей и событий сюжета превалирует над актуализацией внешнего сходства сравниваемых объектов. В периоды предвыборных кампаний активизируется использование отсылок к основной сюжетной линии романа «Властелин колец», так как тематика публикаций связана с борьбой за власть.

6. Для дискурса американских и российских СМИ характерно использование прецедентных феноменов из произведений Дж. Р. Р. Толкина в нетрансформированном виде. В ряде рассмотренных примеров словоупотребления выявлены графические и морфологические признаки прецедентности, а именно: написание онима со строчной буквы, использование кавычек, формы множественного числа, неопределенного артикля перед онимами, способность лексем к конверсии и образованию дериватов.

7. Исследуемые прецедентные феномены выполняют ряд функций в политическом дискурсе СМИ, основными из которых являются персуазивная, экспрессивно-декоративная и функция экономии речевых средств. На наш взгляд, использование литературных прецедентных феноменов является эффективным приемом речевого воздействия в сфере медийной политической коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылев В. Н. К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса // Политический дискурс в России — 2 : материалы раб. совещ. — М. : Диалог—МГУ, 1998. С. 6—8.

2. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие. — М. : Изд-во МГУ, 2003. С. 141—161.

3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002.

4. Нахимова Е. А. Теория и методика дискурсивного исследования прецедентных онимов в современной российской массовой коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2011.

5. Паршин П. Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции // Системные исследования, методологические проблемы : ежегод. 1986. — М. : Наука, 1987. С. 398—423.

6. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : моногр. — Волгоград : Перемена, 2004.

7. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.

ИСТОЧНИКИ

8. Аркадьев М. Путин надел Кольцо всевластия // Новая газета. 2012.08.03. URL: <http://www.novayagazeta.ru/blogs/99/51539.html>.

9. Кургуриян С. Технологии вторжения // Завтра : газ. 2006. 13.06. URL: <http://zavtra.ru/content/view/2007-06-1321/>.

10. Латынина Ю. Новые премьеры // Новая газета. 2007. 13.09. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/34073.html>.

11. Мочить в эфире. Россия перешла в наступление на Лукашенко // Newsland.ru. URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/534128/>.

12. Новодворская В. С. Нет, он не серый // Грани.ру. 2005. 13.10. URL: <http://grani.ru/Politics/Russia/President/m.96458.html>.

13. Новодворская В. С. Деревянным мечом по жизни // Демократический союз : сайт. 2008. 22.07. URL: <http://www.ds.ru/nt/2002/nt0211.htm>.

14. Панкратенко И. Международный Саруман // Взгляд.ру. URL: <http://vz.ru/opinions/2011/5/5/489044.html>.

15. Altman A. Why Ron Paul May Cut a Deal with Mitt Romney // Time Swampland. 2012. 14.03. URL: <http://swampland.time.com/2012/03/14/why-ron-paul-may-cut-a-deal-with-mitt-romney/>.

16. Bauer W. France Elections 2012 Preview: Will Nicolas Sarkozy or François Hollande Win? // Polycymic. 2012. 24.04. URL: <http://www.policymic.com/articles/7293/france-elections-2012-preview-will-nicolas-sarkozy-or-francois-hollande-win>.

17. First Read. URL: <http://www.nbcnews.com/2011.02.05>.

18. Joyner J. Hillary Clinton's Hates Power (No, Really) // Outside the Beltway. 2007. 23.10. URL: http://www.outsidethebeltway.com/hillary_clintons_hat_es_power/.

19. Lewis P. The Gollum voters // Boston.com. 2004. 13.09. URL: http://www.boston.com/news/globe/editorial_opinion/oped/articles/2004/09/13/the_gollum_voters/.

20. McMillan C. Gollum in the White House // World

Net Daily. URL: <http://www.wnd.com/2010/07/184797/>.

21. *Murchison B.* A Gandalf moment // Townhall.com. 2007. 06.03. URL: http://townhall.com/columnists/billmurchison/2007/03/06/a_gandalf_moment/page/full/.

22. *Shear M. D.* Angle Calls McCain 'Lord of the TARP' // The New York Times. 2011. 28.07. URL: <http://thecaucus.blogs.nytimes.com/2011/07/28/angle-calls-mccain-lord-of-the-tarp/>.

23. *The Wall Street Journal.* 2011. 27.07. URL:

<http://uk.wsj.com/home-page>.

24. *Thunder Hands.* The 2008 Election and the Lord Of The Ring Analogies // Democratic Underground.com. 2008. 22.01. URL: <http://www.democraticunderground.com/discuss/>.

25. *Times Magazine.* URL: <http://time.com/02.12.2002>.

26. *Washington E.* More lessons from 'Lord of the Rings' // World Net Daily. 2009. 22.08. URL: <http://www.wnd.com/2009/08/107587/>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Г. Г. Слышкин

**СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
КАК КЛЮЧЕВАЯ КАТЕГОРИЯ
СОВРЕМЕННОГО РЕКЛАМНОГО
И PR-ДИСКУРСА**

Аннотация. Рассматривается понятие «социальная ответственность» в аспекте позиционирования бизнес-субъектов (преимущественно на примере банковской сферы). Посредством концепт-анализа в статье исследуется восприятие социальной ответственности широкой общественностью.

Ключевые слова: имидж; социальная ответственность; концепт.

Сведения об авторе: Терских Марина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, факультет филологии и медиакоммуникаций.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Контактная информация: 644077, Россия, г. Омск, пр-т. Мира, 55а, 2-й корпус ОмГУ, каб. 124.
e-mail: terskih@mail.ru.

**SOCIAL RESPONSIBILITY
AS A KEY CATEGORY
OF THE MODERN ADVERTISING
AND PR DISCOURSE**

Abstract. The author considers concept "social responsibility" in the aspect of positioning of business subjects (mainly on an example of bank sphere). In the article by means of concept-analysis the perception of social responsibility by the wide public is investigated.

Key words: image; social responsibility; concept.

About the author: Terskikh Marina Viktorovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of General and Applied Linguistics, The Faculty of Philology and Media Communication.

Place of employment: Omsk State University n.a. F. M. Dostoevsky.

Социальная ответственность в современных условиях ведения бизнеса становится всё более важным (по крайней мере частотным) основанием позиционирования. В рамках данной статьи попытаемся разобраться, что скрывается под столь модным в настоящее время понятием «социальная ответственность», и определить, сформирован ли концепт «социальная ответственность» в сознании потребительской аудитории.

Активно используемое понятие социальной ответственности, с одной стороны, претендует, как нам представляется, на статус идеологемы, влияющей на совокупность взглядов и представлений члена современного национально-лингвокультурного сообщества, с другой — характеризуется крайней абстрактностью и содержательной размытостью, что переводит это понятие в статус мифологем.

Многие российские компании, идущие в этом отношении вслед за западными, сталкиваются с необходимостью (во всяком случае, это указывается в отчетах компаний) использовать социальную ответственность в стратегии ведения бизнеса. Объясняется это и меняющимися условиями всего рынка, и спецификой конкретных задач, стоящих перед отдельной компанией. Не секрет, что цель деятельности любого субъекта бизнеса сводится в конечном счете к получению при-

были, а любая стратегия позиционирования, в свою очередь, призвана способствовать реализации этой целевой установки. Принято считать, что социальная ответственность как элемент позиционирования отвечает современным запросам основных целевых аудиторий любой организации (персонала, клиентов, партнеров, власти и общества в целом).

Современный рынок постепенно переходит на качественно новый этап развития, на котором потребительское отношение к клиентам и партнерам уходит на второй план и зарождаются основы социальной ответственности. Фирмы вынуждены реагировать на изменившиеся условия, внося коррективы в свое дальнейшее развитие. Социальную ответственность с этой точки зрения традиционно относят к одной из более сложных форм борьбы за целевую аудиторию (см., например, ledger-технология Ж.-М. Дрю [Дрю 2002]).

Социальная ответственность в самом общем виде включает сохранение окружающей среды, помощь незащищенным слоям населения, благотворительность, социальное обеспечение собственного персонала, спонсирование важных для различных институтов общества мероприятий, поддержку национальных ценностей и др. Позиционируя себя социально ответственной, компания вынуж-

Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант №12-14-55001: «Лингвистика на службе гражданского общества: инновационные подходы в лингвистических исследованиях социальных процессов в Омской области»

дена брать на себя ряд дополнительных обязанностей, выполнить которые не всегда удается. Следствием этого является ряд проблем, например несистемность, нерегулярность, поверхностное отношение к социальной ответственности и др. Понятие социальной ответственности попало на неподготовленную почву российского рынка, в связи с чем потребуется время для его полного внедрения как в сознание населения, так и в повседневную рекламную и пиар-практику.

Итак, используя методику концептуального анализа, определим, в какой степени сформирован концепт «социальная ответственность» в сознании современного потребителя и не является ли данное концептуальное образование своего рода *terra incognita*, воспринимаемой как проявление Добра и соответственно обеспечивающей необходимый уровень воздействия на реципиента.

Очевидно, что понятие социальной ответственности (или корпоративной социальной ответственности) является новым, следовательно, в толковых словарях не представлено. Рассмотрим определения словосочетания «социальная ответственность бизнеса/организации», «корпоративная социальная ответственность», которые даются в специализированной литературе (приведем лишь несколько дефиниций, далее обобщив полученный результат).

1. Социальная ответственность организации — «уровень добровольного отклика организации на социальные проблемы общества, лежащие вне определяемых законом или регулируемыми органами требований» [Современный экономический словарь 2007].

2. Социальная ответственность — «1) ответственность бизнеса перед государством и народом; 2) ответственность предприятия перед персоналом (чтобы у рабочих были гарантии в завтрашнем дне: вовремя платили зарплату, бесплатно страховали рабочих, обеспечивали безопасность производства и т. п.); 3) ответственность по обязательствам перед партнерами; 4) выпуск качественной, безопасной продукции, достоверная информация о возможном вредном влиянии продукта; 5) благотворительность, социальные программы» [Доклад о социальных инвестициях в России 2004].

3. При широкой трактовке этого термина «в социальную ответственность попадает всё, включая способность вовремя выплачивать своим сотрудникам зарплату и вовремя платить налоги» [Рябых 2011].

4. Социальная ответственность — «это способность и желание бизнеса по собственной воле заниматься вопросом, не только прямо не связанным с производством,

продажей товаров и услуг, но и с благополучием общества той страны, в которой компания работает, т. е. благотворительность в прямой форме. Корпоративная социальная ответственность — это и развитие каких-то притягательных социальных инициатив, которых раньше не было. Это и экология, и постоянство, надежность, выполнение своих обязательств перед партнерами, перед сотрудниками, перед поставщиками, перед всем обществом, в частности, неточность в отношении потребителей, когда им в рекламе говорится одно, а реально продукт не совсем соответствует тому, что о нем заявляется» [Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры 2010].

5. «Социально ответственный бизнес берет на себя обязательства вести деятельность в соответствии с этическими нормами и вносить вклад в экономическое развитие за счет улучшения качества жизни как собственных сотрудников и их семей, так и всего местного населения и общества в целом» [Радаев 1996].

Всего было проанализировано около 30 определений из современных экономических словарей, отчетов организаций, докладов на различного рода форумах и конференциях. Если резюмировать полученные данные, социальная ответственность — это *не обязательство бизнеса, а именно ответственность перед обществом за последствия ведения бизнеса*. Представим ядерные и периферийные компоненты концепта «социальная ответственность», реконструированного на основании анализа дефиниций, в форме таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1

Компоненты концепта «социальная ответственность»

Слово	Количество употреблений в дефинициях
Общество	43
Компания	16
Обязанность/обязательство	14
Деятельность	13
Работники/работодатели	13
Сотрудники/персонал	12
Добровольность	10
Закон/законодательство	10
Действия	10
Организация	9
Отношения	9
Экономика	8
Люди	8
Продукт/продукция	7
Жизнь	7
Экология/экологический (-ие/ая)	7
Развитие	7
Поступки	6
Благо	6
Этика/этический (-ие/ая/ое)	6
Граждане/гражданское (-ий/ая)	6

Окончание таблицы 1

Слово	Количество употреблений в дефинициях
Окружающие	6
Последствия	5
Дело	5
Потребность	5
Способность	5

Представители современного бизнеса активно апеллируют к понятию социальной ответственности не только в специализированной литературе и на форумах, объединяющих профессионалов рынка, но и в рекламных и пиар-сообщениях, нацеленных на массовую потребительскую аудиторию. Посредством анкетирования попытаемся определить, каковы ядерные смысловые компоненты исследуемого концепта в сознании объекта рекламного воздействия — представителей целевой аудитории.

Анкетирование, как известно, представляет собой метод получения первичной социологической информации путем письменных ответов респондентов на систему стандартизированных вопросов анкеты. При проведении анкетирования выделяют несколько основных способов связи с аудиторией: телефон, Интернет, электронная почта, личное общение. Мы в основном рассылали анкеты через Интернет.

Анкетирование посредством Интернета (электронной почты, ICQ, социальных сетей и т. д.) — это достаточно оперативный и мало-затратный метод, позволяющий опросить большое количество людей за сравнительно небольшой промежуток времени. При данном способе сбора информации минимизируется возможное влияние интервьюера на респондентов. Этот метод удобен и самим отвечающим, так как место и время для заполнения анкеты они выбирают самостоятельно.

В анкетировании приняли участие 93 человека. Для большей репрезентативности полученных данных была произведена

выборка населения различных возрастов и социального положения, однако большую часть респондентов составили учащиеся в возрасте от 23 до 29 лет (37 человек из 93). При составлении анкеты мы опирались на сектор банковских услуг, с одной стороны, нацеленный на достаточно широкий круг потребителей, с другой — активно эксплуатирующий понятие социальной ответственности в своих рекламных и пиар-материалах.

Более половины опрошенных затруднились ответить на вопрос «Знаете ли вы, что предполагает понятие „социальная ответственность“?» (см. рис. 1). Это указывает или на слабую распространенность данного инструмента ведения бизнеса в нашей стране, или на недостаточно грамотное позиционирование социальной ответственности как весомого аргумента в пользу той или иной компании. Второй по популярности ответ — «не знаю», и лишь небольшая часть людей ответила на вопрос утвердительно.

В следующем вопросе анкеты респондентам предлагалось выбрать три наиболее важных составляющих социальной ответственности. Ответы в порядке убывания частотности распределились следующим образом:

1. Социальная защита сотрудников / их семей, помощь в решении социальных проблем.
2. Выпуск товаров высокого качества.
3. Поддержка нуждающихся/бедных слоев населения.
4. Четкая уплата налогов.
5. Обеспечение рабочими местами / защита рабочих мест.
6. Поддержка благотворительной деятельности и фондов.
7. Искренность/верность обещаниям.
8. Обеспечение хорошей надежной работой.
9. Защита окружающей среды.
10. Защита интересов России.
11. Выплата более высокой зарплаты.
12. Поддержка образования/школ/детей.

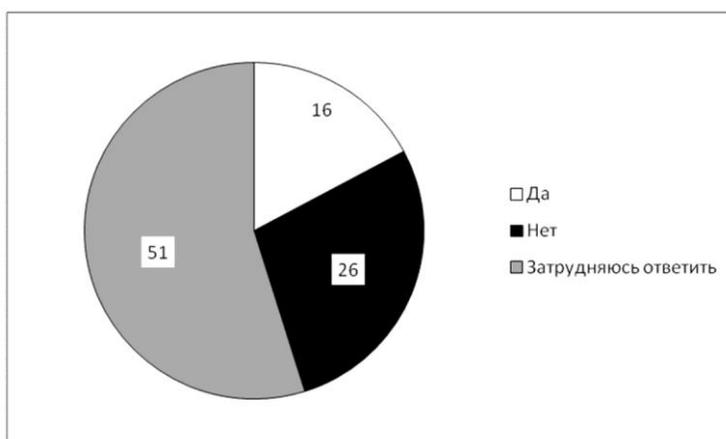

Рис. 1. Ответы на вопрос «Знаете ли вы, что предполагает понятие „социальная ответственность“?»

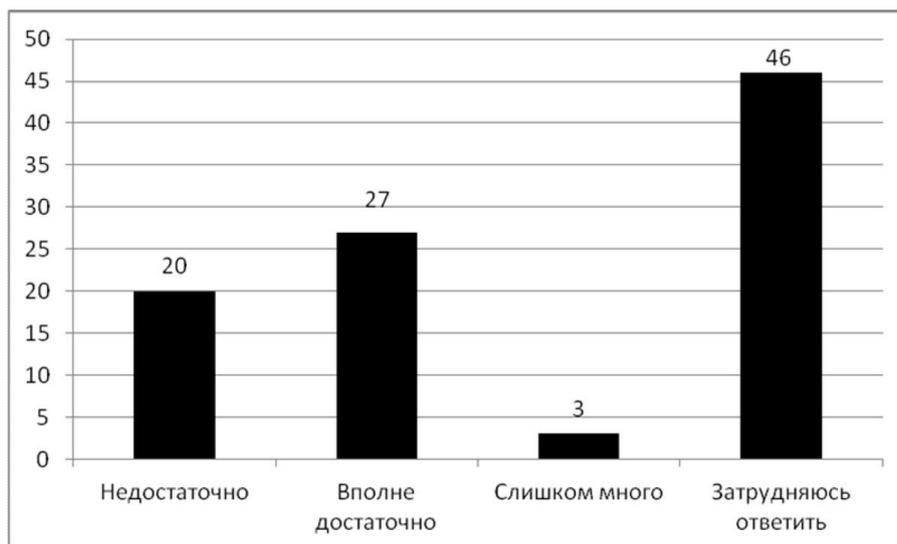

Рис. 2. Ответы на вопрос «Достаточно ли, по вашему мнению, информации о социальной ответственности российского бизнеса?»

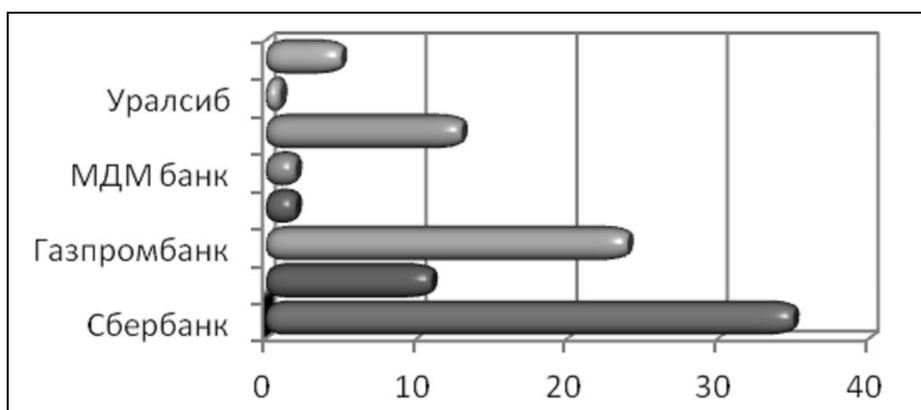

Рис. 3. Ответы на вопрос «Какой из перечисленных банков, по вашему мнению, наиболее социально ответственный?»

Самыми распространенными ответами стали формулировки, содержащие в себе слово «социальный», наличие которого, видимо, подтолкнуло многих респондентов оказать предпочтение этим позициям. Самым популярным вариантом стал ответ «социальная защита сотрудников / их семей», следовательно, социальная ответственность, по мнению опрошенных, в первую очередь должна ощущаться перед работниками организации и их семьями.

Результаты ответа на вопрос «Достаточно ли, по вашему мнению, информации о социальной ответственности российского бизнеса?» (рис. 2) позволяют сделать вывод о том, что исследуемое понятие незнакомо большинству респондентов, хотя они являются частью целевой аудитории для, например, банков, позиционирование которых все чаще базируется на социальной ответственности организации экономического сектора перед населением.

При ответе на вопрос «Знаете ли вы какие-либо банки, которые ведут социально ответственную политику? Если да, то какие?» выяснилось, что подавляющее большинство (79 человек) не знает ни одного социально ответственного банка. 14 человек дали утвердительный ответ, однако лишь единицы из них смогли указать, какие именно социально ответственные банки они знают; среди них — «Сбербанк», «Газпромбанк», «ОТП Банк», «Альфа-банк», «Мособлбанк», «Интеза», «Банк Москвы», «Банк Сибирь».

Лидирующие позиции при ответе на вопрос «Какой из перечисленных банков, по вашему мнению, наиболее социально ответственный?» (рис. 3) заняли «Сбербанк» и «Газпромбанк». Отчасти это можно объяснить тем, что данные банки одни из главных в стране, они хорошо узнаваемы, их упоминание в качестве спонсоров различных мероприятий можно встретить повсюду. Треть-

им по популярности стал «ОТП Банк», возможно, потому что он достаточно востребован населением нашего региона, следовательно, с его политикой и программами оми-чи хорошо знакомы.

Ответы на вопрос «Встречали ли вы информацию (в статьях, на билбордах, в Интернете, в брошюрах, по телевидению и т. д.), указывающую на социальную ответственность...» продемонстрировали, что подавляющее большинство респондентов (74) не сталкивалось с информацией, указывающей на социальную ответственность банков, или не помнит об этом, что, как представляется, по большей части связано с отсутствием сформированного представления о содержании данного ментального образования.

Ответы на вопрос об источниках информации о социально ответственной деятельности (рис. 4) показали, что чаще всего респонденты узнают о социальной ответственности банков из телевидения. Далее следует ответ «на различных спортивных, культурных, благотворительных мероприятиях». Это в очередной раз демонстрирует, что социальная ответственность во многом транслируется банками и воспринимается населением как спонсорская или благотворительная деятельность. Ответы «печатные издания», «Интернет» и «радио» распределились поровну (по два ответа на каждый канал информации). Никто из опрошенных не отметил наружную рекламу как средство сообщения сведений о социальной ответственности.

При ответе на вопрос, правдива ли информация о социальной ответственности организаций (рис. 5), подавляющее число респондентов (67) заявила, что информация о социальной ответственности банков правдива лишь отчасти.

На вопрос «Как вы считаете, чего не хватает современным банкам в процессе осуществления своей деятельности?» были получены следующие ответы: *скорости, вежливости, персонала, ответственности, надежности, денег, инвесторов, индивидуального подхода, недорогих кредитных программ, филиалов, оперативности, благоустройства, доступности предлагаемых услуг, помощников для клиентов, детских комнат, оснащенности.*

Среди этих характеристик можно встретить элементы социальной ответственности, что свидетельствует о ее востребованности целевой аудиторией банков.

Следующий этап нашего исследования — реконструкция концепта «социальная ответственность» посредством ассоциативного эксперимента. В качестве стимула выступили составляющие объекта исследования, т. е. слова «социальный» и «ответственность». В этом эксперименте приняли участие 50 человек в возрасте от 18 до 67 лет разного социального положения.

Участникам эксперимента задавался вопрос: «Какие ассоциации у вас вызывает слово *социальный / ответственность?*». Ответом должны были послужить две реакции на слово-стимул; также респонденты должны были оценить слово-стимул как отрицательное, нейтральное или положительное. Изначально респондентам было предложено назвать ассоциации, связанные со словосочетанием *социальная ответственность*, однако ввиду большого количества ответов «затрудняюсь ответить», «не знаю» мы разбили изучаемое понятие на два слова-стимула: «социальный» и «ответственность». Результаты эксперимента представлены ниже.

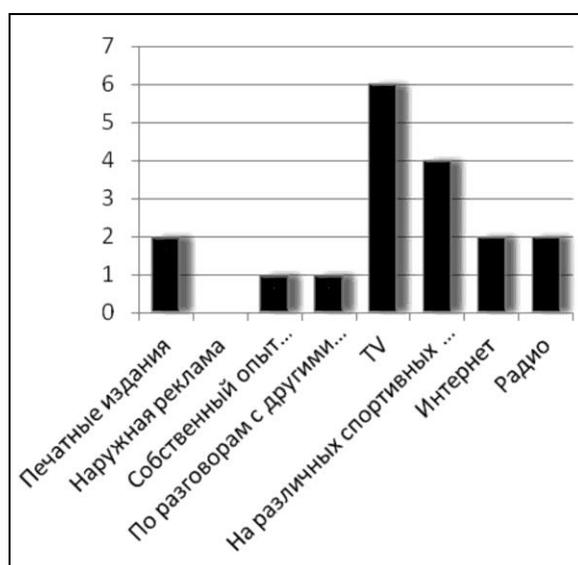

Рис. 4. Ответы на вопрос «Где вы чаще всего встречали эту информацию?»

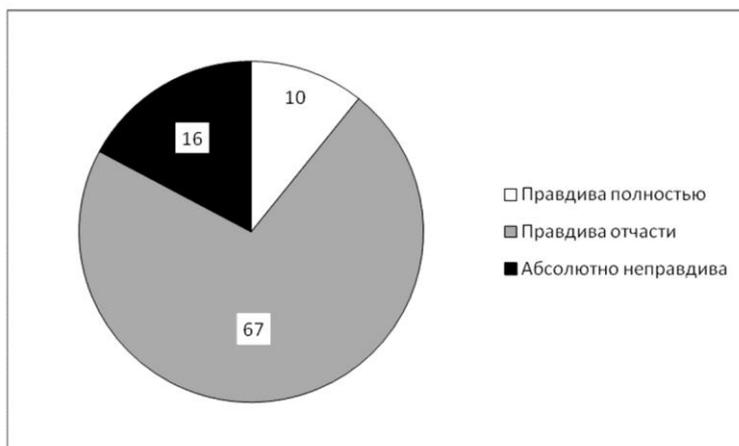

Рис. 5. Ответы на вопрос «Как вы думаете, информация, касающаяся социальной ответственности организаций, в частности банков, правдива?»

Стимул: СОЦИАЛЬНЫЙ (-АЯ/ЫЕ).

РЕАКЦИИ: общественный, государственный, дешевый, программы, гарантии, защита, бедный, рынок, дотации, субсидии, затрудняюсь ответить, бюджетный/бюджет, поддержка, помощь, забота, дети, инвалиды, малоимущие, жизнь, ответственность, образование, дотационный, детсады, биржа труда, материнский капитал, Т. Голикова, спорт, компенсации, школы, Россия, сохранение, медицина, пенсионеры/пенсии, магазин, некачественный, личность, врачи.

Положительную оценку дали 17 человек, нейтральную — 26, отрицательную — семь.

Стимул: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

РЕАКЦИИ: юридическая, уголовная, закон, обязанность, санкции, гражданская, этика, затрудняюсь ответить, честность, индивидуальная, социальная, процессуальная, серьезная, государственная, закрепленная, надежность, справедливо, правильно.

Как положительное это слово оценили 36 человек, как нейтральное — одиннадцать, как отрицательное — три.

Кроме того, для получения репрезентативных данных была использована методика неоконченных предложений (вопросы были заданы 50 респондентам с разным уровнем образования, социальными, демографическими и культурными характеристиками). Респондентам было предложено закончить следующие предложения:

1. Социальная ответственность нужна для... общества, стабильности, благополучия, организаций, справедливости, затрудняюсь ответить, сохранения ресурсов, становления, экономики, развития отраслей, России, пополнения казны/налогов, она не нужна.

2. Социально ответственным должен (на/но) быть... государство, общество, работодатель, все/каждый, люди, организации, затрудняюсь ответить, образова-

ние, чиновники, компании, больницы / медицинские учреждения, врачи, бизнесмены/бизнес, милиция, депутаты, производства, банки, сотрудники, ГАИ, биржа труда, бюрократы.

3. Социальная ответственность предполагает... помощь, благотворительность, социальный пакет, обязательства, налоги, отсутствие коррупции, спонсорство, затрудняюсь ответить, соблюдение законов, поддержка, гарантии, защита природы / экология, стабильность, хорошая зарплата, уважение, защита прав, справедливость, гражданское общество, хорошие условия.

С опорой на данные, полученные в ходе анализа дефиниций понятия «социальная ответственность», анкетирования, ассоциативного эксперимента, применения метода неоконченных предложений, мы схематически изобразили структуру концепта «социальная ответственность» на рис. 6 (мы исходили из представления о полевой организации структуры концепта).

Следует подчеркнуть частотность ответа «затрудняюсь ответить», что указывает на недостаточную осведомленность опрашиваемых об объекте исследования, а это, в свою очередь, свидетельствует о слабой распространенности социальной ответственности в нашей стране и о достаточно расплывчатом представлении о данном понятии в сознании потребительской аудитории.

Для более полного отображения объекта исследования мы сконструировали фреймовую модель концепта «социальная ответственность» (см. табл. 2). Фреймы, как известно, существуют не изолированно, они тесно взаимодействуют друг с другом через слоты. Группы семантически близких друг к другу фреймов объединяются в систему фреймов, которые образуют иерархически упорядоченные элементы: субфреймы, фреймы и суперфрейм.

Рис. 6. Структура концепта «социальная ответственность»

Таблица 2
Фрейм «Социальная ответственность»

Субфрейм	Компоненты
Объект	дети, пенсионеры, личность, инвалиды, врачи, учителя, люди, граждане, школа, детские сады, биржа труда, полиция
Субъект	работники, работодатели, сотрудники, персонал, граждане, люди
Сферы	медицина, образование, налогообложение, пенсионный фонд, экология, спорт
Характеристика субъекта и объекта	общественный, государственный, дешевый, бедный, юридический, уголовный, бюджетный, индивидуальный, социальный, закреплённый, процессуальный, серьёзный, справедливый, честный

Не менее важным инструментом реконструирования концепта/фрейма является, с нашей точки зрения, методика контент-анализа. В нашем исследовании контент-анализ позволил определить, насколько частотны в медиаматериалах банков компоненты, входящие в ядро и дополнительный слой концепта, реконструированного в том числе на основе опросов общественности.

Организации финансовой сферы, в частности банки, уделяют немалое внимание позиционированию посредством рекламных и пиар-текстов. Тексты, публикуемые в СМИ, а также на официальных сайтах компаний, позволяют выявить приоритетные направления позиционирования и общие стратегии развития банка.

Итак, с помощью контент-анализа постараемся определить, какое место социальная ответственность занимает в стратегии позиционирования банков России, какие элементы социальной ответственности наиболее популярны и как корректируются в проана-

лизированных рекламных и пиар-материалах представленные выше модели концепта «социальная ответственность».

Источниками для сбора текстов послужили официальные сайты банков России: «Сбербанка», «ОТП Банка», «ВТБ», «Газпромбанка», «Банка Москвы», «Райффайзенбанка», банка «Уралсиб» и др. Среди рассмотренных жанров можно выделить годовой отчет, интервью, рекламные статьи, бэкграундеры и др. Кроме того, были проанализированы публикации в периодических изданиях («Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Коммерческие вести», «Ведомости», «Новая газета», «Российская газета»), а также сообщения от информантов «Восток-Запад», «МедПортал», «Восток-медиа» и др.

Всего было собрано более 130 текстов, опубликованных с 1999 по 2012 г. Наиболее частотные концепты в рамках гиперконцепта «социальная ответственность» представлены на таблице 3.

Таблица 3
Гиперконцепт «социальная ответственность»

Концепт	Количество репрезентаций
Программы	211
Благотворительность	125
Поддержка	102
Безопасность	83
Помощь	77
Ценности	45
Экология	44
Обязанность / обязательство	39
Спонсорство / помощь	36
Развитие	32
Забота	31

Сопоставив результаты реконструкции концепта и фрейма «социальная ответственность» с результатами контент-анализа, делаем вывод о том, что многие элементы, вошедшие в ядро (*общество, обязанность/обязательство, деятельность, государство, программы*), дополнительный и периферийный слои (*помощь, гарантии, благополучие/благотворительность, организация, работники/работодатели, защита, поддержка* и др.) концепта, нашли отражение в текстах, подвергшихся контент-анализу.

Ядерные компоненты концепта «социальная ответственность» достаточно часто актуализируются в рассмотренных текстах, и это свидетельствует о том, что общее представление об исследуемом понятии, выявленное при опросе общественности, в целом совпадает с представлением о социальной ответственности как об инструменте позиционирования банков. Однако в процессе контент-анализа были выявлены и другие частотные единицы, такие как *ценности, забота, развитие*, которые не отражены в полевой структуре концепта «социальная ответственность», что указывает на неполное совпадение восприятия социальной ответственности общественностью с реализацией социальной ответственности как элемента позиционирования банками.

Подведем итоги. При реконструкции концепта «социальная ответственность» мы столкнулись с тем, что многие респонденты не имеют сформированного представления об исследуемом понятии. Более того, при контент-анализе текстов, опубликованных на официальных сайтах банков, различного вида отчетов, публикаций в СМИ, предназначенных преимущественно для внешней аудитории, мы могли наблюдать, что даже сами субъекты (банки), которые позиционируют себя социально ответственными, не

полностью соответствуют данному понятию в том виде, в каком оно определяется в специализированной литературе и самими банковскими структурами. Как правило, подход к социальной ответственности несистемный и непоследовательный. Другими словами, социальная ответственность предстает как позитивно окрашенная *мифологема*, за которой часто нет никакого конкретного структурированного содержания.

Многие банки ограничивают понимание социальной ответственности лишь частью ее элементов (как правило, благотворительностью и спонсорством). Возможно, это связано со спецификой банковской системы, которая позволяет напрямую проявить социальную активность в виде финансовой помощи. Таким образом, социальной ответственности как инструменту в позиционировании бизнеса предстоит еще долгий путь адаптации к российскому рынку, применительно к которому это понятие в таких масштабах ранее никогда не использовалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад о социальных инвестициях в России за 2004 год / под общ. ред. С. Е. Литовченко. — М.: Ассоциация менеджеров, 2004.
2. Дрю Ж.-М. Ломая стереотипы. — СПб.: Питер, 2002.
3. Радаев В. В. Малый бизнес и проблемы деловой этики: надежды и реальность // Вопросы экономики. 1996. № 7. С. 72—82.
4. Рябых Д. Корпоративный менеджмент: сб. методич. и аналитич. информации. — М., 2011. URL: <http://cfin.ru>.
5. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. 5-е изд., перераб. и доп. — М., 2007.
6. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2010. № 2. URL: <http://ecsocman.edu.ru>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. И. О. Иссерс

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК81'373.6
ББК Ш105

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Серю П. Seriot P.

Лозанна, Швейцария Lausanne, Switzerland

ЯЗЫКОЗНАНИЕ РЕСЕНТИМЕНТА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

LINGUISTICS OF RESENTIMENT IN EASTERN EUROPE

Пер. с фр. О. Г. Путырской Transl. from French by O. G. Putyrskaya

Аннотация. Перевод статьи профессора университета Лозанны Патрика Серю. Оригинальный вариант на французском языке готовится к печати в журнале «Le Genre humain», посвященном «воображаемым» языкам (издается Университетом Лозанны).

Abstract. This is the translation of the article written by Professor of the University of Lausanne Patrick Seriot. The original in French will be published in the magazine «Le Genre humain», which is devoted to «imaginary languages» (published by the University of Lausanne).

Ключевые слова: ресентимент; окситанизм; Новая парадигма; народная этимология; автохтонизм; полигенез; кратилизм.

Key words: resentment; occitanisme; New paradigm; folk etymology; autochtonism; polygenesis; cratylism.

Сведения об авторе: Серю Патрик, доктор философии, профессор факультета филологии.

About the author: Seriot Patrick, PhD, Professor of the Department of Philology.

Место работы: Университет Лозанны.

Place of employment: University of Lausanne.

Контактная информация: University of Lausanne, department of philology, Anthropole, CH – 1015, Lausanne, Switzerland.

e-mail: Patrick.Seriot@unil.ch.

Сведения о переводчике: Путырская Ольга Германовна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры романских языков.

About the translator: Putyrskaya Olga Germanovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of the Romance Languages.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 465.

e-mail: lachaire-fr@mail.ru.

Наряду с выявленным Жаном Дюбюффе искусством брют (*art brut*) существует, по видимому, и языкознание брют. К нему относится чрезвычайно богатая совокупность явлений, контуры которой еще только вырисовываются: параллельное языкознание с собственной историей, путями распространения, навязчивыми представлениями и фантазмами, неоднократно проявляющееся во времени и пространстве тысячами всплесками, происходящими из-за одной и той же изначальной обиды, одного и того же страдания, одного и того же ресентимента^[1]. В Центральной и Восточной Европе языкознание брют называется «Новой парадигмой»^[2]. Оно располагается рядом с творениями великих «логофилов», объединенных М. Пирсенсом [Pierssens 1976], там, где проходит зыбкая граница между наукой и безумием и где не ясна разница между лингвистами, поэтами и сумасшедшими.

Однако было бы слишком просто свалить все в одну кучу. В действительности, в отличие от искусства брют, Новая парадигма не является результатом деятельности бла-

женных, маргиналов, скромной и тихой добычей, открытой терпеливыми коллекционерами. Напротив, она заявляет о себе на переднем крае громогласной полемики в Интернете, на симпозиумах и в объемистых книгах. Она атакует своего заклятого врага, «официальную науку», прямо на ее территории, территории аргументации, требуя научной объективности на основе высшей рациональности, интеллектуальной и моральной легитимности, выступая даже от имени Истины. В риторике разоблачения она утверждает, что «расшифровала загадку», долго остававшуюся неведомой или скрываемой.

Авторы фантастических теорий — лингвисты-любители или профессиональные лингвисты, филологи или историки, публицисты, писатели, учителя или священники, инженеры или доктора физических наук. Все они считают себя носителями радикально новых знаний. Они утверждают, что открывают правду, которая до сих пор скрывалась в политических целях и была объектом заговора молчания. Знания, которые они прив-

© Серю П., 2012

© Путырская О. Г., перевод на русский язык

носят, — всегда ошеломляющие, новаторские и всегда льстят нации, к которой принадлежат авторы открытий.

Конечно, сложно оценить репрезентативность подобных текстов. В зависимости от страны речь идет либо о простых ясно-видцах, либо об успешных университетских деятелях. Но даже если допустить, что эти авторы представляют только самих себя, сильно тревожит один факт: люди из разных стран, отдаленные друг от друга на огромные расстояния, явно не знакомые между собой, производят удивительно похожие тексты о своих языках, а значит, и собственных «народах», относящиеся к тому, что К. Эпплгейт [Applegate 1990: 94] назвал «а George-Washington-slept-here» version of history»^[3].

Мне хотелось бы выдвинуть здесь три тезиса: 1) в *Новой парадигме* нет ничего нового; 2) она представляет собой отдельную главу истории лингвистических идей, сообщающую нам много удивительного о языке, этом замечательном объекте, через фантазмы, которые он вызывает; 3) границы между наукой и ненаукой более размыты, чем учит нас позитивистская эпистемология.

1. ЗАЧЕМ ТАК СТРАДАТЬ?

Стало уже тривиальным говорить о кризисе применительно к странам Центральной и Восточной Европы, точнее говоря, о кризисе идентичности во всех странах, которые до Первой мировой войны принадлежали к трем «центральной империям» (России, Австро-Венгрии, Османской империи). Экономическое отставание от Западной Европы и связанные с ним чувства отторжения или презрения составляют ту «философскую географию», которую описывает Ларри Вулф [Wolff 1994], касаясь дискуссий и недопониманий, возникших вокруг вопроса о том, где находится Восточная Европа: в Европе или в Азии^[4]. Этот вопрос возник не вчера, а в эпоху Просвещения и даже раньше.

Однако современная ситуация в указанных странах характеризуется крушением ценностей, произошедшим во время падения коммунизма, а именно утратой доверия к рациональной науке. Конечно, здесь, как и везде в мире, маги, целители и шарлатаны делят между собой прибыльный рынок легковых клиентов. Неоязычество в России не сильно отличается от неоязычества и от таких направлений, как «викка» или «нью эйдж» «западного мира». Однако в Восточной Европе удивляет мощное присутствие псевдонаучных рассуждений, которые имеют определенный успех у широкой публики. Все требуют радикального научного «обновле-

ния»: здесь и «Новая хронология» академик-математика Анатолия Фоменко в России, полностью пересматривающего мировую историю на основе ловких подсчетов дат солнечных затмений, и «альтернативная история» Ю. Шилова и О. Билоусько из Украины, переписывающих всю историю отношений между русскими и украинцами с точностью до наоборот. Все причисляют себя к эпистемологическому релятивизму, предлагая «неклассические гипотезы».

Еще более удивительно то, что огромное место занимают рассуждения, основанные на анализе, к которому привлекается *лингвистика*. От мыса Нордкап до мыса Сунюн поднимается бесконечный крик страдания без идентичности и поиска истины в *языковых формах*, что привлекает постоянный интерес широкой публики к вопросам исторического языкознания. Конечно, во Франции в кругах окситанистов можно услышать дискуссии о том, является ли гасконский язык тем же самым, что и лангедокский, или не является, но эти споры не выходят на экраны телевизоров в прайм-тайм. В России, напротив, сложилась настолько серьезная ситуация, что даже такой профессиональный лингвист, как А. А. Зализняк, чувствует себя обязанным выступать против Новой парадигмы в публичных лекциях [Зализняк 2010].

Албания, Словения, Эстония, Украина — это молодые государства, в которых интеллигенция, жаждущая признания, делает постколониальные высказывания и требует уважения, пересмотра собственной истории, так долго попираемой, игнорируемой или фальсифицированной проклятыми оккупантами или режимами, находящимися на содержании у заграницы. Но и в таком огромном государстве, как Россия, в этой великой мировой державе, зазвучали подобные требования. Оказалось, что риторика постколониального дискурса не зависит от объективной ситуации неполноценности. Повсюду правда должна одержать верх над ложью, и то, что она открывает, соответствует усилиям, приложенным для ее сокрытия: *Для случая Украины примечательно то, что обнаруженная правда о ней часто превосходит наше воображение* [Губерначук 2002: 178]; *Народ имеет право знать правду, особенно если речь идет о правде, которая позволяет человеку гордиться своим народом, своим языком, своей историей* [Різниченко 2001: 3].

Это явление хорошо известно со времен Возрождения: жаждущая признания интеллигенция нового сообщества бросается изобретать славное прошлое, героических предков либо для того, чтобы потребовать

более широкую территорию и оправдать ненависть к своему ближайшему соседу, либо для нахождения смысла в создавшейся ситуации, которую считает бедственной и несправедливой, чтобы можно было мечтать о грандиозном будущем. Это то, что Марк Анжено [Angenot 1996: 11] называет «мыслью ресентимента», которую он определяет как «любую ситуацию подчинения или неполноценности, дающую право на статус жертвы; ^[5] любой провал, любую невозможность обладать превосходством в этом мире можно превратить в заслугу и легитимизировать себя *ipso facto* с претензией в адрес так называемых привилегированных, что позволяет полностью отречься от ответственности». М. Анжено настаивает на существовании связи между концом утопий прогресса социализма и «неотрайбализмом» [Там же: 12], который «в ложном пафосе специфических жалоб и злопамятности отклоняет мысль от права и приводит ее к крикливому торгу за „право на отличие“, в пользу групп, поддерживающих разногласия, опирающихся на непреодолимые судебные споры и на злопамятные выдумки „прошлого“, за которое нужно мстить. Обособливающий ресентимент становится, таким образом, захватывающим» [Там же] (о ресентименте как пути объяснения «евразийской» идеологии группы русских эмигрантов в период между двумя войнами см.: [Moret 2008]). Добавим к этим критериям, что в языкознании Новой парадигмы факт ее непризнания и неприятия «официальной наукой», которая подстрекает к всеобщему заговору против нее, является наилучшим доказательством того, что приверженцы Новой парадигмы правы. Метод последней состоит в поисках аргументов в пользу известного заранее тезиса — героизации нации самого инновациониста, — тезиса, поддерживаемого манией преследования. Невозможность любой рациональной аргументации приводит к ситуации диалога глухих с теми, кто попытался войти в контакт с инновационистами *извне*.

1.1. Наши предки-этруски, или мечта о родственной связи

Основной постулат Новой парадигмы таков: в бронзовом веке, сразу после (или незадолго до) последнего ледникового периода и до прихода индоевропейцев, существовала великолепная и очень древняя цивилизация, занимавшая огромную территорию, от Атлантического океана до Черного моря. Там жил великий миролюбивый народ, демократичный и славный. По патриотическим рассказам, этот народ может быть доиндоевропейским, или протоиндоевропейским, но именно он и только он заложил основу всей

европейской культуры. Археологические следы этого народа находят повсюду, как и лингвистические элементы его наречия — во всех языках Европы. При этом родной язык исследователя-националиста настолько особенный, что позволяет без труда расшифровать тот исконный, или изначальный язык, так как именно родной язык исследователя, в отличие от соседних языков, сохранил почти в неизменном виде исконный. Упомянутый изначальный народ фигурирует под различными названиями, к нему относятся пеласги или этруски, и он говорил на языке, породившем санскрит. Эти идеи преследуют цели 1) отделиться от ближайших соседей, 2) отмежеваться от мысли, что греки и римляне могли быть основателями европейской цивилизации.

Словения: *Существует также вопрос об исконном языке Европы, который послужил основой для первых индоевропейских языков. Среди них следует назвать венетский и иллирийский языки. Пойду дальше и скажу, что этим исконным языком был праславянский* [Томаžič 1996: XIV].

Ингушетия: *В современных индоевропейских языках Европы обнаруживается субстрат, происхождение которого не ясно и которому зачастую нет письменных свидетельств. <...> В истории человечества всегда шел процесс исчезновения одних языков и возникновения новых. Но не всегда этот процесс происходил так, чтобы от языка канувшего в Лету народа не оставалось никаких следов. По остаткам этого древнего языка иногда можно установить, какой народ населял данную территорию в древние времена. Некоторые европейские и советские ученые обнаруживали факты сходства в лексике между кавказскими языками и языками населения Западной Европы. Каким же образом кавказская лексика могла оказаться так далеко от привычного для нас региона, который именуется Кавказом?* [Ужахов 2008: 6—7].

Албания: *Приподнимем уголок завесы, и мы увидим, что рядом с великими классическими цивилизациями были и другие народы, у которых было и свое место в истории* [Briquel 2003: 3].

1.2. Теория заговора

К несчастью, эта основополагающая Истина не была доступна до настоящего времени либо по незнанию, либо по злой воле тех, кто обладает монополией на слово. История, такая, какой ее преподают, обманывает нас. Под именем «официальной», «устоявшейся», «академической» науки плетется заговор, имеющий целью стереть из памяти былую славу нации. В Словении заго-

вор — это дело рук коммунистов, оставшихся у власти, и продолживших манипулирование австро-германских лингвистов, целью которых было отрицание величия словенской культуры. В России или в Литве это приписывается антипатриотам-евреям, живущим на территории нации. Именно Истина национальной истории всегда попирается «антипатриотами», которые пробрались на руководящие должности в академических учреждениях и душат колпаком **замалчивания** голос инновационистов, одинокий, но смелый. В самом деле, так называемые «малые народы» являются забытыми и презираемыми. Но благодаря неустанной и упорной работе одиноких исследователей, идущих против течения и отрицающих избитые взгляды, для публики, «лишенной предубеждений», становятся доступны баснословные открытия, несмотря на замалчивание в официальной науке, слепо подчиняющейся пагубной идеологии, отрицающей существование описанной древней и богатой цивилизации. Страх перед Другим разливается по риторике разоблачения:

Россия: *...фальсификации русской истории, которые нам навязаны из-за рубежа* [Азов 2007: 343].

Чувство угрозы вездесуще: язык и ценности нации в опасности и могут угаснуть. Часто эмигранты чувствуют за собой долг сохранения этих ценностей и истины во всей их чистоте, а также сохранения правды о своем языке. В советскую эпоху или эпоху национал-коммунизма Чаушеску в Румынии возникли замечательные примеры идеологии ресентимента.

Риторика «дискурса правды» зиждется на нехитрой формуле: «Они говорят, что *p*, а в действительности *q*».

Литва: Советская „Всемирная история“ утверждает, что „в первой половине IX века между Средним Дунаем и верховьями Лобы (Лобы) и Одры образовалось обширное государство западных славян — Великое Моравское Княжество“ (Всемирная история, 1957). В действительности во время образования Великоморавского княжества и вплоть до 865 года на землях Великоморавского княжества еще не было славянских языков [Саткавичюс 1999: 22]; Обычно <готский язык> причисляют к германским языкам, хотя в действительности готский язык является продуктом взаимодействия галльских и финно-угорских языков. В готском языке четко видно подобие финскому и литовскому жемайтскому языкам [Там же: 36]; Евреи переняли много галльских названий местностей и местных галльских имен, которые позже были признаны еврейскими

и христианскими [Там же: 13]; Литовские ведущие лингвисты и историки почему-то до сих пор не публикуют результаты Ю. Шеймиса <...> и тем самым скрывают эти очень важные данные от мировой общественности [Там же: 14].

Албания: Несмотря на всё это (гипербрахицефалию пеласгов, идентичную гипербрахицефалии современных албанцев — П. С.), нашли возможность не замечать один из наиболее древних языков Европы и исключить народ, способствовавший расцвету двух самых великих цивилизаций западного мира: греческой, с помощью пеласгов, и римской, с помощью этрусков [Agef 2004: 2].

Словения: Эти поразительные открытия вызвали не только восхищение, но также и острую критику со стороны тех, кто не может согласиться с фактом, что они сделали неверные выводы в области историографии и археологического наследия. <...> Третья часть этой книги является ответом на эту критику, она имеет целью развеять ложные теории, которые до сегодняшнего времени окружали венетов и их идентичность. <...> Мы хотели бы разрушить преграду замалчивания, которая окружает венетскую культуру, и представить читателю видение далекого прошлого Европы, освобожденное от всякой обструкции, прошлого, которое в определенной степени всё еще отражается на словенской нации [Томаžič 1996: XVI].

Татарстан: *...подлинные детали прошлого были специально искажены с помощью лингвистики* [Тимазин 2008: 23].

Новая парадигма в ее страдании, сублимированном в мечту о величии, — это смесь отчаяния и пассивности без какой бы то ни было связи с реальностью и без всякой программы действий. Она упивается мечтами и жалобами. Как любая идеология ресентимента, Новая парадигма только копирует тех, отличной от которых объявляет себя. Ее единственная цель — быть похожей на Мэтра, которому она завидует, которого ревнует, которым восхищается и которого ненавидит.

Более того, в постколониальном дискурсе нет никакой солидарности с другими «угнетенными», также ограбленными и униженными: ставится цель еще ниже опустить бедного соседа, а не только богатого угнетателя. Нескончаемое обращение к одним и тем же химерам славы и древности — единственное лекарство, предлагаемое для страдания от ресентимента. Не имея позитивной программы, инновационисты разных стран от всего сердца ненавидят друг друга,

хотя провозглашают *одно и то же* страдание. Другим отказывают в праве быть такими же угнетенными. Создать «новую теорию» выгодно: это означает получить знак отличия и возможность самоутвердиться, — при этом избегают любого *сравнения* с теми, от кого хочется отличаться.

Однако определить приверженцев Новой парадигмы «любителями» и «дилетантами», как пишет А. А. Зализняк, недостаточно. Это слишком просто. За древностью (псевдо)лингвистической аргументации Новой парадигмы скрывается четкий политический проект, даже если он не виден за кажущейся объективной, научной дискуссией: радикальный отказ от политического в пользу натуралистической и сциентистской идеологии. Ср.: *Эта книга выходит за пределы всех идеологических позиций. Бесплезно добавлять, что все усилия были сделаны, чтобы старательно избежать всякой националистической мотивации* [Tomazič 1996: XVI].

1.3. Местные жители: автохтонизм и протохронизм

Автохтонизм на службе процесса легитимизации — это теория *непрерывности* этнолингвистической принадлежности во времени. Навязчивая идея принадлежности — это компенсация чувства неуверенности в коллективной безопасности для несчастного сознания. Раздираемый между антилатинизмом и идеализацией Западной Европы, автохтонизм использует риторические средства, имеющие целью доказать глубокое и священное происхождение Нации и ее языка (далее я буду употреблять слово *Нация* с большой буквы при обозначении нации любого инновациониста). В полном смешении синхронии и диахронии вопрос «Кто мы такие?» перекрывается вопросом «Откуда мы пришли?». Дискурс о единстве и сущностной непрерывности Нации приходит на смену марксистскому дискурсу о дифференциации и изменении. Таким образом, существует два вида народов: «автохтоны», которые имеют право занимать землю, и «захватчики», которым в этом праве отказано: *Пеласги — это автохтонный народ, а греки — это народ-захватчик* [Aref 2003: 9].

Протохронизм — это экстремальный вариант автохтонизма, при котором к теории *происхождения* добавляется теория *предшествования*. Этот термин, созданный в Румынии во времена Чаушеску, обозначает современную тенденцию культурного национализма, имеющего целью приписать целой стране идеализированное и славное прошлое на основе этнолингвистических умозаключений. Названная «дакологией» ее

сторонниками и «дакоманией» ее хулителем, эта идеология приписывает предполагаемым предкам румынской нации, дакам и фракам, превосходство над всеми народами Европы и действительное предшествование им. Полное неприятие существования какого бы то ни было источника, предшественников или образцов во всех интеллектуальных областях неизбежно приводит к отрицанию того, что в румынском языке есть хоть что-нибудь от латинского, кроме нескольких маргинальных заимствований, хотя парадоксально и противоречиво признаются высшие латинские ценности как реакция на варварство советского оккупанта. Языкознание ре-сентимента раздирается между утверждением Востока и мечтой о Западе.

То же самое относится к «венетской теории»: это автохтонная теория о происхождении словенцев, отрицающая, что словенцы являются мигрировавшими на юг славянами, пришедшими в VI в. в Восточные Альпы. Данная теория утверждает, что протословенцы (иначе — венеты) жили в этом регионе «с незапамятных времен» и что слова, обозначающие основные реалии альпийской жизни, не могут быть принесены мигрантами с равнины: *Во второй части книги автор расшифровывает венетские и этрусские надписи на основе словенского языка и его диалектов, а также других славянских языков, включая церковнославянский язык. Он представляет убедительные аргументы в пользу утверждения, что его открытия выявляют, что венеты были протославянским народом, язык которого сохранился в современном словенском до наших дней* [Ismael 1996: XI—XII].

Отметим, что язык Нации-хранительницы исконного языка сохраняется в основном в горных уголках, защищенных своей неприступностью, способствующей эндогамии. Восточные Альпы, Балканские горы, Кавказ и баскские Пиренеи являются, таким образом, фантазматическими местами, особо ценными в Новой парадигме: *Язык пеласгов остался почти нетронутым в течении тысячелетий в неприступных горах Албании, защищенных от многочисленных набегов* [Aref 2003: 9].

2. ЗАГАДКА СХОДСТВ

Древнегреческий язык так походит на гегский диалект Северной Албании, что можно принять одно за другое
[Aref 2003: 9].

Новая парадигма вписывается в вечный поиск родства. Эта литература сирот, жаждущих прикрепиться к какой-нибудь семье,

раскрывает невыносимую ситуацию существования без родственников, увязая при этом в утверждении своей уникальности. Желание не быть заброшенными, быть *признанными* таково, что авторы цепляются за любое сходство языков, даже самое приблизительное. Проблема состоит в определении, что такое формальное *сходство*: каковы его признаки? каковы его границы? где заканчивается правдоподобность сходства?

С середины XIX в. возник вопрос об объяснении сходства между неродственными языками [См. об этом: Серио 2001, гл. 6]. Отказ от объяснения сходства наличием общего предка и дивергенцией был аргументирован Г. Шухардтом с помощью понятия гибридизации, а также Н. Трубецким с помощью понятия конвергенции. Новая парадигма разделяет этот отказ, но предлагает противоречивую альтернативу: одновременно полигенез, автохтонизм, теорию миграций, диффузионизм и теорию субстрата. Мы увидели, что Новая парадигма исповедует всепоглощающую ненависть к «официальной науке», обвиняя ее в заговоре против правды. Шельмование результатов признанной науки переносится на ее методы, что позволяет совершенно не считаться ни с какой разумностью: интуиции, для которой *никакое сходство не может быть случайным*, достаточно, чтобы подкрепить поиски идентичности, единственная цель которых — найти первоначальную родину Нации, которой принадлежит инновационист. Иногда в таком типе аргументации задать вопрос означает найти на него ответ, ср.: *...по-грузински хани, по-вейнахски ха — время (может, греческое хронос родственно вейнахскому и грузинскому вариантам?)* [Ужахов 2008: 26] (семья автора, Заурбека Ужахова, ингуша, как и все семьи ингушей, была сослана в Казахстан в 1944 г. по решению Сталина).

2.1. Полигенизм и антидарвинизм

Новая парадигма проповедует имплицитный или торжествующий полигенизм в отношении истории народов и языков: в этой странной теории спонтанного происхождения «нации» кажутся существовавшими отдельно одна от другой с момента появления *homo sapiens* и продолжающимися по прямой линии, без прерываний и смешений. Новая парадигма отрицает модель генеалогического дерева не во имя конвергенции (языкового союза, *Sprachbund*), используя проекцию современного разнообразия на незапамятное прошлое, которое обозначается словами «в начале», «с древности».

Опираясь на постулат неизменности во времени и идентичности, эта эссенциалист-

ская идеология отказывается от всякой идеи эволюции. В двойственном отношении к диффузионизму она проповедует, кроме всего прочего, креационистский атомизм: основные элементы (изначальные односложные слова) остаются неизменными в течение тысячелетий (и на протяжении тысяч километров, в случае миграции в Индию). Мне кажется, что в этом можно усмотреть эхо антидарвинизма, который, с момента появления «Происхождения видов» (1859), проповедует полный отказ от эпигенеза в пользу всякого рода вариантов преформизма: виды есть создания Бога, не подверженные изменениям.

Языкознание в своем собственном темпе часто следует за развитием биологии: в XIX в. мы видим переход от статического языкознания, не отделимого от логики, классифицирующего языки как отпрысков сынов Ноя или как дегенерировавшие формы великих классических языков, к изучению явлений, подверженных постоянным изменениям, эволюции и угасанию.

В этом смысле Новая парадигма представляет собой возврат к периоду, предшествовавшему научной революции XIX в., к неподвижному и застывшему в огромной синхронии, а вернее ахронии, миру. Ее принцип — всё, что есть теперь, существовало всегда (в лучшем виде), скорее прав Парменид, чем Гераклит. В действительности речь идет о гипердиффузионизме, основанном на представлениях об «изначальной родине» (*Urheimat*), или «первоначальном очаге», или «колыбели», — метафорах счастливого детства.

Новая парадигма отрицает всякое генетическое родство между языками (это связано с желанием не иметь общего с соседями предка). Конечно, нет ничего удивительного в том, чтобы найти параллели между кельтским и литовским: оба языка — индоевропейские. Но в рассматриваемой теории сходство между двумя языками может быть объяснено только контактами (заимствованиями), захватами (насилием, подчинением, рабством) или субстратом (доказательством предшествования заселения территории). Одновременно доказывается собственная древность инновациониста: его язык — это обязательно исконный язык. Поэтому часто в разных вариантах Новой парадигмы приводятся *одни и те же примеры*. Так, если слово, обозначающее *огонь*, сходно в санскрите и в языке инновациониста, это служит доказательством того, что санскрит «происходит от» или «объясняется» языком, в роли которого может выступать как литовский: *санскрит agni / лит. ugnis* [Саткавичюс

1999: 15], — так и украинский: *санскрит. agni / укр. vogon'* [Шилов 2003: 30].

Можно увидеть, что аргументативное ядро зиждется на постулате, который никогда не был доказан, поскольку он бездоказателен, и который состоит в следующем: *всякое сходство форм, даже приблизительное, является знаком первоначального тождества*.

2.2. «Этим — ология», или доказательство через название

The names testify [Šavli 1996: 6]

Новая парадигма не следует схоластическому приципу, по которому *Nomina sequentia rerum*, это не «мимология» [Genette 1976]. Референт знака — это не вещь, но другой знак, вся ценность которого в том, чтобы принадлежать к родному языку инновациониста. В большинстве случаев семантика безразлична. Главное — заниматься неисторичной «этимологией» с экзистенциальной целью найти ключ к этногенетической загадке. В таком случае метод совсем прост и сводится к следованию формуле, которую можно резюмировать так: *Cale en bourre et pare aux pômes, Haze!* (здесь слитное произнесение слов образует омофон выражения «каламбур и параномазия» — *прим. пер.*).

На самом деле процедура умозаключений всегда производится *ad hoc*, без какой-либо системности. Этимология Новой парадигмы — это скорее толкование, такое, каким занимались в эпоху Возрождения, чем историческая реконструкция форм, как у младограмматиков. Каждый случай особенный, и метод состоит в перемещении границ между морфемами, что имеет много общего как с каламбуром, ребусом, шарадой, акрофонической перестановкой, так и с объяснением маленькими детьми неизвестных слов с помощью известных. Речь идет об очень старом приеме риторики, называемом параномазией.

Албания: *Афины основаны пеласгами, а значит, название объясняется албанским 'Ethana', что значит 'суженая'* [Aref, s. d.].

Полный неисторизм Новой парадигмы, скандальный с точки зрения исторической грамматики, вполне приемлем с точки зрения кратилизма. Семантика каламбура — это верх поиска скрытого *смысла*.

Здесь можно вспомнить о «народной этимологии», о переосмыслении морфемной структуры слова с изменением либо границ, либо порядка следования одной или нескольких фонем. Так, в России слово «поликлиника» насмешливо истолковывается как «полуклиника»: клиника, которая «не совсем» клиника.

В 1923 г. С. О. Карцевский писал об этом явлении, говоря об изменениях в русском языке после революции: «Живой язык вообще не любит немотивированных слов, и там, где прежняя связь между словом и понятием исчезла или где ее для нас и не бывало даже, как, напр., в заимствованиях, он стремится установить мотивированность. Так создается „народная этимология“: „спекулянт“ — слишком жизненное явление, чтобы отнестись к нему индифферентно, и вот народ переименовывает его в *скопулянта* (скопить, скупой и т. п.); „мародер“ становится *миродером*; „бульвар“ — гульвар (гулять) и т. д.» (Карцевский С. О. По модели «живодер». 1923 [Карцевский 2000: 223]).

Эта заманчивая процедура имеет большой успех среди неспециалистов вследствие кажущейся всеобщей доступности. Эпилингвистического знания говорящему вполне хватает, чтобы самому имитировать все процедуры открытия, необходимые в практике классического диахронического языкознания — все могут участвовать в игре. Достаточно немного воображения и, самое главное, принятия постулата, что любая форма обязательно является означающей.

Этимологический анализ иногда опирается на силлогизм на семантической основе. Пример: одна из сторон горы Маттерхорн в Швейцарии (по-итальянски «*Servino*» [Червино]) походит на утес. *При этом* словенское слово для обозначения утеса — «*сег*». *Значит*, перед нами очевидный след древнего присутствия венетов в Швейцарских Альпах [Šavli et al. 1996: 52].

Все же чаще всего чистое сходство демонстрирует подлинную цель параномастического поиска — доказательство предшествующего, т. е. превосходящего присутствия в Европе. В Западной Франции не является ли название «Вандея» очевидным доказательством его *венетского* происхождения?

Может показаться, что исходный смысл слова является его *истинным смыслом*, который только и ждет, что его расшифруют, но это не всегда так. Инновационисты задаются вопросом, как русское слово *киль* (корабля) могло стать названием города Киль (Kiel) в Германии, или как русское слово *сало* оказалось названием итальянского города Сало, или русское слово *вар* попало в название реки *Var* во Франции. Достаточно «догадаться», что название города Кёльн «происходит от», «объясняется» русским словом *клён*. Любое имя собственное считается расшифрованным, когда установлено сходство с языком инновациониста: норвежское имя *Кнут* приравнено к русскому слову *кнут*, английское имя Боб — к русскому сло-

ву боб, французское имя *Luc*, в русской транскрипции *Люк*, приравнено к русскому слову *люк* (все примеры взяты отсюда: [Зализняк 2010]). Конечно, такое объяснение многого не объясняет, но это и не важно, важно присутствие знака, а не его смысл, что весьма далеко от кратилистской проблематики «правильности слов».

Истинный смысл кроется в родном языке инновациониста:

Татарстан: *Теперь, к примеру, начнем со слова ИЯ. ИЯ — гнездо (по-татарски). Современные лингвисты (а именно морфологи, занимающиеся изучением и объяснением частей речи) считают это сочетание букв — ия — окончанием. Можно ли с ними согласиться, если ГНЕЗДО считать окончанием (процесса жизни), а не началом начал. Возьмем названия некоторого числа стран (география): Австр-ия, Албан-ия, Бельг-ия, Англ-ия, Герман-ия, Венгр-ия, Грец-ия, Дан-ия, Гренланд-ия, Ирланд-ия, Итал-ия, Испан-ия, Исланд-ия, Норвег-ия, Португал-ия, Румын-ия, Финлянд-ия, Франц-ия, Чех-ия, Словак-ия, Словен-ия, Швейцар-ия, Швец-ия, Хорват-ия, Босн-ия, Черногор-ия, Серб-ия и, конечно же, Россия. И это только Европа. Такая вот географ-ия. Всё это гнезда разных народов* [Тимазин 2008: 37].

Инновационисты просто расправляются с лишними деталями: так, латинское слово *stix* «произносится *krus*», «крест», в татарском произносится *təre*. Но нижегородские татары употребляют в речи слово *krus*. Отсюда рассуждение: название *русские* может объясняться на основе татарского *krus' kija*, которое означает «несущие крест». Остальное — мелочи: «Два одинаковых звука „К“ — некоторое излишество, от которого в речи избавились: РУСЬКИЕ» [Тимазин 2008: 25].

Литва: О галльских завоеваниях свидетельствуют многие названия местностей. Так, на юге Испании, в Андалузии, над городом Гренада возвышается чудо-крепость, которую арабы называли *Al-Kal'a al-Hambra*, а испанцы переименовали в *Alhambra*. Эту крепость в более ранние времена вандалы или готы отстроили или первыми построили и назвали *Alcazaba* [*al'ka sava*]. Политовски *al'ka* значит святую гору, на которой проводятся языческие святыи обряды, а *sava* значит своя. Смысл названия — «своя священная гора» [Саткавичюс 1999: 12].

2.3. Исконный язык как универсальный метаязык

Процедура открытия в рамках Новой парадигмы — это внезапное озарение, за которым следует ряд невозможных выводов.

Ингушетия: *Как и многих вейнахов, меня всегда волновал вопрос происхождения моего народа. <...> На одном из занятий преподаватель выписывала на доске новые слова из текста. Одно из новых слов вызвало у меня некоторое удивление. Этим слово „toss“ (тосс) ‘бросать, подкидывать, вскидывать’, имеющим то же значение, что и в вейнахском. Бывают, конечно, совпадения и случайные, и заимствования в различных языках. Я так и подумал и через какое-то время перестал об этом размышлять. Но через какое-то время опять знакомое слово — „Chip“ — подбородок, по-ингушски — Ченг. В одном из дагестанских языков — хваршинском, слово „подбородок“ звучит схоже — чиечен. <...> Совпадения в языках далеких друг от друга народов — вейнахов и англичан, в наше время разделенных не одной тысячей километров, стало для меня загадкой [Ужахов 2008: 9—10]. Это новое для меня слово „chilly“ напомнило мне вейнахское слово „шил“ — „холодно“. Это уже не могло быть простым совпадением и указывало на какую-то связь английского языка с вейнахским. <...> Английское слово **teach** — учить, по-вейнахски очень схоже звучит „дешь“ [Там же: 12—13].*

Затем машина «идет вразнос», и количество соответствий растет по экспоненте, что вызывает у автора, опьяненного своим «открытием», нечто вроде исступления: английское: **cut** — резать, рубить, стричь; по-ингушски **ходд** — резать, а **кодт** — ножницы; <...> **hence** — с этих пор, следовательно, по-ингушски **хунз** — теперь, только что; **idle** — ленивый, пустой, бесцельный, по-ингушски „одл“ что-то вроде лопух, лентяй; **marry** (с латинского **maritus** — муж) жениться, выходить замуж, у ингушей **мяри** только „выходить замуж“, но **mar** — муж; **quit** — оставлять, покидать, съезжать, по-вейнахски **uum** — оставлять; **yell** — крик о помощи, кричать, по-ингушски **велл, елл** — плакать. <...> Немецкие слова: **Heimat** — родина, может объяснимо от вейнахского **вей момт** — наша земля, наш язык; **Berg** — гора, слово, не имеющее аналогов в других индоевропейских языках; по-ингушски **Берд** — берег, обрыв; у урартов, **берд** — холм, по-армянски **берд** — крепость [Там же: 15]; пиктское, или гэльский шотландский: **cian** — далекий, по-ингушски **гян** — далекий; **leag** — сбрасывать, ронять, по-ингушски **лег** — сбросить, ронять; **mall** — медленный, неповоротливый, по-ингушски **мелл** — меланхоичный, медленный; **miste** — худший, по-ингушски **мист** — кислый, горький [Там же: 149—150].

Оказывается, до прихода италийских народов Италия была заселена кавказцами. Доказательство этому практически то же самое — сходство между латинскими или итальянскими словами и ингушскими: *Lottare* (ит.) — *сражаться, по-ингушски lammp* — *драться, сражаться; sera* (ит.) — *вечер, по-ингушски сейпу*, в урартском *sial* — *ночь, в грузинском ser* — *вечер; латинское vastus* (лат.) — *пустой, по-ингушски вяс* — *без ничего, пустой; venire* (лат.) — *приходить, по-ингушски вун* — *придти; dicere* (лат.) — *беседовать, по-ингушски дуцр* — *беседовать, говорить* [Там же: 105—106].

Любое сходство, даже приблизительное, приравнивается к происхождению. Конечно, полное незнание истории слов мешает узнавать любое *заимствование*. Так вайнахское слово *sapp* 'мыло', явное заимствование из арабского *sabun*, рассматривается как «послужившее основой для» английского *soap* и итальянского *sapone* [Там же: 15].

Цель этимологии, согласно Новой парадигме, — восстановить разбросанные и рассеянные куски довавилонского языка, который не отделял нас от вещей и который называл вещи их истинными именами.

И вот в Татарстане русско-татарский ломаный язык Дина Тимазина (2008) позволяет «придать смысл» непрозрачным русским словам:

Стало вдруг интересно всматриваться в каждое слово (его написание русскими ли буквами или латиницей), вслушиваться в звуки каждого слова, вдумываться в закреплённые за ними значения. Так вдруг стали раскрываться сокрытые смыслы:

ЭВАКУАТОР — *прогоняй его (по-русски и по-татарски)*

ЭВА КУА ТОР = ЕГО КУА ТОР

КУАТОР = *прогоняй-ка (по-татарски) от слова КУАР-ГА — прогонять.*

Чем и занимаются многочисленные эвакуаторы на московских улицах при неправильных парковках автомобилей.

КЛАКСОН = **КЛАК СОЦ** — *позднее (опоздавшее) СОЦ; ухо — Колак.*

В речи слово КОЛАК — ухо произносится как КЛАК.

Слово КОЛОКОЛ = **КОЛАК ОЛ** — *это ухо.*

Колокольный звон и предназначался для ушей. „Имеющий уши — да услышит!“

Клаксоны в первых автомобилях предназначались для невнимательного пешехода, не отреагировавшего на движущуюся опасность, т. е. ОПОЗДАВШЕГО УСЛЫШАТЬ звуки двигателя [Тимазин 2008: 8—9].

Случается, что инновационисты читают труды друг друга и взаимно исправляют

предлагаемые представителями других народов интерпретации, всегда в пользу своего родного языка. Например, татарин Дин Тимазин [Там же: 9] цитирует русского Д. Рыжкова (2002), который считает (с. 158), что древнееврейское слово *DEREG*, которое читается без вокализации как *DRG*, должно читаться «на славянский манер» *DoRoGa*. По Рыжкову, слово *dereg* означает 'дорога'. Но Тимазин его поправляет: в действительности это слово татарское и должно читаться *dərežə*, что означает 'честь', 'престиж', 'авторитет'. «Скрытый смысл» — 'власть', и от этого татарского слова образовалось русское «держава». Но и «держава», в свою очередь, «расшифровывается», т. е. переосмысливается, благодаря морфемному членению, теперь на основе слов русских и псевдорусских: **ДЕРЖАВА** = **ДЕРЖИ БА** — *держи в руках небесную (БО(А)жественную) БЛАГО-ДАТЬ. Отсюда и ДОРОЖИ-ть. Поэтому и дорогá власть правителям, боящимся ее потерять!* [Там же: 10].

Скрещивание татарского и русского даёт неслыханные возможности для новых сочетаний. «Озарения» появляются быстро, одно за другим. Возьмем Стамбул, бывший Константинополь; слово снова обретает свой смысл для того, кто умеет читать на татарском: **KONSTANTIN** = **KÖN ÖSTƏN TÖN**, *что означает 'день (KÖN) выше (ÖSTƏN), чем ночь (TÖN), иначе говоря, Восток выше Запада (аллюзия на „перенос столицы Римской империи в Константинополь в X веке“^[6])*. Совершенно нормально, что Константинополь стал Стамбулом:

ISTAN = **ÖSTEN** (татарское): 'высший'

BUL = **BUD'** (русское): 'да будет!', *иначе говоря, 'да будет!'* [Там же: 9].

Нескончаемая цепь толкований длиной в несколько страниц быстро вызывает головокружение, читатель тонет в этом потоке интерпретационного бреда. Во время нескончаемого головокружения от вербального творчества читателя может охватить ликование, и он может почувствовать себя в школе Малларме или Жан-Пьера Бриссе^[7].

3. ПОСТУЛАТ КОССИННЫ

Размеры статьи не позволяют восстановить негласную историю Новой парадигмы. Ограничимся упоминанием нескольких вех, относящихся к тому, что Софи Фишер (1996) называет «весь тот же старый хлам».

Имя, которое сразу приходит на ум, — немецкий филолог и археолог Густав Коссинна (1858—1931), занимавшийся протосторией Европы, и в особенности «германцев» (небесполезно упомянуть, что его теории были использованы нацистами). Кос-

синна исходит не из гипотезы, а из представленного как неоспоримая очевидность постулата точного соответствия между «археологической» культурой (в понимании Г. Чайлда), реконструированным языком и этносом, оставшимся нетронутым и идентичным себе самому, несмотря на незначительные формальные изменения. Близкая к движению *фолькиш*, идеологическая основа его взглядов характеризуется как антисемитская, антиславянская и антиримская^[8]. Археолого-филологические методы Коссинны опираются на вневременную эссенциалистскую концепцию говорящего сообщества, получившего название, как в немецком романтизме, «нации».

Новая парадигма воспользуется аргументацией Коссинны, заменяя *германцев* своими собственными воображаемыми предками: *Гали, государства и народы, которые были распространены на большой части Европы от Урала до Черного и Балтийского морей, были основными врагами Римской империи. Это были основные предки латышского, литовского, русского, полешукского, польского, словацкого, украинского народов* [Саткавичюс 1999: 38].

И. З. Ужахов цитирует советского лингвиста Ю. Дешериева: *По свидетельству одного античного автора — Валера Максима — в Римской империи на покоренные народы налагали не только иго суровых законов, но и также иго языка. <...> Грубое, жесткое насилие, не знавшее предела, распространившееся даже на родной язык покоренных народов, послужило одной из причин распада и гибели Римской империи* [Дешериев 1963, без указания страницы; цитируется по: Ужахов 2008: 113].

Невозможно не упомянуть советского археолога и лингвиста Николая Марра (1864—1934). Будучи грузином по матери, он придумал мифический народ *яфетидов*, исконная родина которых на Кавказе и следы которых можно найти во всех языках Европы. Он также работал с опорой на смелую этимологию: либо внутреннюю (немецкое *Hundert* 'сто' происходит от слова *Hund* 'собака': собака — название тотема племени — стало впоследствии означать множество, т. е. «сто» [Марр 1936: 391]), либо основанную на использовании одного языка в качестве метаязыка для другого. Так, чувашское название колдуна *уотэз* оказывается *вариантом* этнического названия самих чувашей — *subar* или *šibaš*, или *θəvaš*, *suvas* и т. п. В этом чувашском слове, *уотэз*, прячется пережиток средиземноморского доиндоевропейского слова *уотер*, характеризуемого как «сохраненное греками по недоразумению как

имя собственное поэта "Ομηρος» [Марр 1926: 17]. Н. Я. Марр тоже видел в этрусском языке элемент *roš* > *rus*, так же как в этническом названии этрусков: *rasen* > *ras/roš*.

Филологический ресентимент постепенно находит своих предшественников, особенно в начале XX в., такого богатого на изобретения. В то время в Румынии (1913 г.) Н. Денсушиану (1846—1911) пишет в книге из 1152 страниц, что Карпато-Дунайский регион уже за 6000 лет до Рождества Христова был колыбелью всех великих цивилизаций под именем «пеласгийской цивилизации», так же как и почти всех народов и цивилизаций Европы, Азии и Северной Африки. Население данного региона, а именно пеласги, говорящее на одном-единственном языке, породило траков, гетов, даков, сарматов, иранцев, этрусков, а затем латинян, германцев и балтов. Аргументативная основа рассуждений Денсушиану заключается в том, что любое приблизительное фонетическое сходство в топонимике и ономастике между античными названиями и их предполагаемыми «эквивалентами» в современном румынском является *доказательством* предшествования дако-румынской цивилизации. Примеры: **Atlas=Alutus=Olt=Munții Oltului; Phasis=Buzău; Terrigenae=Tirighina.**

Для Н. Денсушиану румынский язык — это не романский язык, возникший, как французский или испанский, в результате поздней романизации местного субстрата, а «продолжение языка карпатских пеласгов». Латинский не был внедрен в Дакии с победой и колонизацией Траяна, «как думают все румынские и иностранные лингвисты и историки», — он зародился в Карпато-Дунайском пространстве в далеком туманном прошлом, и только *позднее* на нем заговорили в Италии и в других частях Европы по причине гипотетических миграций пеласгов [См.: Babeș 2001].

Ресентимент славян против германцев находит свое выражение в филологических трудах Алексея Хомякова (1804—1860), одного из самых значительных представителей славянофильской идеологии в России XIX в. Он также возводит славян к венетам, название которых «объясняется через *v(o)dn*: люди воды» (намек на таинственные «народы моря»), а также через *vil'ki*, откуда *великие*. Задолго до словенских специалистов по венетологии он «открыл», что латинское название города Вена (*Vindobona*) является доказательством присутствия венетов. Он тоже опирался на этимологию, чтобы доказать, что аквитанцы времен Цезаря были не кельтами, а славянами: *Vigotte* = погорье, *Réigord* = пригорье, что касается Русийона

(Roussillon), то не нужно и доказывать присутствие слова *rus*.

Вернемся в нашем беглом обзоре к XVII—XVIII вв., когда общая цель историков-филологов, кажется, состояла в том, чтобы отказать древнееврейскому языку в роли языка Рая и подтвердить существенную древность, как сказали бы теперь, «исконность» своих национальных языков.

В своем тексте «Три рассуждения о трех главнейших древностях Российских» Василий Третьяковский (1703—1769), который, как и Лейбниц, считает, что скифы находятся у истоков происхождения населения Европы, объясняет все топонимы и этнонимы Европы на основе русского языка. Так, этноним «скифы» (в русском написании XVIII в. *скитѣи*) производился Третьяковским от слова «скитания», т. е. «от свободного перехода с места на место» [Третьяковский 1849: 341—342; цит. по: Клубков 2011: 43]. Слово «сарматы» объясняется через «Царьметы, т. е. искусные метатели, ср. *царь-колокол*». А затейливая басня позволяет связать сарматов с амазонками: *Геродот повествует, что Сарматы произошли от Скитѣев и Амазонок. Но и другие авторы пишут, что Амазонки пребывали с супругниками своими чрез один только месяц; так что родившихся потом дочерей оставляли они у себя, а сынов отдавали отцам, что и по Геродоту. Полагаю, что сие было тогда, когда уже Скитѣев довольно переправилось за Волгу, называемую ими Рас, и сокращенно Ра; а Амазонки жили по Дону. Может статься, что молодые Скитѣиченки, пребывая с переправившимися своими отцами, а матерей не видя, спрашивали отцов, где б их матери были? но отцы им и сказывали: ЗА-РА-МАТИ, то есть матери их живут за Волгою; от чего те дети и прозваны Зараматами, или Скитѣями, имеющими своих матерей за Волгою на запад* [Третьяковский 1849: 349—350; цит. по: Клубков 2011: 43].

Закончим Лейбницем, который в своих «Новых опытах о человеческом разуме», написанных в 1703 г. и опубликованных в 1765 г., утверждает, что германский язык — самый древний, древнее даже, чем сам древнееврейский: «...кажется, что тевтонский язык сохранил больше всего природного и <...> адамова языка». Лейбниц считает, что в основе всего потомства Иафета находился «некий» кельтский язык, общий как для германцев, так и для галлов, и что «можно догадаться, что это получилось от общего происхождения всех этих народов — потомков скифов, пришедших с Черного моря. Они переправились через Дунай и Вислу,

часть из них могла уйти в Грецию, а другая могла заполнить Германию и Галлию» (Nouveaux Essais, III, 2, 1990: 218; цит. по: [Есо 1994: 223]. Опять возникают скифы, по-другому называвшиеся венетами, пеласгами, этрусками...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: СЕМИОТИЧЕСКИЙ УЗЕЛ

Исконный, довавилонский язык не был полностью уничтожен при вавилонском столпотворении, описанном в «Книге бытия». Его разбросанные осколки остались во всех языках сынов Ноя. Однако за кажущимся хаосом скрывается тайный порядок: среди множества языков есть один, особенный тем, что только он сохранил «почти нетронутыми» формы того «доледникового» языка, на котором говорил автохтонный народ, положивший начало европейской цивилизации. Греки и римляне — это только наследники, самозванцы. Нет ничего легче, чем найти название этого исконного языка. Это язык одновременно общий и единственный, на котором говорим все мы. Это *родной язык* каждого инновациониста. Язык, что позволяет интерпретировать неизвестное через известное, неясное — через ясное, чужое означаемое — с помощью своего означющего.

Здесь и кроется слабое место.

Этимология инновационистов — это наука о происхождении. Но происхождение не есть начало. Как и первые лингвисты-романтики, они полагают, что любое изменение смысла — это только деградация изначального смысла, который по определению и является прямым. Значит, нужно *вернуться* к изначальному смыслу, первому, следовательно, истинному. В этом инновационисты точно следуют за Тюрго, который в статье «Этимология» в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера пишет, что подобная лингвистическая практика состоит в поиске «*ἔτιμον τῆς λέξεως*, что означает *истинного смысла слова* (от *ἔτιμος*, истинный)». Метод ясно описан там неисторическим способом как «переход некоторых букв в другие».

Чистый источник, этимон Новой парадигмы, никогда не подвергается сомнению: он является абсолютным, самодостаточным началом. Если название «Галилея» (в Палестине) объясняется названием «Галиция» (на Украине), то в этом последнем вычленяется элемент «Гал-», который не нуждается в обосновании: это абсолютное начало, находящееся у истока истинного, т. е. прозрачного означющего, которое больше не заслоняет вещи, означющего стертая, исчезнувшего, или, точнее, такого знакомого, что его больше не замечают. Означаемое неизвестного означющего — это невидимое

означающее родного языка, то, что принимается за саму означаемую вещь. На запрет Боппа внимания не обращают: *Есть только тайна корней, или, иными словами, причина, по которой такой-то изначальный замысел маркирован таким-то звуком, а не другим, от проникновения в которую мы воздерживаемся* [Bopp 1833; пер. на франц.: 1866: 1; цит. по: Augoux 1996: 44].

В этом нескончаемом вихре толкований *всё является знаком*: реальность исчезла за ее изображением. Поиск скрытого означающего настолько фанатичен, что означающее больше не важно, оно становится прозрачным. Означающее становится своим собственным означаемым, целью в себе, конечной целью поиска идентичности, зияющей пустотой, в которую упирается поиск этого знака без содержания, знака с одной стороны, лентой Мёбиуса, которая вьется сама по себе перед силуэтом испуганного наблюдателя знаков. Мысль больше не властна над этими формами, которые без конца отсылают к другим формам. Из этой совокупности бредовых толкований можно извлечь крайнее наслаждение звуком, игрой слов, но великий парадокс заключается в том, что именно *в одержимости ремотивацией означающего проявляется наиболее ярко его автономность*.

Создается впечатление, что оценка авторов колеблется на оси серьезности / насмешки: Задорнов — инженер, ставший юмористом, Чудинов — доктор физики, Фоменко — академик-математик; возможно ли, что они не знают, что делают? Не является ли это делом Сокала^[9] по-русски, которое в результате было запутано самими играющими?

При чтении подобных безумных текстов невозможно отделаться от упорного и настойчивого подозрения, что это насмешка, огромная, гигантская насмешка, невероятный розыгрыш. Эта насмешка не может привести к истине, скорее она вызовет предчувствие размытости границ между вымученным и опустошительным каламбуром *Канар Аншене* (*Canard Enchaîné* — французская газета политической сатиры, широко использующая прием каламбура) или Сан-Антонио и таинственной двусмысленностью аббата Буде, непроницаемой серьезностью Адольфа Пикте, страданием Малларме и безумием Ж.-П. Бриссе.

Дьявольская автономность означающего — не она ли делает из нас человеческие существа, оставленные один на один с тайной нашего существования, сколь символического, столь же и телесного? Перерезать пуповину нашего родного языка — не явля-

ется ли это первым шагом на пути к независимости и ответственности?

ЛИТЕРАТУРА

1. Азов А. Арии, Славяне, Русь. — М.: Полиграфиздат, 2007.
2. *Википедия* : электр. энцикл. URL: <http://ru.wikipedia.org/>.
3. Всемирная история. — М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. Т. 3.
4. *Губерначук С.* Як гул столить, як шум віків — рідна мова. — Київ: Blic inform, 2002.
5. *Дешериев Ю.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских народов. — Грозный, 1963.
6. *Карцевский С. О.* Язык, война и революция. — Берлин, 1923. // Из лингвистического наследия. [Переизд.]. — М.: Языки русской культуры, 2000. С. 215—267.
7. *Клубков П. А.* Формирование петербургской традиции лингвистической русистики (XVIII — начало XIX в.). — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011.
8. *Марр Н. Я.* Избр. тр. — Л.: ГАИМК, 1936. Т. 2: Основные вопросы языкознания.
9. *Марр Н. Я.* Чуваши — яфетиды на Волге. — Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1926.
10. *Никольский В. К., Яковлев Н. Ф.* Основные положения материалистского учения Н. Я. Марра о языке // Вопросы философии. 1949. № 1. С. 265—285.
11. *Носовский Г. В., Фоменко А. Т.* Империя. — М.: Факториал, 1996.
12. *Носовский Г. В., Фоменко А. Т.* Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима. — М.: Деловой Экспресс, 2001.
13. *Носовский Г. В., Фоменко А. Т.* Русь и Рим. Правильно ли мы понимаем историю. — М.: АСТ, 1999.
14. *Різниченко О.* Спадщина тисячоліть. — Одесса, 2001.
15. *Саткавичюс Э.* Галльские языки. — Kaunas: R. Belovo leidykla, 1999.
16. *Серно П.* Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920—30-е годы. — М.: Языки славянской культуры, 2001.
17. *Тимазин Д.* Прочти тайну языка [10]. — М.: Белые альвы, 2008.
18. *Тредьяковский В. К.* Соч. : в 3 т. — СПб., 1849.
19. *Удалова С.* Предисловие // Тимазин Д. Прочти тайну языка. — М.: Белые альвы, 2008. С. 4.
20. *Ужахов З.* Альпийский лабиринт древних языков Европы: от Албании до Альбиона. — М.: URSS, 2008.
21. *Чудинов В. А.* Канун научной революции в области историографии. 2007. URL: <http://chudinov.ru/kanun-nauchnoy-revoljutsii-v-oblasti-istoriografii/>.
22. *Шилов Ю.* Праславянская Аппата. — Киев: Аппата, 2003.
23. *Angenot M.* Les idéologies du ressentiment. — Montréal: XYZ, 1996.

24. *Applegate C.* A Nation of Provincials: the German Idea of Heimat. — Berkeley : Univ. of California Pr., 1990.

25. *Aref M.* Albanie (Histoire et langue), ou l'incroyable odyssee d'un peuple préhellénique. — P. : Mnemosyne, 2003.

26. *Aref M.* Grèce, ou la solution d'une énigme. — P. : Mnemosyne, 2004.

27. *Aref M.*, s. d. URL: <http://www.passion-histoire.net/n/www/viewtopic.php?f=81&t=11328>.

28. *Auroux S.* La philosophie du langage. — P. : PUF, 1996.

29. *Babeş M.* Renaşterea Daciei? = Возрождение даков // *Observator Cultural*. 2001, n° août. URL: http://www.observatorcultural.ro/Renasterea-Daciei*articleID_9072-articles_details.html.

30. *Bopp F.* Vergleichende grammatik des sanskrit, zend, griechischen, lateinischen, lithauischen, gothischen und deutschen. — Berlin, 1833. Фр. пер.: Bréal M. Grammaire comparée des langues indo-européennes. — P., 1866.

31. *Briquet D.* Préface // à Aref. 2003.

32. *Brisset J.-P.* La grande nouvelle. — P. : Chamuel, 1900.

33. *Childe G.* The Aryans: A Study of Indo-European Origins. — L. : Keagan Paul, 1926.

34. *Densuşianu N.* Dacia preistorica = Первобытная Дакия. — Bucureşti, 1913.

35. *Eco U.* La recherche de la langue parfaite dans la culture européenne. — P. : Seuil, 1994.

36. *Fischer S.* A propos de vieilles lunes // *Le Genre humain*. 1996. № 27 : L'ancien et le nouveau. P. 99—106.

37. *Genette G.* Mimologiques. Voyage en Cratylic. — P. : Seuil, 1976.

38. *Ismael T.* Introductory Foreword // in Šavli et al. 1996. P. XI—XII.

39. *Kossinna G.* Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungsarchäologie. — Würzburg : Kabitzzsch, 1911.

40. *Leibniz G. W.* Nouveaux Essais sur l'entendement humain. — P. : Flammarion, 1990.

41. *Moret S.* L'eurasisme comme idéologie du ressentiment // *Contributions suisses au XIVe congrès mondial des slavistes à Ohrid, septembre 2008* / P. Sériot (éd.). — Bern : Peter Lang. P. 177—196.

42. *Pierssens M.* La tour de babil, Paris : Minuit, 1976.

43. *Poliakov L.* Rêves d'origine et folie des grandeurs // *Les langues mégalomanes, Le Genre Humain*. 1990. № 21. P. 9—23.

44. *Šavli J., Bor M., Tomažič I.* Veneti. First Builders of European Community. Tracing the History and Language of Early Ancestors of Slovenes. — Wien : Editiones Veneti ; Boswell (British Coélumbia, Canada) : A. Škerbine, 1996.

45. *Tomažič I.* Foreword // in Šavli et al. 1996. P. XIV—XVI.

46. *Wolff L.* Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. — Stanford, California : Standford Univ. Pr., 1994.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Ресентимэнт (фр. *ressentiment* 'злопамятность, озлобление') — философский термин, означающий чувство враждебности к тому, что субъект считает причиной своих неудач («врагу»), бессильную зависть. Чувство слабости или неполноценности, а также зависти по отношению к «врагу» приводит к формированию системы ценностей, которая отрицает систему ценностей «врага». Субъект создает образ «врага», чтобы избавиться от чувства вины за собственные неудачи. Ресентимэнт является более сложным понятием, чем «зависть» или «неприязнь». Феномен ресентимэнта заключается в сублимации чувства неполноценности в особую систему морали. Согласно «Словарю иностранных слов», ресентимэнт также означает «тягостное сознание тщетности попыток повысить свой статус в жизни или в обществе» (Словарь иностранных слов / Н. Г. Комлев. 2006. Цит. по: [Википедия]).

[2]. «Новая парадигма» — выражение, возникшее в различных странах Центральной и Восточной Европы, а также в кругу уралистов в Финляндии и среди таких эпиграфистов в России, как В. Чудинов. В этой статье я буду использовать это выражение для обозначения совокупности трудов, предлагающих любой радикальный пересмотр идей, повсеместно принятых в диахронической лингвистике. Эта внезапно появившаяся совокупность трудов, на первый взгляд, состоит из разрозненных произведений. Они написаны людьми, либо не знакомыми с сочинениями друг друга, либо, по меньшей мере, не ссылающимися друг на друга. Однако эта совокупность трудов представляется мне удивительно однородной, настолько однородной, что я считаю возможным изучение ее как единого целого и выявление явно выраженных общих черт. Далее я буду называть «инновационистами» всех исследователей, ученых и псевдоученых, которые заявляют о своей принадлежности к Новой парадигме.

[3]. Интерпретация истории в стиле «здесь спал Джордж-Вашингтон» (англ.). Одна из наиболее популярных шуток в США. Основана на том, что слишком многие провинциальные городки в целях привлечения туристов охотно продемонстрируют ту самую кровать, на которой якобы спал Дж. Вашингтон. Эта шутка легла в основу комедии «Здесь спал Джордж Вашингтон» (1942), сюжет которой строится на том, что Билл и Конни Фуллер — супружеская пара из Нью-Йорка — покупают полуразрушенную ферму только потому, что там якобы «спал Джордж Вашингтон». (*прим. перев.*)

[4]. Для чешского писателя Милана Кундеры Россия находится не в Восточной Европе, а в Западной Азии. Система координат приобретает аффективную и символическую нагрузку, значительно более сильную, чем при позитивистском видении географии.

[5]. Леон Поляков говорит по этому поводу о «мегаломании» [Poliakov 1990: 14]. Я думаю, что лучше подходят понятия комплекса неполноценности и компенсаторного бреда.

[6]. Эта странная датировка происходит из «Новой хронологии» Носовского и Фоменко (1996),

которые сокращают историческое время на период около тысячелетия. Размеры статьи не позволяют развить тему измышлений русского математика, выступившего историком.

[7]. «Все идеи, которые можно выразить одним и тем же звуком или последовательностью схожих звуков, имеют одно и то же происхождение и связаны между собой определенным, более или менее очевидным соотношением вещей, существующих всегда, или существовавших ранее, постоянно или случайно» [Brisset 1900].

[8]. «*Los von Rom!*» («Порвем с Римом!») — лозунг движения *фолькиши* (*Völkisch*).

[9]. «Дело Сокала», известное в России как «мистификация Сокала», — шутка, разыгранная специалистом по математической физике Аланом Сокалом, профессором физики из Нью-Йоркского университета, в конце 1994 г. написавшего сатирическую статью под названием «Преступая границы: к вопросу о трансформативной герменевтике квантовой гравитации». В своей статье Сокал, обсуждая некоторые из текущих проблем математики и фи-

зики, переносит, в абсолютно ироничном ключе, их следствия в сферу культуры, философии и политики в расчете привлечь внимание модных академических комментаторов, подвергающих сомнению притязания науки на объективность. Статья представляла собой искусно написанную пародию на современные философские междисциплинарные исследования и была лишена какого-либо физического смысла. Сокал послал статью в журнал «Social Text», который опубликовал ее в специальном выпуске, посвященном научным войнам. Мистификация была раскрыта самим Сокалом в статье в майском номере другого журнала, «Lingua Franca», в которой он объяснил, что его статья в «Social Text» была «обильно приправлена полной чепухой» и, по его мнению, была опубликована только потому, что хорошо выглядела и льстила «идеологическим предубеждениям» редакторов [по статье из Википедии].

[10]. Название этого труда основано на игре слов — каламбуре: *прочти* означает ‘читай!’, а *чти* — ‘уважай!’. Смысл *уважение* скрыт в слове, означающем *чтение*.

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'27
ББК Ш102

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

М. Б. Ворошилова
Екатеринбург, Россия

M. B. Voroshilova
Ekaterinburg, Russia

КРИЗИС — КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО ТЕКУЩЕГО ПЕРИОДА: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

CRISIS — KEY WORD OF THE PRESENT PERIOD: HISTORY OF RESEARCH

Аннотация. Рецензия на монографию Л. Цоневой «Думата криза в медийния дискурс (българско-руски паралели) [Велко Търново: Ивис, 2012]. Книга болгарской исследовательницы вписывается в ряд работ, рассматривающих лингвистические аспекты упоминания мирового кризиса в массмедийном и политическом дискурсе.

Abstract. This is a review of a monograph by L. Tsoneva «Words of Crisis in Mass Media Discourse» (Bulgarian-Russian parallels) [Велко Търново: Ивис, 2012]. The book by Bulgarian scientist belongs to a group of works devoted to different linguistic aspects of representation of world crisis in mass media political discourse.

Ключевые слова: ключевое слово текущего момента; метафорическое моделирование; языковая игра; лексическая сочетаемость; текстогенность.

Key words: key word of the present moment; metaphorical modeling; word game; lexical combinability; textogenicity.

Сведения об авторе: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

About the author: Voroshilova Maria Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 285.
e-mail: shinkari@mail.ru.

Осенью 2008 г. к нам «пришел» экономический кризис: мы наконец-то признали его существование, и он мгновенно стал объектом всеобщего внимания, в том числе ученых-лингвистов. В журнале «Политическая лингвистика» за два последующих года была опубликована целая серия статей, посвященных кризису и его освещению в современных медийных текстах.

В 2009 г. в журнале «Политическая лингвистика» выходит первая статья, посвященная данной проблематике: исследование Татьяны Викторовны Шмелевой «Кризис как ключевое слово текущего момента» [Шмелева 2009: 63—67]. Вот что она пишет: «Сегодня среди ключевых слов текущего момента — *кризис*, это, думается, ни у кого не вызовет сомнений. Рассмотрение его в этом отношении важно не только в плане изучения политического лексикона, интересно увидеть, как работают выявленные признаки ключевых слов в современных условиях» [Шмелева 2009: 63]. В ходе наблюдения над текстами прессы и интернет-ресурсов автор выявляет специфику проявления существительного *кризис* в медийных текстах, отмечая активизацию лексических и грамматических параметров, в том числе метафорики, деривации.

Именно эта статья заложила фундамент и определила основные векторы изучения кризиса и слова, его обозначающего.

Следующая статья, написанная Ириной Венадьевной Башковой, «Существительное *кризис* в российских СМИ XXI века», опубликованная в том же номере журнала [Башкова 2009: 68—71], представляет результаты анализа особенностей употребления существительного *кризис* в русском языке XXI в.

Опираясь на данные Национального корпуса русского языка, автор анализирует частотность употребления этого существительного в XX—XXI вв., отмечая, что пик «популярности» приходится именно на первое десятилетие XXI в., что уже было отмечено в ранее описанных материалах: именно в это время, по мнению Т. М. Шмелевой, «слово *кризис* обнаруживает взрывообразную частотность» [Шмелева 2009: 64].

Далее в своей работе И. В. Башкова, основываясь на конструктивном и семантическом подходах, предлагает словарь семантико-синтаксической сочетаемости существительного *кризис*, что позволяет ей прояснить, что представляет собой кризис и какие сферы жизни он затрагивает.

Автор отмечает: «...слово *кризис* является своеобразным „индикатором“, репрезен-

Работа выполнена в рамках РГНФ (грант 11-04-00327а — Политическая коммуникация: общие закономерности и национальная специфика).

© Ворошилова М. Б., 2012

тирующим в языке изменение мира и изменение отношения человека к миру»; «Кризис связан практически со всеми сферами жизни человеческого общества, а также с личной жизнью человека» [Башкова 2009: 69]. Однако в настоящее время в центре внимания ученых и журналистов, конечно, находится именно экономический кризис.

Составленный исследователем словарь сочетаемости показывает также, «что при любом употреблении кризис оценивается с точки зрения человека. Только те события и ситуации, в которых заинтересован человек, могут быть определены как кризис, где нет человека или его интересов, там нет и кризиса. Даже природные кризисы наступают тогда, когда это угрожает человеку» [Башкова 2009: 70]. Данное замечание важно для позднейшего анализа результатов метафорического моделирования кризиса и выявления его национальной специфики.

Не менее важным кажется нам замечание И. В. Башковой, о том, что «в XXI веке изменилось отношение к кризису, что проявилось, в частности, в модели *управлять кризисом*, где *кризис* представлен в роли объекта воздействия, обладающего более низким социальным статусом, чем человек».

Итак, проведенный автором анализ свидетельствует о том, «что рост степени „кризисности“ сознания в XXI веке проявился, во-первых, в увеличении частотности слова *кризис*, во-вторых, в расширении возможностей его лексико-семантической сочетаемости, а следовательно, и сфер его функционирования, в-третьих, в освоении данным существительным новых моделей управления, в-четвертых, в появлении у существительного *кризис* словообразовательного гнезда. В то же время отношение к кризисам, в особенности к экономическим, стало более спокойным, поскольку к кризисам привыкли и даже научились ими управлять» [Башкова 2009: 70].

Считаем необходимым отметить, что оба автора единодушно отмечают расширение метафорического употребления слова, а также значительный рост количества метафорических способов представления соответствующего явления. Именно проблема метафорического моделирования кризиса в современных СМИ станет самой популярной темой научных работ, опубликованных в журнале «Политическая лингвистика» в последние годы, что обусловлено как актуальностью самой проблематики, так и научными интересами авторов данного издания.

Так, например, анализируя метафорическое представление кризиса в медийных текстах, Т. М. Шмелева описывает кризис

как действующее лицо, причем довольно агрессивное. Помимо антропоморфной, исследователь также отмечает частотность пространственной и предметной метафорической модели.

В 3 номере журнала «Политическая лингвистика» за 2011 г. была опубликована статья Л. М. Салатовой «Отражение образов кризиса российскими СМИ» [Салатова 2011: 162—166]. Автором были выявлены три доминантные сферы-источники метафорической экспансии для сферы-донора «Экономический кризис» в российском медиадискурсе: «Человеческий организм» (42,8 %), «Война» (28,6 %), «Болезнь» (28,6 %) [Салатова 2011: 163].

Уже в следующем номере журнала выходит статья Т. Н. Герасиной и А. М. Погорелко «Метафорическая модель экономического кризиса как продукт национальной культуры», выполненная в русле сопоставительных исследований [Герасина, Погорелко 2011: 183—188].

Авторы анализируют культуроспецифичные ассоциации, получившие отражение в значениях русских и английских метафор экономического кризиса, а в результате выстраивают иерархию метафорических образов кризиса на основе частотности их употребления в политико-экономическом дискурсе, что позволяет сравнить приоритетные модели с точки зрения их соответствия определенным культурным особенностям русского и американского общественного сознания.

Итак, исследователи выделяют также три доминантные метафорические модели: метафору стихии, биологическую и пространственную модели. В русском и американском дискурсе они реализуются по-разному, что особенно ярко демонстрирует модель КРИЗИС — СТИХИЯ: «Представление кризиса как стихийного явления в русской выборке заняло первое место по частотности употребления соответствующих метафор, причем с заметным отрывом от биологической и пространственной моделей (36 против 25 и 24 % соответственно). Английские примеры этой группы оказались лишь на третьем месте при частотности, в четыре раза уступающей их русским аналогам. Уподобление кризиса стихийному явлению в российском политическом дискурсе не просто преобладает количественно, но и реализуется с привлечением большего арсенала образных средств по сравнению с дискурсом англо-американским» [Герасина, Погорелко 2011: 5].

Интересно отметить, что, во-первых, эти результаты не совпадают с полученными ранее Л. М. Салатовой, а во-вторых, проти-

воречат замечаниям Т. М. Шмелевой, которая в 2009 г. писала: «...с этим кризисом не связаны катастрофические метафоры: *пропасть, бездна, тупик*, что было характерно для времени самых первых наших кризисов» [Шмелева 2009: 66].

Данные противоречия обусловлены, конечно же, выбором материалом исследования. Если первые две статьи анализировали СМИ и интернет-ресурсы, выражающие скорее некое общее представление, то Т. Н. Герасина и А. М. Погорелко в качестве материала для анализа выбрали выступления официальных лиц: наиболее близких к вопросам выработки стратегии понимания кризиса президентов России и США, членов правительства и президентской администрации, видных политиков и финансовых экспертов, — мнение которых подкреплено авторитетом изданий, являющихся фактически проводниками государственной идеологии, таких, как «Российская газета» и «New York Times». [Герасина, Погорелко 2011: 186].

Бесспорно, на результаты повлияли и хронологические рамки исследований, ведь работа Т. М. Шмелевой была выполнена в разгар экономического кризиса и отражала оценку событий «здесь и сейчас», в то время как две последующие представляли уже взгляд назад, оценку произошедшего, результат осмысления кризиса и, что особенно важно, его последствий.

В русле политической метафорологии была выполнена и наша работа, опубликованная в первом номере «Политической лингвистики» за 2010 г., «Кризис сквозь смех» [Ворошилова 2010: 89-93]. В рамках данной статьи мы представили результаты исследования метафорического образа мирового кризиса в современной русской политической карикатуре, выбор которой был обусловлен тем, что именно в ситуации современного мирового кризиса в политическом дискурсе особое значение приобретает неформальная коммуникация, а одним из самых эффективных орудий становится политическая карикатура, которая позволяет открыто и довольно точно выразить общественное, часто критическое мнение.

Полученные нами результаты также отличались от описанных выше. В ходе исследования мы определили, что «метафорический образ мирового кризиса в современной русской политической карикатуре основан на трех ключевых метафорических моделях: „кризис — это падение“ (в том числе катастрофа), „кризис — это качели“, „кризис — тяжелая болезнь, смерть“. В качестве определяющих семантических компонентов образа кризиса можно отметить следующие: неста-

бильность, неизбежность и трагичность последствий» [Ворошилова 2010а: 93].

Необходимо отметить и еще одно направление исследований данной проблематики, относящееся к когнитивной лингвистике, при котором рассматривается современный экономический кризис в зеркале прецедентности. Именно так называлась статья Н. В. Немировой, опубликованная во втором номере журнала за 2010 г. Прецедентные феномены рассмотрены ученым «как репрезентанты компонентов политического сценария „современный экономический кризис“, для которого характерны три модели формирования контекста: мифологизация, демифологизация, антимифологизация» [Немирова 2010: 138].

Прецедентным феноменам в неформальной политической коммуникации были посвящены и две статьи автора настоящего исследования из цикла работ, посвященных изучению современной русской карикатуры о мировом кризисе.

В третьем номере «Политической лингвистики» за 2010 г. мы представили результаты анализа функционирования прецедентного имени в современной политической карикатуре о мировом кризисе [См.: Ворошилова 2010б]. В центре внимания оказались как вербальные («лицо» узнается либо по имени, либо по некой «личной» фразе), так и визуальные прецедентные имена, для представления которых в карикатуре чаще используются средства коллажа или шаржа.

В ходе комплексного исследования мы отметили, что целостный образ можно воссоздать только при анализе соотношения вербального и визуального уровней, их корреляции, даже если отсылка к имени представлена только на одном из уровней. В анализируемых текстах политической карикатуры были выявлены два ведущих типа корреляции: оппозитивная корреляция, нацеленная на создание комического эффекта как ядра карикатуры, и интерпретативная, при которой между содержанием вербального и невербального компонентов связь устанавливается не прямо, а на ассоциативной основе [Подр. см.: Ворошилова 2010б]. Как дополнительный, но не менее частный и значимый, был охарактеризован поддерживающий тип корреляции, при котором один компонент выступает в роли некой подсказки: адресат должен владеть необходимыми фоновыми знаниями для целостного «прочтения» текста карикатуры.

Также мы отметили, что в политической карикатуре спецификой реализации прецедентного имени является его метафорическая основа: автор в рамках единого визу-

ального образа должен представить как реальное политическое лицо, так и оценку его деятельности, и главным инструментом в данном случае становится именно концептуальная метафора, нередко основанная на том или ином прецедентном феномене.

В следующей нашей статье, «У разбитого корыта» [Ворошилова 2011], опираясь на классификацию прецедентных феноменов российской политической карикатуры о мировом кризисе по сферам-источникам, мы провели комплексный анализ культурного прецедентного текста.

Т. М. Шмелева в своей статье писала: «...слово кризис стало восприниматься на фоне не свойственных ему прецедентных текстов.: Это стоит расценивать как глубокое освоение понятия *кризис* в материи русской культуры и его словесное воплощение» [Шмелева 2009: 65].

Логическим продолжением и попыткой объяснить выявленные нами противоречия стала работа преподавателя кафедры русистики филологического факультета Велико-Тырновского университета св. Кирилла и Мефодия Лиляны Цонева «Думата криза в медийния дискурс» [Цонева 2012]. Рецензируемая монография посвящена особенностям формирования массмедийного образа слова *криза* в болгарском языке и слова *кризис* в русском языке.

В первой главе Л. Цонева анализирует отражение мирового экономического кризиса в болгарских и русских печатных средствах массовой информации.

Детальное исследование огромного корпуса текстов (29 болгарских и российских изданий), формирующих нарратив кризиса, позволило автору показать важнейшие особенности массмедийного отражения данного явления. Выделенные ученым этапы развития кризиса, а главное, описание эволюции отношения к нему журналистов и изменения государственной позиции стали фундаментом для дальнейшего исследования и дали ключ к объяснению выявленных нами противоречий. Полученные результаты имеют особое значение не только для осмысления кризиса, но и в целом для оценки политической ситуации.

Во второй главе представлен тщательный и точный анализ языковых характеристик слова *кризис*, в основу которого положена методика описания ключевого слова текущего момента, определенная Т. М. Шмелевой.

В центре внимания ученого оказались три основных аспекта: лексический, грамматический и текстовый. На лексическом уровне Л. Цонева анализирует сочетаемость слова *кризис*, а также его метафорические

репрезентации. На грамматическом описан деривационный потенциал слова *кризис*, отмечена активизация образования окказиональных слов как формы языковой игры. На текстовом автор, вслед за Т. М. Шмелевой, рассматривает как важную черту ключевых слов текстогенность, понимаемую как способность генерировать тексты разных жанров, прежде всего юмористических. Особое место в анализируемой работе отводится анекдоту как «единственному продуктивному жанру современного фольклора».

Бесспорным преимуществом работы является существенный теоретический блок, позволяющий увидеть не только сам ход исследования, но и понять его теоретическую подоплеку.

Представленная работа позволяет не только пролить свет на особенности восприятия и репрезентации мирового кризиса, но и оценить национальную специфику, увидеть развитие политической ситуации и степень ее влияния на общественное сознание. Важно, что представленная работа может стать основой для будущих сопоставительных исследований ключевых слов текущего момента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкова И. В. Существительное *кризис* в российских СМИ XXI века // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 68—71.
2. Ворошилова М. Б. Кризис сквозь смех: метафорический образ мирового кризиса в русской политической карикатуре // Политическая лингвистика. 2010а. № 1 (31). С. 90—94.
3. Ворошилова М. Б. «Алексей Леонидович! Нащупали дно?»: прецедентное имя в политической карикатуре о мировом кризисе // Политическая лингвистика. 2010б. № 3 (33). С. 61—63.
4. Ворошилова М. Б. У разбитого корыта: культурный прецедентный текст в политической карикатуре о мировом кризисе // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 126—129.
5. Герасина Т. Н., Погорелко А. М. Метафорическая модель экономического кризиса как продукт национальной культуры // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 183—188.
6. Немирова Н. В. Современный экономический кризис в зеркале прецедентности: мифы и реальность // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32). С. 132—138.
7. Салатова Л. М. Отражение образов кризиса российскими СМИ // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 162—166.
8. Цонева Л. Думата криза в медийния дискурс (българско-руски паралели) : моногр. — Велико Тырново : ИВИС, 2012. — 215 с.
9. Шмелева Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 63—67.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Рукописи принимаются на русском, английском, немецком, французском, испанском языках, по согласованию с редакцией возможно представление рукописей и на иных языках. Статьи публикуются на русском языке. Перевод осуществляется сотрудниками журнала за счет средств редакции.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы.

Дискуссии. Раздел предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

1. Теория политической лингвистики. Этот раздел предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Политическая коммуникация. Включает статьи, посвященные институциональной и личной политической коммуникации. Политическая коммуникация понимается широко, т. е. и как коммуникация, в которых политики выступают как адресанты или адресаты, и как коммуникация, связанная с политическими проблемами в рамках политического медийного, научного или иного дискурса.

3. Язык – общество – политика – культура. В этом разделе представлены статьи, в которых исследуются проблемы взаимодействия языка, общества, культуры и политики, в том числе имеющие важное социальное значение вопросы медиалингвистики и рекламной коммуникации. Подобные исследования, разумеется, связаны с социальной жизнью и политической культурой общества, но уже не настолько непосредственно, как публикации, включенные в предыдущий раздел.

4. Классика политической лингвистики. В данном разделе представлены исследования, созданные на предшествующих этапах развития политической лингвистики и сохраняющие свою научную значимость в современных условиях.

5. Хроника. Рецензии. Письма в редакцию.

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам. Ежегодно мы ждем от потенциальных авторов статьи объемом от 6 до 30 страниц (двенадцатый кегль, до 40 строк на странице) до 1 февраля, 1 мая, 1 сентября и 1 декабря. Единственное ограничение — статьи должны полностью соответствовать проблематике сборника. Наиболее интересные статьи печатаются вне очереди.

Все статьи, представленные в журнал, направляются на рецензирование. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента. В случае отрицательного решения автору направляется копия рецензии.

Мы не платим гонораров. С аспирантов плата за подготовку статьи к публикации и тиражирование сборника не взимается.

С 2012 г. все присылаемые материалы проверяются в системе «Антиплагиат». В случае заимствования чужих идей без указания источника цитирования в соответствии с принятыми в научном сообществе нормами статьи возвращаются авторам.

Журнал выходит ежеквартально. Срок выпуска каждого номера — не более двух месяцев. Наш журнал своевременно рассылается всем отечественным и зарубежным авторам.

Статьи печатаются именно в том варианте, в каком они присланы автором, который несет полную ответственность за содержание статьи и ее оформление. Редакция не считает нужным оплачивать работу литературного редактора и корректора.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343) 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности А. П. Чудинов). Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ar_chudinov@mail.ru.

Наш журнал включен в Каталог Роспечати, и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, т. е. помимо основного текста содержать следующие сведения, представленные на РУССКОМ и АНГЛИЙСКОМ языках.

1. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

- фамилия, имя, отчество автора полностью (если авторов больше чем один, указываются все авторы);
- должность, звание, ученая степень;
- полное и точное место работы каждого автора в именительном падеже. Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы каждого автора. (Если все авторы статьи работают или учатся в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно);
- подразделение организации;
- контактная информация (e-mail, город, корреспондентская контактная информация) для каждого автора.

2. НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

3. АННОТАЦИЯ

4. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

5. НАЛИЧИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКИ (КОД)

- УДК и/или ГРНТИ, код ВАК по разделам номенклатуры научных специальностей;
- либо другие библиотечно-библиографические классификационные и предметные индексы.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // *Вопр. философии*. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // *Ref. Libr.* 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // *Теплофизика и аэромеханика*. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // *Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке*. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

МОНОГРАФИИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).